

Михаил Трофименков

Убийственный Париж

Автор благодарит:

Марину Кронидову,

первого читателя

и «внутреннего редактора» книги, —

за ее безупречную интуицию, вкус и логику;

Наталию Бродскую —

за титаническую помощь в поисках материалов;

Валерия Кислова — за разгадку филологических ребусов;

Розлин Гране, Патрика Грина и **Филу** —

за рассказы о былом;

а также **Вильяма Бруа и инспектора,**

допрашивавшего автора на набережной Ювелиров, 36,

в сентябре 1990 года, —

за погружение во вселенную комиссара Мегрэ.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бульвар Преступлений

I

Эта книга не притворяется путеводителем по Парижу. Это действительно путеводитель, верный законам жанра: читателей ждет прогулка с остановками по всем двадцати округам французской столицы. Только взгляд на Париж здесь специфический: такого издания нет, насколько я знаю, и в самой Франции. В этом путеводителе Елисейский дворец славен не великими решениями, принятыми в его стенах, а тем, что президент Фор погиб здесь в объятиях великосветской шлюхи, а лучший друг Миттерана престранно образом вышиб себе мозги из револьвера «магнум». Ресторан «Липп» вспоминается не в связи с именами его великих завсегдатаев из мира культуры, а с именем политика, не успевшего переступить порог этого заведения, поскольку прямо на пороге он был похищен и с тех пор никто его не видел. Аллеи Булонского леса не были бы упомянуты, если бы не смерть финансиста, заколотого странным клинком, когда он выгуливал там собак.

Это — другой Париж.

Скажем так: Париж преступлений.

Париж, поставленный то ли с ног на голову, то ли с головы на ноги.

Зыбкий Париж, населенный призраками душегубов, их жертв, их преследователей, их трубадуров.

Париж, который и не Париж вовсе, а Панама, как называют его на воровском аргю.

Париж, в котором под подозрение попадают все, и никто не имеет права на презумпцию невиновности в силу своих несомненных заслуг. Великий в будущем президент позорится, инсценируя покушение на самого себя. Великий автор детективов оказывается другом трех убийц и терпит постыдное фиаско в роли частного детектива. Великий адвокат в свободное время изучает сатанистские практики. Великого философа обвиняют в убийстве друга, не менее великого продюсера.

Евреи служат в гестапо, доктора-филантропы потрошат клиентов, миллионеры готовят революции, актеры прикупают бордели.

Писарро подозревают в терроризме, Модильяни — в убийстве, Аполлинера — в краже «Джоконды».

И в одном хороводе кружатся с ними те, чьи подлинные имена не столь известны, как будоражащие фантазию клички: Золотая Каска, Безумный Пьеро, Мамонт.

Как войти в этот Париж? Да очень просто.

Точно так же, как в Париж банальных путеводителей, открывающихся самой банальной фразой.

Хотя бы такой: «Париж — город бульваров».

II

Париж — город бульваров.

Точнее говоря, ста одиннадцати бульваров, из которых сложен скелет французской столицы. Каждый раз, когда городу становилось тесно в своих стенах, на месте укреплений, возведенных по его периметру, прокладывались бульвары.

После 1670 года — на месте крепостных стен Карла V и Людовика XIII. Это одиннадцать Больших бульваров, дугой охватывающих центр правобережного Парижа: Тампль, Монмартр, Бонн-Нуviel...

После 1786 года — на месте укреплений, известных как «стена сборщиков пошлин». Это еще двадцать один бульвар: Распай, Монпарнас, Клиши, Бельвиль...

После 1920 года — на месте так называемого пояса Тьера, возведенного в середине XIX века и ставшего в 1870 году для осажденного пруссаками города тюремными стенами. Это двадцать два бульвара, названных в честь наполеоновских маршалов.

Укрепления отделяла от жилых кварталов запретная для строительства зона. По мере того как форты и бастионы становились бесполезными, ее застраивали бидонвилями нищие, деклассированные, разбойные люди. Во французском языке «запретная зона» превратилось просто в «Зону»: синоним параллельного мира «зонар» — «людей Зоны», опасных нищобродов.

Вы не поверите, но в Париже есть бульвар Зоны.

Слово «бульвары» неотделимо от имени барона Жоржа Эжена Османа, префекта департамента Сена в 1853–1870 годах, завершившего формирование современной структуры Парижа: безжалостно круша старый город, он не пощадил даже дом, в котором родился. Осман пробивал новые и расширял старые бульвары. Улицы становились широкими, нарядными, безопасными и чистыми, но — и в этом крылся тайный смысл великой перестройки — их было отныне крайне трудно перегородить баррикадами.

Осман стер с лица земли многие улицы и улочки, но не в его власти было уничтожить бульвар, которого нет ни на одном плане Парижа.

Бульвар дю Крим: бульвар Преступлений.

III

Бульваром Преступлений в XIX веке называли — это знают все, кто видел фильм Марселя Карне «Дети райка» (1945), — разделяющий Третий и Одиннадцатый правобережные округа Парижа бульвар Тампль в старом еврейском квартале Марэ. Его имя — в переводе означающее «Храмовый бульвар» — хранит память о тамплиерах, рыцарях-храмовниках, казненных в начале XIV века по обвинению во всех мыслимых и немыслимых преступлениях и мерзостях. Но бульваром Преступлений его прозвали вовсе не поэтому.

И не потому, что 28 июля 1835 года на подоконнике дома номер 50 преждевременно рванула адская машина, сварганенная из десяти ружейных стволов. Заговор с целью убийства короля Луи Филиппа, принимавшего на бульваре смотр республиканской гвардии, замутил

корсиканец Джузеппе Фиески, герой Наполеоновских войн, мошенник, игрок, полицейский провокатор. Король отделался царапиной на лбу, но восемнадцать человек погибли.

И не потому, что в феврале 1857 года Постав Флобер отправлялся из дома номер 42, в котором жил, на заседания суда. Автора «Мадам Бовари», романа, основанного на реальной криминальной коллизии, обвиняли в оскорблении общественной и религиозной морали и добрых нравов.

Нет, бульвар Тампль стал бульваром Преступлений по весьма невинной, даже легкомысленной причине.

В те времена, когда Фиески мастерил свой «многоствольный миномет», восточную сторону бульвара занимали сорок театров, не считая кабаре и кафешантанов. Все они, кроме «Фоли-Мейер», оказавшегося, на свое счастье, на западной стороне и существующего до сих пор, были уничтожены Османом. В полночь 15 июля 1862 года пробил их смертный час, и весь Париж погрузился в траур.

Бульварные, то есть демократические, свободные от догм классицизма, театры играли, естественно, бульварный репертуар, душещипательный и кровавый. В 1823 году театральный альманах иронически подводил итоги творчества бульварных звезд: «Нами был сделан подсчет всех преступлений, происшедших на бульваре Тампль за двадцать лет. И вот результат. Тотен был заколот кинжалом 16 203 раза; Марти вынес 11 000 отравлений с вариантами; Френуа был различными способами умерщвлен 27 000 раз; мадемуазель Адель Дюпен 75 000 раз была невинной жертвой, соблазненной, похищенной и утопленной; добродетель мадемуазель Левек вынесла 6400 тяжелых обвинений; а мадемуазель Оливье, едва начав свою карьеру, уже 16 000 раз испила чашу преступления и мести. Вот, не считая ошибок, 132 902 преступления, разделенные между пятью индивидуумами, которые отличаются великолепным здоровьем и пользуются всеобщим уважением»¹.

Образ самого знаменитого преступника Франции — Робера Макэра, чье имя стало нарицательным, создал великий актер Фредерик-Леметр. В 1823 году ему предстояло играть в пьесе Бенжамена Антье, Сент-Амана и Полианта «Постоялый двор Андре». Можно предположить, что Леметру было нелегко участвовать в очередной раз в кроваво-сентиментальной ерунде на грани самопародии. По сюжету, беглые каторжники Макэр и Бертран убивают хозяина постоялого двора и похищают двенадцать тысяч франков. Подозрения падают на нищенку Мари, оказавшуюся брошенной женой Макэра. Приемный сын хозяина, в свою очередь, оказывается их сыном.

2 июля Леметр, выйдя на сцену, произвел на парижан такое же впечатление, как первые панки на лондонцев 1970-х годов. Зеленый сюртук, дырявый и лоснящийся. Некогда белый, щегольской жилет. Фетровая шляпа и женские туфли на каблуках. Пестрые заплатки. Рваный шарф. Черная нашивка на глазу. Монокль на узловатой веревке. Одна экс-белая экс-перчатка. Сучковатая дубина в руках. По легенде, актер скопировал облик бомжа — клошара, — встреченного им на бульваре.

Леметр принес спектаклю такой триумф, что Морис Алуа и Антье написали специально для него пьесу «Воровской рай» (1833). В раю воров бушевал банкет в честь прибытия Макэра и Бертрана. На занавесе — на фоне ломбарда и биржи — были изображены знаменитые бандиты прошлого и современные мошенники, включая столпов общества: маклеров, адвокатов, дам-благотворительниц, кассира государственного казначейства. Последовали скандал и новый триумф.

В пьесе, названной без затей «Робер Макэр» (1834), Леметр, Антье, Сент-Аман, Оверне и Алуа воскресили Макэра, а Бертрану подарили возможность сбежать на полпути к виселице. Сюжет развивался следующим образом. Остепенившийся бандит создавал в Париже «Общество страхования от воровства» и женился на дочери барона. Но счастье было недолгим: барон оказался жуликом, а «дочь» — его любовницей и вообще потаскухой. Оскорбленные в лучших чувствах, каторжники смылись со сцены на воздушном шаре.

¹ Цит. по: Финкельштейн Е. Фредерик-Леметр. Л.: Искусство, 1968. С. 41.

Они улетели, но обещали вернуться и вернулись.
Незримый бульвар Преступлений поныне пересекает весь Париж.

IV

Я не хочу, чтобы эту книгу сочли «Бандитским Парижем».

«Парижские тайны» — еще куда ни шло. В процессе работы я обзавелся «комплексом Шерлока Холмса». Поскольку многие главы посвящены преступлениям, так и не разгаданным или разгаданным не до конца, искушение предложить свою версию, скажем, поджога студии великого режиссера Мельвиля оказалось сильнее меня.

Эта книга — своеобразный очерк истории республиканской Франции начиная с 1870 года. Символично, что падение императора Наполеона III предвещала непропорционально яростная реакция Парижа на вполне криминальное происшествие: кузен императора сгоряча застрелил юного журналиста Виктора Нуара. Это не случайность, а закономерность. Во Франции смерть президента в объятиях любовницы — повод для попытки военного переворота; разоблачение финансовой аферы погружает Париж, пусть и на одну ночь, в омут гражданской войны; а ради того, чтобы никто, боже упаси, не узнал о существовании внебрачной дочери президента, создается целая спецслужба.

Дело вовсе не в том, что во Франции — как везде, как везде — криминал переплетен с политикой. Да, переплетен, но не так, как везде. Для французов преступление — самое честное зеркало общественного неблагополучия, не извращение, а закономерность культуры. Преступления Ландрю, Синей Бороды XX века, возможны лишь на фоне Первой мировой войны. Немыслимые изуверства «доктора Сатаны» Петио — на фоне нацистской оккупации. Показательно, что во Франции фильмов о преступниках снято больше, чем о гениях культуры: нет фильма об Эмиле Золя (только мини-сериал), зато о налетчике Безумном Пьеро — как минимум четыре. И в отличие от Голливуда (где фильм о Золя сняли еще в 1937 году), преступники во французском кино не дельцы-гангстеры или патологические особи, а символы эпохи.

При всей своей буржуазности, включающей буржуазную размеренность революционных порывов, Франция чтит преступников как стихийных революционеров. Не только тех, кто, как Бонно, грабил банки под черным флагом анархии, или, подобно Месрину, выдавал разбои за городскую герилью. Даже Виолетта Нозьер, бытовая убийца-школьница, отравившая родителей, стала протестной иконой сюрреалистов.

Французы никогда не забывают, что рядом с Орлеанской девой скакал на битву маршал Жиль де Рэ, детоубийца, прототип Синей Бороды. Святость и низость здесь идут рука об руку.

И рука об руку — преступление и искусство. Если судить по количеству громких имен, эту книгу можно перепутать с очерком французской культуры. Французы верят, что гений — преступник не только против окостеневшего **языка** искусства, но и в буквальном смысле слова. Величайший поэт XV века Франсуа Вийон — вор и убийца священника. Бомарше, как все помнят со слов пушкинского Моцарта, «кого-то отравил». О маркизе де Саде и говорить нечего. Великие поэты Верлен и Рембо выясняли отношения при помощи ножа и револьвера. Вор и панельный педераст Жене с легкой руки Сартра прослыл «святым и мучеником».

Отец сюрреализма Андре Бретон полагал, что простейший сюрреалистический акт — выйти на улицу с револьвером и стрелять в толпу, пока не кончатся патроны.

Хорошо: смертельно раненный Вийоном священник признался, что сам затеял поножовщину: у Жене было трудное детство: Бретон стрелял в толпу только в своих снах. Но Дебюро! Любимец Парижа, великий мим Жан Гаспар Батист Дебюро, сыгранный в «Детях райка» Жаном Луи Барро. На сцене — нежный, ранимый лунатик, незадачливый воздыхатель Пьеро. А в жизни?

Убийца.

Воскресным вечером 18 апреля 1836 года подмастерье Вьелен, подстрекаемый скучающим хозяином, на выходе из театра «Фюнамбюль» осыпал оскорблениями мима, сопровождаемого женой и детьми, намекая на прошлое Марго, — Дебюро познакомился с ней в веселом доме. Оторвавшись от хулигана, Дебюро спокойно гуляли часа два, но, когда дошли до родной улицы Баньоле, дорогу им, как чертик из коробочки, преградил все тот же мерзкий Арлекин. Дебюро проломил ему висок ударом трости и сдался полиции.

Мим провел месяц в тюрьме Сен-Пелажи. На процесс явился «весь Париж». Репортер «Судебного вестника» объяснил ажиотаж просто и невероятно: «Публика знает Пьеро из „Фюнамбюля“, но не знакома с Дебюро. До сих пор она не видела лица своего любимого паяца без пудры и грима, в котором тот обычно появляется на сцене. И никогда не слышала, как он говорит! Публика знает его выразительный, остроумный и шутливый жест, бесконечно переменчивое лицо, но до сих пор не слыхала его голоса. Теперь вы понимаете, откуда этот интерес, это любопытство?»² Актера оправдали.

Бандиты, в свою очередь, считают делом чести оправдать ожидания, возложенные на них культурной традицией, которая утверждает, что «Франция — республика изящной словесности». В заключении или подполье они сочиняют мемуары, детективы, сценарии, обреченные стать бестселлерами среди интеллектуалов. Покровительствует этому писательскому цеху свой «святой». Бандита, бретера и убийцу Пьера Франсуа Ласенера — равноправного с Леметром и Дебюро героя «Детей райка» — обезглавили в 1836 году. В тюрьме он писал романтические стихи, позволившие Бодлеру назвать его «одним из героев современной жизни», впечатлившие Достоевского, включенные Бретоном в легендарную «Антологию черного юмора».

На стезе изящной словесности полицейские не отстают от бандитов. Их «святой патрон» — Эжен Франсуа Видок (1775–1857), бывший каторжник, ставший гением сыска, литератор-мемуарист.

Да что там Видок, если я сам гостил на барже — ржавая руина снаружи, пятизвездочный отель внутри — кокаинового короля «Филу», отсидевшего лет двадцать. Битых три часа он со знанием дела обсуждал с моей женой феномен тургеневских барышень.

Во французских тюрьмах то ли уникальные библиотеки, то ли уникальные сидельцы.

V

Париж стоит не только обедни, но и преступления. Франция относится и к революции, и к преступлению как аперитиву или трапезе. Чревом Парижа называли уничтоженный в 1968 году огромный рынок в квартале Ле-Аль. Преступления питают неистребимое, метафизическое чрево Парижа.

P. S. В 1836 году Леметр вышел на сцену в гриме, недвусмысленно шаржирующем Луи Филиппа: спектакль «Робер Макэр» запретили. Вторую жизнь Макэру подарил великий Оноре Домье. В сюите из ста одного рисунка, опубликованной в журнале «Шаривари» (1836–1838), жулик примерил на себя все уважаемые в обществе профессии, от маклера до врача: любая из них оказывалась золотой жилой. Первый фильм о Робере Макэре — «Робер Макэр и Бертран» (1907) — снял пионер кинематографа Жорж Мельес. В «Приключениях Робера Макэра» (1925) Жана Эпштейна злодея играл Жан Анжело. О нем сняты также телеспектакль Пьера Бюро «Робер Макэр» (1971) с Жаном Маре и два телефильма: в «Робере Макэре» (1976) Роже Каана главную роль сыграл Робер Ирш, а в «Банде Обжоры» (1976) Франсуа Шателя — Франсис Лемер.

Дебюро играли Монти Блю («Любовь Камиллы» Гарри Бомонта, США, 1924), Густав Грюндгенс («Пляска на вулкане» Ханса Штайнхофа, Германия, 1938), Жан Луи Барро («Дети райка»), Саша Гитри («Дебюро» Гитри, 1951), Робер Ирш (телефильм Жана Прата «Дебюро», 1982).

2 Перевод В. Каменской. Цит. по: *Кожик Ф.* Дебюро. Л.: Искусство, 1973. С. 233.

Ласенера в «Детях райка» (1945) играл Морис Эрран, в «Ласенере» (1990) Франсиса Жиро — Даниэль Отей. Видоку повезло больше. Его образ создавало множество актеров: Гарри Бор в фильмах Жерара Буржуа («Молодой Видок, или Как становятся полицейским», 1909; «Видок», 1911), Рене Наварр («Видок» Жана Кемма, 1923), Андре Брюле («Видок» Жака Даруа, 1940), Джордж Сандерс («Скандал в Париже» Дугласа Сирка, США, 1946), Анри Нассье («Кавалер креста смерти» Люсьена Гарнье Реймона, 1947), Бернар Ноэль (телефильм «Видок», 1967), Клод Брассер (телефильм «Новые приключения Видока», 1971–1973), Жерар Депардьё («Видок» Питофа, 2001), Бруно Мадинье (телефильм «Маска и перо», 2010).

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Такие книги, как эта, никто не читает в линейной последовательности. Жанр путеводителя обязывает располагать главы, следуя топографической, а не хронологической логике. Однако, поскольку многие герои мелькают в разных главах, автор счел нужным при беглом упоминании того или иного персонажа или преступления указать в скобках номер главы, содержащей подробную о них информацию. Так что при желании эту книгу можно рассматривать как аналог «Игры в классики» Хулио Кортасара.

Играть так играть. По праву автора, я сам — но лишь однажды — нарушу топографический принцип и не откажу себе в удовольствии начать книгу с истории моего самого любимого чудовища.

С истории доктора Петио.

Глава 38

Улица Лезюера, 21

Освенцим на дому (1944)

Парижская городская легенда гласит, что трехэтажный дом по улице Лезюера, 21 — в спесивом Шестнадцатом округе, сразу за площадью Звезды, — в конце 1940-х годов по кирпичику разобрал его хозяин Морис Петио: то ли истребляя память о старшем брате — докторе Марселе Петио, то ли разыскивая тайник с его несметными сокровищами, которых молва насчитала аж на двести миллионов. Но у больного раком Мориса просто не хватило бы на это времени и сил: он пережил брата всего на несколько месяцев. На самом деле дом, принадлежавший до Петио князю фон Коллоредо-Мансфельду и одно время служивший складом мебели актрисе Сесиль Сорель (17), приобрел комик Бурвиль, но не жил там — да и кто бы смог не то что в нем жить, а переступить его порог по доброй воле. Как бы там ни было, дом снесли. Жаль: другого такого дома не было на всем белом свете.

Экстравагантной перепланировкой руководил в 1941 году сам доктор. Ему требовалась треугольная комната для сеансов электротерапии, необычно толстые стены, обитые кожей для звукоизоляции, пятнадцатисантиметровое отверстие с визиром в стене — наблюдать за процедурами, фальшивая дверь. Вокруг дома возвышалась стена до середины третьего этажа, «чтобы пациенты будущей клиники не смущали соседей, а соседи — пациентов» или «чтобы соседские дети не бросали в сад косточки от персиков». Рабочие, как и половина Парижа, боготворили «народного доктора»: Петио бесплатно лечил обездоленных, спешил к ним в любое время суток, словно никогда не спал, презирал комендантский час, и немецкие патрули не замечали его — насвистывавшего человека в бабочке, крутившего педали велосипеда с большой корзиной на багажнике.

Парижане возили в таких корзинах, что удастся раздобыть на черном рынке. Ну а что возил доктор — об этом лучше не думать.

11 марта 1944 года к дому подъехали два полицейских на велосипедах. Соседи жаловались на тошнотворный запах, уже несколько дней источаемый поднимавшимся из трубы черным дымом. «Флики», как называют полицейских во Франции, не располагая ордером, позвонили доктору, попросившему дождаться его. Но, не выдержав зловония,

взломали окно и зашли в нежилой на вид дом. Дорогие, но сальные и грязные мебель и ковры соседствовали с выпотрошенным диваном и разнокалиберными шаткими стульями. Запах шел из подвала. Спустившись, «флики» увидели в нервном свете фонариков догорающие в печи расчлененные трупы, выкатившийся из нее обугленный череп, разбросанные по полу обрубки, ошметки плоти, яму с негашеной известью, окровавленный топор, подвешенный к потолку мясницкий крюк.

Судебный врач доктор Поль произвел полную инвентаризацию: «Почти целые трупы и фрагменты тел, два фрагментированных скелета, черепа, торсы, три грудные кости, две малые берцовые кости, тела без головы и половых органов. Бедренные кости, большие берцовые кости, ноги и стенки желудка. Кроме того, 15 кг волос, целые скальпы. Топор, заступ, скальпели. А также 15 кг обугленных костей и 11 кг более свежих останков».

Добрый доктор Петтио... Оккупация была дурным сном Парижа, галлюцинацией наяву: властолюбцы получили возможность исполнять самые садистские свои желания. Но даже на фоне эпохи Петтио был кошмаром, снившимся самой, и без того кошмарной, галлюцинации, исчадием туманной ночи.

В доме, а также у родственников и друзей Петтио нашли шестьсот пятьдесят пять кило вещей в семидесяти двух шикарных чемоданах. В зале суда чемоданы, как вещественные доказательства, будут выситесь штабелями до потолка и рухнут с грохотом, чуть не похоронив под собой присяжных.

10 ноября 1944 года на выставку в штабе парижской полиции, что на набережной Ювелиров, тысячи семисот шестидесяти предметов одежды из этих чемоданов выстроилась бесконечная очередь: люди рассчитывали узнать вещи своих пропавших близких. В одном только Париже за годы войны бесследно исчезло около тридцати тысяч человек, их — погибших при бомбежках, угодивших в облаву, ушедших в партизаны, улизнувших за границу — никто не искал. Парижан потрясла пижамка восьмилетнего Рене Кнеллера: друзья знали, что Кнеллеры бежали в нейтральные края, спасенные добрыми людьми от газовых камер.

Но вернемся в день 11 марта... После того, что «флики» увидели в подвале, они были ошеломлены, когда из-за угла вынырнул знакомый силуэт на велосипеде. Еще удивительнее, что они отпустили Петтио на все четыре стороны, буквально парализованные первыми же его словами, доверительными и требовательными: «Вы — французы?» То есть: «Вы — патриоты?» Рейх рушился, движение Сопротивления стало теневой властью, ссориться с ним не стоило. Что говорить об обычных «фликах», если даже с директором тюрьмы Сантэ чуть ли ни ежедневно и практически на равных вели переговоры заключенные руководители Сопротивления (31), а главный финансист французского гестапо (37) Жозеф Жоановичи (42) одновременно финансировал боевую подпольную организацию парижских полицейских?! Так что, когда, помешивая угли, Петтио по секрету сообщил, что его жертвы — гестаповцы и предатели, а сам он — командир Сопротивления, только что освободившийся из лап гестапо, жандармы ретировались.

Комиссар Массю — прототип Мегрэ — заподозрил руку не столько Сопротивления, сколько французского гестапо, расположенного неподалеку от улицы Лезюера. Но немецкие власти категорически приказали: «Арестовать Петтио. Опасный лунатик». Поздно: Петтио исчез. На улице Комартен, где в 1933 году доктор, суливший чудодейственное излечение от всех болезней — от плоскостопия до рака, открыл клинику, «фликов» благодушно встретили его жена Жоржетта и пятнадцатилетний сын: «Марсель, наверное, принимает трудные роды». До освобождения Парижа в августе Петтио скрывался у преданных ему бывших пациентов.

Только 31 октября агенты спецслужбы подкараулили Петтио у станции метро, набросили на голову мешок, затолкали в автомобиль. Было непросто узнать элегантного живчика-брюнета в заросшем бородой «капитане Валери», «герое Сопротивления», «чистильщике», командовавшем расстрелами предателей в казармах Рейи, державшем в нагрудном кармане — в числе пятидесяти припасенных им удостоверений на шесть разных фамилий — членские билеты компартии и общества «Франция — СССР».

Валери — так звали врача, у которого Петю купил кабинет на улице Комартен.

«Капитан Валери» был «отцом солдатам». В сентябре 1944 года двое его подчиненных, убив свидетеля, отобрали двенадцать с половиной миллионов франков у старенького мэра Тессанкура, что недалеко от Парижа. Капитан для виду арестовал их, а потом отпустил, слегка пожурив.

Петю мог бы и дальше безнаказанно играть роль «капитана Валери», стать депутатом или даже министром (о некоторых приближенных президента Миттерана шептались, что их военные послужные списки — чистая беллетристика), но сам все погубил. Возмущенный опубликованной в газете «Резистанс» («Спротивление») статьей под названием «Петю, солдат рейха», где утверждалось, что доктор в немецкой форме охотился на партизан под Авиньоном, он воспользовался священным правом ответа и передал — через великого мэтра Рене Флорио, защищавшего его в 1942 году от обвинений в торговле наркотиками — в редакцию опровержение. Кто-то узнал характерный почерк «Валери»: у врачей почерк вообще своеобразный.

Петю — убийца: это несомненно. Ему инкриминировали двадцать семь убийств, а он настаивал на том, что «ради Франции», по приказу Спротивления — «Убийца? Никогда! Я — исполнитель приговоров» — уничтожил шестьдесят три человека: нацистов, уголовников и их подруг. «Девушек-то за что?» — «А что, черт возьми, мне было с ними делать?» Упорствовал Петю только в одном: все «приговоры» приводились в исполнение в лесу Марли, а трупы на улицу Лезюера подкинули во время его отсидки в гестапо.

Вот только, откуда в его чемоданах взялась детская пижама, объяснить он не мог.

Между тем в Марли действительно были найдены трупы. Двоих опознали как служащих немецкой полиции, павших жертвами при сведении счетов.

* * *

Вопрос, убивал Петю несчастных евреев или гестаповцев, аморален. Кто сказал, что труп нациста пахнет лучше, чем труп еврея? Особенно если вспомнить, **как** он убивал.

«Вы хотите узнать **как** ? Да вы садисты!»

Пользуясь обширными связями, он — под именем доктора Эжена — пустил слух, что может переправлять беглецов из Франции в Аргентину. На приманку клюнули платежеспособные евреи: услуги «Эжена» дорого стоили. Первоначальная такса — двадцать пять тысяч франков — со временем выросла пропорционально риску в четыре раза: с весны 1942 года евреев эшелонами отправляли в лагеря смерти. Но Петю доставались не только наличные: он советовал беглецам брать с собой золото и драгоценности. Первый клиент, сосед-меховщик Иоахим Гущинов, в феврале 1942 года захватил в дорогу бриллиантов на два миллиона. Когда евреи бежали семьями, доктор предлагал гибкий групповой тариф. В качестве бонуса он делал им прививки, требовавшиеся для въезда в Аргентину. Так он убил доктора Бронберже, Кнеллеров, Вольфов, Бахов, Шенкеров, Арнсбергов. Петю на суде утверждал, что некоторые из них, сменив имена, благоденствуют в Латинской Америке, а то, что их не найти, так Америка велика. Других он действительно убил, но это были не настоящие евреи, а внедренные во Францию под видом беженцев из Германии агенты гестапо.

По другой версии, треугольная комната была газовой камерой. Когда клиент приходил к доктору, тот в процессе разговора нажимал потайную кнопку. Раздавался звонок в дверь. Петю просил гостя — «Не дай бог боши, но ничего, я их быстро выставлю» — пройти в потайную комнату. Там люди погибали, вдыхая пары раствора серной кислоты и цианистого калия.

«Освенцим на дому» — звучит эффектно. Сравнение выставленных на опознание вещей из чемоданов Петю с горами обуви или расчесок жертв лагерей смерти тоже эффектно, но поверхностно. Петю — маленький Эйхман, параноик-юдофоб? Почему же он не предложил свои услуги немцам? Да и бежали из Франции не одни евреи. Среди жертв

Петтио опознали двенадцать евреев и пятнадцать французов, включая четырех бандитов и пять проституток. Он убивал шантажистов-наркоманов, которым поставлял героин, женщин, которым делал запрещенные аборт, ставших опасными «загонщиками», подыскивавших ему клиентов. Доктору было все равно, кого жечь.

Бизнесмен смерти? Скорее клептоман смерти, воровавший и жизни, и вещи, но толком не знавший, как ими распорядиться. Сумасшедший ученый — «доктор Мабузе» — Петтио был, безусловно, одержим бредом изобретательства. Или доктор просто любил смерть, упивался тем, что может в равной степени и спасать, и губить?

На судебных фото чисто выбритый Петтио неожиданно и тревожно напоминает то ли Антонена Арто, то ли Андре Мальро. Аскетическое, даже вдохновенное лицо интеллектуала с червоточинкой безумия — такой может слышать голоса, видеть призраков.

Конечно, он безумец, но ведь были нормальные люди, знавшие, что доктор убивает, и относившиеся к этому вполне прагматически. Соседи в начале марта 1944 года заметили: дом номер 21 оживал по ночам, какие-то люди грузили в автомобили — а автомобили были тогда привилегией оккупантов и их пособников — какие-то чемоданы.

Доктора держало на крючке французское гестапо, узнавшее о нем от «загонщицы», румынской еврейки Эриан Кахане, любовницы немецкого офицера. То ли почуяв поживу, то ли собираясь сдать «Эжена» немцам, шеф гестапо Лафон привел к нему трех сбитых английских летчиков, которых его люди нашли и припрятали для подобных провокаций. Вслед за ними в дом на улице Лезюера ворвался напарник Лафона, экс-инспектор Бонни со своими головорезами. Но кошмарить «Эжена» не пришлось, племянник Лафона, сутенер Поль Клавье, узнал довоенного друга, лечившего его и его «цыпочек». Приятели откупорили коньяк. Бонни — вот он, неистребимый инстинкт старой ищейки — обыскал дом. Обнаружилось много интересного: колбы с заспиртованными вагинами, два расчлененных тела. Бонни срочно вызвал Лафона.

Рецидивист Лафон не испытывал к Петтио профессиональной солидарности: беспредельщики лишь мешают жить честным ворами. Но вечной головной болью Лафона были трупы тех, с кем он чего-то не поделил. Куда их девать? Обратишься к немцам — те не поймут. Доктор же так наладил утилизацию трупов, что невольно пожалеешь, что не получил образования. Короче, Лафон приватизировал Петтио. Отныне доктор делился с ним выручкой и избавлял шефа гестапо от головной боли по поводу мешающихся под ногами трупов. Лафон же подгонял ему клиентов: в марте 1943 года Петтио разделался с умыкнувшими чуть ли ни десять миллионов из гестаповского общака Жо «Боксером» Реокре, Адриеном «Баском» Эстебетеги, Жозефом «Марсельцем Зе» Пьерески, Франсуа Альбертини и их спутницами.

Зверюга Реокре признался друзьям, что от первой встречи с «Эженом» у него мурашки по спине побежали. Вторая встреча стала последней.

Существует версия — отдающая, впрочем, какой-то цыганщиной, — связывающая исчезновение сокровищ Петтио именно с французским гестапо. Якобы чемоданы с добычей боевики Лафона вывезли в городок Вильнев, куда Петтио отправился на похороны тетки. В гробу тетино место заняли брильянты Гуцинова и прочих несчастных. Вот только когда после войны один из участников этой экспедиции разрыл могилу, золота и камешков в ней не оказалось. Это можно было бы списать на фантазии уголовного, заработавшего несколько франков на продаже этой байки журналистам, если бы не упомянутая им странная деталь: тела в гробу также не обнаружилось.

* * *

В мае 1943 года в дверь Петтио постучал промышленник Иван Дрейфус, спасенный друзьями за огромную взятку из эшелона, направлявшегося в Освенцим. Богатство позволило ему умереть не в общей черт знает с кем газовой камере, а в персональной. Беда лишь в том, что его история была липой: Дрейфуса подослало настоящее, немецкое гестапо.

Петтио так широко развернул свое предприятие, что о нем прослышали немцы. Им было плевать на то, что исчезают евреи. Другое дело — подпольная группа с окном на испанской границе. На доктора вышел второй агент, и 21 мая его взяли. Он восемь месяцев молчал под пытками в тюрьме Френ, а сокамерникам рассказывал, как пускал под откос эшелоны и жег на аэродромах «мессершмитты». Петтио освободили, ничего не добившись, 8 февраля 1944 года: о доме на улице Лезюера, купленном в сентябре 1941 года за пятьсот тысяч на имя брата Мориса, гестапо не знало.

Нехороший дом тем временем жил своей смертью. Там побывал Морис: трупов не видел, но обнаружил в изобилии немецкую форму, которую сжег, как и список пятидесяти пяти жертв. Дом использовал по прямому назначению Лафон, не сумевший выручить Петтио из гестапо: в ямы с негашеной известью были брошены его конкуренты из «корсиканского гестапо» — он очень не любил корсиканцев. Петтио было чем заняться на улице Лезюера: Лафон плохо убирал за собой. Впрочем, безусловно, что в феврале-марте 1944 года продолжал убивать и сам доктор.

Версию о работе Петтио еще и на подполье тоже нельзя отвергать. Петтио слыл социалистом. В 1925 году его выбрали большинством в восемьдесят процентов голосов мэром Вильнева от партии Леона Блюма. Судебные преследования мэра за растраты, воровство электричества, кражу керосина и могильного креста (господи, крест-то ему зачем?) избиратели сочли кознями правых.

Впрочем, доктор не только подкручивал счетчик, но, возможно, уже тогда убивал. В 1926 году исчезла служанка, беременная от него и способная испортить его политическую карьеру. В 1930 году в своем доме была забита и сожжена мадам Дебов, считавшаяся любовницей Петтио: накануне она взяла в банке двести восемьдесят тысяч франков. Некто Фраско утверждал, что видел Петтио на месте преступления, но, как баран, сделал у доктора укол от ревматизма и через три часа умер от аневризмы, как гласило свидетельство о смерти, выписанное самим Петтио: перед войной он получит — весьма кстати — право выписывать свидетельства о смерти в Девятом округе Парижа. Но его вина в этих смертях не очевидна, как и причастность к отрезанным головам и частям тела, выловленным из Сены в 1941–1942 годах.

Хотя доктор Поль был уверен, что, исследуя находки с улицы Лезюера, он узнал ту же руку, что расчленила жертв Сены, и это, безусловно, была рука опытного врача, имевшего неаппетитную привычку в минуты перекура втыкать скальпель в бедро трупа.

Петтио утверждал, что Соппротивление помогло ему избежать отправки на работу в рейх, а от пациентов своей клиники он получал информацию о передвижениях вермахта. Никто не слышал о руководимой им группе «Флай-Токс», названной в честь популярного инсектицида, ну и что? Бывало, из целой группы выживал один человек. Он был в курсе дел подполья, возможно набравшись информации от восхищенных его мужеством сокамерников. Но даже в хаосе 1944 года вряд ли можно было вот так, человеку с улицы, преобразиться в капитана контрразведки. По словам одного из тех, кто укрывал его, Петтио вечерами исчезал, а на рассвете приносил оружие, «отобранное у патруля». Правда, на суде доктор рассказал, что убивал немцев секретным оружием, не оставляя следов, но большего сказать не может из опасения повредить интересам Франции.

Мэтр Флорио строил защиту Петтио на его невменяемости. В 1914 году семнадцатилетнего Марселя арестовали за кражу: психиатры отметили, что мальчик не отвечает за свои поступки. В 1916 году раненый солдат Петтио украл казенное одеяло в госпитале: в военной тюрьме его признали параноиком, но вернули в окопы. Лишь в 1918 году после второго ранения его комиссовали по психической болезни. Благодаря ветеранским льготам Петтио без проблем поступил в Сорбонну и закончил ее с отличием, а в 1922 году трижды признанный ненормальным доктор открыл кабинет в Вильневе. Перед войной список его диагнозов пополнился. В 1936 году он украл медицинский справочник из книжного магазина в Латинском квартале, напал на «флика», сбежал, через два дня сдался, а на суде заявил, что «гений не заботится о низких материях»: в момент кражи он обдумывал

новое великое изобретение. Суд на семь месяцев определил Петио в лечебницу. Однако в 1945 году его сочли вменяемым.

Получается — удивлялся Флорио, — что, полностью излечившись, Петио принялся убивать направо и налево. «Как это? Моего подзащитного заперли в лечебницу за кражу книги в магазине. А сейчас его, обвиненного в двадцати семи убийствах, держат за совершенно нормального и здравомыслящего?! Пытались ли выяснить, были ли проблемы у его родственников? Разве у его сестры не нашли признаки умственной отсталости?» Эксперт возразил: «Близкие родственники Петио совершенно уравновешены психически: и сестра, и все остальные». Флорио развел руками: «Мне очень жаль, но у моего подзащитного нет сестры».

Флорио произнес тогда одну из своих лучших речей: «В конце концов, Петио — не первый врач, у которого умирают пациенты». Зал рукоплескал стоя.

Петио оказался пророком: перед началом процесса он сказал своим стражам в Сантэ: «Это будет чудесно. Мой процесс всех развеселит».

Его долго не могли добудиться на рассвете 25 мая 1946 года. Петио зевал, потягивался, а протерев глаза, бросил прокурору Дюпену: «Ты меня достал». Хочет ли он сказать что-то перед смертью? Петио удивился: «Я же сказал: „достали“». Когда ему отрезали воротник рубашки, поморщился: «Глупо портить такую хорошую вещь». На гильотину он шел, пританцовывая, расцеловал Флорио, предупредил присутствующих: «Господа, мой последний совет: не смотрите. Ничего красивого вы не увидите». От его последних, произнесенных с улыбкой слов «Я путешественник, выбывающий со своим багажом» веет inferнальным холодком: не чемоданы же своих жертв доктор имел в виду.

Говорят, его отрубленная голова улыбалась.

Вскоре после казни вдова и сын доктора уехали в Аргентину, и с тех пор их никто не видел.

А дом, значит, купил Бурвиль. Страшные все-таки люди эти комики.

P. S. Петио — прототип марсельского доктора Марту (Джеймс Робертсон Джастис) в фильме Хьюго Фрегоне-зе «Семь громов» (США, 1957). В фильме Кристиана де Шалонжа «Доктор Петио» (1990) главную роль исполнил великий Мишель Серро. Существует испанская поделка «Преступления Петио» (1973) Хосе Луиса Мадрида. Аллюзии на его подвиги несомненны в черной комедии Марка Каро и Жана Пьера Жене «Деликатессен» (1991). Как просто присвоить себе заслуги перед Соппротивлением, растолковал Жак Одиар в «Очень скромном герое» (1996).

ПЕРВЫЙ ОКРУГ

Глава 1

Улица Де-Бон-Занфан, 21

Адские кастрюли (1892)

Улицу Де-Бон-Занфан
(*Dans la rue des Bons-Enfants,)*
Задарма продам-отдам.
(*On vend tout au plus offrant.)*
Где стоял комиссариат,
(*Y avait un commissariat,)*
Там зияет пустота.
(*Et maintenant il n'est plus la.)*
Фантастический заряд
(*Une explosion fantastique,)*

Камни накрошил в салат.
(*N'en a pas laisse une brique,*)
Все грешат на Фантомаса,
(*On crut qu'e'etait Fantomas,*)
Ну а это — борьба классов³!
(*Mais e'etait la lutte des classes!*)

Автором «Явы улицы Де-Бон-Занфан» на диске революционных песен, вышедшем в 1973 году, был назван Реймон Каллемен, казненный в 1913 году анархист из легендарной «банды Бонно» (45). На самом деле стилизацию под яву, танец парижских низов, сочинил философ и режиссер Ги Дебор, если и террорист, то интеллектуальный (41).

8 ноября 1892 года привратник дома номер 11 по авеню Оперы обнаружил на ступенях лестницы запаянные кухонные судки. Бережнее, чем младенца, чтобы, не дай бог, не встряхнуть, отнес в ближайший комиссариат — в дом номер 21 по коротенькой, всего статридцатичетырехметровой, Бон-Занфан.

Поглазеть на судки сбежался весь околоток, и какой-то «комиссар Жюв» немедля уронил их на пол. Ну вот, собственно говоря, и всё. Как справедливо отмечено в «Яве», личный состав долго соскребали с потолка. Бомба ударного действия разорвала пятерых. Шестой умер на месте от сердечного приступа.

Все это великолепие разыгралось, заметьте, в квартале Пале-Рояль, в двух шагах от самого королевского дворца, Лувра, «Комеди франсез» и резиденции Госсовета.

Бдительный консьерж ждал адских судков. На авеню Оперы располагалась дирекция шахт в Кармо (Пиринеи), собственности барона Рея, отличавшегося, даже по тогдашним меркам, особым презрением к рабочим. В августе-октябре там прошла великая, как ее называют, стачка против увольнения рабочего-социалиста, избранного мэром. Горняки добились отставки дирекции, не испугавшись брошенных в Кармо полутора тысяч солдат.

У анархистов имелось досадное обыкновение мстить виновникам репрессий. А репрессии были столь же безжалостны, как эксплуатация: за раз государство убивало больше невинных, чем анархисты за десять лет. 1 мая 1891 года в Фурми солдаты стреляли в толпу: девять убитых, тридцать пять раненых, включая детей.

Консьерж знал: в судках — смерть. Такую же бомбу подложил 11 марта 1892 года Равашоль в дом судьи Бенуа, осудившего анархистов, раненных и жестоко избитых на демонстрации в Клиши в тот же страшный перво-май 1891 года.

Если 1970-е войдут в историю как «свинцовые годы» террора, то 1890-е — «годы динамита». Шок, ужас, отчаяние левых после резни карателями двадцати пяти тысяч парижских коммунаров в 1871 году объясняют, почему 14 июля 1881 года Международный конгресс анархистов в Лондоне одобрил самую эффективную форму пропаганды — «пропаганду действием». Ее суть отчеканила, вернувшись с каторги, Красная Дева Коммуны Луиза Мишель: «Неужели у вас нет кирок, чтобы выкопать подполье, динамита, чтобы взорвать Париж, керосина, чтобы все сжечь?»

Теракты во Франции — детские шалости по сравнению с Испанией или Италией, где анархисты десятилетиями вели кровавую войну с обществом. Но, чтобы напугать Париж, достаточно сущего пустяка — бутылки с кислотой, брошенной 5 марта 1886 года Шарлем Галло в толпу на бирже: толку ноль, а вони много. Он еще пострелял из револьвера, ни в кого не попав: это явно не стоило двадцати лет каторги, на которой Галло заработает смертный приговор.

Анархисты действовали по «сетевому принципу»: у них не было ни штаба, ни боевой организации. Идейные одиночки выплескивали накопленный за годы унижений гнев. Часто это выглядело совершенно уродски.

Двадцатитрехлетний рабочий Эмиль Флорион явился в октябре 1881 года в Париж, чтобы убить председателя палаты депутатов, одного из отцов республики Леона Гамбетта. Поняв, что цель недостижима, дважды выстрелил, промазав, в «первого встречного буржуа», оказавшегося врачом.

Сапожник Леон Леотье, безработный и голодный, 13 ноября 1892 года в ресторане «Ле Буйон Дюваль» ударил ножом клиента — за то, что тот был увешан орденами. Жертва оказалась сербским министром Георгиевичем: приговоренного к пожизненной каторге Леотье убьют при подавлении бунта в октябре 1894 года в числе тринадцати каторжан.

В анархистах, пусть и «божьих», ходил даже бродяга Жозеф Ваше, несчастный, невменяемый выродок, истерзанный мигренями: в его голове после попытки самоубийства сидели две пули. Он бесповоротно превратился в чудовище, когда в его больном мозгу смешались католический мистицизм, впитанный с детства, и гимны насилию, которых он наслушался от лионских анархистов. Его казнили 31 декабря 1898 года в Бурган-Брессе за одиннадцать изуверских убийств, но, вероятно, Ваше отнял не менее тридцати жизней. Символ эпохи: безумного убийцу казнил безумный палач Дейблер, которому при каждой казни чудилось, что кровь клиента залила ему лицо.

Две-три бомбы Равашоля никого не убили. Пропуск на гильотину ему обеспечили пять убийств с целью ограбления, совершенных в 1886–1891 годах, включая убийство девяностотрехлетнего отшельника, полвека жившего на подаяние. Равашоль оправдывал убийства женщин и стариков необходимостью удовлетворять личные потребности и поддерживать дело анархии. В поисках драгоценностей он осквернил могилу графини де Рошетае.

Но как бы глупы и жестоки ни были поступки анархистов, перед лицом смерти они вели себя образцово: крик «Да здравствует анархия!» и революционные песни обрывал лишь нож гильотины.

* * *

В 1892 году страх перед террором достиг апогея. Буржуазные кварталы выглядели так, словно перешли на осадное положение и добровольно соблюдают комендантский час. Сильные мира сего получили две тысячи девятьсот шестьдесят семь писем с угрозами, напуганные судьи дважды сбегали с процессов. Комиссара, арестовавшего Равашоля, домовладелец выставил на улицу, опасаясь, что анархисты взорвут дом, а платить будет кто? Вольтер? Бомб тоже было немало, но они, как правило, не взрывались, или не приносили вреда, или убивали самих бомбистов.

«Везучую» бомбу подложил на авеню Оперы двадцатилетний Эмиль Анри, поразительное исключение из череды убийц с исковерканными от рождения судьбами. Анри не был бастардом, как Равашоль, обреченный на тяжкий труд с восьми лет, не играл на танцуйках на аккордеоне за пять франков, не воровал с голодухи кур. Его не сажали, как Огюста Вайана, в тринадцать лет за безбилетный проезд на поезде, а в семнадцать — за неоплаченный обед в ресторане.

Его отец, Фортюне Анри (1821–1882), поэт и журналист, если припирала нужда, мог работать и сафьянщиком, и сапожником. Но это был его сознательный выбор: все его братья и сестры, несмотря на скромное происхождение, получили, как и он сам, отличное образование и обитали в шикарном Шестнадцатом округе. Фортюне же стал фурьеристом, сторонником альтернативной педагогики, основанной на игровом и образном восприятии мира. Издание оппозиционных журналов стоило ему при империи не менее пяти приговоров. Войдя в руководство Коммуны, он ратовал за перемирие, но, убедившись, что версальцы жаждут крови, произнес воинственную речь на обломках Вандомской колонны и проголосовал за казни заложников. Он руководил последним очагом сопротивления в Бельвиле, бежал, переодевшись маляром, в Испанию. Заочно приговоренный к смерти,

Фортюне удачно устроился директором шахты, затем фабрики по переработке ртути, от последствий отравления которой он и умрет. В Испании родился Эмиль.

Учителя называли его идеальным, честнейшим на свете ребенком. По иронии судьбы, хуже всего давалась будущему пиротехнику химия, а на вступительном экзамене в Политехническом институте ему достался вопрос о взрывоопасных свойствах хлора. В институт Эмиль не поступил, но всякий раз, даже уволенный откуда-нибудь за анархизм, находил новую неплохую работу.

Говорят, он был усердным спиритом, советовался с духом святого Людовика и еще в 1892 году сочинял такие стихи: «Я вижу: ангелы / И богини любви / Сбегаются ко мне и по очереди / Поют мне хвалу».

Как и отец, сначала Эмиль был против террора, но затем понял, что пропаганда ничего не изменит. В августе 1892 года в журнале «Л'Андэор» он спорил с классиком анархизма Эррико Малатестой, предостерегавшим против того, чтобы переступать черту насилия. Уже 8 ноября Анри переступил свою черту.

Полиция стояла на ушах, но Анри сумел бежать в Англию. В тюрьму на два года угодил 8 декабря 1892 года его старший брат Фортюне-младший. Анри же, вернувшись через год в Париж под именем Луи Дюбуа, снял комнату в Бельвиле и наладил изготовление «адских машин». 9 декабря 1893 года Вайан швырнул в Палате депутатов начиненную гвоздями бомбу, ранив пятьдесят человек. Тяжелее всех пострадал сам бомбист — лишь это помешало ему скрыться. Анархизм вступил в замкнутый круг: провокация — репрессии — террор — репрессии — террор. 12 и 18 декабря были приняты первые два (третий примут 28 июля 1894 года) «злодейских закона», аннулированных лишь 23 декабря 1992 года, каравших за пропаганду анархии, за создание злоумышленных объединений, удушавших свободу прессы. В ночь на 1 января 1894 года полиция провела две тысячи обысков — напоминавших скорее погромы — квартир, клубов и редакций. Началась великая охота на ведьм: к лету за решеткой оказались пятьсот подозреваемых в «экстремизме».

Камиль Писарро, импрессионист и анархист, ужасался в письме к сыну: «Подумай только, консьержке разрешено вскрывать письма, достаточно доноса, чтобы человека отправили в тюрьму и в ссылку, и нет никакой защиты»⁴. Одним из первых взяли его доброго знакомого Жана Граву: теоретик анархии мечтал использовать искусство как средство социальной борьбы. «Призывы к убийствам, грабежам и поджогам», содержащиеся в его книге «Отмирающее общество и анархия» (1892), стоили Граву 24 февраля двух лет тюрьмы и тысячи франков штрафа.

5 февраля во Франции впервые казнили человека, который никого не убил, — Вайана. Анри решил действовать. Все это время в Париже погромы хивали бомбочки, но он приготовил нечто особенное.

12 февраля в 21 час он вошел в кафе «Терминус» на вокзале Сен-Лазар, раскурил сигару, подпалил ею бикфордов шнур и подбросил в воздух жестяные судки. Судки ударились о люстру: взрывная волна разнесла зеркала, превратила в груды обломков мраморные столики, ранила двадцать человек, одного — смертельно. Поднялась неопишуемая паника. Один лишь гарсон не утратил самообладания, бросившись за убегающим Анри: тот отстреливался, серьезно ранил полицейского, но все-таки попался. Первые два дня на допросах он упорно именовал себя Бретоном, потом назвал свое настоящее имя.

12 февраля 1894 года — такая же символическая дата в истории, как 11 сентября 2001 года. Ранее анархисты метили во властителей, промышленников, церковников, полицейских-палачей, судей, шпииков. Анри стал пионером безадресного террора. Да, 25 апреля 1892 года бомба убила хозяина и клиента ресторана «Вери», но мишенью был гарсон, выдавший Равашоля. У Анри же не было мишени. На упреки судьи в том, что жертвами стали невинные, он ответил легендарной формулой: «Невинных нет. Есть глупая и

⁴ Перевод Е. Классон. Цит. по: Писарро К. Письма. Критика. Воспоминания современников. М.: Искусство, 1974. С. 201.

претенциозная масса, всегда принимающая сторону сильного. Я люблю всех людей за их человеческую суть и за то, кем они могли бы быть, но презираю за то, каковы они есть».

Писатель-анархист Октав Мирбо ужасался: «Смертельный враг анархии не сделал бы большего, чем этот Эмиль Анри, бросив свою необъяснимую бомбу в гущу спокойных и безымянных людей, пришедших в кафе пропустить стаканчик перед сном». Даже Фортюне-младший, будущий создатель анархистской колонии в Арденнах, выдал в оправдание брата лишь: он совершил «преступление на почве страсти».

Что мог еще сказать ошеломленный Фортюне? Эмиль вышел из тени старшего брата, ярчайшего, непримиримого оратора, воплотив то, о чем Фортюне лишь говорил. Это он, а не Эмиль призывал «вспороть животы четырем-пяти хозяевам» и заходился 18 июня 1892 года на митинге в защиту Равашоля: «Наносить удары, пока буржуа не исчезнут! Если для спасения половины человечества придется убить другую половину, пусть ее убьют». Эмиль в те дни как раз осуждал Равашоля: «Настоящий анархист убьет своего врага, но не станет взрывать дома с женщинами, детьми, трудящимися и слугами».

Те, кто одобрил жест Анри, не витийствовали, а действовали: Анри убивал даже из-за решетки. Друзья, едва узнав о взрыве, вынесли из его комнаты запас готовых бомб: их унаследовал двадцатидевятилетний бельгиец Амедей Повель. 14 февраля одну из них обезвредили в банке «Сосьете женераль» на улице Прованса. 20 февраля Повель, назвавшись Ребоди, уведомил полицию письмом, что покончит с собой. На улицах Сен-Жак и Сен-Мартен он заминировал оба входа в мебелирашки, адрес которых указал в письме, с тем расчетом, что полицейские, примчавшиеся вынимать «Ребоди» из петли, взлетят на воздух. Одна бомба убила домохозяйку, вторая — никого.

15 марта превратился в кровавое месиво сам Повель: бомба, которую он принес на мессу в церкви Мадлен в разгар Великого поста, сработала, когда он проходил сквозь вращающиеся двери.

4 апреля рванула бомба, спрятанная в горшке с гиацинтом, в ресторане «Фуайо» вблизи Люксембургского сада. Поэт-анархист, переводчик Петрония и тяжелый опиоман Лоран Тайад, случайно оказавшийся в этом, в высшей степени буржуазном, месте, лишился глаза, но не отрекся от своей недавней апологии Вайана: «Что значат жертвы, если жест прекрасен». Впрочем, Тайаду, выдержавшему свыше тридцати дуэлей, было не привыкать к ранам. Вплоть до нелепой ссоры с единомышленниками, которая в 1905 году приведет его в консервативный лагерь, Тайад оставался верен анархии и в октябре 1901-го даже был осужден на год тюрьмы за «подстрекательство к убийству» русского царя.

По обвинению в покушении 26 апреля арестовали Феликса Фенеона, друга Тайада, тонкого критика, денди с остроконечной бородкой, первооткрывателя и пропагандиста всего нового в искусстве — от Лотреамона и Рембо до пуантилистов. Портреты «этого человека с нарочитым видом американского Мефистофеля», имевшего, по словам поэта-символиста Реми де Гурмона, «мужество скомпрометировать себя во имя планов, которые он считал безумными, но все ж справедливыми и яркими»⁵, писали и рисовали Феликс Валлотон, Максимилиан Люс, Поль Синьяк. Фенеон служил в военном ведомстве, где слыл виртуозным сочинителем бюрократических рапортов. Под колпак его взяли 9 марта, когда стукач «Лека» записал в кафе «Дельта» разговор рисовальщиков закрытого анархистского журнала «Ле пер пенар» о некоем соратнике из министерства обороны.

Генерал Жорж Буланже, военный министр и путчист-неудачник, вряд ли сказал бы, что «на Фенеона можно положиться», будь он знаком с таким образчиком его черного юмора: «Полицейский Морис Марюллас вышиб себе мозги. Спасем от забвения имя этого честного человека». Фенеон на пару с Анри редактировал «Л' Ан-Дэ-ор», получал на свое имя и на имя племянницы обширную переписку анархистов-эмигрантов, вместе с жившим напротив анархистом Александром Коэном переводил пьесы Герхарта Гауптмана, запрещенные во Франции за бунтарский дух. Наконец, у него жил Луи Арман Мата, друг Анри, до последнего

⁵ Перевод Е. Блиновой и М. Кузмина. Цит. по: Гурмон Р. де. Книга масок. Томск: Водолей, 1996. С. 115.

отговаривавший его от взрыва в кафе. Обыск у Фенеона 5 апреля ничего не дал: изъяли несколько газет да визитные карточки Тайада, Мирбо, Писарро. Но 24 апреля арестовали Мата, на следующий день в столе в министерском кабинете Фенеона нашли флакон с ртутью и спичечный коробок с одиннадцатью детонаторами: очевидно, Мата забрал их с квартиры Анри и отдал Фенеону.

Артистические круги несли все новые потери. 27 июля взяли пуантилиста Люса, затем — шведского художника Ивана Агели. Монмартр охватила паника: Писарро, Мирбо, писатели Поль Адам и Бернар Лазар, художники Теофиль Стейнлен и Поль Наполеон Руанар от греха подальше покинули Францию. (Жесткий контроль за богемой сохранится и после прекращения анархистского террора: через несколько лет в списки анархистов, подлежащих интернированию в лагерь в случае всеобщей мобилизации, попадет живописец Рауль Дюфи.) Закрылись все анархистские издания. Впрочем, в эпоху, когда Стефан Малларме на вопрос о Равашоле ответил, что не может «обсуждать поступки святых», рецептуру взрывчатки публиковали даже символистские журналы. Еще один символист — Адам воспел осквернение Равашолем могил: «кольца со склизких рук» графини де Рошетае «могут на целый месяц спасти от голода семью отверженных».

Декаденты, говорите, эстеты? «Башня из слоновой кости»?

* * *

6 августа Агели, Грава (повторно), Коэна (заочно), Люса, Мата, Фенеона, вывели на показательный «Процесс тридцати». По своей драматургии он предварял сталинские процессы и наследовал практике так называемых процессов-амальгам времен Великой французской революции. На одну скамью усадили девятнадцать теоретиков анархии и, дабы скомпрометировать анархизм, одиннадцать «иллегалистов» — уголовников, подводивших под грабежи идейную базу. По версии властей, одержимых теорией заговора, это и был законспирированный центр, адский генштаб, стоявший за всеми покушениями.

Фенеон в ожидании суда коротал время в камере за переводом «Нортенгерского аббатства» Джейн Остин. Не знакомый с ним лично Таде Натансон, выдающийся коллекционер и издатель, нанял ему адвоката Эдгара Деманжа, златоуста, добившегося в 1870 году оправдания князя-убийцы Бонапарта (35), будущего защитника Дрейфуса.

«Вы анархист, мсье Фенеон?» — «Нет, я бургундец, рожденный в Турине». Отвечая на первый же вопрос обвинителя Леона Жюля Бюло, фанатичного анархо-борца, Фенеон перехватил инициативу и превратил слушания в интеллектуальный цирк. Цирк, в котором он рисковал головой.

«Вас видели беседующим с анархистами под уличным фонарем». — «Не будете ли вы так любезны уточнить, где именно находится это „под фонарем“?»

Когда Бюло, прервав заседание, умчался в ванную — кто-то прислал ему пакет с дерьмом, — Фенеон констатировал: «Со времен Понтия Пилата мир не видел судьи, столь демонстративно умывающего руки».

Фенеон убедил суд, что детонаторы нашел на улице его покойный отец, ртуть пригодна для изготовления не только бомб, но и термометров с барометрами, а подозрительные личности, которые, как стукнул консьерж, посещали его, — писатели и художники.

Анри между тем признал, что флакон с ртутью принадлежал ему. Фенеон небрежно парировал: «Если бы Анри предъявили бочку ртути, он и ее признал бы своей. Он был не чужд похвальбе». Фенеон не дал показаний ни против кого из анархистов, заверив председателя суда, что в случае чего не станет свидетельствовать и против него тоже.

Рискованую наглость Фенеона смягчили показания Малларме: «Его любят все <...> это кроткий и прямодушный, тончайшего ума человек. Я никогда не слышал, чтобы <...> Фенеон говорил о чем-либо, кроме искусства. Я знаю: использовать что-либо, кроме литературы, для выражения своих взглядов, он считает ниже себя».

12 августа подсудимых, кроме трех воров-иллегалистов, оправдали.

* * *

Эмиля Анри приговорили к смерти еще 28 апреля. Как и положено анархисту-смертнику, он вел себя с нечеловеческим мужеством и не лез за словом в карман. Заявление председателя суда о его «обагрённых кровью» руках парировал: «Мои руки в крови, как и ваша красная мантия». Последнее слово, как и положено, Анри использовал для пропаганды: «Мне говорили, что общественные институты основаны на справедливости и равенстве, а я видел вокруг себя сплошные ложь и коварство. Каждый день лишал меня очередной иллюзии. <...> В той безжалостной войне, которую мы объявили буржуазии, мы не просим никакой пощады. Мы несем смерть, и должны принимать ее. Посему я жду вашего вердикта с безразличием. <...> Анархия повсюду, она в конечном счете победит вас и убьет».

Речь Анри стала учебным пособием для единомышленников по всему миру. В 1903 году ее перевела и издала в Женеве русская анархистская группа «Вольная воля».

Казнь Анри 21 мая произвела столь же тягостное впечатление, как и его преступление. Будущий премьер Жорж Клемансо ощутил «невыразимое отвращение к этому административному убийству»: «Злодеяние Анри — это злодеяние дикаря. Реакция общества кажется мне низкой мезью». Националист Морис Баррес констатировал: «Казнь Эмиля Анри — психологическая ошибка. Он убивал во имя своих идей, что непростительно; вы к тому же захотели, чтобы он умер за свои идеи».

Всплыли отвратительные подробности. Тело Анри не похоронили, как было объявлено, а отвезли для экспериментов в медицинский институт. Его мать узнала об этом, и 25 мая Эмиля, «Сен-Жюста анархии», как окрестил его Клемансо, все же похоронили. Могила стала местом паломничества; даже в 1905 году на нее пришли двести человек.

Равашоль мстил за жертв Клиши, Вайан — за Равашоля, Анри — за Вайана. За самого Анри отомстил и взошел на эшафот булочник Санте Джеронимо Казерио, бежавший из Италии: на родине ему грозил арест за то, что он раздавал безработным хлеб и брошюры, отпечатанные на свою ничтожную зарплату. 24 июня 1894 года в Лионе Казерио заколол президента Франции Сади Карно ножом с красно-черной рукояткой и, пока его не схватили, бежал за автомобилем мертвеца с криком: «Да здравствует анархия!»

Судьба обвинителя Бюло известна из полной презрительной ненависти заметки Пьера Мюальдеса в «Ла ревью анархист»: 9 января 1922 года «господина генерального прокурора (Бюло сделал неплохую карьеру. — М. Т.), словно вульгарного пуделя или заурядного пешехода второго класса, раздавил автомобиль».

Полицейский участок на Бон-Занфан по-прежнему существует, только переехал в дом номер 24.

P. S. Анархист был популярным персонажем в раннем французском кино: «Анархист» (1906) Люсьена Нонге, «Анархист» (1906) Фердинанда Зекка, «Покушение» (1908) Луи Фейада. О террористических актах снимали даже комедии («Тото становится анархистом» Эмиля Коля, 1910; «Анархист помимо своей воли», 1911). Событиям 1890-х годов посвящен документальный фильм анонимных авторов «Эти восемь часов, которых им хватило: бойня 1 мая 1891 года в Фурми» (1991). Равашоля в телефильме Освальда Допле «По следам анархистов» (ФРГ, 1972) сыграл Херберт Фляйшманн, Ваше в «Следователе и убийце» (1976) Бертрана Тавернье — Мишель Галабрю. Художникам-анархистам посвящены документальные фильмы «Писарро, его жизнь, его творчество» (1976) Роже Леенхардта, «Писарро» (1982) Т. Джея Кларка, «Камиль Писарро: импрессионист и анархист» Руди Бергманна (Германия, 1999), «Максимилиан Люс» Б. Коффена и Э. Довена (1991) и «Синьяк, или Откровение Света» (2001) Доминик Рембо.

Глава 2

Лувр. Украли «Джоконду»! (1911)

Символом Лувра, да и живописи как таковой, стала в массовом сознании по каким-то иррациональным причинам «Джоконда» — «Портрет Моны Лизы» (1503–1506) кисти Леонардо да Винчи. Укради ее — и прослывешь величайшим вором в истории, автором идеального, невозможного преступления. Невозможное возможно: однажды ее украли, но имя вора мало кто помнит, а поразительно простая по исполнению кража просто курьезна.

Ранним утром во вторник 22 августа 1911 года почтенный живописец Луи Бери пришел в музей делать наброски для картины «„Мона Лиза“ в Лувре» — и не нашел портрет на месте. Служители отмахнулись: наверное, унесли фотографировать. Несколько часов Бери уговаривал их проверить, так ли это, удостоившись хамской отповеди: «А Венеру Милосскую, часом, не украли?» Выяснив же, что картины нет ни в фотолaborатории, ни на реставрации, музейные работники развернули поиски своими силами, а в полицию обратились в лучшем случае в 12.30, если не в 14.00, как утверждала префектура. В 14.45 полиция заперла все выходы из музея, кроме одного. Эвакуируемых через него посетителей обыскивали. В чем не было ровным счетом никакого смысла: написанную на доске из тополя картину не свернуть и не спрятать за пазуху.

Префект Луи Лепин, возглавлявший парижскую полицию — за вычетом двухлетнего перерыва — в 1893–1913 годах (по словам писателя-анархиста Виктора Сержа, «маленький, холодный, истеричный господин», известный пристрастием к морфию и эфиру), заверил: «„Джоконда“ не покидала Лувра. Украсть ее — все равно что украсть Эйфелеву башню». Небеспочвенный оптимизм: свежа в памяти была ложная тревога, поднятая газетой «Кри де пепле». 22 июля 1910 года она сообщила, что уже месяц, как «Джоконду» похитили, подменив копией. На этот раз и музейщики, и полиция как за соломинку ухватились на призрачную надежду: кража — выходка любителя искусства, проучившего дирекцию за пренебрежение мерами безопасности; или хулиганство уволенного работника, засунувшего шедевр в какой-нибудь укромный уголок; или «просто шутка». Полицейский чин заявил газете «Ле матэн», что официальное расследование не начнется ранее вечера: «Надо дать „вору“ время выдать себя».

Но закрытый на целую неделю Лувр обыскивали сколь дотошно, столь и тщетно. Разве что на служебной лестнице нашли раму и стеклянный короб от картины, а на набережной Сены ручку, оторванную от двери, ведущей на ту самую лестницу. Сам Альфонс Бертильон сравнил отпечаток мизинца, найденный на стекле, с отпечатками двухсот пятидесяти семи сотрудников музея — без толку. Единственное, что было очевидно: «Джоконда» исчезла между 7.25 и 8.35 утра в понедельник, когда музей был закрыт для посетителей, а в его залах велись дежурные работы.

Директор национальных музеев, видный археолог-эллинист Теофиль Омель, во время кражи наслаждавшийся отпуском, ушел в отставку. Следствие искало то какого-то немца (все зло от немчурь), подозрительно много времени проводившего в Квадратном салоне Лувра, — о нем вспомнили бдительные смотрители, то бежавшего с гвианской каторги рецидивиста. Таможенники задержали швейцарца, имевшего несчастье везти через границу коробку шоколада с «Джокондой» на крышке. Общество друзей Лувра предложило двадцать пять тысяч франков (это семьдесят одна тысяча евро) за возвращение шедевра: откликнулся аноним, пообещавший вернуть картину, если сумму удвоят. Газета «Л'Иллюстрасьон» объявила сбор средств на выкуп с участием «всего Парижа» и сумела удвоить сумму — аноним больше не подал голос.

Версии становились все безрадостнее. Странные люди периодически присылали в Лувр объяснения в любви к «Джоконде» — значит, ее похитил «сексуальный психопат» и уже обезобразил, изувечил, замучил красавицу до смерти. Куплетисты тем временем распевали: «Ты не видел Мону Лизу? Она тут не пробегала?» Комики язвили: «На очереди — Эйфелева башня?»

Ответственность за кражу поспешил взять на себя итальянский писатель Габриэле д'Аннунцио, но ему никто не поверил: декадент славился безудержным самопиаром. Признание в краже — еще цветочки по сравнению с тем, что в сентябре 1919 года он, опять-таки ради саморекламы, захватит «ничейный» город Риеку (Фиуме) на югославской границе, учредит там регентство Карнаро и объявит войну Италии.

В самоговоре д'Аннунцио был лирический подтекст. В 1899 году он написал для своей великой возлюбленной, актрисы Элеоноры Дузе, нашумевшую пьесу «Джоконда». Ее героиня Сильвия, жена ваятеля Лючио Сетталла, не побоялась искалечить свои руки, спасая шедевр мужа, который в припадке ревности крушила его любовница Джоконда Дьянти. Ненадолго раскаявшись, скульптор все-таки уходил от жены к Джоконде. Принимая во внимание, что в 1912 году выходила на экраны первая из трех экранизаций драмы, снятая Луиджи Маджи, можно заподозрить, что заявление писателя было частью рекламной кампании фильма.

* * *

Наконец газеты оповестили о триумфе полиции, огласив имя самого ловкого вора в мире: «Поляк Костровицкий во главе международной шайки похитителей произведений искусства». Действительно, 7 сентября арестовали тридцатидвухлетнего Вильгельма Альберта Владимира Александра Аполлинария Вонж-Костровицкого, именовавшего себя поэтом Гйомом Аполлинером. На основании его показаний допросили тридцатилетнего испанца Пабло Пикассо, утверждавшего, что он художник.

Это для нас Пикассо и Аполлинер — столпы современного искусства. А для полиции начала века — обитатели криминального Монмартра, водившие знакомство с такими же подозрительными, как они сами, личностями, и, что самое страшное, иностранцы: наверняка анархисты, а то и евреи. К тому же имя Пикассо уже упоминалось в связи с убийством в 1908 году живописца Адольфа Стенеля и его тещи (34). Монархическая газета «Аксьон франсез» советовала тогда искать убийц среди сомнительных космополитов, посещавших салон мадам Стенель: Пикассо и еще двух будущих классиков — евреев Амедео Модильяни и Хаима Сутина. В 1912 году в кутузку отволокут художника Хуана Гриса, приняв испанца за Гарнье из анархистской «банды Бонно» (45). Да еще и в 1836 году, когда за непреднамеренное убийство судили великого мима Дебюро (Предисловие), чеха по происхождению, газеты обвиняли директора театра «Фюнамбюль» в попустительстве подозрительным иностранцам.

Аполлинер и Пикассо были сами виноваты в своих злключениях. В их компании вращался мутный, хотя и забавный бельгиец Жери Пьере, которого Аполлинер именовал своим секретарем, что в устах полунцига поэта звучало комично. Пьере оказался не только собутельником, фантазером, сплетником, игроком и славным малым, но и вором: дважды он приносил Аполлинеру статуэтки и финикийские маски из Лувра. Перепуганный поэт гнал его прочь, осыпая валлонской, провансальской, немецкой и еврейской бранью. Зато кубист Пикассо, увлеченный примитивным искусством, охотно покупал краденое.

После похищения «Джоконды» инвентаризация выявила пропажу из Лувра трехсот экспонатов: пришла пора испугаться Пьере. Через редакцию газеты «Пари журнал» он вернул одну статуэтку и пустился в бега, причем Аполлинер, желая, чтобы Пьере исчез из его жизни навсегда, купил ему билет и проводил на вокзал. Сообщник, однако. Оставшиеся у Пикассо две статуэтки друзья решили (но не решились) утопить в Сене: повсюду им чудились «флики», следящие за каждым их движением. Проплутав полночи по набережным, они встретили рассвет в мастерской Пикассо за сумрачно истеричной игрой в карты, а наутро вернули статуэтки проверенным и распространенным способом — через газету. Тут-то их и взяли.

Националисты ликовали: мы же предупреждали, что все зло от «метеков» — «понаехавших метисов». Уже 25 августа Леон Доде (23) озаглавил передовицу в «Аксьон франсез» смелым неологизмом: «Лувр ожидел»: «Лувр стал филиалом гетто. Теперь туда

допускают только обрезанных». Доде чеканил: лжеученый Омоль — ставленник «черной банды» еврейских спекулянтов и фальсификаторов, раскинувшей сети по всей Франции. Разграбив церковные ценности под предлогом отделения церкви от государства, банда, не в силах остановиться, накинулась на Лувр. Ею верховодят банкир-коллекционер Луи Густав Дрейфус (о, проклятая фамилия!) и братья-дрейфу-сары Рейнаш: Жозеф, Теодор и Саломон. Они не просто евреи — хуже: сынки банкира, да не простого, а немецкого. Двое из них — лидеры еврейских организаций, двое — депутаты парламента. Они не просто ученые — крупные администраторы культуры и науки. С археологом Саломоном кое-что, и правда, было нечисто: в 1896 году по его рекомендации Лувр заплатил двести тысяч золотых франков за «тиару скифского царя Саитафарнеса», сработанную в Одессе ювелиром Израэлем Рушомовским.

За Аполлинера вступились не менее видные, чем Доде, писатели Октав Мирбо, Элемир Бурж, Жан де Гурмон, Рауль Поншон; друзья установили в одном из кафе круглосуточное дежурство в его поддержку и защиту. Он провел в тюрьме Сантэ всего пять дней, но писал там столь отчаянные стихи, словно с минуты на минуту ждал приглашения на эшафот. «Здесь надо мной могильный свод, / Здесь умер я для всех». «В какой-то яме, как медведь, / Хожу вперед-назад». «Сорви же с меня терновый венец, / Не то он мне в мозг вопьется»⁶. Депрессию подстегивали воображение и страх, что его вышлют из милой Франции: гражданство Аполлинер получит только в 1916 году, пролив за вторую родину кровь на фронте. Да еще мозолила глаза выцарапанная над нарами надпись: «Деде — за убийство». Пикассо также не отличался стойкостью. По словам его подруги Фернанды Оливье, оба преступника на допросе плакали так горько, что следователю Дриу стоило невероятных усилий сохранять серьезную мину. Уже 9 сентября Дриу получил из Франкфурта от измученного угрызениями совести Пьере (в 1912 году его заочно осудят на десять лет) письмо, снявшее с Аполлинера подозрения, а 12-го поэта освободили.

На память о приключении друзьям осталась мания преследования. В течение нескольких лет оба пребывали в уверенности, что находятся под колпаком. Пикассо покидал дом только в сумерках, передвигался исключительно на такси и несколько раз переодевался, чтобы запутать шпикиов.

До декабря 1911-го место «Джоконды» пустовало: Франц Кафка описал нервическое паломничество парижан к опустевшей стене. Искусствовед Жером Куаньяр иронизирует: это была первая концептуальная акция в истории — выставка отсутствующей картины. Затем на ее место повесили «Портрет Бальдассаре Кастильоне» Рафаэля — Франция отчаялась вернуть шедевр. «Лэз анналь политик и литерэр» 31 декабря 1911 года похоронным тоном подвела итоги года: «Французы будут вечно носить траур по „Моне Лизе“». Писатель и оккультист-розенкрейцер Сар Меродан Жозефен Пеладен, обожатель и исследователь Леонардо, пророчествовал: «Через тысячу лет люди спросят нас: „Что вы сделали с Джокондой?“» Опустил руки Доде: «Король Франциск I подарил нам „Джоконду“, Республика лишила нас ее».

С восторженным садизмом газеты излагали версии — из самых надежных источников — гибели картины. В сентябре 1912 года «Джорнале д'Италия» разоблачила заговор музейщиков. Уволенный из Лувра фотограф отомстил, швырнув в «Джоконду» бутылку с кислотой. Безнадежно изуродованный шедевр пытались подменить копией, затем сочинили байку о краже. «Журналь дю Диманш» соглашался, что музейные работники — гнусное племя, хотя фотограф тут ни при чем: картину, полуза-губленную бездарными реставраторами, уронили, и красочный слой осыпался. Зато именно в эти злосчастные дни началось безудержное тиражирование «Джоконды», именно тогда ее исхитрились использовать в рекламе чего угодно — от сигарет до корсетов.

Вора поймали только в декабре 1913 года. Как ни смешно, им таки оказался «метек», гастарбайтер — итальянский плотник, маляр и стекольщик Винченцо Перуджа (1881–1947),

6 Перевод М. Кудимова. Цит. по: Аполлинер Г. Стихи. М.: Наука, 1967. С. 82, 84,85.

задумавший отомстить неприветливой стране, где его обзывали макаронником: бедолаге приходилось выдавать себя во Франции за корсиканца. По возвращении на родину, в декабре 1913 года, ему хватило ума предложить картину, которую он все это время прятал то ли под матрасом, то ли в чемоданчике под кроватью, флорентийскому антиквару Альфредо Гери. Именуя себя в письмах, адресованных Гери, Леонардо, он просил за нее пятьсот тысяч лир (сто тысяч долларов). Гери, навидавшийся на своем веку жуликов, пригласил на встречу с «Леонардо» директора галереи Уффици Джованни Поджо, идентифицировавшего картину. Уговорив Перуджу оставить ее в Уффици, пока не решится денежный вопрос, эксперты сдали его полиции 11 декабря.

Когда Гери и Поджо покидали с шедевром в руках гостиницу, где жил Перуджа, их самих задержали по подозрению в том, что они, на вид такие солидные синьоры, свистнули картину из какого-нибудь номера. Пустяк по сравнению с последующей обидой Гери на Францию: ему хотелось чего-то повесомее вселенской славы, а награда в двадцать пять тысяч казалась оскорбительным мизером. Вот если бы десять процентов от стоимости бесценной картины!

Каким же образом удалось украсть «Мону Лизу»? Перуджа то ли спрятался в Лувре накануне выходного, то ли его впустил в музей сторож, помнивший итальянца как одного из мастеров, работавших в музее. Именно он мастерил стеклянный короб для «Джоконды»: остеклить шедевры решили, вызвав негодование эстетов, в 1907 году — после целой серии актов вандализма. Кража произошла ну совсем как в фильме «Старики-разбойники». Перуджа в рабочем халате снял ее со стены и унес. Единственная заминка случилась, когда он попытался открыть дверь на служебную лестницу: в руке у вора осталась дверная ручка. Злоумышленнику хватило самообладания пожаловаться проходившему служителю: полюбуйтесь-ка, кто-то ручку отломал, ну что за люди. Тот посочувствовал и отпер дверь ключом. На допросах Перуджа рассказал, что до последней минуты сомневался, какую картину взять. У него душа лежала к «Венере и Марсу» Мантеньи, но решающим аргументом в пользу «Джоконды» оказались ее малые размеры: семьдесят семь на пятьдесят семь сантиметров.

Версия о размерах картины как решающем факторе противоречила версии, заявленной вором в письме к Гери: Перуджа — патриот, вернувший на родину шедевр, украденный Наполеоном. Он то ли не знал, то ли притворялся, что не знает: Наполеон ни при чем, «Джоконду» честно купил Франциск I.

Патриотическая версия, в свою очередь, не клеилась с романтической балладой в духе Эдгара По, которую Перуджа исполнил на суде. Он, дескать, был свидетелем ссоры в кафе, в ходе которой некий мужчина ранил ножом девушку с улыбкой Джоконды. Перуджа отнес ее к себе на руках, они полюбили друг друга, но раны свели бедняжку в могилу. Увидев в Лувре «Джоконду», маляр словно помешался: кража была попыткой вернуть потерянную возлюбленную.

Простодушный на первый взгляд Перуджа был не просто галантерейным красавчиком с мандолиной наперевес, запечатленным на первой полосе «Ле матэн». У него имелось какое-никакое, но криминальное прошлое. Во Франции он дважды попадал ненадолго за решетку: 22 июня 1908 года его заподозрили в попытке ограбления; 24 января 1909 года итальянцу, в полночь напавшему на проститутку на площади Республики, едва успели помешать пустить в ход запрещенный нож. Ну, какой же итальянец без ножа? Следовательно, еще с 1908 года его отпечатки имелись в полицейской картотеке, но проку от этого не было никакого. Да, по горячим следам похищения Перуджа допросили, даже заподозрили неладное, узнав, что в день кражи он запоздал на два часа на свою новую работу, но удовлетворились его объяснением: перебрал накануне, вот и опоздал. Дактилоскопии вор избежал, просто не явившись по повестке в префектуру.

Как бы там ни было, Италия чествовала патриота Перуджа и отказалась выдать его Франции. Суд дал ему всего год и пятнадцать дней, но отбыл он и того меньше: семь месяцев и девять дней. Вскоре мировая война поглотила все внимание европейцев. Перуджа — он же

патриот — ушел на фронт, честно воевал. После войны — умом этого не понять — уехал в злую Францию и до самой своей смерти от отравления свинцом 8 октября 1925 года торговал в савойском городке Аннемассе красками.

«Джоконду» выставили во Флоренции, затем в Риме: 4 января 1914 года она вернулась в Лувр.

Леон Доде остался ее верным рыцарем. Когда в 1920 году дадаист Марсель Дюшан выставил свою знаменитую работу «L.H.O.O.Q.» — «Мону Лизу» с пририсованным усам, — вождь монархистов отчеканил: «Джоконда улыбается потому, что все, кто пририсовывал ей усы, умерли».

* * *

Соблазнительную версию изложил «желтый» американский журналист Карл Дреккер в «Сэтеди ивнинг пост» в 1932 году. Якобы еще до кражи шести супербогатым «Кащеям» поступило от аргентинского мошенника, «маркиза» Эдуардо де Вальфьерно предложение купить шедевр. Планируя кражу, он благоразумно предпочел договориться с покупателями заранее, а не лихорадочно искать их потом. Коллекционеры, естественно, согласились. Узнав о похищении, все шестеро не задумываясь приобрели копии, заранее изготовленные сообщником «маркиза» Ивом Шодроном, по цене оригинала. Каждый из них, конечно, считал себя единственным обладателем сокровища. Вальфьерно якобы рассказал об этом Дреккеру в январе 1914 года в Касабланке, взяв слово хранить тайну до смерти «маркиза».

Недавно Куаньяр реанимировал версию о «немецком следе», ссылаясь на интервью Перуджа в июле 1915-го газете «Ле журнал»: играя на его патриотизме, некий немец подбил итальянца украсть «Джоконду». Это мог быть или натуральный шпион, имевший задание дестабилизировать Францию, или Отто Розенберг из международной банды торговцев краденными произведениями искусства. Его присутствие было отмечено во Франции, полиция взяла его под наблюдение, что, возможно, помешало Отто забрать «Джоконду» у Перуджа.

А что Пикассо? Стоит ли осуждать его за покупку краденых статуэток? Невинная проказа по сравнению с тем, что натворит будущий — первый и великий — министр культуры (1959–1969) Франции, писатель, герой испанской войны и Сопrotивления Андре Мальро. 23 декабря 1923 года его арестуют в Пномпене и приговорят к трем годам тюрьмы за кражу барельефа из храма Бантей Срей в Ангкоре. Из колониального застенка — легко представить, что это был за зиндан, — его спасет заступничество видных деятелей культуры, мобилизованных его женой, которую судили вместе с мужем, но оправдали. По иронии судьбы Мальро сыграет важную роль в судьбе «Джоконды»: именно он примет в 1963 году историческое решение впервые отправить в заокеанское путешествие — в Нью-Йорк — главное сокровище Лувра.

P. S. После похищения на экран выплеснулось множество комедий на тему: «Дюкроке украл „Джоконду“» (1911), «Грибуй украл „Джоконду“» (Альбер Капеллари, 1911), «Злоключения „Джоконды“» (1911), «Ник Уинтер и кража „Джоконды“» (Поль Гарбани, Жерар Буржуа, 1911). В «Арсене Люпене» (1932) Джека Конвея на шедевр покушался сам джентльмен-грабитель. В «Похищении „Моны Лизы“» (Германия, 1931) Гезы фон Болвари Перуджа сыграл Вилли Фрост, в телефильмах «Возвращение „Моны Лизы“» (1956) и «Десятая „Мона Лиза“» (1963) — Вито Скотти, в телефильме Фабрицио Косты «Человек, который украл „Джоконду“» (2006) — Алессандро Прециози. Джоэ Медейрос снял документальный фильм «Пропавший шедевр: правда о Винченцо Перуджа и невысказанной краже „Моны Лизы“» (2011).

Глава 3
Бульвар Дю-Пале, 4
Гонки с правосудием (1975)

Рассказывайте кому угодно, только не мне, что из Дворца правосудия, занимающего треть острова Ситэ, древней колыбели Парижа, невозможно убежать. Даже среди моих друзей есть человек, которому это удалось. Патрика Грина (Гринблата), модного пародиста и потомственного карточного шулера международного класса, судили за махинации с кредитками: он был пионером этого вида афер. Предупрежденный адвокатом о неминуемом обвинительном приговоре, Патрик вышел на улицу во время перерыва в судебном заседании и был таков. После побега он спокойно жил в Париже, торгуя кокаином, пока очередным покупателем не оказался тот самый комиссар-корсиканец, который его упустил. Впрочем, Патрика не заключали под стражу до суда, так что его побег не совсем побег.

Другое дело — бегство тридцатилетнего Жана Шарля Вийоке, обвинявшегося в одиннадцати налетах. В разгар слушаний 8 июля 1975 года девушка в адвокатской мантии и рыжем парике — с криком: «Всем стоять, а не то всех взорву!» — выдернула чеку из гранаты и передала подсудимому револьвер и наручники. Вийоке приставил ствол к затылку председателя суда, приковал его к еще одному судейскому, потребовал очистить зал и церемонно заявил: «Господин председатель, мы уходим. Позаботьтесь, чтобы все прошло хорошо, иначе первая пуля — ваша». Судья остался невредим, но Вийоке тяжело ранил двух жандармов, пытавшихся схватить его на выходе. Всю дорогу до конспиративной квартиры девушка сжимала гранату сведенной судорогой рукой.

Двадцатидвухлетнюю девушку в мантии звали Мартин: она вышла замуж за Вийоке 28 февраля в тюрьме Сантэ, где они оба отбывали наказание. Освободившись по весне, Мартин задалась целью спасти Жана Шарля. Они вообще постоянно спасали друг друга: «Играют в Бонни и Клайда», — фыркала пресса. «Ее имя с уважением произносят во всех тюрьмах Франции», — парировал «враг общества номер один» Месрин (47).

Побег принес и самому Вийоке статус «врага номер один», которого во Франции удостаивались единицы: Бонно (45), «Безумный Пьеро» (39), Месрин. Статус — он же приговор: «враг» обречен умереть.

Комиссар Робер Бруссар (8), бывший и Месрина, и Вийоке, заметил в мемуарах: «Без Мартин Жан Шарль никогда бы не стал Вийоке». «Враг», у которого нет беспредельно преданной ему женщины, — считай, что и не «враг», то есть не мифологический персонаж. Бруссар развил целую теорию, чем «враг» отличается от обычных налетчиков. Суть ее сводится к следующему. Таких гангстеров, как он, приходится не более одного-двух на поколение. Он изолирован от оргпреступности, идет на скоротечные союзы, когда нуждается в сообщниках: «реклама» в СМИ льстит ему, но отдаляет от коллег. Он исключительно смел, обладает уникальной интуицией, не ведает страха, не столько презирает, сколько обманывает смерть, способен находить выход из самых безнадежных ситуаций.

«Враг» по-своему безумен и не вполне отдает себе отчет в том, что творит. Претенциозный, самовлюбленный, замороженный имиджем Робин Гуда, он верит в свою непогрешимость и лишен критического отношения к самому себе, необходимого профессиональному преступнику. Его «косяки» вынужден исправлять «двор» — преданные «лейтенанты» и женщины. Но, несмотря на непростительные ошибки, «враг» может годами воевать с обществом, поскольку ему сопутствует уникальный, почти мистический фарт — «барака».

Как ни смешно, Вийоке был дамским парикмахером, и навыки ремесла не утратил, даже став бандитом. Скрываясь в Венесуэле, он так подстриг одного генерала, что тот от восторга организовал Вийоке парикмахерское телешоу.

Бруссар назвал его рисковым эстетом. Однажды, убегая от полиции, он переплыл Луару, пробежал несколько километров, украл велосипед, потом грузовик и добрался до родительского дома. Регбист, он отличался адским здоровьем, не пил, не курил, что не всегда

шло ему во благо. В тюрьмах Вийоке любой ценой стремился попасть в госпиталь, откуда легче бежать: ломал ногу табуреткой, бросался с лестницы, пил коктейль из мочи с табаком, ел протухшие сардины — все тщетно.

Впервые он получил пять лет в 1968 году за ограбления двадцати четырех сельских домов. В 1970 году досрочно освобожден и после неудачного ограбления бежал за границу: Испания, Португалия, Карибы, наконец Венесуэла, которую ему тоже пришлось спешно покинуть после какой-то кровавой драки. Вернувшись во Францию, он попался в конце 1972 года, но уже 15 марта 1973-го, симулировав безумие, бежал из больницы.

Нервы действительно пошаливали. 10 декабря он вломился в крупнейшее актерское агентство Европы «Артмедиа», созданное Жераром Лебовичи (41). Свидетель вспоминал: «Коротко стриженный тип в кашемировом пальто цвета морской волны и при галстукке, с пистолетом в руке, орал: „Не валяйте дурака, не то буду стрелять!“ (По другой версии, он кричал: „У меня бомба!“ — **М. Т.**) <...> Мы подняли руки. Он весь дрожал. Он выстрелил. <...> Первая пуля разнесла зеркало в нескольких сантиметрах от Лебовичи. Вторую пулю бандит — ну не цирк ли — пустил в живот сообщнику, который рухнул. Лебовичи дал ему денег. Вийоке убежал». На суде над Вийоке Лебовичи разыграет приступ амнезии. Для богача-революционера, зачарованного мифом бандита-бунтаря (что сыграет в его жизни роковую роль), не могло быть и речи о том, чтобы свидетельствовать против кого бы то ни было.

Как оказалось, Вийоке с друзьями подслушали в баре неподалеку от агентства, в районе площади Звезды, актерскую болтовню о гонорарах, которые платит Лебовичи, и решили навестить его, наивно полагая, что сейфы в кабинетах продюсеров набиты наличкой.

Вскоре уличные сражения между Вийоке и полицией стали для парижан почти рутинной. Да и перестрелки, как таковые, тоже: если в 1972 году они приключались в Париже шестьдесят восемь раз, то в 1973-м — уже сто сорок. 14 января 1974 года патруль заметил подозрительный грузовичок на бульваре Виктор. Двух пассажиров, старого бандита из Тулузы и ту самую юную Мартин, удалось схватить, но Вийоке ушел отстреливаясь: с пулей в животе он развил спринтерскую скорость. Через три дня «флики» обложили его на улице Сен-Мор, но упустили, побоявшись открыть ответный огонь в толпе прохожих. Вийоке укрылся на стройплощадке, среди рабочих, — и снова «флики» не ответили на его выстрелы. От быстрого бега открылась рана на животе — он зашьет ее на хазах простой иглой.

Вийоке снова бежал за границу, но ненадолго: не мог прохладиться в Амазонии, пока Мартин за решеткой. Ради ее освобождения он намеревался похитить иноземного посла, но его сдал арестованный сообщник. 29 июня 1974 года Жана Шарля наконец взяли на Елисейских Полях, на уличном филателистическом рынке: на сей раз «флики» не церемонились — всадили в него шесть пуль. Бруссар меланхолично заметил: «Чудо, что был ранен только один прохожий». Уже через три дня живучий, как черт, Вийоке брился в камере — стоя, без посторонней помощи.

Затем был побег из зала суда. Счастливо воссоединившиеся супруги со стрельбой промчались по Бенилюксу, но Жана Шарля гнала обратно, в Париж, новая идея фикс: освободить Жака Месрина, с которым познакомился в Сантэ. Романтическое чувство товарищества, впрочем, двигало им в той же, если не в меньшей, степени, что и чувство вины: провиниться перед Месрином было вредно для здоровья.

Вийоке в Сантэ распирало от желания сотворить что-нибудь на пару с самим Месрином. Сначала Месрин, который, где бы он ни сидел, поддерживал связи с волей, достал оружие для кореша Вийоке. Маузер с досланной в ствол пуль ждал своего часа в туалете Дворца правосудия. Стоило корешу Чарли — так Месрин называл Вийоке — завладеть револьвером, один-единственный жандарм шутя скрутил его.

«Бывает», — рассудил Месрин. Но, узнав по радио о побеге Вийоке из Дворца, впал в ступор и бешенство одновременно: бежать-то они должны были вместе. По словам Месрина, это он расписал все действия Мартин, рекомендовал воспользоваться гранатой: в человека с гранатой никто не выстрелит. По плану, супруги запирались с заложниками в одной из комнат

и требовали доставить к ним Месрина, с которым затем уходили подготовленным маршрутом в США. Вийоке же за несколько дней до акции узнал, что комната, где предполагалось забаррикадироваться, на ремонте, и, не предупредив Месрина, бежал в одиночку. «Чарли выбросил ключи, которыми мог отворить мне врата свободы. <...> Если Чарли мне ничего не должен, то и я не должен ему ничего».

Однако, когда Вийоке связался с ним, Месрин, пусть и без энтузиазма, дал ему шанс исправиться. Увы, Чарли был неисправим. В конце сентября Месрин переслал ему указания не только, что делать, но и — самое главное — строжайшие инструкции, чего не делать ни в коем случае. В общих чертах план, который Месрин дополнил — втайне от Чарли — запасным вариантом, сводился к следующему. Вийоке и два вызванных из Канады друга Месрина похищают высокопоставленного чиновника и оппозиционного политика: жизнью оппозиционера власть бы не рискнула. Вийоке передает письмо с требованием обменять Месрина на заложников его адвоката, а тот — генеральному прокурору.

То ли разобравшись в логике Вийоке, то ли услышав «стук», полиция терпеливо караулила его у офиса адвоката в районе площади Звезды. Ранив инспектора, он снова ушел — на автомобиле с заложником-водителем. На мостовой осталась раненая беременная Мартин: в ее сумочке нашли гранату и план Месрина: за три недели Вийоке не удосужился выучить его и уничтожить. Месрин со вздохом подытожил: «Может быть, он и опасный стрелок, но организатор — никакой». Окончательно добило его то, что Чарли, «враг номер один» в бегах, готовящий сложнейшую операцию, позволял себе убегать по пожарной лестнице не расплатившись из недешевых отелей, в которых останавливался: «Если у него денег не было, он что, не мог пойти и ограбить банк?!»

Отсидев пять лет, Мартин, родившая в тюрьме сына Вильяма, начнет новую жизнь и мужа больше не увидит.

Убежище Вийоке на улице Осло вычислили быстро: его взяли 1 декабря 1975 года с соблюдением всех ритуалов «игры в полицейских и воров». Вийоке и Бруссар, актеры и зрители собственного спектакля, перевоплотились в киногероев, благородных и достойных друг друга соперников. Правда, разыгранная ими церемония была, на взыскательный взгляд, римейком нашумевшего в 1973 году ареста Бруссаром Месрина.

Комиссар торжественно обратился к Вийоке через дверь: «Ты окружен, сдавайся...» Выглянув в окно и увидев во дворе вооруженное оцепление, преступник дал столь же ритуальный ответ: «Знаю я вас, вы убьете меня». Бруссар выучил роль назубок: «Слово чести, не убьем. Если хочешь, я войду один, без оружия и бронежилета, как входил к Месрину. Сумей проиграть, как он». Сравнение польстило: Вийоке капитулировал, но комическая деталь смазала пафос. Признавшись, что при всем желании он не может открыть дверь за отсутствием ключей, преступник любезно предложил выломать ее. Полицейский охладил его пыл и безыскусно воспользовался отмычкой. Вийоке сидел на полу с двумя кольцами. Увидев в проеме фигуру комиссара — идеальную мишень, — присвистнул: «Я знал, что Бруссар самодоволен, но не до такой же степени». «Актеры» пожалы друг другу руки.

Услышав об этом водевиле — как водится, по радио, — Месрин мстительно припомнил слова Чарли по поводу его ареста в 1973 году: «Знаешь, Жак, на твоём месте я бы никогда не сдался».

Занавес? Не совсем. Вийоке, как положено, пообещал, что непременно сбежит, но слово не сдержал: попытка побега в марте 1987 года сорвалась. Отсидев четырнадцать лет из двадцати, он в третий раз женился, собирался открыть в Буэнос-Айресе ресторан и, действительно, курсировал между Францией и Аргентиной. Но горбатого могила исправит. 9 декабря 1990 года две пули — в голову и сердце — оборвали его карьеру, когда он грабил вдову антиквара Розу Кан, которой исполнился восемьдесят один год. Вийоке явился к ней с фальшивым полицейским удостоверением: дескать, ищу цыган-грабителей. Перед смертью он тяжело ранил «флика».

Даже с того света неугомонный Вийоке ухитрился взорвать информационную бомбу. В ноябре 2000 года журнал «VSD» обнародовал записки бандита о Патрике Деведжяне, который в 1970-х был адвокатом Вийоке, а на момент публикации стал заметным политиком-голлистом. Его карьера начиналась далеко не академично. В 1965 году Деведжян, член ультраправой студенческой организации «Оксидан» и любитель уличных потасовок с леваками, получил год тюрьмы с отсрочкой за хранение оружия, но это выеденного яйца не стоит по сравнению с тем, что наговорил о нем Вийоке.

Заодно обнаружили и разночтения в «показаниях» Вийоке и Месрина. «Враг общества» обратился к Деведжяну по совету друга, давшего понять, что тот может оказать не только юридическую помощь, и не ошибся. В апреле 1975 года именно адвокат, а не человек Месрина якобы спрятал в туалете Дворца правосудия пистолет. Не просто для кореша, а для Патрика Ланглуа, бывшего шурина Вийоке. В мае он же обещал пронести в Сантэ еще три ствола и две гранаты, а в сентябре — справил уже сбежавшему из тюрьмы Вийоке бельгийский паспорт. Дабы у того было чем расплатиться за услуги, Деведжян дал ему наводку и даже набросал план предстоящего налета.

Загробные разоблачения бывшему адвокату не повредили. Начиная с 1986 года он благополучно чередовал депутатские мандаты с министерскими постами, последний из которых покинул в 2010 году, а в 2007–2008 годах занимал пост генсека правящей партии «Союз за народное движение». А «VSD» весьма оперативно, уже в январе 2001 года, приговорили выплатить Деведжяну сто тысяч франков за «диффамацию».

P. S. Марк Мауад и Ролан Сиксис сняли документальный фильм «Эстет Вийоке» (2009).

ВТОРОЙ ОКРУГ

Глава 4

Улица Монмартр, 146

«Они убили Жореса!» (1914)

Как выглядело кафе «Круассан» (улица Монмартр, 146) в 1915 году, описал Лев Троцкий: «Одно из чисто парижских кафе: грязный пол в опилках, кожаные диваны, потертые стулья, мраморные столики, низкий потолок». С середины XIX века его постоянную публику составляли редакторы, публицисты, просто сотрудники газет и типографий, во множестве располагавшихся по соседству. От одного из «отцов» республики Леона Гамбетта до будущего премьера Жоржа Клемансо: в соседнем доме номер 144 помещалась редакция его газеты «Л'Орор», 13 января 1898 года опубликовавшей «Я обвиняю!» Эмиля Золя. С тех пор кафе мало изменилось, лишь мемориальная доска напоминает: здесь 31 июля 1914 года в 21.40 был убит один из великих его завсегдаев — Жан Жорес.

Двадцатидевятилетний Рауль Вийен стрелял с улицы, приподняв занавеску на открытом из-за жары окне. Жорес не рухнул, а тихо опустил голову на столик. Первая пуля пробила затылок создателю и главному редактору «Юманите», когда, отодвинув срочные депеши и недоеденную тарталетку с клубникой, он склонился над цветной фотографией дочери друга-журналиста Рене Долье, которую тот с гордостью показывал ему. Вторая пуля ушла в зеркало.

Накануне ночью, рыская вокруг редакции «Юманите», за два дома от кафе, Вийен спросил прохожего, кто из выходящих из здания людей — Жорес. В отличие от убийцы, весь Париж знал в лицо пятидесятичетырехлетнего толстяка с топорщащейся седой бородой и в пиджаке, на котором вечно отсутствовали пуговицы. Неряшливый чудак волшебным образом преображался на митингах. Троцкий писал: «На трибуне он кажется огромным, а между тем он ниже среднего роста. Коренастый, с туго сидящей на шее головой, с выразительными,

„играющими“ скулами, с раздувающимися во время речи ноздрями, весь отдается потоку своей страсти». Его «огромный, поражающий, как чудо» голос «обрушивал скалы, гремел, потрясал».

Жорес возглавлял не только французскую, но, принимая во внимание его авторитет, и всю европейскую социал-демократию. Ни разу не согласившийся стать министром, он, и только он, мог предотвратить мировую войну, в которую еще не вылились начавшиеся 28 июля военные действия между Австро-Венгрией и Сербией. Он уже добился невозможного: немецкие и французские социалисты договорились о всеобщей забастовке в случае мобилизации: «Лучше восстание, чем война». Но стачка могла состояться лишь при живом Жоресе, а смерть уже играла с ним в кошки-мышки.

29 июля он уехал в Бельгию на экстренное заседание бюро Интернационала: в королевском цирке в Брюсселе Жорес и Роза Люксембург воспламят десять тысяч слушателей: «Аттила на краю бездны, но его конь еще спотыкается и колеблется! Кто же остановит этого коня?» На перроне Северного вокзала ему пришлось собирать вещи, вывалившиеся из чемодана, который он, как всегда, плохо закрыл. А в то же самое время на перрон Восточного вокзала ступил Вийен. В кармане у него лежал револьвер, одолженный у друга. В Париже он купит второй, чтобы друга не компрометировать. Из криков газетчиков молодой человек узнал: суд оправдал жену министра Кайо, застрелившую главного редактора газеты «Фигаро» (21). Это приободрило его, но настроение тут же испортили железнодорожники, оглашавшие вокзал «Интернационалом» и криками «Да здравствует мир!».

Не зная об отъезде Жореса, Вийен прямо с вокзала отправился на автобусе к его дому. Не дождавшись жертву, написал бессвязное письмо отцу: «Я в отчаянии, убит, удручен». Неизвестно, каким образом он узнал адрес Жореса, не внесенный ни в один справочник, как безошибочно сел на нужный автобус, где провел ночь.

30 июля Вийен снял комнату в пансионе, а Жорес вернулся в Париж, узнав о мобилизации в России. Он добивался аудиенций в правительстве, заклинал депутатов, уговаривал, грозил, разоблачал главного поджигателя войны — русского посла Извольского. Вийен, изнемогая от жары, ждал и дождался его у редакции, долго смотрел в спину Жореса через окно «Круассана», но выстрелить не смог.

31 июля Жорес продолжал свою безумную гонку. Расставаясь с ним, замминистра иностранных дел Абель Ферри заметил со странной улыбкой: «Сначала нас убьют, а потом пожалеют». Вийен бродил по бульварам, читал газеты и слушал концерт в Люксембургском саду. Навестил бабушку друга, поставил свечу Жанне д'Арк в Нотр-Дам. Купил патроны, побывал у портного и парикмахера. Днем подкрепился омлетом с травами в ресторане. К ужину заказал итальянское вино, кофе и алкоголь: это обошлось в семь франков — ужасное транжирство, но ему «нужны были силы».

Полужинав, он снова пошел к редакции, но привратник сказал, что «господа» еще в палате депутатов. Подавленный Вийен поплелся восвояси и, возможно, махнул бы на все рукой или застрелился сам, но механически заглянул в окно кафе. Ирония судьбы: Жорес оказался там случайно. Журналисты собирались ужинать в ресторане «Кок д'ор», но толстяку Жоресу было лень тащиться по жаре. Но и тогда Вийен не выстрелил сразу: нарезал круги по кварталу, мог бы струсить, если бы не крики проклятых газетчиков.

Жореса убили, и мировая бойня стала реальностью. Роковое покушение никак не могло не быть результатом заговора, в пользу которого вроде бы нашлись доказательства. Журналист Рену видел, как перед убийством в кафе заглянул молодой яркий брюнет в мягкой шляпе: «Это был не случайный взгляд прохожего». И это был явно не Вийен в своем дурацком канотье — «высокий, худой, аккуратно одет, как служащий со средствами или студент. Блондин, достаточно длинные волосы, усы подстрижены на американский манер», как гласил его словесный портрет, составленный сразу после ареста. Усы, не доверившись парикмахеру, он, отправляясь убивать, подстриг сам.

Журналист, принесший Жоресу телеграммы, видел трехчетырех человек, следивших за кафе в 21.30. В 21.15 их заметила кассирша: худой верзила в соломенной шляпе и ярко-зеленом костюме показывал на Жореса — «там, в углу», но и это был не Вийен. Их же заметил и секретарь редакции, встревоженный угрозами националистов — «королевских молодчиков» — поставить к стенке «предателей». Видмера, хозяина кафе, некий человек с иностранным акцентом спросил, кто здесь из «Юманите», и, увидев Жореса, сразу ушел.

Следствие заговор не обнаружило, да не очень-то и искало. Однако не нашли его и историки. Тем не менее заговор был, но почти метафизического свойства.

После убийства кафе, как третий выстрел, пронзил женский крик: «Они убили Жореса!» Жак Брель спел в 1977 году о поколении «дедов»: «За что они убили Жореса?» «Они» — это все и никто, шовинистическая, буржуазная, клерикальная Франция, мечтавшая намять бока бошам за поражение в 1870 году и оккупацию Эльзаса-Лотарингии. «Они» давно приговорили Жореса, патриота, готового защищать родину, но верящего, что войны можно и нужно предотвращать.

Правые газеты так долго твердили: «убить Жореса», что эти слова нельзя считать метафорой. «Первое, что мы сделаем, как только объявят войну, — расстреляем Жореса», — еще в 1911 году заявлял поэт Шарль Пеги (в 1914-м он падет смертью храбрых). «Жорес — похабная девка на содержании у немцев» — это писатель Шарль Моррас. Газета «Л'Евре» пугала (1912): «Банда Жореса получила из Берлина приказ срочно парализовать французскую мобилизацию» и предвкусала (1914): «Мы с явным удовольствием увидим, как его расстреляют».

Когда тебя проклинают враги — это не страшно. Слишком поздно выяснится, что сходные чувства к Жоресу до поры до времени не афишировали и такие респектабельные республиканцы, как пылкий дрейфусар Клемансо, премьер Франции в 1906–1909 и 1917–1920 годах. Противник смертной казни ничего не имел против внесудебной расправы. «Провиденциальное событие случилось в июле 1914-го. <...> Я не шучу, поскольку, если бы во время войны у нас был Жорес, мы никогда бы не одержали победу. <...> Вот кем был Жорес — опасным идиотом. Повторяю, его убийство дало Франции шанс».

В канун войны истерика достигла пароксизма. Слова Леона Доде (23) в газете «Аксьон франсез» «Мы не хотим никого подстрекать к политическому убийству, но пусть мсье Жорес содрогнется» почти деликатны по сравнению вот с этим: «Генерал, который прикажет четверем рядовым и капралу поставить к стенке гражданина Жореса и всадить в него в упор свинец, нехватку коего ощущает его мозг, исполнит свой самый элементарный долг. Я бы ему помог...»; «Герр Жорес не стоит двенадцати пуль расстрельного взвода, хватит с него поганой веревки». Эти заклинания черных магов материализовали из ниоткуда Вийена, образцового «господина Никто», «податливого, как воск» сына писаря из Реймса.

Знакомый аббат говорил о нем: «Деликатный, чувствительный, но безвольный, лишенный энергии. Мечтатель. Он воображал, что способен на вещи, которые не мог совершить». Домохозяйка вторила: «В нем было что-то девичье <...> скромный и сдержанный <...> не сумасшедший, а странный». «Прямодушный, искренний, верный <...> никаких низменных интересов, ни корысти, ни желания прославиться», — уверял честнейший Марк Санье. Двадцатилетний Вийен увлекся его христианско-социалистическим движением «Сийон» («Борозда») и целый год питался если не хлебом и водой, то круассанами и молоком — копил тысячу франков, чтобы внести их в фонд движения.

Деньги присылал отец — сто пятьдесят — двести франков в месяц. Сам Вийен был не способен зарабатывать. Сельхозшколу он закончил с грехом пополам: то болел, то отбывал воинскую повинность. В армии однополчане глумились над «девчонкой» Вийеном за коленопреклоненные молитвы, терзали антивоенными куплетами. Работу он быстро потерял, а новую не нашел, так и болтался между Парижем и Реймсом. Из жалости его взял в секретари аббат Кальве. Из жалости ему поставили удовлетворительную оценку на экзамене по египтологии в школе Лувра. Его все искренне жалели.

Мать выкинула двухлетнего Рауля из окна и провела остаток жизни в лечебнице. Бабушка свихнулась на религии, тщательно мыла стулья, на которых сидели ее немногочисленные гости, не покидала комнату, готовясь к божественной миссии. Отец менял любовниц как перчатки: сначала Рауль мечтал их убить, потом возненавидел женщин. Девственник, он пару раз покупал проституток и просил раздеться — не более того.

Тогда Вийен «искал идеал красоты», рыдал перед Реймским собором, на Акрополе, повстречав на парижском рассвете только что причастившуюся девушку с лицом невыразимой «невинности и красоты». Еще немного, и он бы изошел на слезы, если б не находился в вечных поисках. Объявил себя толстовцем и оставался в этой уверенности, даже когда его судили за убийство. Его потряс «Сид» в «Комеди франсез», и он замыслил драму про Эльзас и Лотарингию, «которая разжалобит всю Францию». На суде говорил, что его интересовали лишь две утраченные провинции и величие родины.

Как способствовать ее величию, он решил не сразу. Сначала мечтал умереть за нее, потом — убить и умереть, потом — просто убить. В эльзасском замке Хохкенигсберг в ноябре 1911 года в душе юноши вспыхнуло страстное желание убить кайзера, но он помиловал «единственного среди монархов Европы знатока искусств». С лета 1913 года миссия, «подобная миссии Жанны д'Арк», оформилась: убить Жореса. Почему именно его? Да потому, что Вийен читал газеты.

Убив, он бежал, но метранпаж Юма Тисье догнал его и оглушил ударом трости по голове, а толпа едва не линчевала. Убийство осудили даже те, кто бредил расстрелом Жореса. Власти опасались бунта: в Париж ввели два полка кирасир. Но рабочий класс наутро покорно пошагал на призывные пункты. Тем не менее Вийен провел под следствием пятьдесят шесть месяцев. Его боялись судить, пока эйфория будущей победы не затмит процесс. Все считали его блаженным, а он в письмах из тюрьмы инструктировал друзей, каких показаний от них ждет: следовало говорить о его аполитичности и дурной наследственности.

Суд состоялся 24–29 марта 1919 года. Звезды политики сравнивали Жореса с Руссо и Гюго, превозносили его патриотизм, уверяли, что, будь он жив, непременно боролся бы с большевизмом. Никто не требовал головы Вийена, ведь Жорес ненавидел смертную казнь. Защита просила простить убийцу: какие счеты между французами после победы, помиримся, братья. Присяжные единодушно оправдали его, сочтя простительным убийство «на почве страсти», и обязали семью Жореса оплатить издержки. Социалисты заявили, что Жореса убили во второй раз, бунт опять не случился, но Вийену было страшно: под его окнами в Осере, куда переехала из разрушенного немцами Реймса его семья, бушевали демонстранты.

Его охотно приглашали, как пикантную диковинку, хозяйки салонов, но Вийен уехал в Париж, сменил имя на Рене Альба и отпустил бороду. Не найдя работы, собрался было в США, но 19 апреля 1920 года попался на сбыте шестисот тридцати пяти фальшивых однофранковых монет. Из обжитой тюрьмы Сантэ он вышел в октябре, уплатив сто франков штрафа. Подоспевшее тетушкино наследство позволило исполнить мечту о путешествиях. На шесть лет он пропал из виду, а в 1932 году обнаружился в Барселоне, где ждал парохода на Таити: там он решил поселиться. Парохода все не было: коротая время, Рауль посетил Ибицу и влюбился в нее: какое, к черту, Таити.

Архитектор Рене Поль Гоген, внук художника, взялся построить Вийену дом: только бы он не проектировал его сам, обезобразив округу. Однако, не получив гонорар, Гоген устранился, и Вийен возвел дом своего бреда: комнаты без окон, лестница в никуда, башенки, люки, во дворе — исполинский крест.

Потом он сошел с ума. В колониальном костюме, ставшем из белого черным, бродил по Ибице, хохоча и распевая «Братца Жака». Дети кидали в него камни. Взрослые забыли его имя и звали «чокнутым из порта». Наверное, он не заметил, как в Испанию пришла гражданская война, и не догадывался, что при республиканцах, выбивших с Ибицы фашистов, не стоит превозносить католицизм. Неизвестно, когда точно — между 13 и 17 сентября 1936 года — вооруженные люди увели его из дома-галлюцинации и сколько дней провалялся на пляже труп расстрелянного убийцы.

Р. С. В телефильме Франка Гутке «Смерть депутата Жореса» (ФРГ, 1970) Жореса играл Вольфганг Бютнер, Вийена — Эрнст Якоби, Морраса — Петер Франк, в телефильме Анжа Каста «Жорес: жизнь и смерть социалиста» (1980) Жорес — Бернар Фрессон, Вийен — Жерар Ле Кайу. Жореса также играли: Фриц Райф («Дрейфус» Рихарда Освальда, Германия, 1930), Александр Гранах («1914. Последние дни перед войной» Рихарда Освальда, Германия, 1931), Вольфганг Бютнер («Дело Дрейфуса» Франца Йозефа Вильда, телефильм, ФРГ, 1968), Жерар Дарье («Бунтари» Пьера Баделя, телефильм, 1977), Пьер Сантини («Альбигойское лето» Жака Требута, телефильм, 1977), Вильям Сабатье («Эмиль Золя, или Человек совести» Стеллио Лоренци, телефильм, 1978), Андре Селье («Несколько людей доброй воли» Франсуа Вилье, телефильм, 1983), Шарль Ренье («Роза Люксембург» Маргарете фон Тротта, 1986), Рене Оберженуа («Великая война и рождение XX века», телесериал, 1996), Филипп Торретон («Жорес: рождение гиганта» Жана Даниэля Берега, телефильм, 2005), Жан Клод Дрюо («Отделение» Франсуа Ансса, телефильм, 2005), Андре Маркой («Бригады Тигра» Жерома Корнюо, 2006).

ТРЕТИЙ ОКРУГ

Глава 5

Площадь Вогезов, 21

Сименон и труп без головы (1924)

В октябре или ноябре 1924 года в особняке кардинала Ришелье — где, впрочем, сам кардинал не жил, зато жил его внучатый племянник, маршал де Ришелье, — поселился двадцатиоднолетний целеустремленный, талантливый, циничный, развращенный бельгийский журналист Жорж Сименон со своей женой Режин Реншон, которую все звали просто Тижки. Дом номер 21 на площади Вогезов стал на целых шестнадцать лет первым и, по сути, единственным парижским адресом главного детективного писателя Франции. Он и сам был героем — или антигероем — романа своей жизни, не менее увлекательного, чем, скажем, «Мегрэ и труп без головы»: кстати, обезглавленный труп в жизни Сименона тоже фигурировал. Не было роли из криминального репертуара, которую он не сыграл бы: свидетель, обвиняемый, следователь, пособник.

Из двухкомнатной квартиры на первом этаже, окнами во двор, супруги уже в конце 1927 года переехали на третий этаж в апартаменты окнами на площадь, сквер Людовика XIII, конную статую короля и четыре фонтана. Независимо от расположения окон и этажа, сам факт проживания здесь уже был симптомом успеха. Торжественная и просторная, обрамленная огромными, трехэтажными особняками из красного кирпича, почти квадратная площадь, старейшая в Париже (после площади Дофина), — вдохновенный ансамбль, возведенный в начале XVII века. Место, кстати, тоже не без зловещего прошлого. Раньше здесь стоял особняк Турнель, разрушенный в 1563 году по приказу Екатерины Медичи, чтобы стереть саму память о месте, где 10 июля 1559 года умер ее муж Генрих II, случайно, но смертельно раненный в глаз на турнире капитаном шотландской гвардии Габриелем де Монтгомери.

Да, Сименону и художнице Тижки, мастерице женских портретов, везло. Правда, так было не всегда: поначалу, когда в декабре 1922 года Сименон приехал покорять Париж, от рекомендательных писем бельгийских друзей видным правым политикам проку оказалось немного. Но вскоре юношу взял в секретари маркиз Жак де Траси, спонсор лиг ветеранов мировой войны, ударной силы ультраправых во время уличных беспорядков.

Гранд-дама французской литературы Колетт помогла Сименону найти издателей после того, как хорошенько вымуштровала его стиль, отучила от красотостей, научила простым языком рассказывать о простых вещах. Колетт знала, чего ждет массовый читатель. Из-под

пера Сименона, жонглировавшего двадцатью семью псевдонимами, хлынуло приключенческое, сентиментальное, эротическое чтиво, позднее — репортажи со всех концов света. Феноменально работоспособный юноша писал по две книги в неделю, по восемьдесят страниц в день: в общей сложности он создал сто девяносто два романа и сто пятьдесят восемь повестей под своим именем, еще сто семьдесят шесть — под псевдонимами.

Сименон стал не просто популярным писателем — звездой. 14 января 1927 года он заключил сенсационный контракт с газетой «Пари матиналь», обязавшись писать сидя в стеклянной клетке на всеобщем обозрении. Газета разорилась раньше, чем оборудовала клетку. Но контракт произвел такой фурор, что многие, включая Илью Эренбурга, клялись, что своими глазами видели, как Сименон работает в клетке, перед толпой зевак, а каждую написанную им страницу немедленно уносят в типографию.

Его личная жизнь была не менее сенсационна. В октябре 1925 года он стал любовником самой яркой звезды парижских кабаре, чернокожей Жозефины Бейкер, чей сценический наряд состоял лишь из пальмовых листьев: это она за одну ночь заразила Париж модой на танец шимми. Жена якобы ни о чем не догадывалась, хотя целых два года они выезжали на отдых втроем с Жозефиной.

Вскоре Сименон придумал персонажа, обессмертившего его имя. В июле-октябре 1930 года газета «Рик э Рак» опубликовала с продолжением из номера в номер «Петра-латыша», первое из произведений о Жюле Жозефе Ансельме Мегрэ (всего о нем было написано семьдесят пять романов и двадцать восемь повестей). Впрочем, по поводу того, по страницам какого издания впервые тяжело прошептал комиссар с трубкой, в плаще, пропахшем супом мадам Мегрэ, есть разные мнения. Образ Мегрэ слился с образом его создателя в сознании не только читателей, но и «фликов». 18 апреля 1952 года на приеме в честь Сименона на набережной Ювелиров, 36 — в легендарной резиденции парижского угрозыска, — ему вручили удостоверение № 0000 на имя Мегрэ.

По поводу прототипов Мегрэ тоже существуют различные версии. Вот, например, комиссар Николь, в чью бытность шефом спецбригады Сименон стал своим в кабинетах следователей. Николь не расставался с трубкой — вылитый Мегрэ. А вот комиссар Ксавье Гишар по прозвищу Львиное Сердце, в 1912 году гонявшийся за бандой Бонно (45): это он даровал Сименону невиданную привилегию присутствовать на утренних планерках и психиатрических экспертизах. Или комиссар Жорж Виктор Массю, арестовавший с 1911-го по весну 1944-го три тысячи двести пятьдесят семь человек. Это он первым в марте 1944 года напал на след чудовищного доктора Петио (38). Если бы 20 августа 1944 года самого Массю не арестовали, обвинив в сотрудничестве с нацистами, Доктора Сатану обезвредили бы гораздо быстрее.

Но чаще всего прототипом Мегрэ называют Марселя Гийома, шефа спецбригады в 1930–1937 годах — между Николем и Гишаром — участника всех сенсационных расследований эпохи: дела Бонно, отравительницы Виолетты Нозьер (28), афериста Ставиского (24), казака Павла Горгулова, застрелившего 6 мая 1932 года президента Поля Думера. Он блистательно расколол в феврале 1928 году на двадцать седьмом часу допроса ювелира-убийцу Шарля Месторино, а в 1945 году руководил французскими следователями, выяснявшими судьбу Гитлера.

Он же в августе 1932-го раскрыл негромкое и грязное дело Фердинанда Деблова, который годом раньше в отеле на улице Моберж убил из ревности — выстрелом из спрятанного в кармане револьвера — испанца-жиголо Карло де Техада. Хотя какая там ревность: свою жену — виновницу убийства — сутенер Деблов лично определил в барселонский бордель. Главное в деле то, что Деблов — друг юности и герой книги Сименона «Три преступления моих друзей» (1937). Это он пригласил Сименона в сатирическую газету «Нанесс», оказавшуюся на поверку прикрытием для вульгарного шантажа, что не помешало писателю проработать там с февраля 1924-го по ноябрь 1925 года. Но Деблов — лишь один из трех героев книги. Друзья Сименона — монстры, как на подбор.

Неудивительно: работая с шестнадцати лет криминальным репортером «Газетт де Льеж», он, что в родном Льеже, что в Париже, не просто искал в мутной воде баров и борделей фактуру для книг, но чувствовал себя там в родной стихии.

Второй друг — некто Факир, шарлатан и кокаинист — сгубил двадцатичетырехлетнего живописца Жозефа Жана Клейна, собутыльника Сименона по буйной и грязной богемной компании «Спутников Апокалипсиса» (или «Бочки сельдей»). Одурманив и загипнотизировав Клейна, Факир лишил его разума и человеческого облика. 2 марта 1922 года Клейн повесился в Льеже на воротах собора Сен-Фольена. Сименон откликнулся на гибель друга статьей с кричащим заголовком: «Отчаявшийся повесился на воротах церкви! Жертва наркотиков!»

При этом, по словам самого Сименона, который видел Клейна последним, за несколько часов до гибели тот был пьян настолько, что не мог пошевелиться. Откуда взялись у него силы свести счеты с жизнью? Льеж шептался: Жана убили. То ли торговцы наркотиками, то ли сами «спутники».

Третий друг — Гиацинт Дане, букинист из Льежа, графоман, любитель оккультных практик и маленьких девочек, купивший «Нанесс» у Деблова. За публикации в газете его в июле 1926 года приговорили к двум годам тюрьмы, но заочно: Дане успел бежать за границу. В 1933 году он отправился за решетку уже навечно. Любовница, отданная Дансом в парижский бордель, решила порвать с ним — букинист убил и ее, и свою мать в домике, который снимал под Парижем. Молотком по голове, ножом по горлу: нахлынули детские воспоминания о том, как забивают свиней на ферме. Вернувшись в Бельгию, Дане хотел было исповедаться своему духовнику, старому иезуиту, но передумал и застрелил его. Сименон полагал, что преступник умер в тюремной психушке, но Дане жил еще долго: в марте 1939 года просил адвоката прислать ему «Три преступления», а в 1952–1953 годах писал самому Сименону. Письма не остались без ответа: в 1954 году Сименон через издателя Свена Нильсена передал Дансу пятьсот бельгийских франков.

* * *

Сименон самонадеянно считал, что с таким-то знанием дна справится с любым расследованием не хуже Мегрэ. Шанс вскоре представился. Связи с властью имущими афериста Ставиского, «застрелившегося» в январе 1934 года — Ставиский скупил чуть ли ни весь правящий класс, — расследовал тихий судейский чиновник Альбер Пренс: доложить результаты он должен был в начале марта. Но 20 февраля его растерзанный и обезглавленный труп нашли на железнодорожных путях под Дижоном. Рядом валялся раскрытый пустой чемоданчик, в котором, очевидно, хранился отчет. Убийцы — в этом было уверено общественное мнение, отказавшее в доверии любым государственным институтам, — выманили Пренса в Дижон, сообщив о болезни матери, и поджидали у поезда. Свидетели видели, как на вокзальной площади он отбивался от людей, заталкивавших его в автомобиль. Однако три врача, проводившие вскрытие, дали заключение: самоубийство. С ними категорически не согласились семь экспертов, проводивших повторное вскрытие. Полиция настаивала на самоубийстве и представляла жертву развратником-наркоманом.

Газета «Пари суар» пошла на поводу общественности, объявив 20 марта, что ангажировала независимых следователей — трех асов британской разведки и Скотленд-Ярда плюс Сименона. Первым репортажем Сименона стал отчет об их встрече в Дижоне. Особенно удалось ему описание доброго, близорукого взгляда экс-шефа Сикрет интеллидженс сервис, сэра Бэзила Томсона. Читатели так и не узнали, что Бэзил во Францию даже не приехал.

Сименон и раньше обращался с фактами фамильярно. Случайно оказавшись в одном лифте с Гитлером во время поездки в Германию в 1933 году, он расписал в газете четыре встречи в берлинском отеле «Кайзерхоф» с фюрером, пожертвовавшим ради журналиста

своим драгоценным временем в критический для его карьеры момент — за четыре дня до поджога Рейхстага.

К ужасу редакции, англичане подтвердили версию самоубийства Пренса. Отклонив крупную взятку за пересмотр своих выводов, они тем не менее согласились умолчать о них: владелец газеты Жан Пруво со слезами в голосе объяснил, что обнародование правды вызовет во Франции гражданскую войну. Англичане тихо вернулись восвояси, а Сименон ежедневно публиковал все более сенсационные тексты, основанные на методе Мегрэ — «искать человеческое объяснение драмы».

В полном соответствии с этим методом, дижонскую трагедию он расследовал, не вылезая из парижских притонов. В его представлении, Ставиский был гангстером а-ля Аль Капоне, поэтому искать ключи к тайне следовало в криминальном подполье Парижа. Подполье воспользовалось случаем, чтобы подшутить над фраером, а заодно — свести его руками кой-какие счета.

В ресторане «Котти» на авеню Ваграм Сименона подцепил на крючок букмекер, жулик и убийца (в 1920 году он застрелил человека за карточным столом) Гаэтан де Л'Эрбон де Люсс по прозвищу Барон. Впрочем, этот гражданин Монако был настоящим бароном, возможно единственным аристократом в криминальном подполье. В своей легальной ипостаси Барон держал рестораны на Монмартре и обеспечивал охрану VIP-персон, включая Карла II Румынского. За круглые суммы из редакционной кассы он из вечера в вечер называл Сименону новые имена людей, якобы замешанных в делах Ставиского и Пренса, а Сименон прилежно публиковал их.

Прислушивались к Барону не только писатель, но и осведомители инспектора Бонни (37), быстро просекшего, что Сименону дураят голову. Литератор грешил доверчивостью, ищейка — подозрительностью. Не веря, что Барон просто развлекается, Бонни 30 марта положил конец газетной «Шехерезаде», арестовав де Люсса и марсельских «крестных отцов» Карбоне и Спирито (50) по подозрению в убийстве Пренса. Сенсация лопнула быстро — троицу пришлось отпустить. Карьера Бонни была загублена, в отличие, что удивительно, от карьеры Сименона. По слухам, ему устроили «темную» криминальные «друзья», но обвинения в нарушении журналистской этики быстро заглохли, а читатели его простили.

* * *

Простили Сименону и историю, в 1945 году приведшую его самого на скамью подсудимых. Бельгийскому подданному мобилизация на мировую войну не грозила, он спокойно жил в своем доме в Вандее, а в мае-августе 1940 года, после оккупации нацистами Бельгии, работал уполномоченным по делам бельгийских беженцев в департаменте Верхняя Шаранта. Говорят, многих спас, помог восемнадцати тысячам соотечественников. Но говорят также, что, если соотечественник оказывался евреем, дверь перед ним захлопывалась. Потребовалось личное вмешательство разъяренного министра внутренних дел Жоржа Манделя (Ротшильда), чтобы Сименон помог группе ювелиров из Антверпена. Что ж, значит, Сименон в цикле из пятнадцати (или семнадцати) статей «Еврейская угроза» (июнь-октябрь 1921 года, «Газетт де Льеж»), основанных на «Протоколах сионских мудрецов», от всей души писал: «Евреи в своей разрушительной ярости и жажде наживы породили большевизм». Юный журналист призывал обрубить, «пока еще не слишком поздно», опутавшие весь мир щупальца «еврейского спрута», «интернационала золота и крови».

В том, что осенью 1944 года в освобожденной Франции его обвинили в коллаборационизме, наверное, сыграла роль и неприязнь соседей-доносчиков к столичной звезде, жившей в тяжелые годы по-прежнему, по-барски. В хозяйстве он держал трех коров, кур, уток, пчел, выращивал табак и дыни. Занимались этим, естественно, садовники и слуги, включая — при живой жене и с ее одобрения — хозяйскую любовницу Генриетту по прозвищу Шарик. Крестьяне шептались о бесстыжих голых девках, с хохотом носившихся по имению Сименона и даже выбегавших за его ворота. Зная сексуальные аппетиты и нравы

писателя, «мужчины, овладевшего десятью тысячами женщин», в это легко поверить. Особенно должна была разжечь злобу и зависть соседней пышной вечеринка в честь премьеры фильма Альбера Валентена по роману Сименона «Дом семи девушек», которую писатель закатил 30 января 1942 года в арендованном замке графа Алена дю Фонтеница.

Сименон был не столько идейным нацистом, сколько оппортунистом, превыше всего ставившим комфорт и деньги. При немцах ему однажды пришлось понервничать, опровергая инсинуации (возможно, близкие к истине) о его еврейских корнях. Явившийся к нему инспектор хвастался, что чует жидов за версту, и был уверен: фамилия писателя восходит к еврейскому имени Шимон. Необходимые справки о расовой чистоте в назначенный ему двухмесячный срок Сименон представить не мог: льезвские архивы то ли погибли, то ли были просто недоступны. Тогда он обратился напрямую к журналисту Жаку Люшеру, назначенному оккупантами куратором французской прессы, и за какой-то месяц все проблемы были улажены, арийское происхождение и католическая вера писателя — удостоверены письменно.

Но эта нервотрепка ничтожна по сравнению с выгодой, которую извлек Сименон из оккупации. 19 марта 1942 года он продал Альфреду Гревену, шефу созданной Геббельсом франко-немецкой кинокомпании «Континенталь-фильм» права на экранизацию романов о Мегрэ за 500 тысяч франков: в 1941–1944 годах вышли девять фильмов по книгам Сименона. В оккупированной Франции было издано восемнадцать его книг, еще четыре — в Бельгии; Сименон охотно писал и давал интервью нацистской прессе, правда о политике не заикался.

Тем временем лондонское радио назвало его предателем: такие слова отливались в пули. В ноябре 1942 года он переехал подальше от побережья Атлантики — вдруг союзники высадятся, — потом переехал еще раз. В 1944 году к нему явились с угрозами партизаны, а скорее всего, просто бандиты. Они удовольствовались тем, что отобрали у Сименона «ситроен». Позже он будет рассказывать, что сам, по велению сердца, отдал партизанам автомобиль, свинью и бочку вина.

После освобождения за Сименоном пришли, но сжалились над больным (у него был плеврит в тяжелой форме) писателем и в тюрьму не посадили, ограничившись подпиской о невыезде, конфискацией документов и арестом банковских счетов. В ожидании суда Сименон, дрожащий от страха, что со дня на день коммунисты захватят власть, выписывал коммунистическую «Юманите» и лихорадочно читал ее, овладевая ненавистной «красной» риторикой.

Он предпочел бы бежать за океан — мешала проклятая подписка.

Но 18 апреля 1945 года суд в Ла-Рош-сюр-Йон оправдал писателя. 24 августа он получил вожделенную визу и отбыл в США. Вовремя: через шесть дней парижская уголовная полиция потребовала ареста и высылки писателя. Считается, что Сименона оправдали благодаря вмешательству бельгийских властей. Но все было гораздо смешнее. Якобы от лица правительства Бельгии за Сименона ходатайствовал некто «Н. de К.», как именует его биограф писателя Пьер Ассулин. Авантюрист, выдававший себя за героя Сопротивления, засвидетельствовал, что Сименон без малейших колебаний выполнял по заданию подполья опаснейшие миссии. Услуги липового героя обошлись Сименону в три миллиона франков.

Правда, 19 июля 1949 года Комиссия по чистке литературы все-таки признала Сименона виновным и наложила двухлетний запрет на публикацию его произведений и распространение уже опубликованных. Но великий адвокат Морис Гарсон (14), с начала 1930-х годов защищавший писателя от прототипов его героев, требовавших безумные компенсации за мнимый моральный ущерб, подал на апелляцию и выиграл дело. Тем не менее в Европу Сименон окончательно вернулся лишь в 1955 году и жить предпочел в Швейцарии. В 1985 году он неловко опровергал в письме к своему биографу Жану Кристофу Камю свое юдофобство: да у меня все друзья — ну не все, конечно, но вот, например, известный редактор Пьер Лазаревф — еврей, а когда я был маленький, в мамином пансионе всегда жили евреи.

* * *

Печальнее сложилась судьба Кристиана, его младшего — на три года — брата, в июне 1943 года навещавшего Жоржа в его имении. Хотя честнее было бы печалиться о судьбе тех, кто имел несчастье повстречаться Кристиану в годы войны. Он долгое время работал на административных должностях в Матади (Бельгийское Конго), а в 1940 году, на свою беду, приехал в отпуск на родину, где его застигла молниеносная немецкая оккупация. Денег у него не было, он много пил, но, быстро сориентировавшись, вступил в ряды рексистов — бельгийских нацистов, — у которых стал кем-то вроде главного интенданта, главой Национального корпуса сельского хозяйства и продовольствия. Лидер «Рекса» Леон Дегрель называл его звездой своего «генштаба». Боман, шурин Кристиана, возглавил льежских рексистов. Но к смерти в августе 1946 года его приговорили не за это: имя Кристиана Сименона связано с одним из самых отвратительных преступлений рексистов — «бойней в Курселе».

17 августа 1944 года подпольщики расстреляли Освальда Энглебена, бургомистра Шарлеруа, что в полусотне километров к югу от Брюсселя, его жену и сына: его предшественника Проспера Жана Тегхельса убили еще в ноябре 1942 года. Узнав об этом, в брюссельском штабе «Рекса» объявили ночную боевую тревогу и снарядили зондеркоманду в помощь товарищам: около ста пятидесяти активистов. Возможно, Кристиан попал в нее случайно — гребли всех, кто мог держать оружие, а он оказался в дурное время в дурном месте. Ему предстояло пройти партийный ритуал «крещения кровью», если, конечно, он не прошел его раньше. Есть сведения, что Кристиан состоял в «Формировании-18», «скорее банде уголовников, чем маргинальной политической организации», созданной для карательных акций в ответ на убийства рексистов.

В Шарлеруа местные нацисты уже развязали слепой террор: убили семь человек, сожгли несколько домов. Подкрепление требовалось, чтобы заставить шахтерский «черный край» содрогнуться, вырезав местную элиту. Вместо задуманных ста заложников каратели схватили два десятка человек: полицейских, врачей, архитекторов, юристов и просто тех, кому не повезло. Кристиан участвовал в ночных арестах адвоката Леонса Майенса, полицейского комиссара Реймона Дельво и доктора Артура Сильмана: жену адвоката он угрожал убить, если прятавшийся в подполе Майенс не сдастся.

На заре 18 августа девятнадцать заложников, включая трех женщин, зверски убили в подвале одного дома в Курселе. Среди них был пятидесятидевятилетний священник Пьер Арминьи, декан (старший настоятель нескольких приходов) Шарлеруа, духовный лидер «черного края», профессор Высшей школы философии в Лувене, народный любимец, связанный с коммунистическим подпольем. Кюре всадили две пули в затылок, а Кристиан, мальчик из набожной семьи, выпустил в него девять пуль из автомата: семь из них — в лицо. Потом труп пронзили штыками. Выстрелы заглушал шум автомобильных моторов.

Двадцать семь убийц публично расстреляли 10 ноября 1947 года в Шарлеруа, а Кристиан скрылся и бросился за помощью к Жоржу. Весной или летом 1945 года они тайно и коротко встретились в Париже, на скамейке на площади Вогезов — в дом Жорж брата не пустил. Жорж дал дельный совет: поступи в Иностранный легион, сразу получишь чистый паспорт на любое имя. В Легионе Сименон-младший под именем Кристиана Рено дослужился до старшего капрала. 31 октября 1947 года он погиб, нарвавшись на засаду вьетнамских партизан к северо-востоку от Ханоя.

«Преступление моего брата» Сименон так и не написал. В автобиографических книгах он о судьбе брата не упоминал — привел лишь жуткие слова своей матери: «Как жаль, что умер Кристиан, а не ты». И даже: «Это ты его убил!»

Свою интерпретацию этим словам дал Дегрель, в 1945 году бежавший в Испанию. В 2000 году, через шесть лет после смерти восьмидесятисемилетнего оберфюрера СС, в фантомном издательстве «Золотой пеликан», созданном кем-то ради этой, единственной,

публикации, вышли его мемуары «Мой друг Тентен». Название объясняется тем, что Дегрель, до войны — отчаянный журналист, был прототипом репортера Тентена из комиксов своего друга Эрже.

Сименон якобы знал о подпольной организации, спасшей Дегреля, и мог свести брата с ее участниками. Если бы он сделал это, Кристиана вскоре приняли бы в Испании с распростертыми объятиями беглые единомышленники. Однако Жоржа, мысленно уже пребывавшего в США, охватила паника при мысли, что рано или поздно станет известно о существовании «другого» Сименона. Определяя брата в легион, он заботился не столько о его спасении, сколько о том, чтобы человека по имени Кристиан Сименон официально больше не существовало.

Доживи литератор до 2000 года, он мог бы написать «Проклятие семьи Сименонов». 27 июня 2000 года работник брюссельского похоронного бюро, ранее служивший в полиции, забил тревогу, обнаружив, что у пятидесятипятилетнего Жоржа Темпермана, умершего, если верить свидетельству о смерти, от обширного инфаркта, оторвано ухо, а череп разбит восемнадцатью ударами деревянного молотка. В убийстве созналась сорокадвухлетняя Женевьева Сименон, гражданская жена жертвы и мать его ребенка, уважаемый врач-реаниматолог, внучка Кристиана и внучатая племянница Жоржа.

На суде в июне 2002 года Женевьева, плача, сетовала на семейное проклятие. Дедушка — презренный предатель и убийца. Отец в возрасте восьми лет вступил в «гитлерюгенд», а достигнув совершеннолетия, бежал от позора в Африку, откуда вернулся без гроша, пожизненно запил и женился на тиранической мегере. Дядя Жорж не пускал Женевьеву на порог, считая ее семейную ветвь «проклятой», и даже затеял судебный процесс — вот он, панический страх перед «другими» Сименонами, — с тем чтобы лишить ее отца права носить славное имя Жорж. Между тем, уверяла суд Женевьева, она готова представить документы, доказывающие вину писателя в грехопадении ее деда и отца. За молоток же она взялась, в который раз услышав от сожителя: «Толстуха, уродина, фашистка, дочь нациста».

Женевьеве дали пять лет условно и освободили в зале суда. Ее экс-любовника, шестидесятилетнего доктора Эдуарда Адриассенса, дважды судимого за мошенничество, автора свидетельства о смерти Темпермана, приговорили к восьми месяцам тюрьмы, но в ноябре 2005 года оправдали, пожурив за излишнюю доверчивость.

Жорж Сименон тихо скончался в Лозанне 4 сентября 1989 года. А на площади Вогезов, не зная, что он глядит на дом Сименона, сочинял предсмертные стихи Джим Моррисон.

P. S. По роману Сименона «Повесившийся на воротах Сен-Фольена» (1930), навеянному гибелью Клейна, сняты одноименный телефильм Ива Аллегре (1981) и «Детский праздник» (Великобритания, 1961) Джерада Глейстера. Делу Пренса посвящен телефильм Мориса Фрид-лянда «Дело Пренса: самоубитые 1934 года» (1978). Анри Жан Юэ сыграл комиссара Гийома в фильме Клода Шаброля «Фиолетта Нозьер» (1978).

ЧЕТВЕРТЫЙ ОКРУГ

Глава 6

Улица Обри-ле-Буше, 9 Шипастый убийца (1910)

Перед домом номер 9 по улице Обри-ле-Буше 8 января 1910 года схватили самого необычного парижского душегуба — двадцатитрехлетнего Жана Жака Лиабефа, «шипастого убийцу». Его история кажется плодом вздыбленного воображения какого-нибудь сюрреалиста, поклонника де Сада, изобретателя самых невероятных способов умерщвления. Недаром сюрреалист Робер Деснос, в десять лет оказавшийся зрителем преступления и ареста Лиабефа, в годы войны посвятил ему, на арго и под псевдонимом, стихотворение «В

бешенстве». Вместе с тем Лиабеф — самый трогательный парижский убийца. Оскорбленный в лучших чувствах, он от обиды мутировал в невиданного, ощетинившегося шипами зверя.

Заподозрить в нем столь трепетную душу было немислимо. Из родного Сент-Этьена Лиабефа выслали за мелкие кражи, стоившие ему в феврале и июне 1907 года двух приговоров: к семи месяцам тюрьмы в общей сложности и отбывания воинской повинности в дисциплинарно-каторжных «африканских батальонах». В столице он устроился сапожником в квартале Ле-Аль, в «Чреве Парижа», но вскоре потерял работу. На свою беду, Лиабеф не приглянулся двум коррумпированным «коровам», как тогда называли полицейских: в июле 1909 года они обвинили его в сутенерстве. На самом деле он влюбился в проститутку — эффектную брюнетку Луизу «Большую Марсель» Деларю, хотел вытащить ее из омота профессии, но попался в ее обществе на глаза «коровам»: эти подробности раскрыли, проведя параллельное расследование, журналисты-анархисты Мигель Альмерейда (23) и Эжен Мерль.

14 августа 1909 года Лиабефа приговорили к трем месяцам тюрьмы, ста франкам штрафа и пятилетней высылке из Парижа. В тюрьме он, судя по всему, свихнулся. Не от тягот заключения, а от непереносимой обиды. Его, честного пролетарского вора, назвали сутенером! Презренным жюлем, макрелью, васильком, селедкой и как там еще именовали сутенеров на арго, поражающем богатством оттенков! Обиду, решил Лиабеф, смоем только кровь — экая, однако, почти аристократическая щепетильность. Презрев запрет жить в Париже, он на несколько месяцев затаился в своей каморке, тщательно готовя страшную месть.

8 января 1910 года, накинув на плечи пелерину, он, вооружившись револьвером «бульдог» и двумя сапожными ножами, вышел на прогулку по Обри-ле-Буше. Не попасться на глаза полицейским Лиабеф просто не мог. То ли на самой Обри-ле-Буше — ее и улицей-то назвать стыдно: так, стометровый переулочек, — то ли за углом размещался полицейский участок. Лиабеф зашел в кафе, где был завсегдатаем, чтобы распить с Марсель последний в жизни литр белого, поковырять оружием и заявить во всеуслышание: «Иду убивать „коров“». На выходе из бара «коровы» уже поджидали его. Полицейского Деро Лиабеф смертельно ранил двумя выстрелами и восемью ударами ножа, Фурнеса тяжело ранил ножом в горло, еще двоих зацепил пулями.

Он не убежал, ждал новой атаки, предвкушая, какой сюрприз преподнесет врагам рода человеческого. Те набросились на него едва ли ни вдесятером. Лиабеф не сопротивлялся, но четверо нападавших отчего-то повалились, истекая кровью, на землю. Под пелериной, на запястьях и предплечьях, скрывались любовно изготовленные браслеты и нарукавники, ощетинившиеся острыми, как стилеты, шипами. Агент Феврие обезвредил Лиабефа, лишь пригвоздив его саблей к стене дома.

Лиабеф был не первым, кто пошел на смерть исключительно ради счастья забрать с собой на тот свет парочку-другую «коров». 19 января 1898 года, зайдя в участок на улице Берзелюи, типографский рабочий Жорж Клод Этьеван ударил кинжалом дежурного. Полицейские — не иначе как в шоке — засунули его в камеру, не обыскав: еще одного из них злоумышленник уложил из револьвера. Этьевана приговорили к смерти, замененной на пожизненную каторгу в Гвиане, где он и погиб. Но, в отличие от Лиабефа, он был идейным анархистом. В 1892 году получил пять лет за кражу динамита для бомбиста Равашоля (1), по освобождении — такой же срок заочно за серию статей в газете «Ле либертер». Этьеван решил красиво уйти, доказав «коровам», что их участки отнюдь не их крепость.

7 мая Лиабефа, естественно, приговорили к смерти.

«Отомстим тем, кто морально убил Лиабефа!» — восклицал Поль Мистраль, будущий мэтр Гренобля. Петицию в защиту «шипастого» подписали Анатоль Франс, Жан Жорес (4), восьмидесятилетний коммунары и публицист Анри Рошфор.

За статью «Пример апаша» в газете «Ла герр сосьяль» («Социальная война») 22 февраля приговорили к обвинению в подстрекательстве к убийству к четырехлетнему заключению ультралевого социалиста Гюстава Эрве. Он писал: «Знаете ли вы, что этот апаш

(49), который недавно убил ажана Деро, не лишен определенной красоты, определенного величия? <...> Честные люди! Отдайте же этому апашу половину вашей добродетельности, попросив у него в обмен четверть его энергии и его храбрости». Впрочем, для Эрве, милейшего домоседа и гурмана, обожавшего «скандализировать честных людей и идиотов», тюрьма уже давно стала вторым домом.

30 июня «Ла герр сосьяль» объявила: «Лиабефа убьют. Завтра — все на гильотину». Имелось в виду, конечно, не то, что завтра всем французам отрубят головы. Газета призывала «идти на гильотину» в ночь с 1 на 2 июля и, учинив массовые беспорядки, сорвать казнь: казни в Париже до 1939 года совершались публично на бульваре Араго, у стен тюрьмы Сантэ. Чистое дежавю: 16 октября 1909 года — тогда призыв звучал: «Все на посольство!» — Эрве уже водил разъяренных манифестантов на штурм испанского посольства на бульваре Курсель, мстя за расстрел анархиста Франсиско Феррера, обвиненного в организации «кровавой недели» баррикадных боев в Барселоне. Той ночью едва не погиб префект Лепин: в него почти в упор стрелял так и не пойманный юноша. Лепину выстрел опалил лицо, но двое полицейских были ранены — один смертельно.

И на сей раз беспорядки, среди участников которых затесался Франц Кафка (наутро он выкупал из полиции арестованного друга, анархиста Михала Мареша), удались на славу: Париж провел ночь в родной для него атмосфере восстания.

Писатель-анархист Виктор Серж (49) описал эту «странную, дикую социальную битву... на дне» в «Воспоминаниях революционера»: «В ночь казни разношерстные толпы с предместий и застав, где царили беззаконие и нищета, стекались к этому единственному в своем роде месту Парижа, мертвенно-бледному днем и зловещему по ночам: бульвару Араго, по одной стороне которого на окнах жителей, не желавших ничего знать (каждый за себя — и Бог за всех, если хотите), были тщательно задернуты занавески, а с другой стороны тянулись два ряда густо посаженных каштанов у стены, сложенной из больших серовато-коричневых камней. Безмолвной и неумолимой тюремной стены, шести метров высотой <...> Сбегались возбужденные парочки, возвращавшиеся с танцев под аккордеон: девушка с подведенными глазами неестественно весела, ее „мальш“ в кепке насмешливо и зловеще проводит рукой себе по горлу; другие, одетые в вечерние костюмы и платья, подъезжали на такси из ночных ресторанчиков, в волосах шикарных штучек покачивались султаны из перьев. Вокруг этой обыкновенной во время казней публики звучали свист и угрозы.

Активисты почти всех групп были здесь, их оттесняли цепи полицейских в черном, совершавших неожиданные перемещения. Когда прибыл фургон с гильотиной в сопровождении конного взвода, раздались крики и начались стычки. Несколько часов побоище топталось на одном месте, атакующие полицейские с трудом оттесняли нас во мрак боковых улиц, откуда в следующий момент снова извергались людские потоки. Жорес, которого видели во главе колонны, был сильно избит. Альмерейда тщетно пытался организовать прорыв заграждений. При множестве ударов крови было немного — убили одного ажана. На рассвете людей сморила усталость; в тот момент, когда упал нож и отсек неистовую голову, вопиющую о невиновности, бессильное исступление овладело двадцатитридцатитысячной толпой и вылилось в долгий крик: „Убийцы!“ Полицейские цепи едва колыхнулись в ответ <...> Когда я утром вернулся на это место, жирный блюститель порядка, стоящий перед лужей крови, засыпанной песком, старательно затаптывал брошенную кем-то розу»⁷.

Казнь Лиабефа столь опечалила цвет французской культуры, что, узнав о ней, тишайший композитор Морис Равель заперся в своей комнате и несколько дней не желал никого видеть. «Ла герр сосьяль» оплакивала «смерть храбреца», «Ла баррикад» проклинала «триумф убийц». Один репортер уверял читателей, что, лежа под ножом гильотины, Лиабеф якобы крикнул: «Да здравствует анархия!», а вот «Смерть „коровам“!» договорить не успел.

⁷ Перевод Ю. Гусевой и В. Бабинцева. Цит. по: Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М.: Праксис; Оренбург: Оренбургская книга, 2001. С. 39–40.

Хотя с какой бы стати честному вору перед лицом смерти выкрикивать политические лозунги? По версии газеты «Ле тан», его последними словами были: «Я убийца, это правда, но казнь не сделает из меня сутенера! Как мне все это отвратительно! Я не сутенер!» Достовернее версия, согласно которой последний крик Лиабефа, на полуслове отсеченный гильотиной в 4.47 утра, звучал просто: «Я не суте...»

Бедный, бедный парень, которому перед смертью было нечего сказать, кроме как «Я не сутенер!».

* * *

Мертвый Лиабеф оказался еще опаснее живого. 29 августа «Ле матэн» с почти суеверным страхом констатировала эпидемию «револьверного безумия». Новым кошмаром буржуазии стали «лиабефисты», в которых вселился дух «храбреца». Улицу Обри-ле-Буше лихорадило, как аномальную зону: уже 2 июля прохожие дважды набрасывались — крича: «Да здравствует Лиабеф!» — с кулаками и ножами на «коров», а какая-то стерва Луиза Малле укусила сержанта за ухо. Там же 8 июля агент в штатском пытался задержать в винном погребе двадцатидвухлетнего Анри Бонне, расшумевшегося: «Еще по одной, и спущу шкуру с коровы!» Вспыхнула массовая потасовка. Стоило рассеять нападавших, как, словно из-под земли, возникали новые апаши с ножами. Четверо «коров», включая Феврие, обезвредившего Лиабефа, были тяжело ранены. Как раструбили газеты, благодаря этим героям был раскрыт леденящий душу заговор. В погребе собиралась на дело «банда душителей». «Цыпочки» апашей должны были заманивать «коров» в укромные места, где парни душили бы их лассо.

«Лиабефизм» поразил всю страну. 5 июля в Суассоне, прямо на пороге комиссариата, семнадцатилетний слесарь Робер Детро ударил ножом первого попавшегося «флика»: «Я мстил за Лиабефа». 7 июля мститель стрелял в полицейского на парижской улице Ренн. 4 августа в Леваллуа-Перре бомба разнесла дом, на втором этаже которого жил полицейский инспектор: обошлось без жертв. Газеты увидели «след Лиабефа» и здесь. На сборах в Периге 24 августа резервист Роже «Филистен» Барбессу, ранее судимый за запугивание проституток, изрядно нагрузившись, застрелил сержанта. До этого он в казарме восхвалял Лиабефа, при казни которого присутствовал. В Бресте 30 августа двадцативосьмилетний Эрнест Жассон, выкрикивая имя Лиабефа, набросился на жандарма. К нему присоединился десяток апашей, жандарма защитили проходившие мимо солдаты колониальных войск: результат — двое тяжело раненных.

Впрочем, кто что кричал — дело темное: у страха глаза велики. В «лиабефисты» записывали и честных, аполитичных громил. 5 августа на углу Севастопольского бульвара и улицы Реомюр «коровы» разбирались с ДТП — фиакр столкнулся с автомобилем, — когда забойщик скота Артюр Ренар открыл пальбу. Колосс стрелял кучно: инспектора Пелетье уложил пулей в глаз, троих ранил. По словам очевидцев, при этом он кричал: «Да здравствует Лиабеф! Вот как надо мстить!» По версии самого Ренара, ничего он не кричал: дело было пустяковое, житейское. Фиакр, в котором ехал Ренар, налетела на авто, шофер за ним погнался: пришлось его немного побить. Тут приперлась полиция, а Ренару в участок не хотелось: лишь три недели назад он вышел из тюрьмы Френ, куда угодил за нанесение телесных повреждений; к тому же торопился на работу, да еще был выпимши. Вот он и «разволновался», стрелял «машинально», теперь ему очень стыдно, он больше не будет. 20 января 1912 года его обезглавили.

А скольких рабочих, апашей, школьников избили и арестовали за то, что они кричали — часто навеселе — в лицо «коровам»: «Да здравствует Лиабеф! Да здравствует гильотина!»! Один ухарь ухитрился за такие выкрики угодить в участок двадцать девять раз. Проститутки, задержанные «коровами», ругались: «Лиабефа на вас нет!» В марте 1911 года, сообщая об очередном инциденте, «Ле матэн» удивлялась: такие крики уже вышли из моды. Но аресты горлопанов продолжались еще года полтора.

Слава укротителя Либефа не принесла счастья агенту Феврие. 26 июля 1924 года газеты мельком упомянули, что сорокачетырёхлетний Феврие, в 1920 году ушедший на покой после тяжелой аварии, в которую он попал, бросился в Сену с моста Пале-Рояль.

P. S. В телефильме Фабрицио Косты «Человек, который украл „Джоконду“» (2006) префекта Лепина сыграл Фредерик Пьерро.

ПЯТЫЙ ОКРУГ

Глава 7

Улица Паскаля, 65

Доктор Джекил и мистер Билл (1957)

В 1957 году владельцем заведения, названного на американский манер баром «У Билла», что на улице Паскаля, 65, стал двадцатиоднолетний Жорж Рапен, известный проституткам, вора́м и сутенера́м исключительно как «месье Билл». За рулем новенького черного «рено дофин гордини» он колесил между спортзалом на улице Анри-Монье, где качался, барами Пигаль, где кидал на кон пачки банкнот (плоды, по его словам, дерзких ограблений), и постелью двадцатитрехлетней Мюгетт «Паникерши Доминик» Тириель, раскручивавшей посетителей бара, в котором она работала, на выпивку.

Тонкие усики соблазнителя. Неизменные дымчатые очки, прическа а-ля Элвис, белый галстук, черные двубортные пиджаки, характерная манера цедить слова. Корсиканский акцент, впрочем иногда исчезающий, когда Билл забывал следить за речью. Револьвер за поясом, который он невзначай демонстрировал собеседникам. «Борсалино». Догадаться, кто он, мог любой зритель французских нуаров: именно так выглядели киношные убийцы. Холодные, молчаливые, безжалостные.

Но и простые зрители, и настоящие гангстеры окаменели бы от изумления, узнав, что и бар, и машину, и оплату курсов актерского мастерства знаменитой мадам Бауэр-Терон, учительницы Роже Анена, Франсуазы Арнуль, Мишеля Пикколи, Анук Эме, и наличность — пять-шесть миллионов за два года — все это подарила Биллу бабушка. Она души не чаяла в своем «Пенпене». В десять лет он едва не умер от менингита, как умер его старший брат; только гормонотерапия и болезненные хирургические вытягивания довели его рост, составлявший в четырнадцать лет всего 1 м 48 см, до 162 см; в пятнадцать лет психиатр констатировал, что мальчик не контролирует свои импульсы. Лицей Жорж так и не закончил, а с первой и последней работы в книжном магазине «Жильбер Жозеф» его выгнали, застав играющим с пистолетом.

Ночевать он возвращался в апартаменты отца, высокопоставленного горного инженера, на бульваре Сен-Жер-мен, где прислуга исполняла все его капризы. А помимо Доминик у него была любовница и невеста — хорошая шестнадцатилетняя девочка Надин Ледеск, учившаяся на маникюршу, дочь консьержей, которым Жорж чин по чину представился. Надин считала его преподавателем знаменитого лицея Бюффон.

Одним словом, он был то ли «Тартареном из Тараско-на», то ли «мистером Хайдом» (то есть «месье Биллом») при «докторе Джекиле» — Жорже Рапене. Писатель Альфонс Будар, в прошлом фальшивомонетчик и грабитель, сформулировал его казус так: «Мифоман, трагически идентифицировавший себя с тем, кем он мечтал бы быть».

А мечтал балованный мальчик стать сутенером, грабителем и убийцей. Крутым и стильным средиземноморцем, внушающим страх мужчинам и умеющим поставить бабу на место. Как Макаронник (Рене Дари) или Анджело (Лино Вентура) из фильма Жака Беккера «Не тронь добычу» (1954), Грютгер (Робер Оссейн) из «Потасовки среди мужчин» (1955) Жюля Дассена или Паоло (Дани-ель Коши) из «Боба-игрока» (1956) Жана Пьера Мель-виля. Взросление Жоржа совпало, на его беду, с выходом этих фильмов, положивших начало страстной и многолетней моде на французский нуар. Вряд ли у них был более преданный

поклонник, чем он. Но не стоит уличать режиссеров в совращении невинной души: наличие души у Рапена вызывает серьезные сомнения. Режиссеры виноваты в другом — в том, что не взяли Жоржа хотя бы в массовку. А ведь он так старался: ходил на курсы, разослал по актерским агентствам фотографию, на которой чудо как хорош — настоящий убийца.

Баром своим он был не очень доволен: настоящий крутой должен владеть баром на Пигаль, но там, как на грех, никто бара не продавал, вот и пришлось согласиться на улицу Паскаля, на противоположном от Пигаль конце Парижа. Криминальный бар был для него, по словам Будара, тем же, что «Лурд для христианина, а Москва для коммуниста». (Возможно, даже актерские курсы он выбрал именно потому, что располагались они на площади Бланш, то есть в квартале Пигаль.) Поэтому бар «У Билла» он через некоторое время перепродал за шестьсот тысяч некоему Жоржу Гранье, а второй — «Порто», купленный уже отцом — одним прекрасным утром просто забыл открыть: клиентура там была уж слишком цивилизная.

«Флики» сразу раскусили Билла и не обращали на него внимания — пусть идиот, «золотая кожанка», как называли золотую молодежь, игравшую в асоциальность, развлекается. Они знали, что сутенером и грабителем ему не стать, — для этого требуются определенные навыки, но упустили из виду, что убийцей может стать каждый.

В ночь с 4 на 5 апреля 1958 года, около 1.45, на автозаправке на национальном шоссе номер 7 Билл пустил пулю в затылок служащему, отцу четверых детей Роже Адаму, «за неуважение»: Биллу показалось, что тот работает медленно, Адам отшутился, но пролил немного бензина на корпус: Билл оскорбил его, тот назвал юнца мудилой. Билл, не только не ограбив заправку, но даже оставив на прилавке пять тысяч франков за бензин, вернулся в «Сан-Суси» (одни историки полагают, что так теперь назывался бар «У Билла»; другие — что речь идет о двух разных заведениях) и угостил всю честную публику. С утра они с Надин отправились в романтическую поездку по замкам Луары. В его душе все пело: он прошел инициацию. Ввиду отсутствия всякой связи между жертвой и преступником дело так и осталось бы нераскрытым, если бы не признание Билла, арестованного за новое убийство.

В этом преступлении отчасти повинны его друзья с Пигаль. Билл всерьез вообразил себя сутенером Доминик. Его предшественник Стелло, все это время парившийся на нарах за организацию частных показов порнофильмов, быстро установил подноготную Билла и решил развести лоха. Его друг Жан потребовал с Билла пятьсот тысяч отступных за девку. Они не учли одного: глубокого безумия клиента.

В ночь с 29 на 30 мая 1959 года Билл предложил Доминик прогуляться в лес Фонтенбло — перетереть ситуацию. В укромном месте он всадил ей в спину четыре пули из кольта. Безразличный к ее крикам «За что?» пустил пятую пулю в лоб. Когда он облил тело бензином и поджег, Доминик была еще жива. Оpoznали ее по розовым лодочкам на высоких каблуках.

Из лесу он вернулся к Надин, но это был уже не Жорж, а Билл. Под гипнозом ужаса девушка не спрашивала возлюбленного ни о дамской сумочке в его руках, ни о пятнах крови на рубашке; забрала на хранение револьвер и принадлежавший Доминик нож с выкидным лезвием, помогла уничтожить улики, поклялась обеспечить алиби. Это будет стоить Надин нескольких недель в тюрьме, по выходе из которой ее примут, как дочь, родители Билла. Он же в письмах из тюрьмы будет расписывать их безмятежное будущее, словно не понимая, что пожизненное заключение для него — дар Божий.

Преступный мир пришел в ужас от этой расправы. Жан и Гранье, которому Билл заранее сообщил, что хочет прикончить девку и закопать ее в подвале — даже лопату и заступ попросил одолжить, — сдали убийцу.

Выходя в наручниках из кабинета следователя после первого допроса, Жорж приветствовал «расстреливавших» его фотографов: «Благодарю вас, господа, за то, что вас так много. Очевидно, я значительная персона. Вы правильно делаете, что снимаете меня. Это прекраснейший день в моей жизни».

Следователи и публика на суде, включавшая Франсуазу Саган, режиссера Анри Жоржа Клузо, художника Бернара Бюффе, мэтра нуара Огюста Ле Бретона, воочию наблюдали, как Билл превращается в Жоржа и наоборот. Он то хвастался одиннадцатью убийствами в

дополнение к двум, которые совершил, и с удовольствием позировал на следственной реконструкции убийства Доминик. То сваливал ее смерть на некоего сутенера Робера, а гибель Адама — на четырех завсегдатаев своего бара, алжирцев в «черных кожанках» («блузон нуар» (27) воплощали в том сезоне страх буржуазии перед молодежью), которые украли у него кольт. На предложение назвать этих алжирцев, раз уж они ему хорошо знакомы, Жорж ответил фразой, которая украсила бы второразрядный нуар: «Хозяин никогда не закладывает клиентов».

26 июля 1960 года, за несколько дней до двадцатичетырехлетия Жоржа-Билла, нож гильотины положил конец этому уникальному случаю раздвоения личности. Смертный приговор дополнял приговор психиатров: «Помимо привязанности к Надин... эмоциональная сфера Жоржа Рапена представляет собой настоящую пустыню. Это вовсе не означает, что он ненормален, скорее наоборот».

P. S. В бар «Сан-Суси» любил наведываться герой фильма Жана Пьера Мельвиля (29) «Боб-игрок» (1955).

Глава 8

Бульвар Сен-Жермен, 12

«Война полиций» (1975)

На углу бульвара Сен-Жермен и улицы Кардинала Лемуана, в двух шагах от «Серебряной башни», одного из самых роскошных ресторанов Парижа, где еще в конце XVI века пировал Генрих IV, никак не ожидаешь попасть под перекрестный огонь. Тем более в четыре часа дня. Однако именно здесь 28 февраля 1975 года в баре «Телем» разыгралось кровавое и нелепое побоище, участники которого до сих пор тщетно выясняют, кто, черт возьми, виноват и кто выстрелил первым. Впрочем, на войне как на войне, а побоище стало кульминацией сразу двух «войн».

Первая из них — пресловутая «война полиций». За борьбу с разбушевавшимся в 1970-е годы бандитизмом отвечали сразу две службы: Центральная служба подавления бандитизма (OCRB) и Бригада информации и (оперативного) вмешательства (BRI). Каждая из них мечтала, опередив коллег, схватить очередного «врага общества номер один». OCRB, делая ставку на осведомителей, запуталась в связях с двойными агентами, которых покрывала в обмен на информацию: кураторы стукачей превратились в их пособников и укрывателей. Опера BRI считались ковбоями, если не убийцами, не менее опасными для обывателей, чем бандиты. Да и сами «флики», а не только прохожие несли потери от «дружественного огня».

Лицом BRI был заместитель ее шефа, тридцативосьмилетний Робер Бруссар. Фотогеничный, массивный, брутальный бородач не слезал с телеэкрана с августа 1973 года, когда успешно освободил группу заложников в Бресте. Люсьен Эме-Блан, его ровесник и коллега из OCRB, славы не искал. Пройдя отличную школу шантажа и манипуляций в полиции нравов, он был из тех полицейских, что чувствуют себя в своем кругу среди отпетых уголовников.

Вторую войну вели кланы, делившие парижский секс-рынок: братья Земур и «южане» — они же «лионцы» или «сицилийцы». Впрочем, они не были ни теми, ни другими, а коренными сутенерами из южных пригородов.

Пятерых братьев Земуров ни один режиссер не взял бы на роли гангстеров: слишком опереточно выглядели последние ревнителю бандитского шика. Набожность «черноногих» — алжирских — евреев из Сетифа, унаследованная от отца, синагогальной служки, однажды чуть не стоила им жизни. Глухое подполье, где братья прятались от конкурентов, они покинули, поскольку просто не могли не поехать на Лазурный Берег на бар-мицву двоюродного племянника. Ландскнехт «южан» Жан Пьер Майон-Лигод (9), киллер и как раз один из агентов Эме-Блана, обрадовался и собрался накрыть всю мешпуху из минометов, но братья вовремя отменили поездку.

Сутенер Ролан, старший из них, приехал в Париж в 1945-м, через два года его убили. Четверо младшеньких нагрянули в 1955-м. В 1961 году труп убийцы Ролана нашли на обочине шоссе где-то на юге.

Теодор вскоре отошел от криминала. Вильям возглавил клан. Жильбер славился организаторским даром, Эдгар — бешеным характером. Сначала они работали на шестерых «черноногих» братьев Атлан и копили силы. После 1962 года их бригада приросла бойцами: из независимого Алжира в панике бежали в метрополию, которая их не ждала и не желала, восемьсот тысяч «черноногих».

Когда Атланы полегли в спровоцированной Земурами войне с кланом трех братьев Перре во главе с «мамой Лео» (первым к праотцам отправился 2 октября 1965 года Сион Атлан), Земуры в январе 1967 года сами атаковали Перре. Бордели Монмартра и Пигаль пали к их ногам, а в Израиле они зачистили клан Абитболей. Категорически, как дон Корлеоне, отвергая наркотрафик, они наехали было на игорный бизнес, но контролировавшие его корсиканцы оказались им не по зубам. Покорив Париж, Земуры занялись во время «шестидневной войны» 1967 года богоугодным делом — сбором средств для Израиля. Не были чужды и французской политике: перед президентскими выборами в 1965 году стараниями, в частности, «горилл» Земуров на парижских улицах господствовали агитаторы-голлисты.

Семейная банда за рекордный срок выросла в империю с годовым оборотом в шестьдесят миллионов франков и филиалами в Бельгии, Швейцарии, Африке. В одном только Париже у них было двести пятьдесят семь постоянных сотрудников. Вильям приобрел вкус к комфорту, выгодно вкладывал капитал, приоделся — обзавелся ста пятьюдесятью костюмами и полусотней пар обуви. Жильбер завел двух детей и трех пуделей, прикупил ресторан, три клуба, канадское агентство недвижимости. И тут, в марте 1973 года, грянула война, унесшая за три с половиной года более тридцати жизней.

Ее виновник «Маленький» Роже Бакри — рецидивист, в налоговой инспекции зарегистрированный как торговец рубашками, — разошелся с Земурами во взглядах на наркотики и перекинулся к маститым «южанам»: Велла по кличке Лапки, «Корейцу» Барокелю и Готье. Но началась война, как в свое время и Троянская, из-за того, что бандиты не поделили женщину. Бакри украл жену у хозяина борделя Габи «Певца», да еще и застрелил его парламентаря, звавшегося Бархатными Глазками. Габи вызвал бойцов из провинции.

Эта романтическая версия изложена в мемуарах Бруссара, незамысловатых, как «Мурка». Историки же считают Бакри непростой пташкой, причастной пресловутой «Службе гражданского действия» (SAC), «параллельной полиции» голлистов (46), внедрившей его как агента-provokatora в гошистские круги. Он работал с таким огоньком, что 15 мая 1971 года его даже арестовали как «активного участника революционного движения». Служба родине облегчала Бакри импорт-экс-порт героина. Именно пропажа партии порошка, которую прикарманил Рафаэль Дадун, советник Земуров, развязала войну. Впрочем, после первого выстрела вопрос о причинах войны обретает чисто академический интерес.

Сначала счет был не в пользу Земуров. Двух видных членов клана изрешетили перед баром на бульваре Итальянцев. 19 мая 1973 года в трех паханов — «каидов» — из Лиона, подоспевших на подмогу братьям и зашедшим пообедать в ресторан, посадил пятнадцать пуль высокий молодой шатен. Пистолет он прятал под гипсом, закрывавшим всю левую руку, а ресторан покинул неторопливо, улыбаясь.

Бакри, пишет Бруссар, в ужасе от того, что наделал, покончил с собой. В подобном контексте самоубийство — дело скользкое, поэтому выразимся осторожнее: 13 июня 1974 года его нашли в собственной ванне с пулей во рту. Но резню, утратившую любую логику, кроме логики провокации, было уже не остановить. Накануне, 12 июня 1974 года, Исхил «Жид-макаронник» Левитес ждал в баре около дворца Трокадеро на еженедельный аперитив Луи, финансиста «южан». Луи не пришел, сославшись на грипп: Исхила расстреляли в

дверях. Стреляли «южане», которых Левитес и Луи кинули на двадцать кило героина, — это было секретом Полишинеля, но месть обрушилась на Земуrow.

Не была секретом и личность киллера в гипсе: Жан Пьер Майон, который давно уже привел Луи под «крышу» своего куратора Эме-Блана. И комиссар, и киллер, оба ветераны Алжира, не скрывали нелюбви к «черноногим»: отсидеться хотели в стороне, пока мы кровь проливали за французский Алжир, а потом, как крысы, во Францию побежали. В свете этого сражение на Сен-Жермен, где пролилась кровь Земуrow и едва не погибла репутация Бруссара, соперника Эме-Блана, кажется плодом не идиотского стечения обстоятельств, а изощренной игры.

28 февраля 1975 года осведомитель BRI донес: в баре «Ж'э дю бон таба», что на бульваре Сен-Жермен, 12, вот-вот встретятся на высшем уровне Земуры с «южанами». Независимо от того, что предстояло — «Ялтинская конференция» (то есть мирный раздел сфер влияния) или бойня, — это был для полиции царский шанс взять обе банды сразу. Вокруг бара рассредоточились восемнадцать инспекторов BRI. Правда, не в лучшей форме: накануне они шесть часов вели переговоры с налетчиками, убившими кассира в банке на площади Республики (40), но были вынуждены позволить им уйти с заложниками.

Первыми на перекрестке появились Вильям и Эдгар Земуры со свитой. «Флики» удивились, что братья расположились в баре «Телем» на другой стороне бульвара. Но вскоре срисовали в «Бон таба» двух лиц североафриканской национальности и явно криминальной наружности в черных очках, следивших за «Телемом»: вот он, авангард «южан», наверное сидящих неподалеку в засаде, невинно припаркованном фургоне, с пулеметами на изготовку.

Поскольку ничего не происходило, Бруссар ускорил события: разделил отряд на три штурмовые группы и назначил захват на 16.10. В «Бон таба» все прошло без запинки: двух безобидных студентов в черных очках скрутили мгновенно. Штурм «Телема» обернулся катастрофой.

По плану, две группы синхронно врывались в кафе через две двери. То, что одна из них заперта, Бруссар обнаружил, лишь врезавшись в нее со всей дури. Тем временем вторая группа вломилась внутрь: «Полиция! Стоять!» Позже Бруссар признал этот крик излишним спецэффектом: Земуры наверняка бы не стали стрелять, а в такой сумятице вполне могли, как они потом и утверждали, принять «ковбоев» в штатском за «южан». Прямоком рванувшись к братьям, сидевшим у стойки, «флики» не заметили оставшегося за столиком за их спиной боевика Жозефа Эльбаза. Выстрелом, почти в упор, он тяжело ранил комиссара Шекса.

И начался ад, скоротечный, но крошечный. Беспорядочная пальба, грохот падающей мебели, звон стекла, вопли нырнувших под столики людей. Когда рассеялся дым, «считать мы стали раны, товарищей считать»: Бруссар ужаснулся. Помимо Шекса, успевшего перед тем, как рухнуть без сознания, застрелить Эльбаза, были ранены еще один «флик» и двое «черноногих». Вильям Земуrow агонизировал. Четырежды раненый Эдгар плавал в своей крови.

Еще хуже для BRI было то, что разъяренные «флики» жестоко избивали двух смуглых клиентов, вскочивших с места вопреки приказу не двигаться. А еще — еще хуже то, что кто-то из «фликов» кричал при этом: «Мочи черножопых!» «Черножопые» оказались известными адвокатами Абдельханом Бенашену и Мурадом Усседиком, чья контора соседствовала с «Телемом», где они были завсегдатаями.

Пытаясь хоть что-то исправить, Бруссар задержал лидеров «южан». Но инкриминировать им было нечего, кроме распития шампанского в честь гибели одних своих врагов и посрамления других.

Короче, BRI три года отмывалась от позора. Усседик, среди клиентов которого числился «международный террорист» Карлос, обвинил полицию в покушении на убийство. Лидер социалистов Франсуа Миттеран поддержал его. Газета «Либерасьон» утверждала: «флики» хотели бессудно ликвидировать Земуrow и стреляли им в спину. Земуrow хватил наглости подать в суд на полицию. Свое присутствие с оружием в баре они объясняли тем, что якобы

собирались отнести в банк двести тысяч франков. Где же деньги? А деньги исчезли: не иначе, украл Бруссар.

Дело дошло до того, что прямо в зале суда, куда братья являлись во всем своем южном великолепии — золотые цепи в руку толщиной, сигары в золотых зубах, — Бруссар едва не сошелся с Жильбером в рукопашной. По Парижу пополз слух: комиссара «заказали». Бруссар занял глухую оборону в своем кабинете на пятом этаже на набережной Ювелиров, 36, — рядом с оружейной комнатой, до потолка набитой взрывчаткой, касками, бронежилетами, гранатами и автоматами, — и посулил, в случае чего, устроить Варфоломеевскую ночь «похуже, чем в „Телеме“». Земуры прислали парламентаря, инцидент был исчерпан.

Свет на события отчасти пролил в своих мемуарах Эме-Блан, явно злорадствовавший по поводу злключений Бруссара. По его версии, Леруж, бывший бухгалтер Луи, обокравший патрона и переметнувшийся к Земурам, якобы раскаялся и попросил Луи о встрече в «Бон таба». Заподозрив ловушку, тот отбыл в Марсель, где в то время служил Эме-Блан. В момент бойни они в теплой компании киллера Майона заканчивали обед на берегу моря: кто посмеет заподозрить их в причастности? Конечно же, они не могли знать, что в ночь на 28 февраля Леружа случайно арестовали по делу о фальшивых чеках, а он, выкупая свободу, рассказал о стрелке двух банд: вот кто был осведомителем, пославшим Бруссара в осиное гнездо. Полицией манипулировал стукач. Но кто манипулировал стукачом?

В тот день закатилась звезда Земуров, хотя их вялотекущие схватки с конкурентами продолжались с переменным успехом еще несколько лет. Эдгар потерял свой бизнес, уехал в США, подозревался в убийстве корсиканца Франсиски, задолжавшего ему миллион. 8 апреля 1983 года на вилле в Майами снайпер с четырехсот метров продырявил ему голову. Жильбера настигли три пули в Париже 28 июля 1983 года, когда он выгуливал четырех своих пудельков на авеню Сегюр.

Но и торжество южан завершилось гекатомбой. Веле застрелил друга своего детства Готье из его же пистолета, прознав, что тот заделался стукачом, но и сам угодил в западню на Корсике. По одной из версий, корсиканцы стояли и за убийством Майона 13 июня 1982 года: освободившись из тюрьмы, куда все-таки загремел (Эме-Бла-на за все его подвиги временно перевели в Лион), он поспешил повидаться с маленькой дочерью, жившей в провинции, и утратил бдительность. По другой версии, ему запоздало отомстили Земуры. Крови Майона жаждали очень многие.

Р. С. Клан Земуров — прототип клана Беттунов в фильмах Александра Аркади «Йом Кипур» (1981) и «Йом Кипур 2» (1992), названия которых на русский обычно переводят как «Большое прощение». Вожаков клана сыграли Роже Анен и Ришар Берри, их заклятого врага — Робер Оссейн. Земурам посвящен фильм Анри-Клода де Ла Казиньера «3, как Земур» (2002). Соперничество полицейских служб отразилось в «Войне полиций» (1979) Робина Дави. Комиссара Бруссара играли Мишель Пужад («Месрин» Андре Женовеса, 1983), Аладен Рейбен («Охота на человека» Арно Селиньяка, 2006), Оливье Гурме (диалогия «Месрин» Жан-Франсуа Рише, 2008). Комиссара Эме-Блана — Ришар Берри («Охота на человека») и Лин Тюйе (диалогия «Месрин»).

Глава 9

Улица Роллен, 4

Удар «Дельты» (1978)

В сердце Латинского квартала, сразу за Пантеоном, начинается улица Роллен. В XVII веке здесь жили философы Рене Декарт и Блез Паскаль, а 4 мая 1978 года в холле дома номер 4 поджидали свою жертву убийцы. Едва раскрылись двери лифта, они выпустили четыре пули в очень высокого, очень худого человека профессорской внешности. Шестидесятитрехлетний Анри Кюриэль, он же Жак, он же Старик, он же Вассеф, самый богатый революционер и величайший конспиратор XX века, собирался на прогулку, а может

быть, на конспиративное свидание — с отставным израильским генералом или эмиссаром Ясира Арафата.

Убийцы оповестили СМИ: «Сегодня в 14 часов агент КГБ Анри Кюриэль, сторонник арабов, предатель усыновившей его Франции, окончательно прекратил свою деятельность. Он был казнен в память о наших павших. Наша предыдущая операция была предупреждением. Подпись: „Дельта“».

Что такое «предыдущая операция», загадкой не было. Кюриэля убили из того же оружия, что и — 2 декабря 1977 года — Лайда Сабаи, привратника Общества дружбы с Алжиром: убийцы приняли его за председателя общества. А вот подпись озадачивала. Не потому, что никто не слышал о группе «Дельта», а именно потому, что зондеркоманду Организации секретной армии (ОАС), фанатиков «французского Алжира», созданную младшим лейтенантом Роже Дегельдром в 1961 году, помнили слишком хорошо. Ее программой-максимум было убийство де Голля, дважды оказывавшегося на волосок от смерти. Программой-минимум — вполне удавшийся кровавый хаос в Алжире и Франции. Но «Дельту» давно уже наголову разгромили, а Дегельдра расстреляли 6 июля 1962 года. И, хотя с ноября 1977-го (подрыв коммунистического книжного магазина в Тулоне) по сентябрь 1983 года (взрыв на Международной ярмарке в Марселе) «Дельта» подписалась под тринадцатую покушениями, исчезнув так же неожиданно, как возродилась, эксперты считают, что ее именем прикрывались иные силы. Иные, но какие? Желавших смерти Кюриэлю было в мире более чем достаточно.

* * *

Он родился в семье евреев, пришедших в Египет с армией Бонапарта и числившихся подданными Италии: загранпаспорта превращали бизнес их обладателей в офшор. Дед Анри Кюриэля был ростовщиком. Отец Даниэль, ослепший в три года, — богатейшим банкиром Египта. Анри провел детство в огромном каирском особняке на острове Замалек, где по вечерам пировали десятки гостей. Учился во французском иезуитском колледже, лето проводил во Франции и с юности считал ее своей истинной родиной. Но, в отличие от брата Рауля, ставшего впоследствии известным археологом и нумизматом, отец не отпустил Анри продолжать образование во Франции: кто-то ведь должен «за лавкой присматривать».

Кюриэль утешался книгами и девушками: барышням он читал Пруста, шлюхам — Достоевского. Лечась от предрасположенности к туберкулезу в поместье в дельте Нила, он женился на своей медсестре. Розетт Аладжи уже была социалисткой, а картины невыносимой нищеты и варварской эксплуатации крестьян быстро сделали пылким коммунистом и самого Анри. Он вообще отличался такой чувствительностью к чужим страданиям, что друзья прозвали его «ошеломленной лилией». Энтузиазм неопита произвел незабываемое впечатление на его тринадцатилетнего роттердамского кузена Джорджа Бехара, в 1935 году навещавшего египетскую родню, и предопределил судьбу юноши. Джордж Блейк — под этим именем войдет в историю Бехар. Высокопоставленный британский разведчик, оказавшийся в начале 1950-х в корейском плену, он предложит свои услуги советской разведке и станет ее бесценным агентом.

Менее известен другой, итальянский, кузен Кюриэля — врач Эудженио, убитый в 1945 году фашистами.

Но вступить в компартию Кюриэль не мог никак, просто потому, что в Египте таковой не существовало: зачаточную организацию, созданную в 1923 году, разгромили уже в 1925-м. Пришлось создавать ее самому. Сознательный пролетариат в Египте отсутствовал — за организацию партии взялась совестливая еврейская золотая молодежь. Основанное Кюриэлем в 1943 году Египетское движение национального освобождения конкурировало с группами Гизеля Шварца и Марселя Израэля.

Тогда же он познал азы подпольной работы. В 1942 году, страшась вступления в Каир танков Роммеля, евреи бежали в Иерусалим — Кюриэль остался, чтобы превратить

купленный им книжный магазин в штаб сопротивления. Где подполье, там и тюрьма. Полиция, в подарок Роммелю, хватала замешкавшихся евреев. Кюриэль делил камеру с нацистскими агентами, слышал рев уличной толпы «Роммель! Роммель!» и сделал поразительное открытие: колониальные народы так исстрадались под игом колонизаторов, что готовы заключить пакт с самим Сатаной. Вторая волна арестов накрыла его в 1948 году — «в честь» создания Израиля: хватали уже не только евреев, но и коммунистов. После полутора лет лагерей Кюриэля затолкали на судно, идущее в Геную, откуда с липовым паспортом он перебрался в милую его сердцу Францию.

Встреча с единомышленниками окатила Кюриэля ледяным душем. Он вновь оказался дважды преступником. Во-первых, поддержал в 1952 году революцию египетских «Свободных офицеров» Гамалы Абдель Насера, названную сталинистами военно-фашистским переворотом, хотя в руководство заговора входило несколько близких к коммунистам и хорошо знакомых Кюриэлю офицеров. Во-вторых, в 1943-м по пути из Москвы в Алжир в его доме провел четыре дня человек-легенда, фигура зловещая и трагическая — Андре Марти, третий по значимости человек в компартии Франции.

В 1919 году инженер-механик Марти возглавил на Черном море бунт моряков, участвовавших в антисоветской интервенции, поднял красный флаг на эсминце «Протей» и был приговорен к двадцати годам каторги. Политкомиссар Коминтерна, в Испании он курировал интербригады и заслужил прозвище Мясник Альбасете. Хемингуэй вывел его в романе «По ком звонит колокол» под именем Андре Массара, параноика и палача, приказывающего расстрелять главного героя Роберта Джордана. В 1944 году Марти жаждал возглавить революцию во Франции, но Сталин остудил его пыл, а в 1952-м его, предъявив стандартные для сталинских чисток обвинения, исключили из партии: адски гордый Марти закончит жизнь, торгуя вразнос носками. Кюриэлям же «Юманите» предъявила фантастические обвинения: «Эти египтяне связаны со своим родственником-троцкистом, которого во время работы в подполье уличили в предательстве».

* * *

Для любого коммуниста это означало политическую смерть, но только не для Кюриэля. Ну что ж, рассуждал он, тем хуже для партии: он создаст свой, свободный, независимый от воли Москвы и политиканства, Интернационал. ФКП вела себя трусливо, если не предательски, по отношению к алжирцам, восставшим в ноябре 1954 года против колонизаторов: пришло время Кюриэля. В ноябре 1957 года журналист-католик Робер Барра свел его с философом Франсисом Жансоном, «беспартийным коммунистом», соратником Сартра: уже созданные ими автономные группы они объединили в подполье «носильщиков чемоданов», раскинувшее свою сеть на Бельгию, Нидерланды, Швейцарию, Италию, ФРГ.

Сотни — а если считать тех, кто без лишних вопросов укрывал незнакомых товарищей, то и тысячи, — французов объявили войну своему правительству. «Носильщики» собирали «революционный налог» с французских алжирцев — от зеленщиков до сутенеров. Перевозили деньги — по пятьсот миллионов «старых» франков в месяц: десять битком набитых чемоданов — и оружие, подделывали документы, укрывали и выводили за границу боевиков, готовили побег из тюрем. При этом руководство «носильщиков» поставило алжирскому Фронту национального освобождения категорическое условие: на территории Франции не будет безадресных покушений против безоружных обывателей.

Некоторые, самые громкие, имена «носильщиков» прозвучали совсем недавно. В доме Марины Влади хранилось оружие. Серж Реджани предоставил для конспиративных встреч офис своей кинокомпании на Елисейских полях, а Франсуаза Саган свой известный всему Парижу «Ягуар ХК-140» — для перевозки боевиков. Великий Робер Брессон передал подполью планы и фотографии тюремного форта Монлюк, где он снимал фильм «Приговоренный к смерти бежал» (1956), а теперь содержались алжирские патриоты.

Говорят, что один алжирец, бежавший из тюрьмы, едва не лишился разума, узнав поутру в хозяине дома, куда его доставили под покровом ночи, своего любимого комика Фернанделя.

Многие имена не названы: «носильщики» благородно скромны. Но бывают в жизни невероятные совпадения. Когда я работал над книгой, у нас гостила подруга моей мамы, всемирно известный скульптор Р. При упоминании имени Кюриэля она заметила: «Я его знала, он заходил к нам в пятьдесят восьмом». Кюриэль не понравился ей: доктринер, ментор. Двадцатиоднолетнюю Р., беременную тогда первым ребенком, уязвило, что Кюриэль, ссылаясь, словно на Евангелие, на «Педагогическую поэму» Антона Макаренко, поучал, как воспитывать будущих детей и чуть ли не какие имена им дать.

Как они познакомились? «Ну, — улыбнулась Р., — мы же с мужем были „носильщиками“». С чего все началось? Как вообще люди приходят в подполье? По ее словам, это было как у всех: друзья мужа, левые католики, зная, что семья Р. возмущена изуверствами карателей в Алжире, спросили, нельзя ли использовать их дом в качестве почтового ящика «носильщиков». Логика подполья неумолима. Из почтового ящика дом превратился в схрон с оружием. В нем перебивали многие алжирцы, имен которых хозяева не знали — только французские псевдонимы. Кто-то лишь переночевал, но вот один, Луи, провел больше недели. До предела напряженный и нервный, он постепенно оттаял и подружился с хозяевами. Однажды он ушел и не вернулся, а на завтра Р. увидела его фотографии в газетах. Луи участвовал в кровопролитном покушении на генерала Сустеля (12), был схвачен, но французских друзей под пытками не выдал.

После арестов в феврале 1960 года двух десятков «носильщиков» Жансону пришлось уйти в автономное подпольное плавание, а Кюриэль остался во главе организации. Он использовал семейные связи в банковских кругах, чтобы отмывать алжирские деньги в швейцарских банках (куда Розетт привозила их в коробках «от Диора») под видом денег египетских евреев, спасавших капиталы от конфискации.

Были у него и влиятельные друзья иного толка. В 1943 году в Каире он мог оказать неоценимые услуги кому-то из ближайшего круга де Голля. Иначе не объяснить события, последовавшие за его арестом 26 октября 1960 года на квартире Арлетт Дензлер, дублерши кинозвезды Мишель Морган. «Носильщик» Этьенн Боло вспоминал: «Кюриэль за решеткой — это поэма. Он принимал вас в своей камере, как в салоне, угощал кофе, по-прежнему улыбающийся, по-прежнему галантный, словно ничего не случилось». Когда 19 марта 1962 года Франция заключила мир с Алжиром, Кюриэля приговорили как иностранца (еще в 1935 году он выбрал египетское гражданство) к высылке.

Однако он не только преспокойно жил в Париже (лишь раз в три месяца должен был отмечаться в полиции), но и руководил новым детищем — подпольной и всемирной «Солидарностью». Ее активисты учили подпольщиков из тоталитарной Португалии и ее африканских колоний, ЮАР, Чили, Греции «черных полковников», франкистской Испании отрываться от слежки, подделывать документы, создавать подпольные типографии, собирать бомбы, оказывать первую помощь раненым, шифровать письма. До 1965 года «Солидарность» финансировал Алжир, но тренировочные лагеря на его территории продолжали работать и позже. Говорят, за это Кюриэль расплатился отцовской виллой в Каире, где разместилось алжирское посольство.

О соратниках Кюриэля по «Солидарности» известно еще меньше, чем о «носильщиках». Но среди них точно был самый виртуозный в XX веке фальсификатор документов — аргентинский еврей Адольфо Камински, открывший в себе этот талант в годы Сопротивления: его ксивы спасли тысячи жизней. А через социолога-африканиста Мартена Верле и «носильщика» Жака Табе Кюриэль тесно сотрудничал с лидером марокканской оппозиции Бен-Баркой, похищенным (13) в Париже в 1965 году.

Нет никаких доказательств, что Кюриэль причастен к побегу Блейка из лондонской тюрьмы 22 октября 1966 года. Установлено, что Блейк, преданный в 1959 году двойным агентом-поляком и приговоренный к сорока двум годам тюрьмы (легенда гласит, что ему дали по году за каждого погибшего по его вине британского агента), бежал с помощью двух

анархистов — противников ядерного оружия — и ирландского боевика. Но трудно поверить, что Кюриэль оставил в беде мальчика Джорджа, тридцатью годами раньше впитывавшего его коммунистические проповеди. Тем более что Кюриэлю отменно удавались побеги алжирских боевиков. А когда в 1960–1962 годах он пребывал в тюрьме Френ, «носильщики» переправили туда целый арсенал, позволявший выдержать регулярное сражение с террористами из OAS, решишь те атаковать тюрьму и учинить резню политзаключенных.

* * *

Гром грянул 21 июня 1976 года. Журнал «Ле пуэн» произнес слово «Солидарность», назвав Кюриэля патроном сети помощи террористам. Спустя четверть века автор той статьи будет юлить: дескать, я не хотел, мной манипулировала контрразведка, мне показали досье, гласившее, что Кюриэль — агент КГБ. И ладно бы, если бы автором был провокатор, через которого спецслужбы сливают компромат, вроде Тийе (47), отличившегося в деле Месрина. Так ведь нет: Жорж Сюффер был уважаемым литератором, одним из основателей «Ле пуэн», некогда, как и Кюриэль, противник войны в Алжире.

Очередное чудо: 23 июня МИД сообщил, что не имеет претензий к Кюриэлю. Выждав год, газета повторила атаку и обнародовала родство Кюриэля с Блейком. 24 октября 1977 года западногерманский «Шпигель» назвал Кюриэля координатором акций «Фракции Красной армии» в ФРГ, уругвайских «тупамарос» и палестинцев. Фон был крайне неблагоприятен для Кюриэля: убийство «Фракцией» банкира Шлейера и «самоубийство» ее лидеров в суперконтролируемой тюрьме, угон немецкого самолета в Сомали. Европа закручивала гайки.

Назавтра Кюриэля поместили под домашний арест. На «целых» два месяца. 16 декабря Комиссия по делам беженцев и апатридов реабилитировала его. Стало очевидным, что этого человека остановит только пуля.

Но кто же все-таки остановил его? Пиночетовская охранка DINA, не постеснявшаяся взорвать 21 сентября 1976 года бывшего чилийского посла в США Орландо Летльера в самом центре Вашингтона? BOSS — спецслужба злопамятного режима апартеида? Ведь именно на процессе поэта Брейтена Брейтенбаха, создавшего в ЮАР «белое» антирасистское подполье «Окела», впервые упоминалась «Солидарность». «Моссад»? «Черный сентябрь» Абу Нидаля? Но эта, враждебная Ясиру Арафату, организация всегда брала на себя ответственность за свои акции. Оба крыла ближневосточной партии войны ненавидели Кюриэля, который в 1976 году наладил под эгидой экс-преьера Пьера Мендес-Франса переговоры между представителями Арафата и высокопоставленными левыми сионистами — сторонниками мира. Кстати, именно «Черный сентябрь» возьмет на себя ответственность за убийство 10 апреля 1983 года в отеле португальского города Альбуфейра Иссама Сартави, представлявшего на этих переговорах палестинскую сторону. По свидетельству друзей, за два дня до гибели напуганный, что было ему не свойственно, Кюриэль навестил их среди ночи и сообщил: по его пятам идет «Моссад». Угроза была столь осязаема, что Кюриэль, по другим свидетельствам, намеревался бежать в Алжир.

Или не стоит искать так далеко? Кюриэля паса французская контрразведка. За шесть лет до убийства ее агенты просили соседку помочь установить в его квартире микрофоны и камеры. Когда в 1978 году она, с трудом добившись, чтобы с нее сняли показания, назвала имена агентов, выяснилось: один в спецслужбах никогда не числился, а второй преждевременно ушел в отставку, все забыл и ничего не помнит.

Жиль Перро, журналист и биограф Кюриэля, произнес загадочные слова: «Мне кажется, что я близко соприкасался с людьми, стоявшими у истоков этого убийства. Но это лишь моя интуиция, и у меня нет никаких документальных подтверждений». Выйти на след убийц долго и безуспешно пыталась Дидар Фавзи-Россано, кузина и соратница Кюриэля, участница легендарного побега группы «носильщиц» из тюрьмы Ла Рокетт в феврале 1961

года. 26 мая 2011 года девяностолетняя женщина погибла в Женеве под колесами автомобиля. Несчастный случай. Бывает...

Экс-комиссар Люсьен Эме-Блан (8) написал мемуары «Стукач и комиссар». Стукач — Жан Пьер Майон-Либод, многолетний агент комиссара и — о чем комиссар не знал — контрразведки, налетчик, киллер. А еще — боевик «Дельты», не из последних. Весной 1962 года, когда OAS пыталась разжечь восстание «черноногих» против де Голля, группа Жана Пьера похитила — а если честно, то вывезла при попустительстве персонала — из банка Орана два миллиарда триста пятьдесят миллионов франков (тридцать шесть миллионов евро). Эме-Блан утверждает, что считал его рассказы об участии в громких политических убийствах бахвальством. Да если бы комиссар тогда и поверил этим рассказам, все равно не пожертвовал бы бесценным агентом, сдавшим один из известных по фильму «Французский связной» каналов трафика героина в США.

Комиссар благодушно вспоминает: «Мы ехали на автомобиле обедать в бистро на улице Монж. Проезжая мимо поворота на небольшую улицу, Жан Пьер вдруг сказал: „Глянь, Люсьен, это улица Роллен“. — „Ну и что?“ — „Здесь грохнули суку Кюриэля!“ — „Откуда ты знаешь?“ — „Ты что, газет не читаешь?“ — „Читаю, конечно, но не помню, что это было на Роллен“. — „В доме номер четыре. Вот это профессиональная работа. Идея с лифтом — это восхитительно!“ — И Жан Пьер разыграл целую сценку. Он вытянул руку с воображаемым пистолетом, словно нажимая на спусковой крючок: „Лифт открывается, Кюриэль даже не успевает ничего понять. Бах! Бах! Бах! Бах! Четыре пули в табло! Никто ничего не видел! И — рвешь когти!“ — „Черт, ты так говоришь, словно был там!“ — „Да ладно, шучу!“»

Для очистки совести комиссар перечитал досье Кюриэля. Два свидетеля видели убийц. Один — пятидесятилетний, импозантный. Второй — лет тридцати, в джинсах и кожанке, кудрявый шатен. Вылитый Жан Пьер. Но, даже если это был он, вопрос о заказчиках остается открытым: Жан Пьер никогда не работал сам на себя.

P. S. Кюриэлю посвящены документальные фильмы «Анри Кюриэль» (Мехди Лаллауи, 2001) и «Анри Кюриэль, политическое преступление» (Эмиль Рафуль, Стефан Омон, 2006). Жансону — «Смерть, где твоя победа?» Доминика Эммануэля Бланшара (2006). «Носильщикам» — «Жак Шарби, несущий надежду» (2008) Мехди Лаллауи, «Носильщик и дипломат» (1988) Жака Санже и Франка Ришара (Швейцария), «Эль Бир» Беатрис Дюбель (1988), «Жак Табе. Огонек надежды» Рины Шерман (2011). Жансон сыграл самого себя в «Китайке» (1967) Жана Люка Годара. Игровое кино обращалось к теме «носильщиков» в короткометражке Луи Кро «Пассажир» (1964), фильмах Филиппа Гарреля «Свобода ночь» (1983) и Рашида Бушареба «Вне закона» (2010). Удивительно, что в телефильме российского режиссера Леонида Белозоровича «Выбор агента Блейка» (2011) о родстве Кюриэля и Блейка даже не упоминается.

Глава 10

Улица Кардинала Лемуана, 28

Кровавое кабаре (1984)

«Паради Латен» (улица Кардинала Лемуана, 28) — старейшее парижское кабаре: еще в 1802 году Наполеон приказал возвести на этом месте театр. Впрочем, его история, мягко говоря, пунктирна. Кипению XIX века, когда среди завсегдагаев кабаре были Бальзак, Мериме, отец и сын Дюма, положил конец немецкий снаряд, испепеливший здание в 1870 году. Восстановленное в 1887 году великим Гюставом Эйфелем, кабаре закрылось в 1903-м. Здание приспособили под склад, затем под мастерскую. Лет сорок дом вообще пустовал, пока в 1973 году его не купил промоутер Жан Крижель. От первоначальной идеи переделать его в современный жилой дом он отказался, когда с зачарованным изумлением обнаружил зал, спроектированный Эйфелем на семьсот двадцать мест. 14 ноября 1977 года «Латинский рай» (а именно так переводится название заведения) открылся ревю «Рай! Рай!». И с тех пор

веселит парижан, забывших, что именно здесь в сентябре 1984 года случилась встреча, последствия которой надолго погрузили северные кварталы Парижа в атмосферу ночного кошмара.

Французы привыкли, что среди барменов и официантов много студентов-актеров. Вот и клиенты «Рая» в тот вечер решили, что присутствовали при поставленном номере профессионального комика. Официант Жан-Тьерри Матюрен, уроженец Гвианы, так вспоминал о своем ровеснике, напарнике и будущем любовнике Тьерри Полене, заработавшем импровизацией неплохие чаевые: «Однажды я едва не вылетел с работы. Я должен был отнести за столик блюдо с десертом и споткнулся. Содержимое тарелок вылетело на авансцену. Полен вмешался тотчас же. Он симпровизировал целый спектакль вокруг этого происшествия. Он танцевал и играл. Все клиенты поверили, что перед ними и впрямь шоу. В тот вечер меня не выгнали».

Двадцатилетний спаситель был атлетически сложен, подстрижен а-ля знаменитый спринтер Карл Льюис, красив, верен в дружбе, легок в общении и обаятелен. Его любили все. Матюрен называл его «хозяином»: «С того самого момента, как я увидел его, я стал его рабом, его жертвой».

Тьерри не был артистом, он только мечтал им стать. Как и пролетарская девка из песни Патрисии Каас, он хотел «играть кабаре», и ему тоже было плевать, что у него «грязные руки и сердце». Он был чернокожим денди с Антильских островов, кокаинистом, трансвеститом и геем. Он танцевал перед зеркалом в женском платье, работая под Эрту Китт, хрипло-сладкую афроамериканскую певицу, которую Орсон Уэллс называл самой возбуждающей женщиной в мире, а Полен считал своим двойником. В отсутствие профессиональной работы Полен блистал в модных клубах «Палас» и «Бэндуш» — преображенных Филиппом Старком бывших общественных банях недалеко от Бобура. Его привечали как украшение вечера, вихрь веселого общения. На него ходили смотреть как на короля фриков.

Все это так не вяжется со стереотипом серийного убийцы — одинокого замкнутого мужчины с психологическими и сексуальными проблемами. Беда в том, что ночная жизнь Тьерри, его настоящая Жизнь, его сказка, требовала денег. Кокаин нынче дорог, а в ночных клубах Парижа он улетучивается сам по себе, и клиенты расплачиваются в баре свернутыми в трубочку банкнотами, неоднократно использованными по прямому назначению. Поэтому Тьерри так же непринужденно, как сходил с любовниками или зажигал на танцполе, стал убивать старушек.

Выбор жертв объясним, но поразителен, если вспомнить, что Тьерри приехал с Мартиники, где пожилые люди — святыня, объект всеобщего уважения и преклонения. К тому же Тьерри воспитала бабушка, заменившая мальчику родителей: его маме было всего семнадцать лет, а отец сразу же после рождения сына уехал в поисках лучшей доли в метрополию. Новый мамин сожитель был жесток с Поленом: мама отослала его к отцу, чтобы мальчик выучился на водопроводчика или каменщика. Его голубой мечтой было вернуться — потом, после успешной, многолетней сценической карьеры — на родину, чтобы превратить бабушкин прибрежный ресторанчик «Мамаша Жожо» в роскошное заведение для туристов. Впрочем, французские старушки ему не нравились: «Расистки, которые крепко сжимают сумочки, когда видят меня». Может быть, сыграли свою роль всего лишь соображения собственной безопасности. В Тулузе, где жил его отец-ремесленник — позже он выгонит из дому «педераста», — Тьерри отобрал 14 ноября 1982 года, вооруженный мясницким ножом, тысячу четыреста франков у семидесятипятилетней бакалейщицы, но не убил ее, был пойман и получил два года тюрьмы условно.

Надо сказать, что Тьерри, хотя он уже в двенадцать лет угрожал ножом учителю, пытался как-то социализироваться. Даже завербовался в десантные войска, где служил парикмахером, не прижился, пытался перейти в ВМФ, но ни армия, ни флот не нуждались в «неграх-педерастах».

Осенью 1984 года Полена и Матюрена изгнали из «Латинского рая»: любовники учинили на рабочем месте скандал на почве ревности с битьем посуды. У них не было денег,

даже чтобы оплатить свое жалкое жилье. Не говоря уже о модных клубах, отказаться от которых было немисливо, страшнее, чем умереть. 5 октября они избили девяностооднолетнюю Жермен Петю, а затем проследили за встреченной ими у «Фоли-Бержер» Анной Понтю, затолкнули старушку в ее квартиру и задушили. Улов — семь тысяч франков плюс украшения. 11 октября они избили и задушили пластиковым пакетом восьмидесятидевятилетнюю Сюзанн Фуко. Забрав пятьсот франков и часы, стоившие еще триста франков, приятели подожгли квартиру. 2 ноября забили насмерть, переломав все кости и разбогатев на десять тысяч в казначейских облигациях, семидесятиоднолетнюю Жоанну Сикареско на бульваре Клиши. Через три дня — Марию Пилар Сиффре Валль (пятьсот франков) и Жанн Лоран (пять тысяч). Назавтра — Алис Партуш, у которой не нашли ни сентима. Разозлившись, в тот же вечер они зверски убили восьмидесятилетнюю Мари Шуа в доме, расположенном на расстоянии двадцати метров от дома, где 7 ноября замучили насмерть восьмидесятичетырехлетнюю Алис Бенаим.

Париж не сразу понял, что на него обрушилось бедствие. Пожилые женщины были одиноки, их тела порой находили очень не скоро, когда соседи жаловались на запах. Убийства, все более и более изуверские, не сразу выстроились для следователей в систему. На суде со стороны потерпевших будут фигурировать лишь три представителя. В тридцать одной семье жертв Тьерри даже не вспомнят о своих исчезнувших родственницах.

Тьерри Полен оставался на свободе три с лишним года, не считая недолгого ареста осенью 1986 года, когда он угодил за решетку за разборку с дилером-обманщиком. За это время он задушил двадцать семь женщин: Матюрэн покинул его после восьмого убийства. Семь жертв выжили после нападения. «Он убивал так, как другие люди ходят в кино», — скажет следователь. Преступники отличались предельной жестокостью. Город жил в состоянии перманентной паники. Восемнадцатый округ окрестили «периметром страха». «Фигаро» вынесла на первую полосу шапки, вошедшие в историю: «Франции страшно!» и «Правительство прижато к стенке». Первая полоса «Франс суар» скулила: «Старые дамы умоляют: „Защитите нас“».

Неуловимый душитель действительно воплотил в себе страхи правой Франции. Победа в мае 1981 года социалиста Миттерана испугала буржуазию так, словно речь шла не о прожженном политикане, а наследнике якобинцев и коммунаров. Друг-журналист рассказывал мне, как его отец-промышленник, узнав о победе Миттерана по пути в Париж из Нормандии, сделал солидный крюк, чтобы завезти жену и детей в знаменитый ресторан для гурманов, где заказал отборные деликатесы: «Запомните вкус. Вы едите их в последний раз. Завтра большевики все отберут».

Волна убийств воодушевила правых: социалисты не могут обеспечить безопасность наших бабушек! Оживились сторонники смертной казни. Уже 13 ноября правительство бросило на Монмартр, где бесчинствовали убийцы, бригады CRS — французского ОМОНа, переодетых в штатское агентов; полиция поставила на уши осведомителей. Естественно, как всегда при появлении безумного одиночки-убийцы, к охоте подключилась уголовная фауна, почувствовавшая прелести полицейской оккупации своих кварталов. Повсюду звучали призывы смотреть в глазок, прежде чем открывать дверь незнакомцу, проверять на улицах, не следят ли за вами, когда вы, получив пенсию, возвращаетесь с почты домой.

Дело дошло до организации курсов самообороны для старушек Восемнадцатого округа. Даниэль Пеннак, певец Бельвиля, довел идею самозащиты до абсурда в навеянном делом Полен романе «Фея Карабина» (1987). Старушки, наострившиеся стрелять под руководством бель-вильского серба, партизанившего еще в 1940-х годах, настолько оценили вкус насилия, что одна из них, к примеру, пристрелила «флика», дежурившего на улице ради безопасности таких, как она, «божьих одуванчиков» и всего лишь намеревавшегося перевести ее через необъятную замерзшую лужу.

Справедливости ради надо отметить, что паника затихла, когда Полен еще не арестовали. С одной стороны, город устал бояться. С другой — в 1986 году началось «сожительство» президента-социалиста с правым правительством. Заголовки смягчились:

теперь речь шла о «тайне убитых старушек» — благопристойно, как в холеном британском детективе.

Полен чередовал убийства с вечеринками, на которых бывают «все-все-все». 24 мая 1986 года он организовал в Зимнем цирке вечеринку под названием «Look d'enfer» (что можно перевести как «Адский прикид», или «Адский видок»). 28 ноября 1987 года, через два дня после совершения последнего убийства, Тьерри отпраздновал свой последний день рождения на свободе, устроив вечеринку в ресторане на пятьдесят человек. Щедро угощая приглашенных шампанским и кокаином, он искал потенциального спонсора для затеянного им агентства трансвеститов «Трансформ стар». С выкрашенными в белый цвет волосами он выглядел как никогда эффектно. 1 декабря комиссар Франсис Жакоб арестовал его прямо на улице. Обошлось без эксцессов.

Полена взяли благодаря фотороботу, составленному на основе показаний выживших жертв. Странно, что его не опознали гораздо раньше. Экстравагантный Полен, которого и так невозможно было бы с кем-то перепутать, еще и обожал фотографироваться. Страсть к публичности он не утратил даже за решеткой. В тюрьме Френ он не столько готовился защищаться на суде, сколько читал и перечитывал сотни статей о себе. Наконец-то он стал звездой национального масштаба. Эксибиционизмом отличался и Матюрен: в свободное от убийств время он как стриптизер участвовал в популярной телепередаче Кристофа Дешаванна.

Убийца быстро во всем сознался и первым делом заложил Матюрена. Полицейский инспектор свидетельствовал: «У Полена была феноменальная память. Если даты он мог называть только приблизительно, то зато хранил в памяти все детали — и жуткие, и банальные: комнатку консьержки, телефонный звонок, раздавшийся, когда он был в квартире. Он был готов к полному сотрудничеству с нами».

Тюремные психиатры не сомневались в его вменяемости.

Правая пресса вновь взбудоражилась. Убийца оказался воплощенным символом зла. Негр! Тусовщик-бездельник! Педераст! Наркоман! Жалко, конечно, что не коммунист. Зато — ВИЧ-инфицированный. О том, что он болен, сам Полен узнал, выйдя на свободу после недолгой отсидки за нападение на дилера.

Один из высших судебских чиновников назвал СПИД современной гильотиной, очищающей общество от человеческих отбросов. На этот раз запаниковала левая пресса: Полен губил на корню кампанию, которую она вела за равноправие меньшинств. «Актюэль», самый яркий журнал 1980-х, в последнюю минуту перед сдачей в печать подыскивал «человека номера», который мог бы уравновесить отрицательный эффект дела Полена для чернокожей общины. Остановились на актере — родом из Берега Слоновой Кости — Изааке де Банколе: одна звезда против другой.

А Полен, наполовину разбитый параличом, превратившийся в уродливого инвалида, не дожидая суда, умерев 16 апреля 1989 года в тюремной больнице. Матюрен, приговоренный в декабре 1991 года к пожизненному заключению, вышел на волю в январе 2009 года.

Р. С. В фильме Клер Дени «Мне не спится» (1994) Полен выведен под именем Камиллы (Ришар Курсе). «Фею Карабина» Пеннака экранизировал для телевидения Ив Буассе (1988).

ШЕСТОЙ ОКРУГ

Глава 11

Бульвар Сен-Жермен, 172

Жан Жене (1944)

Майским оккупационным днем 1944-го в кафе «Флор», что в доме номер 172 по бульвару Сен-Жермен, плавающей в табачном тумане штаб-квартире молодой литературы,

логовище экзистенциалистов, состоялась одна из ключевых встреч в истории французской культуры. Симона де Бовуар вспоминала: «Он подошел к нашему столику, когда я сидела во „Флор“ с Сартром и Камю. „Это вы Сартр?“ — спросил он резко. Ежик волос, сжатые губы, недоверчивый и почти агрессивный взгляд — мы сочли его крутым. Он присел, но лишь на мгновение. Потом вернулся, и мы стали видеться очень часто. Да, он был крут: с обществом, отторгшим его с первых же шагов, он не церемонился».

«Он» — это Жан Жене, самый знаменитый уголовник французской литературы со времен Франсуа Вийона, тот самый идеальный бунтарь, маргинал, жертва общества, крутой гений-самородок, носитель грубой, мясной истины, метафизический поэт плоти, о котором мечтали, но которого никогда не видели воочию интеллектуалы. Воплощение абстрактного дикаря так потрясло Сартра, что, взявшись в 1952 году за предисловие к собранию сочинений Жене, он не остановился, пока не написал шестьсот девяносто две страницы: творческой плодовитости Сартра немало способствовали поглощаемые им амфетамины. Текст «Святой Жене, комедиант и мученик» составил целый том собрания, на шесть лет «оглупив» и выбив из творческой колеи его героя.

Борис Виан, другой, насмешливый столп Сен-Жер-мен-де-Пре, принял Жене гораздо спокойнее: «Поэт-гомосексуалист и взломщик, а в остальном — милейший парень в мире». Особенно потешало Виана то, что Жене сурово порицал Андре Жида (бывшего, как и он, гомосексуалистом, но, в отличие от него, страдающего интеллектуала) за «сомнительную безнравственность».

Впереди Жене шли восторженные слухи. В сентябре-октябре 1942 года в тюрьме Френ он не только написал свою первую поэму «Приговоренный к смерти», но и исхитрился издать ее тиражом в сто экземпляров. Мастак, сидевший за изготовление фальшивых продовольственных карточек, спер у немцев драгоценную бумагу: на титульном листе книги красовалось гордое слово «Френ». Жене посвятил поэму «двадцатилетнему убийце Морису Пилоржу», своему сокамернику. Двадцатичетырехлет-него вора Пилоржа 4 февраля 1939 года казнили за то, что с целью грабежа 6 февраля 1938 года он перерезал горло бритвой своему любовнику-мексиканцу Нестору Эскудеро.

Сам Жене никого не убивал, но боготворил душегубов, составивших его собственный пантеон святых. В него входили Жиль де Рэ — детоубица и прототип Синей Бороды; Луи Менесклу, в 1880 году изнасиловавший и расчленивший четырехлетнюю девочку; римский император Гелиогабал; «божий анархист» и потрошитель пастушков Жак Ваше (1); Ласенер (Предисловие); сестры Папен, освежавшие в 1933 году своих хозяек и вдохновившие Жене на пьесу «Служанки». Он любил повторять последние слова двух казненных. Серийного убийцы Эугена Вейдемана, расставшегося с головой в 1939 году: «Я уже очень далеко». И последнего великого корсиканского бандита Андре Спада, одиннадцать лет «партизанившего» на родном острове и гильотинированного 21 июня 1935 года: «Мне все равно, я уже в раю».

В феврале 1943 года «Приговоренный» привел в экстаз утонченного Жана Кокто. Но уже в мае Жене, едва освободившись, попался на краже из книжного магазина «Галантных празднеств» Верлена. Отсидев три месяца, в сентябре снова загремел — на полгода. Тогда-то Кокто нанял Жене великого адвоката Мориса Гарсона (14) и заявил судьям: «Перед вами величайший поэт века». А Марсель Жуандо схватился за голову: прочитав «Приговоренного», он поделился с начинающим писателем горьким опытом ремесла — «Кражами вы больше заработаете». Теперь он искупал вину, отправляя Жене посылку в неделю до самого его освобождения 14 марта 1944 года, за которым и последовала встреча с Сартром.

Этот эпизод не поставил точку в криминальной эпопее Жене. К 1949 году уже выйдут его главные произведения: романы «Богоматерь цветов» (1944), «Чудо о розе» (1946), «Керель из Бреста» (1947), «Торжество похорон» (1947), пьесы «Служанки» (1947) и «Строгий режим» (1949). Но его юридический статус оставался уязвимым. Над Жене тяготели два года условного срока: случись что, и он по совокупности судимостей обречен на

пожизненную высылку в Гвиану. Спасли Жене интеллектуалы: Сартр, Камю, Пикассо. 12 августа 1948 года президент Венсан Ориоль по их прошению аннулировал судимости уже прославленного рецидивиста.

Ранняя биография Жене легендарна и в прямом, и в переносном смысле слова. Сына, рожденного 19 декабря 1910 года от неизвестного отца, в семимесячном возрасте бросила мать — двадцатиднолетняя Камилла, называвшая себя гувернанткой, но, очевидно, промышлявшая на панели: в 1919 году ее убьет эпидемия «испанки». Он оказался у жестоких приемных родителей, в десять лет совершил первую кражу, в тринадцать бежал из дому, потом из училища, где царили не менее жестокие нравы. В исправительную колонию в Метре, где пребывал с сентября 1926-го по март 1929 года, его бросили за безбилетный проезд на поезде. Там он осознал свою гомосексуальность и на собственной шкуре познал отношения господства и подчинения. В восемнадцать лет поступил в Иностранный легион: Магриб, Ближний Восток. Понравилось: Жене дважды продлевал контракт, но в июне 1936 года дезертировал и отправился в пешую прогулку по Европе длиной в восемь с половиной тысяч километров: Албания, Австрия, Бельгия, Чехословакия, Италия, Германия, Польша, Югославия. Торговал собой, грабил папиков-педерастов, обжил тюрьмы четырех стран. Вернувшись в Париж, в июле 1937 года попался на краже книг, выяснилось, что он еще и дезертир, паспорт у него поддельный — и пошло-поехало. До весны 1944 года Жене не вылезал из тюрем: едва освободившись, через несколько дней, в лучшем случае — недель, возвращался на нары.

Если верить Жене, в своих странствиях он не преступал закон только в нацистской Германии летом 1937-го. «Я был смущен тем, что лишь я один был свободен среди народа, находившегося под тотальным контролем. <...> Это народ воров — чувствовал я в глубине души. Если я что-нибудь украду здесь, то не совершу ничего выдающегося. <...> Я просто повинуюсь установленному порядку. Я не разрушу его».

Да и что, собственно говоря, он воровал? Двенадцать носовых платков в магазине «Самаритен». Четыре бутылки аперитива в кафе в Бресте. Рубашку и отрез шелка в «Магазин де Лувр». Отрез драпа. Ну и тому подобная дребедень. Ах да, еще он украл «Под сенью девушек в цвету» Пруста.

Вторая великая легенда Жене — его политическая ангажированность. После самоубийства в марте 1964 года своего юного любовника, акробата Абдаллы, из-за травм лишившегося возможности выступать на манеже, Жене отрекся от литературы, а в мае 1967-го и сам попытался свести счеты с жизнью в отеле на итальянской границе. Волю к жизни ему вернула накрывшая мир революционная волна. С этих пор Жене писал лишь статьи. Единственная книга — о «Черных пантерах» и палестинцах — «Влюбленный пленник» увидит свет лишь в год его смерти.

В августе 1968 года Жене свидетельствовал своими текстами о жесточайшем избиении полицией участников мирных манифестаций протеста в Чикаго. В марте-мае 1970 года агитировал за «Черных пантер», смиривших ради такого известного союзника свою гомофобию. С октября 1970-го по апрель 1971-го находился в лагерях палестинских беженцев, воевавших с иорданским правительством. В сентябре 1977 года в «Ле монд» солидаризовался с «Фракцией Красной армии» Баадера-Майнхоф.

Жене до самой смерти был верен делу Организации освобождения Палестины, встречался с Ясиром Арафатом. Он первым из европейцев побывал в бейрутском лагере беженцев Шатила после того, как 16–18 сентября 1982 года христиане-фалангисты под прикрытием израильской армии вырезали там от одной до трех с половиной тысяч безоружных палестинцев: «Любовь и смерть. Эти два понятия очень быстро ассоциируются друг с другом, будучи написанными на бумаге. Мне пришлось побывать в Шатиле, чтобы ощутить похабность любви и похабность смерти».

Сюжет почти что для соцреалистического романа: жертва общества, выражавшая свой стихийный протест воровством и разбоем, пообщавшись с левой интеллигенцией, становится

сознательным борцом за дело «проклятым клейменным». Отчасти это так, но только отчасти.

Судя по «Постыдным истинам Жана Жене» (2004), книге историка Ивана Жаблонка, впервые получившего доступ к материалам опеки над юным Жаном, он не был ни святым, ни мучеником. Насилие общества над ним сильно преувеличено. Приемные родители его обожали; заведение, из которого он бежал, было вполне привилегированным училищем типографских работников; на преступный путь он встал по доброй воле. Напрасно Сартр объявил его пролетарием-мучеником: Жене были ближе крайне правые. И недаром в литературу его ввел именно Кокто, флиртовавший с оккупантами.

Но все это было и так очевидно из текстов самого Жене. Он признавался, что «испытывает тягу к тюрьме», как другие — тягу к музыке. В иерархии преступлений, которые он воспевал, едва ли не высшую ступень занимало предательство.

Предательством любовника он мазохистски хвастался в «Дневнике вора» (1945, опублик. 1949): «Всю дорогу я тешился горькой радостью, обещая себе забрать на почте деньги и отослать их Пепе в Монхучскую тюрьму... Выйдя на улицу, я разорвал купюры, собираясь сбросить их в водосток, но, чтобы сделать разрыв более ощутимым, я склеил обрывки денег на лавке и устроил себе роскошный обед. Пепе, должно быть, подыхал от голода в тюрьме, но ценой этого преступления я счел себя свободным от моральных забот»⁸.

Еще сладостнее предательство родины. В июне 1940 года Жене был счастлив разгрому Франции «батальонами белокурых воинов, которые не спеша отымели нас в жопу». Находил восхищенные слова для пилотов, «сеющих смерть смеясь», и эсэсовцев — он сам был любовником французского эсэсовца, — включая офицера, учинившего бойню в Орадуре. В «Торжестве похорон» лелеял гомосексуальный образ Гитлера, «самого безумного бандита» (это похвала в устах Жене, никогда не примазывавшегося лицемерно к Добру, но открыто принимавшего сторону Зла), и воспевал «восхитительное одиночество» нацистов из французской милиции: «Будь я моложе, я был бы милиционером». Признавался, что в августе 1944 года ему было стыдно проходить мимо немецких солдат, стреляющих в парижских повстанцев, а не стрелять и умирать вместе с ними. Видел во французском гестапо (37) свое Телемское аббатство, синтез всего, что ему дорого: предательства, воровства и гомосексуализма.

С мятежниками 1960-х он чувствовал родство не потому, что сам был бунтарем, а потому, что они были преступниками, как Ласенер и Вейдеман. Преступниками и... поэтами. «Палестинцы еще не проснулись. Их опьянение безгранично. Поэты».

Жене никогда не поддержал бы алжирский Фронт национального освобождения, если бы не спал с алжирцами, а «пантер» и палестинцев — если бы не чувствовал их «огромный эротический заряд». Да и милиция так бы не заворожила его, если бы не сладкий восторг, вызванный мыслью, что всю Францию терроризировали шестнадцати-двадцатилетние мальчишки. Жене любил мальчишек.

Итак, Жене — не жертва общества, а мазохист? Не революционер, а почти нацист? Все так. Но...

Оставим в стороне далеко не всегда резонное соображение, что нельзя идентифицировать автора и его лирического героя. Предположим, что в случае Жене автор и герой суть одно целое.

Поклонимся левым, которые, присвоив посредством Сартра Жене, спасли одного из ярчайших писателей от обыденных в послевоенной Франции репрессий, чреватых тюрьмой и расстрелом: великий прозаик Луи Фердинанд Селин пострадал за слова, кажущиеся по сравнению с провокациями Жене детскими шалостями: даже в 2011 году юбилей Селина вычеркнут из списка памятных дат, утвержденного министерством культуры. А Жене все сошло с рук. Повезло парню.

Даже если не говорить о литературном качестве его блестящих и отвратительных текстов, одно то, что он совместно с Мишелем Фуко положил начало общественному контролю за французскими тюрьмами, перевешивает все его несимпатичные особенности. Стоит брать пример с великого ученого Клода Леви-Стросса, еврея и антифашиста, который на изумленные упреки в том, что он провел в «бессмертные» академик антисемита майора Жака Ива Кусто, ответил: «Но он же столько сделал для Мирового океана».

Уличая Жене в нацизме, очень легко — что и происходит — подменить смыслы. Объявить, например, «Четыре часа в Шатиле» свидетельством не его благородной солидарности с палестинскими жертвами, а антисемитизма. Поставив тем самым под сомнение сам ужас бейрутской резни. Возможно, Жене был антисемитом (главное доказательство этого — слова Сартра о его «метафизическом антисемитизме»: в письме Жене признался, что никогда не мог бы переспать с евреем), но это его свойство не оправдывает тех, кто убивал палестинцев.

Если вспомнить метафору Марины Цветаевой «поэты — жида», то поэт Жене был большим «жидом», чем любой еврей.

В конце концов, после того как открылся ужас Холокоста и «еврей» стал в европейской культуре синонимом Добра, разве не обязан был «цветок Зла» Жене взвалить на себя, помимо всех прочих грехов, еще и антисемитизм? И кто, если не палестинцы, «Вечные жида» современного мира?

И что Жене лагеря смерти, если — как прокричал он в «Преступном ребенке» (1949), — ужасаясь чужим преступлениям, Франция не замечала зверств, творимых ее именем в каторжных тюрьмах для несовершеннолетних.

Спор о Жене давно подытожил Андре Мальро. 16 апреля 1966 года Роже Блен поставил в театре «Одеон», условно говоря, антиколониальную пьесу Жене «Ширмы». Первые две недели все было тихо и мирно, но 30 апреля на сцену во время спектакля ворвались оасовские «пара» — парашютисты — и боевики ультраправой организации «Запад»: помяли актеров, включая Марию Казарес. В зале закипело побоище: кресла превратились в метательные орудия. Завтра, и послезавтра, и во все последующие дни лишь полицейские кордоны не позволяли повториться погрому в зале. Но в поле битвы превратилась площадь перед театром.

Национальная ассамблея услышала «глас народа». Депутаты потребовали запретить непристойный пасквиль на Францию и армию, написанный вором, педерастом, каторжником. 16 октября министр культуры Мальро, в иных случаях способный быть и охранителем, и гонителем, и цензором, держал перед ними речь: короткую, категорическую, презрительную: «У свободы, дамы и господа, не всегда чистые руки... „Ширмы“ — не антифранцузская пьеса, а античеловеческая, она — антивсе. Жене не в большей степени антифранцуз, чем Гойа — антииспанец». На этих словах все должно было стать ясным для депутатов: лев выпустил когти, Гойа для Мальро — святыня, «союзник» по войне с франкистами. Депутатам не нравится пьеса? Что же, не смотрите, никто не неволит, смотрите Клоделя, Шекспира. Если вы хотите запретить «Ширмы», запретите заодно готическую живопись Грюневальда, Гойю, Бодлера.

Легенды можно разоблачать до бесконечности — на то они и легенды, но даже если часть биографии Жене — его собственное сочинение, то эту пьесу он создал с безупречным пониманием законов французской культуры и безупречной честностью и столь же безупречно дописал-доиграл до конца, ни разу не погрешив против жанра. Как и положено бродяге, у него никогда не было своего дома. В удостоверении личности был указан адрес издательства «Галлимар». Жене в обнимку с чемоданчиком рукописей переезжал из одного грязного отеля в другой. В одном из них — «Джине-отеле», недалеко от вокзала Сен-Лазар, — в ночь с 14 на 15 апреля 1986 года больной раком горла писатель оступился на пороге ванной комнаты и упал, чтобы уже не подняться. Похоронили его в Марокко, на старом испанском кладбище в Лараше, — даже умерев, Жене отверг Францию, от которой его с детства «тошнило».

Р. С. Единственный режиссерский опыт Жене — короткометражная «Песнь любви» (1950), поэтическая садомазохистская тюремная фантазия. Среди экранизаций его книг стоит отметить: «Балкон» (1963) Джозефа Стрика, «Мадемуазель» (1966) Тони Ричардсона, «Служанок» (1975) Кристофера Майлза, «Черное зеркало» (1981) Пьера Алена Жоливе, «Кереля» (1982) Райнера Вернера Фассбиндера, «Яд» (1991) Тодда Хэйнса, «Эквилибристов» (1992) Никоса Папатакиса. Судьбе Жене посвящены документальные фильмы «Жан Жене, бродяга; Жан Жене, писатель» (1996) Мишеля Дюмулена и «Жан Жене, дурной пример» (2010) Жилия Бланшара.

Глава 12

Авеню Обсерватории, 403

Покушение (1959)

Авеню Обсерватории, знаменуя торжество разума, была строго ориентирована по Парижскому меридиану, до начала XX века, в пику англичанам, конкурировавшему с Гринвичским. А обширные сады Обсерватории, основанной Людовиком XIV в 1667 году, располагают к покою и созерцанию, но никак не к музыке пулеметных очередей, которые в час ночи 16 октября 1959 года перебудили весь квартал. Распахнув окна, высыпав на балконы, его обитатели увидели брошенный впопыхах у садовой ограды автомобиль с распахнутой дверцей, еще покачивающийся от прошивших его семи 134 пуль из пулемета «стэн». Сухопарый человек опасно выглядывал из-за кустов, отряхивая землю с длинного пальто, придававшего его облику нечто пасторское.

Утренние газеты оглушили Париж подробностями ночной стрельбы. По словам чудом уцелевшей жертвы покушения, около половины первого ночи, выпив, как подобает правоверному парижскому интеллектуалу, последний стаканчик в ресторане «Липп» на Сен-Жермен-де-Пре, он поехал домой, на улицу Гинемер. Но, заметив неотвязно следующую за ним машину, свернул у здания Сената не направо, как обычно, а налево — к бульвару Сен-Мишель. Повернул еще раз — преследователи не отставали. Поддавшись панике, резко затормозил, бросил автомобиль и неожиданно для самого себя — как-никак сорок три года, уже не юноша и далеко не спортсмен, — совершив прыжок через метровую ограду, нырнул под куст как раз вовремя, чтобы услышать предназначенную ему очередь.

Счастливого звали Франсуа Миттеран. Он возглавляет левую партию Демократический и социалистический союз Сопrotивления, но эта партия очень невелика. Он — сенатор: почетная, слишком почетная должность для нестарого политика, какая-то безликая, пыльная. Еще не президент — он станет им в 1981-м, оседлав коалицию левых сил, — но его снедают амбиции. Уже не министр и в ближайшей перспективе вряд ли им станет, хотя привык за десять лет перебираться из одного кресла в другое: в мае 1958 года мятеж парашютистов — «пара» — вернул к власти генерала де Голля и вымел поколение бюрократов, к которому принадлежал Миттеран.

При этой власти места для Миттерана не было. Но для подвига место в жизни найдется всегда.

Де Голлю счастливый жребий героя выпал в пятьдесят лет, когда 18 июня 1940 года по лондонскому радио он призвал сограждан к сопротивлению нацистам. Миттеран стал героем в одночасье: утром 16 октября. Газеты наперебой восхищались его стремительной реакцией и юношеской сноровкой. Герой расплывчато обвинял правых. Коммунистическая «Юманите» требовала роспуска «фашистских банд», пугала гражданской войной, намекала на причастность к преступлению пресловутых «пара».

Сам факт покушения на видного политика никого не удивил. Война со сторонниками независимости Алжира, фактически война гражданская, французская Чечня, достигла кульминации: уже год, как алжирцы перенесли ее в метрополию. Утром 15 сентября 1958 года их автоматчики травили, как дикого зверя, экс-губернатора Алжира, министра

информации Жака Сустеля на чопорной, центральной, полной «фликов» авеню Фридлянд. Изрешетили служебный автомобиль, попортили пиджак, убили прохожего, еще троих ранили и сами полегли.

Ну а «стэн» был во Франции почти домашней утварью. Никто не считал, сколько таких стволов сбросили партизанам самолеты союзников, и не знал, в чьи руки они попадали. Без дела эти стволы не скучали. Ключевые позиции в обществе занимали еще молодые ветераны войны. Но в отличие от войны их русских, американских или британских ровесников, война французов была по преимуществу тайной, что формирует совершенно особый склад психики и, так сказать, политической культуры. Одолев врага и выбрав свой, правый или левый, лагерь, они по-прежнему называли друг друга подпольными кличками времен Сопrotивления, научившего их тому, что автоматная очередь — самый неотразимый аргумент.

В Миттерана, единодушно решила общественность, стреляли ультраправые враги независимости Алжира. Хотя с чего бы это? Даже если фразу Миттерана «Алжир — это Франция» (с формальной точки зрения Алжир был не колонией, а совокупностью трех французских департаментов) можно объяснить-оправдать его статусом министра внутренних дел (1954–1955), то смертные приговоры алжирским патриотам министр юстиции (1956–1957) Миттеран визировал безжалостно и бесстрашно: на его счету не менее сорока пяти жизней. Но покушение вычеркнуло это из памяти. А заодно и то, что 1 февраля 1935 года юный Миттеран, член молодежной секции полуфашистской организации «Огненные кресты», маршировал под лозунгом «Франция для французов», требуя лишить работы врачей-иммигрантов — прежде всего евреев, — бежавших от нацизма. (Кстати, антисемитом, уверенным, что ему всю жизнь чинит препоны еврейское лобби, Миттеран останется до самой смерти в 1996 году.) И то, что в январе-марте 1936 года он участвовал в травле шестидесятисемилетнего юриста-антифашиста Гастона Жеза за то, что тот согласился стать представителем эфиопского императора Хайле Селассие, противостоявшего Муссолини: старик-профессор, опасаясь покушения, чуть ли не ушел в подполье. И то, что, прежде чем переметнуться к Сопrotивлению, Миттеран так исправно служил министром Виши, что получил в 1943 году орден из рук маршала Петэна. И то, что его юношеская дружба с убийцами-заговорщиками кагулярами (36) выдержала испытание временем.

Забылось главное: Миттеран — тоже ветеран тайных войн. «Наденьте на Миттерана колпак кагуляра, и вы увидите его истинное лицо», — напишет в 1990 году писатель Жан Эдерн Алье (18).

Забылось все. Но только на пять дней. 21 октября герой проснулся посмешищем.

В правой газете «Ривароль» вышла статья Робера Песке, тоже участника Сопrotивления, голлиста, перешедшего в крайне правую партию «пужадистов». Несмотря на разницу политических взглядов, социалист Миттеран был к нему расположен, сочувствовал неудаче на парламентских выборах, зазывал к левым. Смысл статьи был прост: «Это я стрелял в Миттерана. Но — по его настоящей просьбе».

По версии Песке, с 7 по 15 октября они четырежды встречались по инициативе Миттерана. То под золотыми платанами Люксембургского сада — рядом с Сенатом: добросовестный Миттеран не мог надолго отлучиться с работы. То на набережных Сены: интеллектуал Миттеран любил порыться в ларях букинистов. Сенатор жаловался, что страна забыла его, просил «вытащить из состояния посредственности». Невзначай упомянул команду убийц, вроде бы прибывшую из Алжира. Об этом по Парижу не просто ходили слухи. Авторитетный депутат-голлист сообщал в газете: «Эскадроны смерти уже пересекли испанскую границу, списки лиц, подлежащих уничтожению, составлены». Разговор на эту тему сам собой навел Миттерана на мысль о рекламном покушении, так же сам собой сложился его план. «Мы же — масоны, мы — братья», — привел сенатор неотразимый аргумент. Песке в душе удивился: «Я и не знал, что Миттеран — масон».

Миттеран, в свою очередь, кажется, не знал, что Песке уже подвергался судебному преследованию за мошенничество.

Миттеран осведомился, из чего в него будут стрелять: узнав, что из «стэна», предостерег: «Осторожно! Эти машинки часто заедает».

Вечер покушения Песке коротал в укромном уголке ресторана «Липп», дожидаясь, пока Миттеран допьет вино и распрощается с сотрапезником, политиком Жоржем Даяном. Увидев, что сенатор направился к выходу, Песке подал знак Абелью Даюрону, своему садовнику. Когда они подъехали к Обсерватории, Миттеран уже припарковался и разлегся на газоне. Даюрон медлил стрелять: мешали то таксист, высаживавший позднего клиента, то бесконечно прощавшаяся парочка. Наконец, не выдержав, подал голос сам Миттеран: «Ну!» Даюрон открыл огонь.

Добряк-громила Даюрон вроде бы еще и осведомился: «Вы хорошо спрятались, господин сенатор?» Ведь он подрядился «пострелять по мишени, но без кровопролития».

Песке располагал неотразимым доказательством. Накануне покушения он отправил самому себе письмо с изложением подробностей сговора, а 20 октября в сопровождении судебного пристава забрал его на почте. 22 октября адвокат Песке зачитал письмо умиравшим со смеху журналистам. К вечеру шансонье распевали куплеты о «политом поливальщике», хороня конченого политика Миттерана.

Мысль, что письмо было страховкой на случай неудачи настоящего покушения, приходила в голову сторонникам Миттерана, но он сам опроверг ее, неубедительно отбиваясь от обвинений: Песке-де заморочил мне голову, рассказал, что меня ему «заказали», а он не хочет убивать, поэтому предупреждает, где и когда будет в меня стрелять. Якобы при этом Песке патетически заявил: «Да, я ультра, но не негодяй».

Добрые слова для оплошавшего сенатора нашлись только у его друга, писателя-католика Франсуа Мориака. В оппозиционном де Голлю журнале «Экспресс» он писал: «Миттеран дорого заплатил за то, что оказался слабее, чем полагали сами его враги. Я признателен ему за эту слабость: она свидетельствует, что он иной породы, чем те, кто заставили его оступиться и несомненно угадали в нем тайную слабость. Если Миттеран виновен в том, что доверился порочному человеку, притворившемуся, будто раскрывает перед ним свою душу, то только потому, что он был мальчиком-христианином, таким, как все мы, провинциалы... Христианская рана никогда окончательно не зарубцовывается в сердце, лишь кажущемся очерстневшим».

Впрочем, после смерти Миттерана все больше людей, как близких ему, так и враждебных, приходят к выводу, что он если и врал, то не слишком. По их версии, Песке хотел дискредитировать Миттерана, склонявшегося к признанию права Алжира на независимость, и запугал его рассказами о тайной организации убийц. А от обращения в полицию предостерег: «Это самоубийство», у «них» везде свои люди. В такое немудрено было поверить: ОАС завела «крота» даже в Елисейском дворце, в двойной игре подозревали даже будущего президента Валери Жискара д'Эстена и будущего министра внутренних дел Мишеля Понятовского. Даже спустя сорок пять лет после покушения Даниэль Миттеран, жена «жертвы», будет утверждать: «Какая это была ужасная эпоха. Мы были так одиноки. Голлисты тех лет — это же гестапо». И назовет единственной доброй душой Мориса Папона, тогдашнего префекта полиции, а в годы оккупации — палача евреев. Именно он среди ночи позвонил Даниэль, чтобы сообщить ей о покушении.

Сам Песке позже запутался в показаниях, утверждая, что он не соврал Миттерану о готовящемся взавправдашнем убийстве. Через некоторое время после покушения он заявил, что заговор был, а составили его националист-адвокат Жан Луи Тиксье-Виньянкур (в 1965 году — соперник на президентских выборах и Миттерана, и де Голля) и его помощник Жан Мари Ле Пен. А в 2002 году признался, что все-таки действовал в одиночку: «Спустя полвека я ни о чем не жалею. Об этом деле продолжают говорить, а мой соперник Миттеран от него так и не отмылся».

Песке, Даюрона и некоего Андре Пекинью, передавшего им пулемет, действительно оказавшийся «сувениром времен Соппротивления», судили за хранение оружия. Потом Песке ушел в подполье ОАС; подложил бомбу в туалете Национальной ассамблеи; бежал, заочно

приговоренный к двадцатилетнему заключению, в Испанию; воевал в Анголе в рядах португальской колониальной армии против партизан-марксистов и вернулся на родину с поддельными документами. Этот бесшабашный мужчина умер в декабре 2010 года, дожив до девяноста двух лет.

Для Миттерана санкции оказались куда более чувствительными. По требованию премьера Мишеля Дебре 25 ноября его лишили депутатского иммунитета: сто семьдесят пять депутатов голосовали за, двадцать семь — против, двенадцать воздержались, семьдесят семь не участвовали в голосовании. Париж шушукался: Миттеран, рыдая, молил Дебре замять скандал. Когда слезы не подействовали, пошел ва-банк, угрожая разоблачить роль премьера в «деле о базуке» — покушении 16 января 1957 года на Салана, командующего войсками в Алжире, слывшего либералом. Два выстрела агентов антитеррористической (!) службы разнесли тогда кабинет генерала и убили случайного майора.

Какие, право, милые политические нравы.

Дебре не поддался шантажу. Миттерана признали виновным в препятствовании правосудию: приговор был аннулирован амнистией в 1966 году. Дело о покушении закрыли за отсутствием состава преступления.

Последствия «покушения» для Миттерана сформулировал 24 апреля 1964 года вступивший с ним в перепалку на заседании Национальной ассамблеи премьер Жорж Помпиду: «Вы нетерпеливо ждете, когда возглавите государство, вы ничему не научились, ничего не забыли. Что же, тогда я скажу: будущее принадлежит не вам, будущее не принадлежит призракам». То, что у Миттерана нет никакого политического будущего, звучало как трюизм, как «Сена впадает в Ла-Манш».

Другое дело, что де Голль считал ниже своего, «императорского», достоинства и достоинства Франции (впрочем, он не разделял Францию и себя) переходить в полемике на личности и пресекал все поползновения своего окружения, державшего наготове папочку с компроматом, напомнить стране и о садах Обсерватории, и о грехах молодости Миттерана. Менее щепетильный Миттеран перетерпел годы унижения и достиг высшей власти, которую — Помпиду ошибался — он ждал очень терпеливо.

P. S. «Покушению» посвящен документальный телефильм Жюэля Кальметта «Миттеран и дело Обсерватории» (2002).

Глава 13

Бульвар Сен-Жермен, 151

Проклятие Бен-Барки (1965)

На бульваре Сен-Жермен в 1965 году было скучно: обуржуазились даже притоны «троглодитов»-экзистенциалистов «Флор» и «Де Маго». А о расположенном напротив, в доме номер 151, «Липпе», основанном в 1880 году супругами-эльзасцами и славившемся пивом, свиной рулькой, селедкой «Бисмарк» и тушеной капустой, и говорить нечего. Некогда его ражий хозяин Марселей Казес, защищая социалиста Леона Блюма, одолевал в рукопашной дюжину фашистов, но былинные времена миновали. На банкетках красной кожи, под фаянсовыми панно эпохи модерна, встречались солидные люди. Писатели-академики (или будущие академики), модельеры, живописцы-орденоносцы, сенаторы, адвокаты, министры. Мальро обмывал здесь Гонкуровскую премию, труппа театра «Старая голубятня» — премьеры.

«Липп» приносил удачу: все будущие президенты за минувшие полвека были его завсегдатаями. Здесь Миттеран выпивал для храбрости перед инсценированным им самим покушением (12), Жак Ширак потчевал Грегори Пека, а 7 сентября 1965 года примирились Помпиду и Жискара д'Эстен. Не прошло и двух месяцев, как репутацию «Липпа» омрачило мерзкое преступление.

В пятницу 29 октября в 12.30 — священный час обеда — сорокапятилетний, респектабельный, хотя и подвижный, как ртуть, марокканец Махди Бен-Барка так и не переступил порог «Липпа», где у него была назначена важная встреча. Прилетев утром из Женевы, он прошелся по магазинам, купил шляпу и темные очки, но все равно пришел слишком рано и решил пропустить стаканчик рядом, в новом кафе «Драгстор». На входе в «Липп» его остановили полицейские. Марокканец не удивился: на родине его еще в ноябре 1963 года приговорили к смерти за заговор против короля Хасана II. Но и не испугался: кроме алжирского дипломатического паспорта, у него были некие гарантии безопасности. Он спокойно сел в «пежо» и исчез.

«Флики» были самые что ни на есть настоящие: Сушон, шеф отдела наркоконтроля в полиции нравов, и Буато. Им ассистировал сотрудник «Эр Франс» Лопес, агент контрразведки, спец по вскрытию диппочты в аэропорту Орли. Они работали неряшливо: засветились, упустили друга Бен-Барки — студента Тхами Аземмури, который, решив, что того взаправду арестовали, ушел на дно и забил тревогу слишком поздно. Банду Сушона объявили оборотнями в погонах, судили, но к началу 1970-х она оказалась на свободе. Примечательно, что их адвокатов оплачивала «Рыжая» Кадия Гольдфард, знаменитая бандерша и агент полиции. Но кто нанял Сушона? Следствие — вы не поверите — длится до сих пор. Новые ордера все выписывают, вот только предъявить их некому или невозможно. Кто жив, тот занимает высокие посты в Марокко, чьи власти саботируют расследование.

* * *

Бен-Барка преподавал математику наследному принцу Хасану, вел переговоры о возвращении на трон его отца Мохамеда V, смещенного французскими колонизаторами, но затем возглавил левую оппозицию средневековой монархии. Его имя звучало столь же громко, как имя Че Гевары. Когда же команданте вернулся в партизанские джунгли, Бен-Барка занял его место лидера третьего мира, что должен был закрепить антиимпериалистический конгресс «Движения трех континентов» в Гаване. Таких, как он, во Франции называют политическими зверями. Любого — русского, китайского, египетского — лидера он не то что склонял на свою сторону, а соблазнял, имитируя полное с ним единомыслие.

Каким же образом попал в западню средь бела дня опытный конспиратор? Где прокололся? Зачем в разгар подготовки конгресса примчался в Париж? Смешно: его погубила вера в волшебную силу кино, свойственная 1960-м.

Бен-Барка мечтал снять и показать в Гаване фильм-манифест деколонизации под названием «Баста!»: себя он видел в роли идеолога и консультанта. На свою беду, он дружил с журналистом Филиппом Бернье, одним из основателей «Врачей без границ», публиковавшим статьи Бен-Барки в издаваемом им бюллетене об африканских делах. Честность Бернье несомненна, но он, как человек публичный, был слабым звеном в окружении Бен-Барки. Марокканская разведка уже подводила к нему «бизнесмена», якобы готового финансировать бюллетень при условии встречи с Бен-Баркой, но тот был занят, каковое обстоятельство и продлило ему жизнь.

Но вот ради встречи с человеком, который найдет режиссера и сценариста, Бен-Барка бросил бы все дела: времени уже не оставалось — конгресс открывался 3 января. Тут-то к Бернье и обратился со сногшибательным предложением знакомый — тридцатидевятилетний Жорж Фигон, готовый финансировать «Баста!». Все выглядело так заманчиво. Режиссером якобы готов стать Жорж Франжю, ведущий документалист 1950-х, успешно перешедший в игровое кино. Сценарий напишет знаменитая Маргерит Дюрас, сценаристка прославленной «Хиросимы, моей любви» (1959) Алена Рене, левая интеллектуалка и алкоголичка.

Да и сам Фигон, «человечек с округлым лицом и редкими усиками», был почти звездой. Сын важного чиновника, он в юности провел три года в психушке, затем подался в бандиты. При ограблении скупщика драгоценностей, оправдав репутацию психопата, стал палить

направо и налево, получил двадцать лет, из которых отбыл четырнадцать. Фигон стал своим в Сен-Жермен, пытался издавать фотороманы и журналы: то экологический «Крик животных», то «Здравствуйте, друзья», пропагандирующий старый добрый шансон в пику рок-н-рольному «Привет, чуваки!». Интеллектуалы падки на жертв общества, сыплющих на воровским аргументом выстраданными истинами: Дюрас дважды интервьюировала его для «Франс обсерватер» и, возможно, спала с ним. Но Фигон с детства дружил еще и с адвокатом и депутатом Пьером Лемаршаном, своим человеком среди звезд уголовного мира и политики, в начале 1960-х в Алжире — шефом «барбуз» (46), уголовной зондеркоманды де Голля. То, что это он втравил Фигона в похищение, доказать, конечно, невозможно. Причастность к делу, однако, стоила ему пожизненного запрета на профессиональную деятельность, затем смягченного до трехлетнего срока.

Две сентябрьские встречи с Фигоном на нейтральной территории — в Каире и Женеве — убедили Бен-Барку, что на него можно положиться. Именно с Фигоном, Бернье и Франжю должен был встретиться в тот день в «Липпе» марокканец. Они ожидали его на втором этаже ресторана и не могли видеть похищение. Однако впечатлительный Франжю перепугал Дюрас, клянясь, что до конца дней своих не забудет взгляд, который бросил на него Бен-Барка, когда «флики» уводили его. Дюрас удалось убедить Франжю в том, что он грезит под воздействием алкоголя: в тот день Франжю бросил пить.

В машину к «фликам» Бен-Барка сел без страха: и потому, что привык к общению со спецслужбами всего мира, и потому, что ждал встречи с кем-то очень высокопоставленным. По его намекам друзья поняли, что речь могла идти только о де Голле. Время встречи не было определено, поэтому Бен-Барка принял предложение проехать как должное. Разве что обратил внимание на фальшивые номера: «Ну, вы даете. Эта серия уже два года не существует». Про криво наклеенные усы Сушона он из деликатности не сказал ничего.

Бен-Барка терпеливо ждал встречи на вилле в Фонте-не-ле-Виконт под Парижем, куда его доставили. Читал, непрерывно пил чай, рассказывал, как станет премьером Марокко и разгонит коррумпированную полицию. Бен-Барку, знавшего, с какими кадрами приходится работать политикам, не удивило, что хозяин виллы расписан татуировками, в том числе фразами «Страдай и молчи» и «Хочу пить». Это был Жорж Бушезейш, гестаповец из «банды Бонни-Лафона» (37), участник «банды Безумного Пьеро» (39), «барбуз». У его подручных Дюбеля, Ле Ни и Палисса — более или менее схожие биографии. Они не лукавили, уверяя Бен-Барку, что важная персона вот-вот приедет. Но ею оказался не де Голль, а шеф марокканских спецслужб, генерал Мохамед Уфкир.

Уфкир храбро сражался за Францию против нацистов и вьетнамских партизан. Струя немецкого огнемёта изувечила его: с тех пор он не снимал черные очки и мог запросто на официальном ужине отбить аппетит у высоких гостей, сорвав рубашку и демонстрируя чудовищные шрамы. Бойня повстанцев в горах Рифа в 1959 году принесла ему прозвище Мясник. В марте 1965 года он с наслаждением расстреливал с борта вертолета из пулемета манифестантов в Касабланке. Можно представить себе ужас Бен-Барки при виде Уфкира, прилетевшего из Марокко, как только его оповестили, что похищение удалось. По официальной версии, Уфкир в этот момент навещал своих детей в Швейцарии. Что касается майора Ахмеда Длими, сопровождавшего Уфкира, то Бен-Барка, благодаря высокопоставленному «кроту» в спецслужбах Марокко, знал: в 1962 году Длими лично убил и скормил королевским львам его ближайшего соратника Мохамеда Лахриззи. Более того, заманил в Марокко и уничтожил его жену-швейцарку и восьмилетнюю дочь. Мастер пыток, снайпер и кокаинист, Длими отличался спокойствием, тем более пугающим, что его сменяли приступы дикого гнева.

И тут начинаются вопросы. Выполнял ли Уфкир приказ короля? Или действовал сам, встревоженный желанием Хасана примириться с Бен-Баркой? Сыграли ли свою роль в похищении ЦРУ, до сих пор не рассекретившее тысячи документов по делу Бен-Барки, и Моссад? А французские спецслужбы? Они не только знали — еще с апреля — о готовящемся похищении, но располагали информацией о точном его времени и месте, видели, что Париж

заполонили марокканские агенты. Де Голль назвал похищение «вульгарным и второстепенным» делом, но разогнал руководство контрразведки, используя трагедию для назревшей чистки, и отозвал посла из Марокко. Но не более того. Государственные интересы перевесили возмущение беспределом чужих спецслужб.

Что произошло на вилле? По версии Фигона, Бен-Барка погиб вечером 30 октября. Снотворное, подсыпанное в чай, возымело обратный эффект, придав ему силы. В отчаянной драке с бандитами Бен-Барке разбили голову; потом его, «как хирург», резал кинжалом Уфкир; наконец, пленник задохнулся, слишком крепко связанный. Альтернативная версия: Бен-Барка был еще жив 1 ноября и погиб, захлебнувшись, во время пытки водой. Считается: его хотели вывезти в Марокко, а гибель — эксцесс исполнителей.

Версий о судьбе тела еще больше. 3 ноября в реке Эссон выловили труп, но полиция, не озаботившись идентификацией, заявила, что это не Бен-Барка. Тело закопали в саду виллы, а через две недели перезахоронили на острове Гранд-Жатт? Сожгли? Закатали в бетон на строительстве автострады? Отрезали голову и отвезли ее Хасану? Похититель Лопес обнародовал в 2003 году безумную версию: труп Бен-Барки — в фундаменте крупнейшей французской мечети Эври. Возможно, его вывезли в Марокко и растворили в кислоте, засняв процедуру, в специальной ванне, сконструированной по чертежам резидента ЦРУ «полковника Мартина»: в шахском Иране он оценил такой радикальный способ избавления от диссидентов.

* * *

То, что Бен-Барка угодил в лапы Уфкира, выяснил журнал «Экспресс»: 2 ноября сенсационная статья «Странные обстоятельства дела Бен-Барки» положила начало журналистскому расследованию, а 10 января 1966 года журнал взорвал бомбу, опубликовав исповедь Фигона «Я видел, как убивали Бен-Барку». Проверить ее достоверность возможности не представилось. Фигон не покинул Париж и не очень таился: 2 ноября он прибежал за помощью к Лемаршану. Тот свел его с руководством спецслужб: Фигона успокоили, он и не волновался. Но через неделю после опубликования статьи, 17 января 1966 года, слишком многочисленные «флики» слишком демонстративно окружили его убежище на улице Ренод. Зарекшийся возвращаться в тюрьму, Фигон застрелился в ванной комнате. Правда, на пистолете не нашли его отпечатков, а на руке — следов пороха.

По количеству трупов дело Бен-Барки соперничает с делом Кеннеди. Уфкир, во Франции заочно приговоренный к пожизненной каторге, возвысился до министра обороны и поднял 16 августа 1972 года «путч авиаторов». Самолеты мятежников открыли огонь по королевскому борту: Хасан занял место убитого пилота и по радио попросил мятежников прекратить свои действия, поскольку «тиран мертв». Осознав свою ошибку, они обстреляли короля, когда он уже посадил самолет в аэропорту, бомбили его дворец, но тщетно. Уфкир, по официальной версии, покончил жизнь самоубийством. По неофициальной, его выманил к «тяжело раненному» королю и лично застрелил Длими, тогда уже генерал. Жена и дети Уфкира провели двадцать лет в зинданах. Место «сильного человека» Марокко занял Длими, который в октябре 1966 года неожиданно сдался французским властям, но был оправдан. Однако и он погиб в Марракеше 25 января 1983 года, возвращаясь с аудиенции у короля: в его машину якобы врезался грузовик, водитель которого, естественно, скрылся. Стоит ли удивляться тому, что несчастье приключилось с генералом едва ли не накануне официального визита в Марокко президента Миттерана?

Уголовники-похитители, как и Уфкир, осужденные заочно, бежали в Марокко. Им подарили бордели и кабаре, половину доходов от которых они перечисляли госбезопасности, а в марте 1971 года их арестовали. Бушезейша, Ле Ни и Дюбеля казнили осенью 1974-го, Палисс умер своей смертью.

Дело Бен-Барки убивало даже рикошетом. В пять утра 2 февраля 1966 года комиссар Морис Галибер нагрязнул в парижский бар «Ле Сен-Клер», где якобы заметили Ле Ни. Но

встретил там Кристиана Давида — «Красавчика Сержа», грабителя в розыске, друга Фигона. Хотя Давид находился в бегах с октября 1961 года, похоже, его никто не искал. Криминальный патриарх Жо Аттия (46), к которому беглец обратился за помощью, свел его — угадайте с кем — с мэтром Лемаршаном, а тот подобрал Давиду работу по профилю. В числе «барбуз» он выжигал в Алжире подполье OAS, пленных боевиков которой лично пытал в казармах Тагарен, «работал» и в иных странах Африки. Ему повезло и на этот раз.

Особо опасному Давиду, которого уже выводили под конвоем из ресторана, разрешили вернуться за плащом, забытым на вешалке, когда он предъявил удостоверение — сине-белокрасное, как у настоящих полицейских — голлистской «параллельной полиции» SAC (46). В плаще лежал пистолет. Вернувшись к полицейской машине, «Красавчик» застрелил комиссара, ранил двух «фликов». Бежавший в Южную Америку Давид скооперировался с Огюстом Рикором, гестаповцем, вложившим общак «банды Бонни-Лафона» в трафик героина. Когда 21 октября 1972 года Давида вслед за Рикором все-таки схватили (США надавили на бразильскую полицию) с тремя пистолетами и уругвайским диппаспортом, он признался местным следователям, что участвовал в похищении Бен-Барки и подвозил на улицу Ренод киллера, ликвидировавшего его друга Фигона.

Впрочем, признание под пытками не считается?

Давида судили в Нью-Йорке: Франция затягивала требование о его выдаче до тех пор, пока юридический поезд не ушел безвозвратно. Давид же — вот мазохист! — умолял, чтоб его выслали на родину, на почти неминуемую казнь. Тщетно. Проведя десять лет в американских камерах сенсорной изоляции и тюремных психушках, он вернулся во Францию полной развалиной.

Не иначе, Бен-Барка, умирая, наложил страшное арабское заклятие на своих палачей и всех, кто соприкоснется с тайной его гибели.

Р. S. В «Покушении» (в советском прокате — «Похищение в Париже», 1972) Ива Буассе, шедевре политического кино, Бен-Барка назван Садиемом (Джан Мария Волонте), Лемаршан — мэтром Лэмперером (Мишель Буке), Бушезейш — Антуаном Аконетти (Даниель Ивернель). Власти чинили Буассе мыслимые и немыслимые препоны. Даже хозяина «Липпа» Роже Казеса безуспешно запугивали тем, что, если он разрешит съемки на террасе своего кафе, его замучают налоговыми, санитарными и пожарными проверками. Роже Казес сыграл самого себя в «Хорошеньком удовольствии» (1983) Франсиса Жиру.

В фильме Сержа Ле Перона и Саида Смихли «Я видел, как убивали Бен-Барку» (2005) Бен-Барку сыграл Симон Абкарян, Фигона — Шарль Берлинг, Дюрас — Жозиан Баласко, Франжю — Жан Пьер Лео, Бернье — Матье Амальрик. В «Деле Бен-Барки» (2007) Жана Пьера Синапи роль Бен-Барки исполняет Атмен Келиф, Фигона — Ипполит Жирардо, Лопеса — Оливье Гурме. Жизни Бен-Барки посвящен документальный фильм Симона Биттона «Бен-Барка — марокканское уравнение» (2001).

Намеки на похищение очевидны и в политическом памфлете Жана Люка Годара «Made in U.S.A.» (1966), и в комедиях Жака Беснара «Большой ресторан» («Ресторан господина Септима») (1966) и Жерара Ури — «Приключения раввина Якова» (1973).

Глава 14

Улица Эперон, 10

Адвокат Дьявола (1928)

Мемориальная доска на доме номер 10 по улице Эперон лаконична: здесь жил (1928–1967) мэтр Морис Гарсон (1889–1967). Великий адвокат, историк, писатель, с 1946 года — «бессмертный» академик.

В его обширной практике были громкие уголовные дела — Виолетты Нозьер (28), Ставиского (24) — и громкие политические. Он представлял Германию в деле Гершла Гриншпана, юного немецкого еврея, чей выстрел 7 ноября 1938 года в секретаря германского

посольства Эрнста фон Рата спровоцировал «Хрустальную ночь» погромов, а в сентябре 1943 года спас от смерти пятерых студентов из Пуатье, зверски убивших учителя-коллаборациониста. Были громкие дела с «желтизной» — Гарсон представлял интересы Марии Соловьевой, дочери Распутина.

Были дела вполне курьезные: спор о подлинности открытой в 1924 году стоянки доисторического человека в Глозеле или дело Ланди. В январе 1929 года Гарсон добился оправдания Луизы Ланди, застрелившей, защищая больного ребенка, своего буйного и пьяного мужа Поля Граппа. Пикантность истории заключалась в том, что, дезертировав в 1915 году, Грапп при помощи Луизы одиннадцать лет зажигал на всех парижских оргиях, выдавая себя за женщину по имени Сюзанна Ландгард.

Но имя Гарсона ассоциируется прежде всего с французской культурой.

Он защищал интересы Луи Арагона, Абея Ганса, Андре Мальро, Марсея Паньоля, Пабло Пикассо, Гонкуровской академии, «Комеди франсез», издательств «Бернар Грассе» и «Галлимар». Он отстоял Саша Гитри от обвинений в еврейском происхождении, Сименона — в коллаборационизме (5), писателя Рене Арди — в выдаче гестапо героя Сопrotивления Жана Мулена. По просьбе Жана Кокто защищал Жана Жене (11). Его речь в защиту Жана Жака Повера (1956), издателя «Жюльетты» де Сада — образцовый манифест свободы слова. Он легализовал печатное употребление слова «bite» — «хуй». Посоветовал Жану Полю Сартру пожертвовать десятой частью романа «Тошнота» (1938) во избежание запрета его цензурой. Изучал арго и печатался в авангардистском журнале «Джаз».

Участие Гарсона в судьбе писателей не ограничивалось литературными коллизиями. Так, он, пусть и после мучительных и длительных колебаний, отправился в Перигор защищать молодого юриста Анри Жирара, сына своего друга Жоржа Жирара, высокопоставленного чиновника вишистского министерства иностранных дел. В ночь с 25 на 26 октября 1941 года отца, тетю и служанку Анри изуверски зарезали серпом в семейном замке: ни свидетелей, ни видимых причин, ни следов взлома. Сам он, приехавший из Парижа буквально накануне, для «серьезного разговора» с отцом о своем будущем, поднял тревогу наутро: ничего не знал, не видел и не слышал. Юношу арестовали, да и как было не арестовать: учась в Париже, он тратил все деньги на сомнительные развлечения, водился с «плохими парнями» и даже первую ночь в родном краю провел не в замке, а в борделе ближайшего городка.

Гильотина казалась неотвратимой, в тюрьме уже приготовили камеру смертника, но тут примчался Гарсон и уличил всех свидетелей обвинения в неточностях, передергивании фактов и недоброжелательности к Анри. Обвиняемого оправдали 2 июня 1943 года с сенсационной скоростью: присяжные совещались всего десять минут.

Жирар, просядив наследство, продал замок за бесценок и уехал в Гватемалу. Вернувшись во Францию, написал сенсационный роман о шоферах-камикадзе, которые водят цистерны с нитроглицерином. Жорж Арно — под этим именем прославился Анри Жирар, автор легендарной «Платы за страх», защитник «носильщиков» (9) и жертв судебных ошибок, подобных той, что едва не погубила его самого.

Его оправдание окружено недомолвками. Автор шпионских романов Жерар де Вилье уверял: Арно — как авантюрист авантюристу — признался ему в убийстве. Экс-комиссар, историк Ги Пено, считал, что Арно спасла сделка адвоката с председателем присяжных, замешанным в деле Ставиского и надеявшимся, что всемогущий Гарсон поможет ему вернуть судейский статус, которого он был лишен. Роже Мартен, биограф Арно, считает, что тот, скорее всего, навел на родительский замок криминальных дружков, не ожидая, что ограбление обернется бойней. Подозревали же его незадолго до убийства в похищении собственной тети ради получения выкупа.

Возможно, Гарсон просто совершил чудо — он умел. Например, в финале процесса, ставшего абсурдным ответвлением на шумевшего и до сих пор будоражащего умы дела хозяина лесопилки Гийома Сезнека, осужденного на пожизненную каторгу за убийство бретонского политика Пьера Кемнера. Мало того, что труп Кемнера так и не был найден:

судя по всему, улики против Сезнека сфабриковала полиция. А в 1928 году соседи-тугодумы одного провинциального скототорговца, крепко обидевшись на то, что он ругал их «коммунистами», решили извлечь выгоду из сенсационного процесса и вспомнили, что пять лет назад видели, как их обидчик перекидывал через забор тот самый ненайденный труп. Гарсон не удовлетворился тем, что в трехчасовой речи не оставил от обвинения камня на камне. Под занавес он взмахнул рукавом мантии — и в зале суда зажегся свет: «Итак, теперь все прояснилось?»

Да, фокусник, и не только в переносном смысле слова. Адвокат профсоюза фокусников и сам — фокусник-любитель, президент клуба любителей цирка. Ежемесячно он приглашал к себе колдунов, гипнотизеров, гадалок, включая ясновидящую Делию и чудотворца Алалуфа, излечивавшего полста человек зараз. Вызывал духов, практиковал левитацию и говорение на неведомых языках.

На фотографиях Гарсон — аскетическое, вытянутое, бледное лицо — кажется то истовым инквизитором, то непреклонным еретиком, то робким и лукавым интеллект-туалом-хулиганом, способным на провокационные розыгрыши, этаким тихим омутом. Зачем он коллекционировал жуликов от метафизики? Шутки ради? Исследуя границы человеческой доверчивости? Или — грани мошенничества?

Безусловно, Гарсон знал толк в шутках. За ужином подавал гостям графины с водой, в которых плавали золотые рыбки. Играл в шары на площади Согласия. Регулярно писал президенту письма: «У меня все в порядке. А у Вас?» В юности участвовал в знаменитом розыгрыше с картиной художника-фантома Жоашима Рафаэля Боронали «Заход солнца над Адриатикой»: этот выставленный в Салоне независимых (1910) абстрактный образец нового движения «экссессивизма» написал своим хвостом Лоло, осел «папаши Фреде», хозяина монмартрского кабачка «Лапен Ажиль».

Шутник Гарсон не бросал в беде других шутников. Будучи убежденным католиком, добился оправдания журналиста Жоржа де ла Фушардьера, ославившего архиепископа Жоржа Грента как владельца борделей, на том основании, что журналист просто пошутил.

Он верил, что стоит выше любых барьеров: и временных, и отделяющих реальность от вымысла. «Химерические речи» (1954) — блестящие выступления в защиту Электры, Жюльена Сореля, Лафкадио из «Подземелий Ватикана» Андре Жида, опровергающие приговоры, вынесенные писателями своим героям. Он изучал код Нострадамуса, установил прототип «джентльмена-грабителя» Арсена Люпена, уличил во лжи часовщика Карла Вильгельма Наундорфа, выдававшего себя за Людовика XVII. Но в его штудиях доминировал очень тревожный аспект.

Перу Гарсона принадлежали труды о крестьянине, которому в 1816 году являлся архангел Рафаил в цилиндре и рединготе, и о сожженной в XVI веке ведьме Гийометт Бабен. О рабочем, в середине XIX века получавшем кровавые облатки от Дьявола, и о старой деве, шесть раз видевшей, как в часовне кровоточила картина. «Дьявол: историческое, критическое и медицинское исследование» (1926, совместно с нейропсихологом Жаном Веншоном) и «Три истории о Дьяволе» (1930). Гарсон был крупнейшим специалистом по Дьяволу, собрал уникальную библиотеку: целых четыреста книг о Князе Тьмы. Библиотеку он продал, чтобы на вырученные деньги купить замок Монплезир.

Возможно, страсть к такой, средневековой, тематике навеяли ему сами камни «улицы Шпоры», одной из древнейших в Париже, существующей с XIII века? Нет, интерес к метафизике разбудило в Гарсоне дело «плачущей Девы из Бордо».

Дешевые фигурки Богоматери горько рыдали начиная с 1907 года в комнате неграмотной консьержки Мари Месмен, но мигом просыхали, когда Церковь изымала их на экспертизу. За окном Мари витал папа Пий X. А еще, задолго до Первой мировой, она предсказывала беды, вызванные «изгнанием Бога из школы» — отделением Церкви от государства. Германское нападение, спровоцированное событиями на Балканах; птиц, низвергающих огонь на города; невиданные болезни; гражданские войны в Италии, Испании,

Франции; нисхождение на землю всех демонов ада; потерю Францией колоний; истязания священников; битву под Лионом и пришествие из Испании нового короля милостью Божьей.

Скептицизм Церкви не помешал расцвету секты «месменитов». Первой их жертвой стал сирийский архимандрит-демонолог Сабуги, приглашенный Мари в качестве каноника в 1914 году. Когда они поссорились, Сабуги уехал в Нант преподавать математику, а Мари начали одолевать сны. В одном он вершил черную мессу и вещал: «Ты больна и заболеешь еще тяжелее». В другом — кусал ее за щеку, после чего из щеки извлекли зуб. 19 февраля 1919 года четверо «месменитов» ворвались к нему, раздели догола, привязали к столу и жестоко выпороли по всем нормам средневекового экзорцизма.

В январе 1926 года та же участь постигла аббата, обвиненного пятидесятивосьмилетней Мари в сексуальных домогательствах. «Группа буржуа-садистов» («Тайм») была еще многочисленнее и включала, среди прочих, вдову убитого на колониальной войне в Сирии офицера и ее семнадцатилетнюю дочь. А страдания жертвы, которой предварительно засыпали перцем глаза — куда сильнее: крики аббата разносились по всему городку.

Гарсон, адвокат жертв Мари, не только вошел в контакт с парижскими мистиками, но и читал лекции в Международном метафизическом институте, опубликовал в «Метафизическом журнале» статьи «Целители и их практики» (1928) и «Современная черная магия» (1929). На одной из лекций он рассказал, что видел, как колдун вызывал Сатану в лесу Фонтенбло, и держал в руках скрепленные кровью договоры: один из них подписал известный банкир, чье могущество неизмеримо выросло. Гарсон доказывал: черная магия — не предрассудки дикарей-крестьян, как принято считать. Ее практикуют повсеместно, возможно даже люди, знакомые вам по парижскому высшему обществу.

Не случайно именно Гарсон с 1946 года и до самой смерти возглавлял литературное общество, названное в честь знаменитого писателя Жориса Карла Гюисманса (1848–1907). Хотя Гюисманс и умер правоверным католиком, в 1891 году Францию шокировал и заморозил его роман «Там, внизу» («Бездна») о кружке современных сатанистов. Среди прочего Гюисманс описал черную мессу, на которой якобы присутствовал.

Гарсон, кто он — адвокат, допущенный на черную мессу, католик-сатанист или «изгоняющий Дьявола»? Ни то ни другое. Ключ к тайне Гарсона — в названии романа спасенного им Арно: «Плата за страх». Он был зачарованным и крупнейшим исследователем страха. В «Дьяволе» он так сформулировал свое мировоззрение: «Люди отягощены ужасным наследственным страхом. Прежде чем стать религиозным животным... человек был животным пугливым».

P. S. Гийом Раду экранизировал книгу Гарсона «Мерзостная жизнь Гийометт Бабен» (1948).

СЕДЬМОЙ ОКРУГ

Глава 15

Эйфелева башня

Честная афера близнецов

Вы, конечно, ожидаете, что я расскажу вам о человеке, который, прикинувшись правительственным чиновником, в 1925 году выставил на торги и продал за двести пятьдесят тысяч франков башню на металлолом и остался бы безнаказанным, если бы не решил продать ее во второй раз. Да, афера чеха-фальшивомонетчика Виктора Люстига по праву входит в антологии величайших мошенничеств в истории. Но о ней уже столько написано, а мне по душе другая афера — изящная, восхитительно простая, насколько я знаю, нигде не описанная и, возможно, единственная в истории афера почти филантропического свойства.

Жили-были в Париже два брата, близнецы и аферисты — эту историю я узнал со слов внука одного из них. Когда у них иссякала фантазия, они отправлялись на прогулку в Люксембургский сад, где им неизменно что-нибудь да приходило в голову. Возможно, в самой атмосфере сада есть что-то магическое, благодатное для мошенников. Недаром именно здесь Миттеран в 1959 году замыслил инсценировать покушение на самого себя (12).

И вот в один из таких «мертвых сезонов» братья заметили в саду увечного старика в застиранной, ветхой гимнастерке времен Первой мировой войны, который подметал опавшие листья. С первого взгляда было понятно: каждое движение дается бедняге с таким трудом, что может оказаться последним в его жизни. Братья переглянулись и шагнули к старику. Они понимали друг друга без слов. С близнецами такое бывает.

— Дедушка, — спросили они его, — вы воевали?

Ветеран обрадовался возможности хоть с кем-то поболтать.

— О да! Четыре года — от звонка до звонка — в месиве траншей. Три ранения. Марна. Верден, Сомма...

— И награды у вас есть?

— А как же! Вся грудь в орденах. Я горд тем, что один из них мне вручал сам маршал Фош, другой — маршал Петэн, а еще один...

Братья деликатно перевели разговор на интересовавшую их тему:

— И как вам живется, дедушка?

— Ох, и не говорите. Старуха моя — совсем больная. Дочку муж бросил, она к нам вернулась с тремя детьми, на работу ее никто не берет. Вот и пришлось мне на старости лет за метлу взяться. А живу-то я на другом конце, в Порт-де-Лиля. В четыре утра из дому выхожу, к ночи возвращаюсь, и всё пешком, метро-то денег стоит. И так семь дней в неделю.

— И сколько вам платят, дедушка?

Старик назвал не вызывающую ничего, кроме жалости, сумму. Условно говоря, сто франков.

— Дедушка, а не хотите ли работать на нас? Шесть дней в неделю, с десяти до шести, обед в ресторане за наш счет, оплачиваемый отпуск. На работу и обратно вас отвозят на машине. А платить мы будем сто тысяч. Как вы на это смотрите?

В старике проснулся старый солдат, он гневно расправил плечи и сделал такое движение, словно собирался замахнуться на благодетелей метлой:

— Да вы... Да я... Да я сейчас полицию позову! Ведь это же наверняка что-то незаконное. Честные люди таких денег не платят! Да как вы посмели...

— Что вы, что вы, дедушка, честнее работы не бывает. Вам придется всего лишь сидеть на свежем воздухе за столиком и подписывать совершенно официальный документ, в котором не будет ни слова лжи.

На следующее утро у выхода с Эйфелевой башни появился столик, за которым восседал образцово-показательный и совершенно неподдельный ветеран с иконостасом орденов. Насладившись видом Парижа с высоты птичьего полета туристам он предлагал за вменяемую сумму — скажем, за сто франков — выписать сертификат, удостоверяющий, что они действительно поднимались на легендарную башню. Дед был предельно официален и строг: требовал предъявить удостоверение личности, а данные вносил в документ. Если документов у туриста не оказывалось, он был непреклонен: ничего не могу поделывать, таковы правила.

И так — пять, а то и шесть лет подряд.

Лафа для близнецов кончилась, когда на заседании совета директоров башни (точнее говоря, когда заседание уже закончилось и участники собирали бумаги) кто-то из них хлопнул себя по лбу: «Господи, давно хочу спросить, да все забываю. Кому пришла в голову гениальная мысль посадить у выхода ветерана выписывать сертификаты? Это же наверняка принесло нам бешеные доходы. Надо автора идеи поощрить, премировать». Все переглянулись: «В самом деле, КОМУ пришла в голову эта гениальная мысль?» Немая сцена.

Старик, заметно поправивший за годы работы на близнецов здоровье, безбедно прожил оставшиеся годы. А близнецы снова стали молчаливо мерить шагами аллеи Люксембургского сада. Возможно, им было грустно, потому что они отдавали себе отчет: прекраснее аферы, чем эта, в их жизни, скорее всего, не будет.

Р. С. Афера Виктора Люстига лежит в основе новеллы Романа Полански, вошедшей в фильм «Самые прекрасные мошенничества в мире» (1964).

Глава 16 **Улица Гренель, 127** **Смерть издателя (1945)**

Угол улицы Гренель и бульвара Инвалидов. Холодная, властная, гулкая эспланада Дома инвалидов. Одна из самых прекрасных парижских панорам.

В Париже нет лучше места, чтобы быть убитым, чем на фоне этой торжественной декорации.

В Париже нет лучше места, чтобы убить, чем этот квартал административных зданий.

Не распахнутся окна, не вывалит из-за угла стая гуляк. Не запомнит убийцу клошар, незаметный под кучей тряпья. Откуда здесь гуляки, откуда клошары?

Это сейчас, а представьте себе декабрь 1945 года. Вечер, темень, промозглый туман. Автомобилей почти не встретить. Некоторые здания пустуют. В министерствах дежурят на входе вахтеры, но они лишний раз не сунутся наружу. В Париже небезопасно.

Слишком много оружия разбрелось по стране, слишком многие узнали его власть и поверили в нее. Мировая война обернулась гражданской. Франция сводит счеты сама с собой, думая, что сводит счеты с предателями: это называется «очищение».

В такое время и в таком месте только женщина может хлопнуть дверцей автомобиля, не дождавшись, пока спутник поменяет лопнувшую шину. Они опаздывают в театр, она не будет ждать ни минуты, она вызовет такси.

Неподалеку — комиссариат, откуда можно позвонить, — она уточнит дорогу у юного постового Тестю. Пока женщина ждет такси, Тестю сообщит: по словам прохожих, неподалеку кого-то ранили. Она пропустит это мимо ушей.

Она просит таксиста проехать через перекресток, где оставила друга. На углу Гренель и Инвалидов в «скорую помощь» загружают носилки с раненым. Женщина восклицает: «Они убили меня! Они меня убили!» Ей разрешат сопроводить друга в госпиталь. Правильнее сказать: тело друга. Жизни в нем — на полчаса.

Этого не может быть, это слепой кошмар: как дома в рапиде, осыпается жизнь. Зло, стусившееся из тумана, нанесло по какой-то прихоти удар — и вновь рассеялось туманом. Но не один туман виной тому, что происходящее напоминает сон.

Так получилось, что о раненом, лежащем на мостовой, сказали Тестю люди, прекрасно знавшие жертву. Оба они — адвокаты. Пьер Ролан Леви задержался на работе в опустевшем Министерстве труда. Гийом Аното то ли зашел к нему, то ли случайно встретил на улице. Во всяком случае, они несколько раз заходили в министерство и выходили из него.

Более того, они оба — знакомые, если не друзья, той женщины. Она — тоже адвокат, работала с Аното в конторе прославленного и несколько зловещего Мориса Гарсона (14).

Париж — город не до такой степени маленький, чтобы трое друзей-адвокатов случайно сошлись на этом перекрестке, в этот час, в этот туман, над этим трупом. Так бывает только во сне.

Но вряд ли даже во сне они не узнали бы друг друга при встрече. Между тем именно в этом все трое будут уверять и уверят следствие.

«Друзья женщины» — звучит двусмысленно. Любовников и любовниц Жанны Ловитон (1903–1996), писавшей романы под псевдонимом Жан Вуалье, не счесть. Писатели Курцио Малапарте, Сен-Жон Перс, Жан Жироду. Два японских посла и министр иностранных дел

Италии Дино Гранди, граф Мордано, который, «произнося слово „Франция“, каждый раз представлял себе ее лицо». Поэт Поль Валери — «месье Вкус» — называл ее «Lust»: по-немецки это значит «желание».

Но в тот вечер Жанна потеряла не просто любовника, а человека, замуж за которого собиралась по любви, как только он завершит развод (кстати, его бракоразводный процесс по рекомендации Жанны вела Симона Пено, любовница Леви). Ради него она порвала долгую связь с Валери: через три с половиной месяца, 20 июля 1945 года, тот умер от горя.

А теперь, 2 декабря 1945 года, на мостовой у дома номер 127 по улице Гренель раскинул руки крестом его счастливый соперник, сорокатрехлетний издатель Робер Деноэль. Около 21.15 на углу Гренель и Инвалидов ему выстрелили в спину.

Склонившись над ним, Жанна скажет: «Это моя вина, милый». Больше года она занималась только его защитой: но не от убийц, а в сугубо юридическом смысле. 8 декабря Деноэль должен был предстать перед Комиссией по очищению книгоиздательства. В июле суд признал его невиновным в сотрудничестве с нацистами. Повезло: иных литераторов расстреливали. Но коллеги из Комиссии были тем более опасны, что грешили сами. Реймона Дюран-Озиаса, ее председателя, немцы поставили управлять ариезированными — отнятыми у евреев — издательствами. Однако пожизненный запрет на профессию грозил не ему, а Деноэлю.

Из ста тринадцати книг, изданных во время оккупации, под обвинение попали двенадцать. Вот серия «Евреи и Франция». «Племена в кино и театре» кинокритика Люсьена Ребате — его приговорят к расстрелу, замененному на пожизненное заключение. «Как распознать еврея» завкафедрой этнографии Сорбонны Жоржа Монтандона — его убили партизаны летом 1944 года. Вот речи Гитлера, которые Деноэль справедливо считал, как и изданные им в 1933–1934 годах «Фашизм» Муссолини и эссе Рузвельта, бесценным историческим документом.

Он укрывал от гестапо коммуниста Арагона и его жену-еврейку Эльзу Триоле. Но, честно говоря, даже у самого идейного французского нациста были друзья — евреи и коммунисты, — которых он спасал. Жан Люшер, патрон оккупационной прессы, знал, что настоящая фамилия его юной секретарши Симоны Синьоре — Каминкер, но, приобняв ее за плечи, бормотал: «Ничего, ничего, все будет хорошо». Люшера расстреляли.

Арагон откликнется 8 декабря на гибель друга в газете «Леттре франсез» двусмысленно: «Если бы его арестовали, он остался бы жив».

Деноэль вошел в историю не юдофобскими брошюрами. Он издал семьсот книг, открыл великого Луи Фердинанда Селина, пестовал Антонена Арто, познакомил Францию с классикой психоанализа.

В 1945 году Арто в сумасшедшем доме, ему чудится: кто-то или что-то убивает его друзей.

Селин в бегах: 17 декабря его арестуют в Дании. Присущее ему юдофобство сделало из него удобный символ зла, хотя было всего лишь одним из проявлений его тотальной мизантропии. Даже своему преданному издателю и защитнику Деноэлю он отвечал лютой ненавистью. Но только этот монстр по-своему всплакнет об убитом. Отвесив в адрес «ничем не брезговавшего прохвоста» дежурную порцию злобной иронии, он все же вздохнет, что Деноэль не прислушался к совету уносить ноги из Парижа, который Селин за пару дней до преступления дал ему в письме.

Деноэль — отнюдь не символ зла, но удобный козел отпущения. Издатель от бога, влюбленный в книги бельгиец в двадцать семь лет создал издательство, потеснившее мощные дома. Как всякий издатель, он оппортунист. Он любой ценой спасал свое «дитя». Нацисты запрещали его книги, лишили имущества на один миллион семьсот тысяч, хотели арестовать, штрафовали, вынудили взять немецкого партнера, но он выкрутился, пусть и ценой «Евреев и Франции».

С нацистами сотрудничала вся издательская корпорация, в которую из крупных игроков не входил лишь Деноэль. Он оставался чужаком, которого не жалко отдать на показательное заклание.

На фото он кажется идеальной жертвой: моложав, близорук, деликатен. Но это он без лишних слов жестоко избил в своем кабинете писателя Эжена Даби, назвавшего его лжецом. Деноэль дьявольски ловок и умен, просчитывает ситуацию на десять ходов вперед и не намерен отвечать за грехи всех этих Галлимаров.

Он выстроил лабиринт издательств, не связанных с его именем.

Он составил документ, датированный задним числом, куда остается лишь вписать имя подставного лица, якобы купившего издательство «Деноэль».

Он приобрел золота на девятьсот тысяч — целый чемоданчик. Он купит еще и подкупит коммунистов, членов комиссии. В 1945 году коммунисты в силе, за ними моральный авторитет «партии расстрелянных».

Он собрал страшное досье: кто и что издавал при немцах. В случае чего, он многих утянет с собой на дно.

Он был готов ко всему, кроме пули, выпущенной, как решит следствие, грабителем или дезертиром.

Париж предполагал месть участников Сопротивления. Взять того же Леви: коммунист, настрадался в концлагере Ораниенбург. Аното известен беспощадностью к предателям. Актриса Алис Саприч, любовница одного из клиентов Деноэля, великого историка кино, нациста Робера Бразийака, в 1944 году спросила Аното, на что может надеяться ее друг после войны. Он ответил: «На немедленную смерть после освобождения». Бразийака расстреляли, Саприч ушла к Леви.

Нет, все-таки это не месть. Никто не ждал Деноэля в засаде. Никто не знал ни того, что шина лопнет на углу Гренель и Инвалидов, ни того, что Деноэль будет проезжать здесь. Кстата, какого черта его туда понесло? Путь от дома Жанны на улице Ассомпсьон к театру Аньес Капри «Г'эте де Монпарнас» не лежит через проклятый перекресток.

* * *

Все, что известно о событиях 2 декабря, известно со слов Жанны.

Они обедали за городом, у друзей, и вдруг засобирались, когда кто-то позвонил Роберу, — Жанна не помнила этого звонка. Перемену планов она объяснила необходимостью быть на спектакле, даже предъявила купленные заранее билеты. Но они никогда не покупали билеты, они получали их бесплатно, тем более в театр Капри, подруги и, наверное, любовницы Жанны.

Валявшиеся рядом с Деноэлем домкрат и пусковая рукоятка подтверждают, что лопнула шина. Однако, не зная об этом, полицейский преспокойно отогнал машину в комиссариат; уже назавтра Жанну увидят за ее рулем. Полиция машину не обследовала.

Вызвать такси тогда мог лишь обладатель сертификата, удостоверявшего, что здоровье не позволяет ему ходить пешком. Жанна получила его у врача-друга 21 ноября. Зачем? У нее прекрасный «пежо» с шофером, а если шофер неуместен, за руль садится Робер. И зачем она взяла сертификат с собой в тот день, когда воспользовалась им в первый и последний раз?

Жанна мельком услышала, как полицейские вызывают «скорую помощь», когда ожидала такси. Но из журнала телефонных разговоров следует, что Тестю позвонил в участок в 21.25, а Жанна в службу такси — лишь в 21.30.

В госпитале Неккер, куда доставили Деноэля, удивились, когда 3 декабря пришла его жена Сесиль. Они были уверены, что Жанна — жена покойного, иначе бы не позволили ей забрать его плащ. Выяснять отношения смысла не было: Сесиль обняла Жанну и не удивилась просьбе отдать ей какой-нибудь пустячок на память о Робере. Конечно, что угодно. Но Жанне был нужен конкретный пустячок — записная книжка «Эрмес», в которой Деноэль скрупулезно вел свою «черную» бухгалтерию.

Эта книжка — единственный пустячок, оставшийся от Деноэля. Только он подтверждает, что издатель располагал огромными средствами. Ведь, по словам Жанны, он был гол как сокол: все, что имел, — найденные в бумажнике двенадцать тысяч. Не было никакого чемоданчика с золотом, который Деноэль показывал близким сотрудникам.

Не было никакого досье, хотя через сорок лет Жанна, забывшись, вспомнит в интервью, как составляла его с Робером.

У Деноэля не было даже ключей: ни от гарсоньерки, которую он держал на всякий случай, ни от дома Жанны, ни от издательств, тайных и явных. Сдается, что ключи он держал в том самом плаще, который Жанна, на правах жены, забрала в госпитале.

Не было у него никаких вещей, кроме халата, домашних туфель и белья, и никаких архивов. Правда, вскоре Жанна обнаружит кое-что из его несуществующего архива, в частности черновик письма, в котором Деноэль упрекает Сесиль за то, что она спит со всеми его друзьями и сотрудниками.

Более того, не было и никакого романа с Жанной: по ее словам, они никогда не были любовниками и не жили вместе.

Сдается, что самого Деноэля тоже не существовало.

Как и его издательства. 8 декабря Жанна предъявила тот самый, заготовленный Деноэлем впрок документ о продаже издательства, в который было вписано ее имя. Сделка состоялась 30 ноября, и семьсот пятьдесят семь тысяч за издательство, оценивавшееся в двенадцать-пятнадцать миллионов, она выплатила тогда же.

Излишне говорить, что выплата не оставила никаких письменных следов.

Кажется, это называется «рейдерский захват»?

В 1950 году Жанна продала издательство Галлимару, врагу Деноэля, совратителю его лучших авторов. Еще 1 декабря 1945 года Селин пророчески писал: «Беспокоюсь я за Бобби. Галлимар не оставит его в покое никогда. Тут личная злоба».

В 1971 году истек срок оплаты могилы Деноэля на кладбище Монпарнас. Тело перенесли в общую могилу на кладбище Тиэ.

Все, что говорила Жанна, правосудие приняло на веру. У нее было слишком много, даже по парижским меркам, всемогущих политических друзей. Аното и Леви допросили лишь через несколько лет. Неизвестно, за что Леви в 1949-м или 1950 году исключили из компартии, а Аното в декабре 1945 года — из коллегии адвокатов («по профессиональным причинам, не связанным с мировой войной»).

Тот, кто присвоил собственность убитого, не обязательно убийца. Жанна могла просто воспользоваться обстоятельствами. Сесиль с весны 1946-го по лето 1950-го вела с ней судебную войну, но проиграла вчистую. У нее и у ее адвоката сложилась версия, которую воскресила и обнародовала американский историк Луиза Стэймен. В ней я почувствовал родственную душу, как и я, подхватившую «комплекс Шерлока Холмса». Издание книги во Франции несколько лет не могло состояться из-за внезапных отказов издателей, угроз адвокатов засудить автора, недовольства неких влиятельных персон. Оно и понятно, когда знакомишься с версией Стэймен, основанной на том, что последовательность событий с 21.00 до 21.30 необъяснимым образом гуляет в изложении как друзей-адвокатов, так и Жанны. Вот что пишет Стэймен.

Звонок, после которого Робер и Жанна засобирались якобы в театр — билеты были куплены, чтобы скрыть их истинные планы на вечер, — вызывал их на долгожданное свидание, обернувшееся ловушкой. Жанна по просьбе Деноэля нашла посредников, готовых передать золотую взятку влиятельным коммунистам. Посредниками были, как вы догадались, Леви и Аното.

Они же, при пособничестве Жанны, вели двойную игру. Издатели, опасавшиеся обнародования досье Деноэля, поручили им заполучить его. Свидание было назначено на углу Гренель и Инвалидов, рядом с местом работы Леви. По пути туда Деноэль заехал, очевидно, в издательство, за досье и золотом, а затем за Аното.

Разговор на перекрестке длился примерно с 20.55 до 21.10 и закончился плохо. Деноэль, очевидно, разгадал двойную игру. Догадавшись об этом, адвокаты пошли на силовой вариант. Прохожий слышал крик: «Стой, вор!», за которым последовал выстрел. Инструменты из багажника, очевидно, выбросили, забирая досье и золото. Возможно, что Деноэль схватил рукоятку как оружие. А кто-то из адвокатов со времен Сопrotивления не расставался с пистолетом.

Кто-то или оба? Один из лидеров Сопrotивления, писатель и видный голлист Жак Дебю-Бридель вспоминал, как в мае 1944 года Аното с нечеловеческим хладнокровием вывез на конспиративную квартиру оружие, то ли конфискованное до войны у «кагуляров» (36), то ли спрятанное ими в канцелярии парижского городского суда. Чтобы переправить двести с лишним пистолетов и несколько автоматов, ему пришлось совершить не один рейс на велосипеде через весь город, на виду у немецких патрулей.

Легендарное хладнокровие Аното может быть аргументом как за, так и против того, что именно он нажал на спусковой крючок. Но вот Леви... По словам актера Клода Лаклоша, его товарища по Ораниенбургу, концлагерь изрядно подорвал психику Леви. Даже спустя годы после войны он будет угрожать жене пистолетом, который постоянно держал под рукой, в ящичке стола.

Угадать, кто стрелял — супермен или психопат, — все равно что играть в русскую рулетку. Важно другое. Жанна присутствовала при убийстве и пошла в участок, когда Деноэль уже умирал. Выждав условленное время, за которое адвокаты, вернувшись в министерство, спрятали оружие и добычу и сообщили постовому о якобы только что совершенном нападении, она вызвала такси. Ее алиби было безупречно.

Но ведь Жанна любила Робера.

Возможно, она бы и не вступила в смертельный заговор, если бы не некое событие, изменившее ее чувства. В конце ноября Деноэль попросил Сесиль притормозить процедуру развода: может, все еще вернется на круги своя. Что произошло между Жанной и Робером, не узнает никто. Известно лишь, что приблизительно в то же время Жанна отправилась за медицинским сертификатом.

P. S. Делу Деноэля посвящен телефильм Дени Гранье-Деффера «Книги, которые убивают» (2009). Аното после исключения из коллегии адвокатов посвятил себя литературе и кино. Помимо фильмов, в создании которых он участвовал как сценарист, Аното был автором идеи телесериалов «Майор Икс» (1962) о подвигах сотрудника секретной службы во время и после мировой войны и «Зрачок» (1968) о детективе-любителе. Аното-актера можно увидеть в фильмах Жана Даниэля Симона «Девушка напротив» (1968) и Франсиса Жиро «Банкирша» (1980) и «Хорошенькое удовольствие» (1983). В одной из баз данных на деятелей французского кино встречается таинственная фраза: «Умер 27 ноября 1985 года; в принципе, своей смертью».

ВОСЬМОЙ ОКРУГ

Глава 17

Улица Фобур-Сент-Оноре, 55 Сладкая кончина президента(1899)

В президентском Елисейском дворце не убивают не потому, что это хлопотно, а потому, что неприлично. Судьба же, издеваясь над тщетой и людских, и чиновных хлопот о приличиях, посылает его обитателям смерти столь подозрительные и скандальные, что, право слово, лучше бы их убивали.

Над пятидесятивосьмилетним президентом Феликсом Фором судьба посмеялась с особым цинизмом. Лишь скоропостижная кончина 16 февраля 1899 года сохранила его имя

для вечности. А проводником в вечность и виновником скандала стал священник, которого служащие дворца, едва ли не поймав за рукав сутаны на улице, поволокли соборовать умирающего. Ответ часового на вопрос, в сознании ли президент, искренне озадачил его: «Нет-нет, ее вывели через служебный вход». Во французском языке слово «connaissance» означает и «сознание», и «знакомую». Клерки, ошеломленные тем, что только что произошло на их глазах, решили, что святой отец осведомился: «Подруга президента еще с ним?»

Так французы узнали, что президент умер на рабочем месте в объятиях любовницы — хотя газетные рисовальщики изображали его испускающим последний вздох на руках своей супруги Берты, — и гадали, в чьих именно объятиях. Первые, необоснованные подозрения пали — ее имя даже пропечатали в газетах — на актрису Сесиль Сорель. Дурная слава не помешало ей в будущем выйти за графа де Сегюра. (Впрочем, и граф был так себе: посредственный актер, выступавший под псевдонимом Гийом де Сакс.)

Благообразный Фор с усами а-ля Мопассан, похожий на всех крупных буржуа эпохи сразу и интересовавшийся разве что вопросами торговли, был седьмым и самым безликим президентом Франции. Когда он умер, молва приписала будущему премьер-министру Клемансо безжалостные mots: «Вступая в небытие, он должен чувствовать себя как дома» и «Стало не на одного француза меньше, а на одну вакансию больше». Бонапартист Поль де Кассаньяк резюмировал: «Парвеню, не отдававший себе отчета ни откуда он пришел, ни где находится, ни куда попадет [после смерти]». Сам же Фор в минуту откровенности признавался друзьям: «Другого такого президента, как я, во Франции не было и не будет».

Карьера рабочего-дубильщика, а затем торговца кожей из Гавра двигалась как-то сама по себе, даже президентом он стал случайно. Когда в 1895 году нервный и бесхарактерный Жан Казимир-Перье ушел в отставку, не выдержав на посту и семи месяцев, конгресс выбрал президентом министра ВМФ Фора, достаточно невыразительного, чтобы удовлетворить и правых, и левых. Ему не стали припоминать даже позорную организацию военной экспедиции, высадившейся на Мадагаскаре в декабре 1894 года. Завоевать остров труда не стоило: французы потеряли в боях лишь двадцать пять человек, правда пять тысяч семьсот пятьдесят шесть жизней унесли тропические болезни. Зато вспомнили, как он, едва ли не единственный из депутатов, выступал против авантюры со строительством Панамского канала. Выступал, конечно, не от прозорливости, а из пугливой осторожности: как бы чего не вышло.

Президента раздражала словоохотливость матушки Мартин, соседки его родителей, потчевавшей репортеров рассказами о голодном детстве осиротевшего в семь лет бедняжки — «Он был такой худой!» — Феликса. Сын мелкого ремесленника, выгодно женившийся на безликой воспитаннице монашек-урсулинок, дочери нотариуса, заочно осужденного за мошенничество на двадцать лет, всерьез считал себя если не «королем-солнцем», то «президентом-солнцем».

Ежегодно он давал в Елисейском дворце два бала и семь званых обедов: общее число приглашенных достигало восьми тысяч. Презирая демократически избранных коллег, предпочитал общество монархов. Дважды принимал Николая II и в 1897 году посетил Петербург: его надгробие на Пер-Лашез скульптор Рене де Сен-Марсо накроет двумя флагами — французским и русским. Сетовал, что никак не заманить в гости Вильгельма II. Строил планы выдать свою дочь Антуанетту за Марсея Пруста (знал бы он о вкусах потенциального жениха). Рассчитывал войти в вечность, изумив весь мир Всемирной выставкой 1900 года, но вошел в вечность, изумив мир своей кончиной.

Историки назовут главным событием сорока девяти месяцев его правления адресованную Фору статью-манифест Эмиля Золя «Я обвиняю!», призыв оправдать осужденного за шпионаж капитана Дрейфуса, расколовший страну на два лагеря — дрейфусаров и антидрейфусаров. Что думал Фор о Дрейфусе, неизвестно: скорее всего, ничего. Для него главным событием этих четырех лет была встреча с «красоткой Мэг», еще не заслужившей тогда прозвище Кровавой Вдовы.

* * *

Двадцативосьмилетнюю Маргерит Стенель президенту представили в 1897 году на ужине в Шамониксе, у подножия Монблана. Она оказалась там в качестве жены столь же безликого и титулованного, как и Фор, живописца Адольфа Стенеля (1850–1908), о котором, как и о Форе, ныне помнят также лишь благодаря Мэг. Ее муж получил заказ на картину «Президент Феликс Фор награждает перед фронтом войск офицеров альпийской армии», столь громоздкую, что Адольфу пришлось поднять на несколько метров крышу своего ателье в парижском тупике Ронсен. Пока он делал наброски президента и генералов, Фор и Мэг без лишних слов поняли, что им нужно друг от друга.

Урожденная Маргерит Жапи, дочь богатого промышленника из городка Бокур, женившегося (что стоило ему разрыва с родственниками) на шестнадцатилетней дочери трактирщика, в восемнадцать лет закрутила роман с офицером, которого встретила на гарнизонном балу. Отец был категорически против мезальянса: Мэг услали от греха подальше в Байонну к старшей сестре. Там-то она и встретила старого холостяка Адольфа: 9 июля 1890 года они поженились. Родив дочь Марту, Мэг сочла супружеский долг исполненным и посвятила себя свету и сексу.

Она совмещала качества дамы полусвета — дорогой содержанки, если не сказать грубее, — и просвещенной светской львицы, что ничуть не шокировало общество «прекрасной эпохи», а мужа, возможно, даже и радовало. Безнадёжно старомодному академику заказывали свои портреты лишь любовники жены: это было обязательным условием, которое ставила им Мэг. Связь жены с президентом стала для Адольфа даром небесным: одну его картину государство приобрело за несоразмерные тридцать тысяч франков.

В 1898 году Мэг демонстративно, под ручку, провела Фора по вернисажу ежегодного художественного Салона: почти ежедневно они совершали конные прогулки в Булонском лесу, встречались в «Голубом салоне» Елисейского дворца. В свою очередь, Фор был частым гостем в салоне Мэг, чья популярность резко выросла. «Весь Париж» старался извлечь выгоду из знакомства с президентом, пока хозяйка играла на пианино для Золя, Массне, писателя-авантюриста Пьера Лоти, поэтов Жозе Мариа де Эредиа и Франсуа Коппе, Гюстава Эйфеля, принца Уэльского и скульптора Бартольди, автора статуи Свободы, не говоря уже о бесчисленных депутатах, чиновниках и судьях.

Эрнест Рейно, полицейский комиссар и по совместительству поэт «романской школы», оказавшись в гостях у Адольфа, сравнил Мэг с «императрицей Евгенией, окруженной придворными дамами». Но и почувствовал в этой женщине нечто странное, болезненно-опасное. Нежно сжимая руку комиссара, томно заглядывая ему в глаза и произнося слова, будто облизывая приторный леденец, она описала во всех деталях драгоценный и безмерно дорогой для нее веер, который забыла в опере в ложе «виконтессы Т.»: полиция искала его спустя рукава; может быть, милый комиссар подстегнет своих подчиненных? Уже имевшие опыт общения с Мэг подчиненные лишь усмехнулись: да не было у нее никакого веера, мадам всё выдумала (пусть все знают, что она — завсегдатай ложи самой виконтессы) да и сама поверила.

Ложь была ее второй натурой.

Слухи о том, что Фор умер у Мэг, а во дворец перевезли уже бездыханное тело, не обоснованы. 16 февраля 1899 года он вызвал Мэг к себе. Ему было явно не до государственных дел. Встречавшегося с президентом в тот день кардинала Ришара поразило его крайне возбужденное состояние: «Фор непрестанно ходил взад-вперед. Вскоре у меня создалось впечатление, что он меня не слушает». Узнав около восемнадцати часов о прибытии Мэг, Фор прервал аудиенцию не менее изумленного, чем кардинал, князя Монако, хотя тот прибыл к нему с важнейшей информацией. Император Вильгельм прислал его для организации конфиденциальной встречи с президентом: Германия хотела убедить Фора в том, что Дрейфус никогда не был ее агентом. По версии светского хроникера Габриеля Луи

Пренге, состояние Фора объяснялось прозаически анекдотично. Оповещенный о визитере, он решил, что это Мэг, а не кардинал, и принял две пилюли афродизиака. Когда же Мэг прибыла — еще две.

Фор уединился с ней, но ненадолго. Прибежавшие на истерический звонок колокольчика слуги застали президента, хрипящего на диване, и Маргерит, поправляющую одежду. Официальной причиной смерти, наступившей через несколько часов, объявили кровоизлияние в мозг. Один из президентских врачей писал: «Определяющей причиной смерти <...> было переутомление от работы, пищевое или какое-либо другое излишество, которые при сердечных заболеваниях всегда оказываются последней каплей, переполняющей чашу».

Парижане поняли это в том смысле, что у президента оргазм от чересчур искусного минета незаметно перешел в агонию. Вспыхнул фейерверк непристойных каламбуров. Стенель прозвали «rompes funebres», то есть «похоронным бюро», а в буквальном переводе — «смертельным насосом». Шансонье распевали: «Он хотел быть Цезарем, а стал Помпеем». Игра слов та же: Помпей по-французски звучит как «отсосанный».

Повеселили французов и вышедшие в апреле 1912 году мемуары Маргерит. Она утверждала, что играла тeneвую, но решающую роль в политике Франции. Фор делился с ней государственными тайнами, поскольку не мог обходиться без ее пронизательных суждений. Исключительно по ее совету в декабре 1898 года он вывел французский отряд из суданского города Фашоды, разрешив грозивший войной дипломатический конфликт с Великобританией.

* * *

При всем желании скорбеть над судьбой Фора не получается: слишком анекдотична эта трагедия. «Жил грешно и умер смешно». Но Франция не была бы Францией, если бы никто не использовал ее для очередного «штурма Бастилии». Эдуард Дрюмон, создатель Национальной антисемитской лиги, заклинал в газете «Ла либре пароль»: «Этот гроб источает запах убийства», дрейфусары подбросили Фору отравленную пилюлю. 19 февраля националисты встретили избрание президентом Эмиля Лубе криками: «Жидовский избранник!» Агрессивная толпа окружала на улицах автомобиль Лубе, а полиция, похоже, лишь имитировала заботу о безопасности главы государства. Завзятый бретер де Кассаньяк призывал парижан сделать так, чтобы «президент евреев, интернационалистов и взяточников» нос боялся высунуть из Елисейского дворца.

Апогея смута достигла на похоронах Фора 23 февраля. Автор бестселлера «Солдатские песни» Поль Дерулед, храбро дравшийся и с прусаками, и — на дуэлях — с Клемансо и Жоресом (4), заверил соратников: национальная революция на мази, народ готов под водительством генерала-патриота штурмовать Елисейский дворец. Возможно, так оно и было, но для победы восстания не хватало сущей безделицы — генерала. Вечный недочет вечного путчиста Деруледа. Еще 27 января 1889 года он не сумел убедить генерала Буланже прервать праздник в кафе в честь избрания его депутатом и отправиться брать Париж. На сей раз Дерулед буквально схватил за уздечку коня генерала Роже, возглавлявшего возвращавшуюся с кладбища Пер-Лашез скорбную процессию, и потащил его «на дворец».

Деруледа, естественно, скрутили и судили, но оправдали. Уже 3 июня Лубе отменил приговор Дрейфусу, за что 4 июня его ударил по голове тростью бешеный националист барон де Кристиани. Салон же мадам Стенель процветал, пока в 1908 году Мэг не обвинили в убийстве мужа и матери (34). Но это уже совсем другая история.

P. S. В телефильме Жана Пьера Синапи «Любовница президента» (2009) Фора сыграл Дидье Безас, Мэг — Кристиана Реали. Эпизоды жизни и смерти президента сохранили для нас короткометражные фильмы пионеров французского кино «Президент Фор стреляет фазанов» (1898) и «Похороны Феликса Фора» (1899) Жоржа Мельеса.

Глава 18
Улица Фобур-Сент-Оноре, 55 (2)
Последний выстрел президентского охотничьего (1994)

Рассказ о смерти Франсуа де Гросувра, по законам детектива, следовало бы начать так: «7 апреля 1994 года, около 19 часов, жандарм, стоявший на посту у западного крыла Елисейского дворца, услышал донесшийся из окна второго этажа знакомый звук: выстрел из табельного оружия. Тотчас же президентская охрана поднялась по тревоге». Но тайна этой смерти именно в том, что жандарм выстрела НЕ услышал, хотя ближайший друг и советник Франсуа Миттерана стрелял себе в горло из револьвера «Манурхин МР-73». Надежная, страшная и очень шумная штука — калибр 357 «магнум». Недаром им вооружены во Франции не только жандармы, но и бойцы «антитеррора». По словам очевидца, «кровь была даже на потолке».

Поскольку жандарм выстрела не слышал, то и тревогу не поднял. Семидесятишестилетнего Гросувра, застывавшего в кресле, нашли через час. Телохраниитель, которого шеф перед самоубийством куда-то отослал, долго стучался в дверь кабинета, затем вызвал дежурного жандарма, вместе они зашли внутрь. Войти без разрешения — экстраординарное нарушение субординации, но и обстоятельства сложились экстраординарные, хотя Гросувр всего лишь не вышел вовремя к ожидавшему его автомобилю. Дело в том, что покойный был щепетильно пунктуален. В тот вечер он и его подруга Николь должны были ужинать с близким другом Жоржем Равири, одним из высших руководителей Габона. В 18 часов Гросувр отослал хозяйке дома, где намечался ужин, букет цветов с запиской: «Я счастлив, что увижу Вас сегодня около 20.30». Узнав о трагедии, Равири поспешно покинули Францию первым же рейсом.

Букет цветов... Удивительно, сколь галантны бывают люди, собравшиеся разнести себе череп. Но Гросувр и был воплощенной галантностью. Высокий, породистый, подтянутый, щеголеватый, с седой бородкой и не по возрасту живыми глазами: от их взгляда женщины таяли, а президенты, торговцы оружием и полевые командиры леденели. Блестящий наездник, кавалер, охотник, настолько страстный, что за пару часов до самоубийства заказал мастеру гравировку на ружье — фигурки уток — и встретился с другом, подарившим ему новых гончих. Гросувра, прозванного герцогом Гизом, легко представить в доспехах и бархате, на поле брани, в чертогах Версаля. Впрочем, журналистка Рафаэль Баке назвала новым Версалем «двор» Миттерана, «жестокий и архаичный».

В тот вечер Франция не дождалась выступления Миттерана — его отменили в 20.30 — в уникальном, едином для всех каналов телеэфире о борьбе со СПИДом. Те, кто не верит в самоубийство Гросувра, уделяют ему особое внимание. Во дворце, по официальной версии, почти пустынном в поздний час, говорят они, былолюдно: подготовка такого эфира — адская суета. Но никто опять-таки не слышал выстрела.

Зато суета в кабинете самоубийцы не осталась незамеченной. Кто-то приказал убрать тело с глаз долой: никто не должен был узнать, что Гросувр осквернил дворец. Тело переместили, уже вызвали армейскую «скорую помощь», чтобы увезти покойного к нему на квартиру, но беззаконие и безобразия пресек Шарасс, шеф президентского архива: слишком много свидетелей, слишком много крови, чтобы заметать следы. Еще до прихода следователей кабинет обыскали. Жандармы отправились на квартиру покойного, в принадлежащий администрации президента дом номер 11 по набережной Бранли, у подножия Эйфелевой башни. Через два часа Николь оттуда выдворили, а квартиру зачистила президентская служба безопасности.

Остались без объяснений синяк на лице и вывихнутое предплечье Гросувра. По мнению родных, его оглушили ударом в лицо, а руку вывернули, направляя ствол в горло. Близкие утверждают: исчезли архивы Гросувра и рукопись мемуаров — вместе с сейфом, а баллистическую экспертизу так и не провели.

* * *

В ответе на вопрос, кем, собственно говоря, был Гросувр, заключается и ответ на вопрос, как он погиб. Но ответить на него так же непросто. Серый кардинал — это лирика. Оставив в июле 1985 года пост уполномоченного президента по вопросам безопасности, на котором он провел четыре года, Гросувр занимал единственную должность: «начальник президентской охоты» при ненавидящем охотничьи забавы президенте.

«Президентский охотничий» — «герцогу Гизу» это к лицу. Но титул обманчив: должность имела отнюдь не церемониальный характер. Гросувр всегда жил в параллельных мирах: официальный статус отнюдь не отражал его истинные занятия и полномочия.

Отпрыск старинного, насчитывающего четыре сотни лет рода судей, офицеров и банкиров получил диплом врача-ревматолога, но не практиковал. Был близок не только к монархистам из «Французского действия», но и к участникам террористического заговора «кагуляров»: говорят, что именно Гросувр придумал для них зловещие колпаки и ритуалы, напоминающие о ку-клукс-клане (36). Никто не удивился, когда в годы оккупации он вступил в «Легионерскую службу порядка» нациста Жозефа Дарнана.

Но в одну прекрасную ночь Гросувр оказался в партизанском отряде: к нацистам его внедрила офицерская организация Сопротивления. На героическом и страшном плато Веркор, где пали тысячи антифашистов — «маки», его знали под псевдонимом Клобер, трогательным производным от имени его жены и будущей матери шестерых его детей Клодетт Берже.

Наступил мир, и Гросувр посвятил себя семейной фирме «Добрый сахар», добился эксклюзивного права на производство во Франции кока-колы. Кто бы подумал, что «сладкий» бизнесмен имеет американский офицерский чин и оперативный псевдоним Месье Ледюк — Господин Герцог — и руководит stay-behind «Радуга», частью проекта «Гладио» («Меч»), сведения о котором просочились лишь в начале 1990-х.

Stay-behind — подполье со всеми атрибутами — тайники с оружием, конспиративные квартиры, оперативники под прикрытием — созданное НАТО на случай советской оккупации. В ожидании мировой войны оно не дремало, реализуя в 1970-х кровавую террористическую «стратегию напряженности» ЦРУ в Италии. Интересно, когда Гросувр вышел из проекта и выходил ли он из него вообще.

Президентская охота — тот же «Добрый сахар». Идеальное прикрытия для негласных переговоров, сделок, заговоров. Как и на посту уполномоченного, Гросувр курировал «раскаленные досье»: Ливан, Персидский залив, Пакистан, Чад, а в 1984 году вместе с генералом Жанну «Колдуном» Лаказом, шефом военной контрразведки DGSE и куратором французских наемников в Африке, организовал помощь афганским мятежникам. Налаживал дружеские отношения с Пхеньяном, якобы тайно встречался с Каддафи. Но у новой должности было бесценное свойство: охотничего никто не контролировал, да и что контролировать в его невинном хозяйстве.

Он сохранил за собой кабинет во дворце, квартиру на Бранли, штат охраны. Принимал доклады капитана Поля Барриля, пресловутого шефа «антитеррористической ячейки» дворца, негласно прослушивавшего разговоры сотен персон — от экс-премьеров до актрисы Кароль Буке, проходившей в оперативных сводках под кодовым именем Полено. Впоследствии капитан Барриль обвинит Жюль Менажа, начальника президентской администрации, в убийстве Гросувра.

Главная же должность Гросувра именовалась «друг Миттерана» с тех самых пор, как в 1959 году они познакомились на ужине у влиятельнейшей журналистки Франсуазы Жиру. В 1965, 1974, 1981 годах он был ключевым финансистом его президентских кампаний, договаривался о коалиции с коммунистами. Хотя это и трудно, но придется поверить в искренние социалистические убеждения Месье Ледюка.

В то же, что он буквально влюбился в Миттерана, верится без труда. Доказательство тому — его злая, как у брошенной любовницы, ревность к своему ровеснику, миллионеру Роже-Патрису Пела, виновному в том, что его дружба с Миттераном насчитывала на двадцать лет больше — со времен немецкого шталага в 1940 году, — чем дружба Гросувра. Его бесили вульгарность, громкий смех Пела, его манера называть женщин мочалками и то, что президента искренне забавлял этот казарменный юмор. Гросувр почувствовал себя отмщенным, когда 16 февраля 1989 года Пела обвинили в коррупции, а 7 марта он скорострительно умер от инфаркта. Вскрытие не проводилось, в американский госпиталь Пела привезли полицейские в штатском.

После смерти Гросувру присвоят еще один титул — «министра личной жизни Миттерана», бдительного и преданного хранителя главной тайны президента, а значит — и республики. Следы этой тайны проступали и при его жизни, но почти никто не связывал воедино невинные факты. В 1974 году Гросувр стал крестным Мазарин, дочери искусствоведа Анн Пенжо от неизвестного отца. Станным было лишь то, что, когда беременность стала заметна, Анн уехала в Лондон и вернулась во Францию накануне родов, причем рожала не в Париже, а в Авиньоне. Гросувр купил для нее дом, но никто не смог бы доказать, что он был подставным лицом. Наконец, он настоял, чтобы Пенжо переехали на Бранли, в квартиру, находившуюся прямо под его собственной.

Он сам вел двойную личную жизнь с 1981 года: не разводясь, проводил часть времени с семьей, но жил с Николь. Однако Пенжо была не его пассией. Летом 1961 года ее мать попросила своего друга Миттерана присмотреть за дочерью, уезжавшей с родного юга учиться в Париж. Покровительство переросло в любовь, у Миттерана появилась вторая семья и дочь Мазарин: его жена Даниэль смирилась с реальностью. Гросувр — с его-то опытом — курировал «операцию Мазарин» блестяще.

Опека над Пенжо заключалась не только в том, что даже беби-ситтерами у девочки были «бородачи» — «барбуз» (46) — отпетые наемники госбезопасности, готовые, не щадя живота своего, ликвидировать кого угодно и где угодно. Даже «антитеррористическую ячейку» создали не столько в ответ на волну терактов в Париже в 1982 году, сколько для предотвращения утечки информации о Мазарин. Ее главной головной болью был не какой-то там Абу Нидаль со своим «Черным сентябрем», а полуслепой писатель Жан Эдерн Алье, создатель газеты «Интернациональный идиот» (среди ее ведущих сотрудников был Эдуард Лимонов). Он шантажировал Елисейский дворец рукописью «Дядюшка (прозвище Миттерана. — М. Т.) и Мазарин» («Потерянная честь Франсуа Миттерана»). Но проблему Алье можно было решить, обменяв его молчание на погашение огромной налоговой задолженности. Да и сам он выкидывал такие коленца — от поджога квартир литературных антагонистов до инсценировки своего похищения, — что разоблачения было легко списать на его вздорный характер и саморекламу или на обиду, что бывший друг Миттеран не назначил его министром культуры. Алье, получив отказы от семнадцати издателей, сжег рукопись перед Елисейским дворцом, но был уверен, что Миттеран «заказал» его.

Такая степень доверия Миттерана к Гросувру делала его почти членом президентской семьи. Но семья охот-ничего не пожелала видеть президента на отпевании. Он все же пришел — и оказался в полной изоляции. Патрик, сын Гросувра, не заметил протянутой руки президента, гости негромко свистели ему в спину или демонстративно отворачивались. Через два дня Патрик попытался объясниться с президентом. Миттеран резко прервал его — «Ни нам, ни вам лишний шум не нужен», — когда тот возмутился исходящими от президента слухами об отце.

И Миттеран, и его ближний круг еще до похорон стали расписывать Гросувра как ходячую развалину: якобы он страдал от депрессии, приступов тревоги, дрожи в руках, болей в конечностях, панического страха старости, слабоумия, не раз заводил речь о самоубийстве. Подключился даже шофер Миттерана, уверявший, что за неделю до смерти Гросувра бросила двадцативосьмилетняя мадемуазель С., с которой тот встречался два года. Гросувр выглядел параноиком, решившим из-за бабы нагадить лучшему другу, застрелившись прямо во дворце.

Архивов же, по словам министра иностранных дел Ролана Дюма, у него не было вовсе. Пропавшие мемуары — на самом деле считанные страницы заметок о детстве.

Если так, то зачем же Гросувр назначил на 14 апреля встречу с издателем: похоже, рукопись была завершена и повествовала вовсе не о детстве, а о современности, о Миттеране. А их отношения настолько деградировали, что президент прервал трогательную многолетнюю традицию провожать старого друга на Бранли. Гросувр не только не таил отвращения к коррумпированному двору и сыну президента, торговцу оружием Жану Кристофу по прозвищу Папа мне сказал, но и выказывал его в беседах с журналистами.

По словам Барриля, 15 января Гросувр откровенничал: «Поль, малыш, они меня пристрелят. Я все теперь знаю. Они боятся. Они — подлецы. Кое-кто ради денег готов наплевать на Францию. На что они готовы пойти?» В день гибели, обедая с сыном, указал на соглядатаев: «Теперь они не только прослушивают меня, но и следят». Сторонники версии самоубийства видят симптом психического нездоровья в том, что 7 апреля Гросувр ушел во дворец с револьвером, испугав Николь. Дети возражают: отец давно ходил с заряженным револьвером, потому что боялся.

Хорошо, но почему его убили так неряшливо, скандально — прямо во дворце? Что-то вынудило убийц импровизировать: действовать поспешно, панически? Свидетели помнят слова Гросувра в день смерти: «Какие мудаки! Неужели они это сделали?!» Скорее всего, он имел в виду катастрофу 6 апреля: ракета «земля-воздух» уничтожила самолет с президентами Руанды и Бурунди, летевшими в Танзанию, чтобы положить конец кровавой вражде хуту и тутси. Покушение с участием (или с ведома) иностранных разведок дало сигнал к геноциду восьмисот тысяч тутси, взорвало всю расстановку сил в Африке, которую Гросувр курировал. Мобуту, диктатор Заира, говорил министрам, что некий чиновник из Елисейского дворца предостерегал от полета президента Руанды, в окружении которого у Гросувра был связник — Барриль.

Впрочем, странные самоубийства носили в окружении Миттерана характер эпидемии. 1 мая 1993 года пустил пулю в висок отставленный премьер Пьер Береговуа. Повесился капитан Гезу из «антитеррористической ячейки», единственный, кто был в курсе всех прослушек. В 1997 году застрелился из охотничьего ружья Филип Брело, зять Гросувра, обвинявшийся в убийстве из ревности. «Никогда еще Миттеран не был столь опасен для тех, кто его любил или поддерживал. Пробки вылетают одна за другой», — пророчески писал Алье в июне 1993 года, еще до гибели Гросувра.

Чтоже касается великой тайны президента, то Гросувр мог бы хранить ее не столь ревностно, хотя его гибель, возможно, ускорила разоблачение. Уже 3 ноября 1994 года редактор «Пари мач» счел своим долгом предупредить президента, что журнал раскрыл тайну Мазарин и сфотографировал ее с отцом: статья выйдет в завтрашнем номере. Рассмотрев гранки, Миттеран вздохнул: «Она красивая, не правда ли? Вы хотите опубликовать это? Не думаю, что вправе вам запрещать».

P. S. Гибели Гросувра посвящен документальный телефильм Эмманюэля Бенье «Самоубийство в Елисейском дворце» (2007). На заре президентства Миттерана Франсис Жиро поставил фильм «Хорошенькое удовольствие» (1983), в котором роль президента, скрывающего от общественности свою внебрачную дочь, сыграл Жан Луи Трентиньян. Что интересно, фильм снят по роману Франсуазы Жиру, познакомившей Гросувра с Миттераном. Жану Эдерну Алье посвящен документальный фильм Фредерика Бомона «Жан Эдерн, безумец Алье» (2006).

ДЕВЯТЫЙ ОКРУГ

Глава 19
Пигаль
Сердце «Панамы» (1881)

Что представляется нам при слове «Пигаль»? Отнюдь не площадь Пигаль у подножия Монмартра. И не архитектурные памятники, которых там просто нет. И даже не окрестности площади, а некое атмосферное явление. Никакой не «л'эр де Пари» — «воздух Парижа», — а аномально плотный воздух, нервический, пахнувший спермой, алкоголем, ложью и тревогой, нависает здесь над городом, на стыке четырех округов. Его область, которую мы и называем «Пигаль», строго ограничена. С севера — бульваром Клиши, с запада — улицей Бланш, с юга — улицами Шапталь и Виктора Массе, с востока — улицей Мартир (Мучеников). Впрочем, здесь и бульвары, и улицы кажутся тупиками и западнями.

Пигаль — сердце не Парижа, а Панамы, как зовут Париж на аргосе.

Конечно, мы не лыком шиты, мы знаем, что мифический «остров» порока напоказ и гангстерского шика, песен Пиаф и автоматных очередей, канкана и кокаина, если и не выдумка романистов и шансонье, а реальность, то реальность минувшая, канувшая в небытие, а ныне муляж для туристов. Но муляжом кажется и опошленный «воздух Парижа» — тому, кто никогда не глотал его.

Заглянем навскидку в газеты: как там Пигаль?

Февраль 2011 года. Хозяин китайского ресторана «Ле Ямато», «улав от рэкета», ножом для суши обезглавил своего компаньона, убил повара и официантку. Объяснить, откуда в ресторане, помимо трупов, взялись «Калашников» и стреляные гильзы, он затруднился.

Апрель 2011 года. Арестовали «месье Анри», «императора Пигаль». Семидесятилетнего карлика Анри Боте обвинили в сутенерстве в промышленных масштабах — это тянет лет на десять. Впрочем, приходилось ему и круче. В 1987 году в телефонную будку, где он находился, разрядили автоматный рожок. Он уцелел, но погиб его друг Андре «Деде Год» Го, один из немногих выживших в криминальных войнах 1960-1980-х. Пикантный пустячок: Анри — крестный отец (без кавычек, без) Марины Ле Пен. Какая потеря.

А как бывало раньше?

Июль 1954 года. В бар «Ле Шаривари» зашел Пьер «Кюк» Кюкюррю, неграмотный, но почитаемый за мудрость, третейский судья Пигаль. Зашел без оружия, чтоб добрым словом вразумить Робера «Оранца» Жуана, заявившего, что, «улав от рэкета», он впредь будет встречать вымогателей свинцом. Местная девка оскорбила Кюка, он ответил пощечиной внахлест. Жуан сбегал в кабинет за винчестером и, не целясь, уложил Кюка пятью пулями. Какая потеря. Особенно для Франсуа Мориака, только что познакомившегося с ним и совершенно очарованного. Оправданный Оранец будет обманывать судьбу и путать следы четыре года, пока его не подловят на пол-пути к любовнице. Он умрет на углу улиц Лепик и Верон с бутылкой шампанского в одной руке и пижамой — в другой.

Январь 1956 года. Консьержа дома у самого подножия лестницы, ведущей на Монмартр, разбудили не то что выстрелы, а канонада. Найденные в студии на первом этаже три трупа напоминали решета. На пороге — солидный мужчина в темном костюме. В койке — голая девушка, зажавшая в руке недочитанный детектив. В ванной, залитой водой из простреленных труб, — голый юноша. «Коррида на улице Тардьё» внятного объяснения так и не получила.

Перетасуйте даты происшествий — подмены никто не заметит. Случись такое в любом округе Парижа, шуму будет на весь мир. Но не здесь. Это Пигаль.

Эта глава — калейдоскоп, коллаж, «Впечатление. Заходящее солнце. Пигаль».

* * *

Когда все началось?

Теоретически, в ноябре 1881 года, когда Родольф Салис открыл на Пигаль кабаре «Ле ша нуар». Другой пионер Пигаль, открывший в октябре 1885-го «Ла мармит», — каторжник Максим Лисбон. Правда, на каторгу в Новой Каледонии ветеран Крымской войны попал за политику: подполковник Коммуны командовал обороной Пантеона от версальцев. Лисбон придумал доставку на дом картошки фри и стриптиз. В 1894 году публика одного из его кабаре увидела революционную пантомиму «Иветта отходит ко сну». Правда, корсет Иветта (Бланш Кавелли) так и не сняла, но дело ее не пропало.

Именно на Пигаль в 1960-х распустился дикарски чувственный талант Риты Ренуар, признанной «интеллектуалки стриптиза». На сцене Ренуар играла, в частности, в «Желании, пойманном за хвост» Пикассо, а в кино — в «Красной пустыни» (1964) Микеланджело Антониони и «Фантомасе против Скотленд-Ярда» (1967) Андре Юнебея.

Затопили же квартал проституция и марафет после открытия в 1889 году «Мулен руж». Именно что затопили.

В 1910-х хозяина круглосуточной аптеки Нардена подвела методичность: его бухгалтерские книги поведали «фликам», что за год он скормил парижанам семь кило кокаина по франку за грамм. Впрочем, ничего страшного с Нарденом не случилось: за торговлю наркотиками полагалось не более двух месяцев, но еще до их истечения условно освобожденный Нарден возобновил бизнес.

Таких, как у него, аптек в округе было штук шесть. Шарль Бернар, депутат от Монмартра, бил 7 июля 1916 года парламентариев на жалость рассказом о девчужке, которая, «кутаясь в изодранный платок, подходит к вам и поднимает жалкое личико с носом, покрасневшим от холода. Она показывает вам свои фиалки, и вы протягиваете двадцать су. „Но это стоит двадцать франков!..“ — хрипло выдыхает она. В букете спрятан порошок забвения». Сенатор Луи Мартен 7 января 1916 года проявил геополитическую прозорливость: «Вы знаете, господа, что это из Германии к нам пришел кокаин, и именно немецкая пропаганда создала моду на него».

Все это очень трогательно, но, если всерьез, именно на Пигаль родился тип профессионального дилера. Пионеры профессии были эксцентриками. Жарюзюель, чей штаб располагался в «Кристалль баре» на Брюссельской улице — экс-анархист, экс-социалист, стукач, автор шантажистских колонок в газете «Голуа». В суде — его всегда оправдывали — он пропагандировал волшебные свойства кокаина, «излечившего его от безумия». Его напарника Ноно «Малоссена» в 1914 году мобилизовали. Он храбро сражался, был пять раз ранен, командование уже подписало приказ о представлении его к медали и званию младшего лейтенанта, но из первой же увольнительной он не вернулся — остался на Пигаль заниматься делом.

Экс-офицер «Пепер» — «Дедуля» — освоил торговлю кокаином в шестьдесят шесть лет, узнав о его существовании по возвращении с каторги. Он одевался в лохмотья, подбирал окурки и кланчил у консьержки четыре су — «Старику бы похлепать горяченького», — но был невероятно богат и держал свою банду в ежовых рукавицах. Сын американского генерала Хэрри «Большой Тома» Томас, в отличие от Дедули, выставлял богатство — включая авто с персональным шофером — напоказ. Официально он занимался поставками для итальянской армии. Депутату Бернару удалось добиться его высылки из Франции, но ненадолго.

В 1924 году в Париже насчитывали восемьдесят тысяч кокаинистов.

В то же время в ста семидесяти семи борделях Пигаль работали две тысячи девушек, и не было числа тем, кто стоял на панели через каждые пять метров. Генри Миллер всего навиделся, но площадь Клиши сравнил с невольничьим рынком. Зная, что писатель Луи Фердинанд Селин работал врачом именно в Клиши, нетрудно понять его ненависть к человечеству и ужас перед жизнью.

Пигаль была заповедником не только разврата, но и свободы нравов. Недаром Нана в романе Золя знакома с лесбийскими радостями на улице Мартир. В заведении «Ле ра мор» («Дохлая крыса») уже в 1890-х встречались «дамы без месье». За готическим фасадом

дома по улице Наварен, 9, скрывался салон «английских практик», как именовали садомазохизм. В «Либертис» на площади Бланш, 5, бицепсы и каторжные тату управляющего Боба (он же — Бобетта) выпирали из декольте. До второй половины XX века Пигаль была единственным в мире заповедником гомосексуальных и травести-шоу, чьи звезды — Флоридор, Бигуди, Замбелла, Большая Заза, Маслова, — известные всему Парижу, отнюдь не страдали от гомофобии в брутальной бандитской среде. Панельные травести работали на улицах Вернон, Мартир, Андре Антуана.

Многие поплатились. Голый труп Оскара Дюфренна, директора «Паласа», по совместительству муниципального советника от радикально-социалистической партии и председателя профсоюза директоров зрелищных заведений, в сентябре 1933 года нашли в его рабочем кабинете. Ряженный морячок в берете с красным помпоном, которого он так неудачно снял, проломил ему голову семнадцатью ударами кия и скрылся. Говорят, записался в Иностранский легион, обретя новое имя и чистое прошлое. Арестованного в Барселоне по обвинению в убийстве двадцатитрехлетнего Поля «Паоло Красивые Зубки» Лабори суд оправдал. В апреле 1936 года в собственном доме на авеню Гранд-Арме застрелили Луи Лепле, партнера Дюфренна, владельца «Либертис» и «Жернис», гениального продюсера, подобравшего на улице Эдит Пиаф. Следы убийства вели к ее окружению, певицу задержали и допрашивали, ее карьера чуть не рухнула, едва начавшись.

В годы оккупации в цветовой гамме мужских клубов преобладала зелень мундиров — у вермахта давние педерастические традиции. В «Либертис» блаженствовал старый сибарит фон Бемельбург, шеф парижского гестапо. А То-то радости было на Пигаль, когда немцы назначили главным цензором парижских зрелищ Радемахена, в 1930-х дирижировавшего оркестром в специфическом кафешантане.

Здесь долго бродили тени декаданса. В 1920-х на Пигаль еще можно было встретить странную старуху Бижу, по словам писателя Поля Морана «восставшую из кошмаров Бодлера»: бусы, перстни, браслеты, когти, штукатурка, немой, страдающий, дурной глаз обессилевшей хищной птицы.

Здесь долго не выводились эстеты, подражавшие джентльмену-грабителю Арсену Люпену. Вечерняя Пигаль любовалась, как сошедшей с экрана звездой, франтом Сержем де Ленцем. Неотразимый бисексуальный жиголо, грабитель и шантажист с неизменным моноклем разъезжал на лимузине, а по ночам сменял смокинг на черную маску и кожаные перчатки. Как-то на рассвете хозяин особняка, куда Серж забрался, застал его в своей гостиной в воровском облачении погруженным в глубокую задумчивость: «Я простоял в гостиной два часа. Слишком много вещей. У меня не было сил выбрать. Я был никакой. Что вы хотите... коко...»

Щеголь плохо кончил. Во время оккупации он связался с бандой старого агента абвера Рюди де Мерода. Конфликт интересов между Рюди и шефом французского гестапо Анри Лафоном (37) привел Ленца в Ораниенбург и Бухенвальд. Кореш, которого он пытался обокрасть, поймал за руку и забил насмерть пятидесятитрехлетнего Сержа: он умер в парижском лазарете 11 сентября 1945 года.

Здесь долго сохранялись осколки деревенского Парижа — «бал-мюзетт», где усатые аккордеонисты в кепках и жилетах, засучив рукава, жарили яву и пасодобль. Теоретически, вход на бал «дю Пти-Жарден» на площади Клиши был бесплатным, хотя за жетоны на танец надо было платить. Но фраеров пускали по выходным, а на неделе — лишь «бродяг» и девушек. Это даже гуманно: фраерам на работу с утра, пусть выспятся. Знаменитый аккордеонист, «белый цыган» Жо Прива вспоминал: «Ну и рожи были у этих шустряков! Шмаровозы, скокари, домушники... Кобел Морис вставила бриллиант в клык своей собаки...» Бал до конца 1950-х считался «школой преступности» для любознательной молодежи.

Любимое, кстати, заведение юной Пиаф.

Некоторые страны так «удачно» расположены, что их уютжат все без исключения великие завоеватели. Пигаль — такая страна. Ее все время кто-то завоевывал.

Некоторые интервенты растворились бесследно. Аргентинские жиголо, махнувшие танго на тысячи девушек, вывезенных на панель Буэнос-Айреса. «Белые русские» с руками, трясущимися от кокаина и многолетней привычки стрелять из пулемета. В 1944 году — янки-дезертиры: никто так и не понял, зачем латинос Тони Рамирес учинил резню в баре «Л'Эскаль» на улице Виктора Массе.

Зато в 1930-х Пигаль покорили пижоны в синих костюмах в полоску: белые галстуки с жемчужными булавками, двухцветные ботинки, «борсалино», приклеенные к вискам локоны. «Корсиканцы», которые на самом деле были марсельцами, и «марсельцы» — на самом деле макаронники из Ниццы. Жозеф Рокка-Серра, Венсен Баттестини, Андре Антонелли — не имена, а музыка — познакомили Пигаль с героином.

Победили они не без боя — в прямом смысле слова. Улицу Пигаль прозвали «бульваром лежащих рядом» — кудрявый синоним «кладбища».

На заре 11 февраля 1932 года на улице Фонтен подобрали пятьдесят стреляных гильз. Истинные парижане окопались у дома номер 16-бис, бара «Зеллис», корсиканцы — у дома номер 23: проще говоря, палили через улицу, почти в упор. А все из-за того, что «Рыжая Мими» перешла в корсиканскую конюшню: южане — такие неотразимые. Наутро Пигаль скорбела о вечной, как всем казалось, бомжихе Жанне, по обыкновению устроившейся на ночлег под листами картона: то ли рикошет, то ли ее не заметили. Бомжихой она осталась и после смерти: своих убитых и раненых стрелки оперативно эвакуировали.

Пальба шла лет пять. Победив автохтонов, корсиканские атаманы Жан Поль «Гранд» Стефани и Анж «Ангел» Фоата, как водится, передрались в своем кругу. Бар «У Данте» выглядел как больной оспой из-за обилия пулевых отметин на стенах. Однажды Ангел заночевал на кладбище, поджидая Гранда. Выпущенный на рассвете из тюрьмы, тот первым делом отправился на могилу жены, убитой туберкулезом за время его отсидки, но отделался простреленной шляпой. Газетчики возмущались попранием национальных традиций: новые хозяева Пигаль предпочитали колыты. Это уже не Париж, а какое-то Чикаго-на-Сене.

Одна война сменяла другую — всех и не перечесать. В конце 1940-х марсельцев и корсиканцев выжмут «арабы», которыми Пигаль считала североафриканских евреев. В 1950-х алжирцы подомнут всяких прочих марокканцев, обложив Пигаль революционным налогом в пользу Фронта национального освобождения.

В отличие от этих завоевателей, немцы покой Пигаль не смущали. Годы оккупации — едва ли ни самые веселые в ее истории. В «Ле Гран Же» на улице Пигаль, 58, счета сводили так часто, что военная комендатура категорически предписала вермахту обходить кабак за версту. В 1941 году свели счета и с его хозяином по имени, вы не поверите, Люсьен Фюрер. Газеты заливались: «Фюрер убит!»

«Ле шапито» — кабаре в виде циркового шапито под красно-белым куполом — облюбовали гестаповцы. Его хозяин, двадцатишестилетний «Жанни» Росси был родней Тино Росси и корешем Лафона. Заодно он работал на Соппротивление: через его заведение текло оружие для подполья. Пока господа офицеры наслаждались танцовщицами с голой грудью, гардеробщики изучали карманы их шинелей, а официанты подслушивали.

Узнав, что гестаповец-маньяк «Красноносый» Шав и некто Шеше хотят убить Ива Монтана — а чего это он по-английски поет, — Росси пристрелил Шеше прямо перед входом в кабаре. Поступок настоящего патриота и рачительного хозяина, рисквавшего потерять восходящую звезду. Жанни вообще был большой фантазер: примерялся, как бы взорвать, к чертовой матери, гестапо на улице Лористон. Не срослось.

А где-то на заднем плане великолепного и кровавого оккупационного карнавала наигрывал на пианино в бандитском кафе «Гаварни» курьезный тип, исключенный из

Технической школы фотографии и кино по обвинению в ее поджоге и решившийся от отчаяния в двадцать восемь лет начать актерскую карьеру. Звали его Луи де Фюнес.

Пигаль ежечасно доказывала: судьба — индейка.

В сентябре 1947 года на площади Пигаль, перед стрип-баром «Нарцисс», компаньоны пристрелили и отволокли за ноги в сточную канаву вышибалу. А ведь это был легендарный Антуан «Приносящий несчастье» Ля Рокка, главарь грозной банды «Сен-Жак» из Марселя, где в ночь с 19 на 20 марта 1923 года, мстя за своего адъютанта, он положил троих. Бегал по всему свету, долго сидел. Такой человек, и так кончил.

3 февраля 1951 года в грязном «отеле для переписки» на улице Пигаль, 45, умерла шестидесятилетняя алкоголичка Маргерита Бульк, помогавшая торговцу овощами вразнос. Она уже давно продала все свои драгоценности, сохранив как реликвию кольцо с розовым бриллиантом чистой воды, подарок румынской королевы. В начале 1910-х Европа лежала у ног Маргериты, признанной — под псевдонимом Фреэль — величайшей «реалистической певицей» парижских кабаре. «Нежную и дикую каналью» сгубил бурный кокаиновый роман с Морисом Шевалье. Когда, стряхнув морок, Шевалье ушел от Фреэль к ее сценической сопернице Мистингетт, Маргерита покушалась на разлучницу, пыталась покончить с собой, потом уехала в Румынию, в Турцию, откуда ее, в плачевном состоянии, репатриировало в 1923 году французское посольство. Ей хватило сил, чтобы вернуться на сцену и экран — она, в частности, сыграла певицу в гангстерском «Пепе ле Моко» (1936) Жюльена Дювивье, — но ее судьба была предрешена.

Зато беда обернулась удачей для двадцатитрехлетнего Анри Шарьера, мелкого сутенера, прозванного Мотыльком за китайское тату на плече. Его осудили на пожизненную каторгу за убийство в ночь с 25 на 26 марта 1930 года перед баром «Ла клиши» на углу улицы Жермен-Пилон коллеги и ровесника Ролана Леграна, распускавшего слухи, что Анри стучит. Правда, Анри утверждал, что суд ошибся: умирая, Легран назвал убийцей другого Мотылька — Мотылька Роже. Останься Шарьер на Пигаль, долго бы не протянул. А так, отмучившись одиннадцать лет в Гвиане, с девятой попытки бежал и прогремел на весь мир как автор книги «Мотылек», экранизированной со Стивом Макуином в главной роли.

Впрочем, на Пигаль судьба не индейка, а гусь. Та самая птица, в честь которой назвали известный притон «Хромой гусь». По легенде, при очередной облаве кто-то из клиентов скинул пакетик героина в глотку гуся, принадлежавшего хозяину. Гусь якобы подсел: завсегдатаи понимали, что у него ломка, когда он начинал душераздирающе хромать.

Если Пигаль когда-нибудь поставят памятник, это должна быть статуя хромого гуся.

P. S. Редкий шанс увидеть подлинную криминальную фауну Пигаль дает «Razzia sur la chnouf» (что весьма условно переводят как «Облава на блатных») Анри Де-куэна (1955). Сценарист Огюст Ле Бретон, человек непростой, но увлекательной судьбы, привел на съемки в качестве статистов своих бывших корешей. Пара немисливо подлинных лиц мелькает в «Пигаль» (1994) Карима Дри-ди. Пигаль — место действия шедевров французского нуа-ра «Не тронь добычу» (1954) Жака Беккера и «Потасовки среди мужчин» (1954) Жюля Дассена.

Миф Пигаль эксплуатируют десятки фильмов: «Полночь, площадь Пигаль» (Рене Эрвиль, 1928), «Полночь, площадь Пигаль» (Роже Ришбе, 1934), «Улица Пигаль, 56» (1948) Вилли Розье, «Пигаль — Сен-Жермен-де-Пре» (1950) Андре Бертомье, «Ухарь» (1955) Дмитрия Кирсановфа, «Высылка» (1955) Мориса де Канонжа, «Девчонка Пигаль» (1955) Альфреда Рода, «Включен красный свет» (1957) Жилия Гранжье, «Пустыня Пигаль» (1958) Лео Жоаннона, «Ночи Пигаль» (1958) Жоржа Жаффе, «Допустимая самооборона» (1958) Андре Бертомье, «Пахан» (1960) Бернара Бордери, «Реквием по пахану» (1964) Мориса Клоша, «Мегрэ на Пигаль» (1966) Марио Ланди, «Пигаль, перекресток иллюзий» (1971) Пьера Шевалье, «Зиг Заг» (1975) Ласло Сабо, сериал «Пигаль ночью» (с 2009). Особняком стоит «Жигола» (2010) Лоран Шарпантье — ироничное «Кабаре» по-французски, посвященное лесбийской Пигаль 1950-х.

Помимо Шарьера («Мотылек» Франклина Шеффнера, 1973) прототипом героя двух экранизаций романа Жозе Джованни стал Ля Рокка. В обоих — «Человеке по имени Ля Рокка» (1961) Жана Беккера, сына Жака Беккера, и «Приносящем несчастье» (1972) самого Джованни — его играл Бельмондо. Только в первом фильме его зовут Роберто Ля Рокка, а во втором — Роберто Борго.

Луи Лепле играли Ги Трежан в «Пиаф» (1974) Ги Казариля, Жерар Депардьё — в «Жизни в розовом свете» (2007) Оливье Даана, Жан Клод Буйон — в телефильме Мишеля Вина «Эдит Пиаф: короткая встреча» (1993).

Фреэль играли Колетт Ренар («Воображаемая жизнь Венсана Скотто» Жана Кристофа Аверти, телефильм, 1973), Дора Долл («Эдит Пиаф: короткая встреча»), Сандрин Дезио («Капитан Конан» Бертрана Тавернье, 1996), Иоланда Моро («Серж Генсбур: героическая жизнь» Жоанна Сфара, 2010).

Риту Ренуар, как она есть, можно увидеть в документальных фильмах «Мир ночи-2» (Джанни Проиа, 1962), «Мир ночи-3» (Джанни Проиа, 1964), «Кисло-сладкий» (Жак Розье, 1964), «Будь красивой и молчи» (Дельфин Сейриг, 1976).

Глава 20

Тупик Шапталъ, 7

«Добавьте крови!» (1897)

Слово «гиньоль», или «гран-гиньоль», давно стало нарицательным. «Наименование пьес, спектаклей и отдельных сценических приемов, основой которых является изображение различных преступлений, злодейств, избиений и пыток и т. п.». В этом определении из БСЭ отсутствует важный момент: гиньоль — зрелище кровавое, но по определению «невсамделишное», эффект которого строится на сообщничестве зрителя и творца.

К этому понятию уже никакого отношения не имеет сам Гиньоль — «Петрушка» французского кукольного театра, созданный около 1808 года в Лионе зубодером Лораном Мурге. Но самое непосредственное отношение имеет театр Гран-гиньоль, открывшийся 13 апреля 1897 года в доме номер 7 в тупике Шапталъ.

У его истоков стоял экс-полицейский Оскар Метеньё (1859–1913). Знаток городского дна, он писал стихи на арго. Драматург натуралистической школы, близкий к Мопассану, переделал в драму его новеллу «Мадемуазель Фифи» (1896). Пьесу сразу же запретили: Метеньё посмел вывести на сцену проститутку. Реформатор французского театра Андре Антуан посоветовал ему создать собственный театр.

Сказано — сделано. В купленной Метеньё бывшей часовне открылся самый маленький — на двести восемьдесят мест — театр Парижа. Некоторые ложи бенуара были забраны решетками, как в Венеции времен Казановы: по слухам, в ложах незаконные любовные пары предавались сексу, особенно остроумно на фоне ужасов, творившихся на сцене.

Стилистика театра оформилась при его втором (1898–1914) директоре Максе Мори. За вечер шло от четырех до шести коротких пьес. По совету Антуана комедии («Эй, кокотка!», «Толстая Адель») чередовались с ужасами, конечно же пользовавшимися приоритетом. Мори оценивал успех спектакля по количеству обмороков в зале и — рекламы ради — установил в зале дежурство врача.

Вокруг театра сложился круг авторов, эксплуатировавших модные темы безумия, наркотиков, гипноза, массовой паники, смертной казни: Анри Рене Ленорман, Эли де Бассан, Рене Бертон, Шарль Фоли. Знаменитый психолог, специалист по животному магнетизму Альфред Бине выступал соавтором Андре де Лорда, автора свыше семидесяти пьес, чьим символом веры было: «Мы все — потенциальные монстры».

В их совместном опусе «Ужасная страсть» няня душила ребенка в колыбели. «Слепой корабль» и «Девичья могила» Мори — с помощью искусных гримеров — живописали эпидемии проказы на корабле и сифилиса в борделе. В «Поцелуйе в ночи» Мориса Лавалья по сцене бродил мститель с лицом, обезображенным кислотой. Сюжеты можно даже не

пересказывать. Сами названия звучат как музыка: «Концерт у сумасшедших», «Ужасный опыт», «Восковые фигуры», «Преступление в сумасшедшем доме», «Замок медленной смерти», «Мертвый ребенок».

Было бы преувеличением считать, что на сцене творилось нечто несусветное. Спецэффекты носили более психологический, чем натуралистический характер. Ставка делалась на зрительское воображение, домысливающее детали, о которых на сцене лишь говорилось как о пытках китайских повстанцев-«боксеров» в «Последней пытке» или убийстве, отзвуки которого доносились с другого конца телефонного провода, в «Телефоне». Ну и афиши разжигали воображение: чудища, склонившиеся над нагими, скованными красотками; заживо распиливаемая девушка; еще девушка — тоже голая, но привязанная к тотему и изрешеченная стрелами; сатанинские рожи, черепа.

Мистика места существует: ничто, кроме театра ужасов, не могло бы состояться там, где прежде располагалась мастерская живописца Жоржа Антуана Рошгросса (1859–1938). Ныне забытый, а при жизни увенчанный всеми возможными наградами, кавалер ордена Почетного легиона, иллюстратор — по нижайшей просьбе автора — «Саламбо» Флобера, он был одним из художников, превративших, по словам современников, Салон, некогда твердыню традиционного вкуса и благонравия, в морг.

Его картины уже были сами по себе Гран-гиньолем. «Андромаха» (1883), «Гибель Вавилона» (1891), «Разграбление галло-римской виллы гуннами» (1893), «Красная радость» (1906) — каталог ужасов, тем более шокирующих, что выписаны они с академической тщательностью: горы изрубленных тел; оскаленные зубы и остекленевшие глаза; изнасилованные девы; ножи, кромсающие тела римских императоров; копыта лошадей, дробящие черепа. А рядом с ними красовались работы его коллег: инквизиторы терзают юных обнаженных ведьм; львы на арене Колизея пожирают христианских мучеников; оргии переходят в бойню.

Но за ужасами было не обязательно ходить так далеко, как в Древний Рим. В мае того же года, когда открылся Гран-гиньоль, сто двадцать один человек, включая сто десять женщин, погибли при пожаре на благотворительном базаре. На несколько дней любимым чтением парижан стали отчеты патологоанатомов в газетах. Главным светским развлечением — экскурсии в морги.

На эти же годы приходится расцвет иллюстрированных приложений к популярным газетам, на первых полосах которых неизменно помещались рисунки, во всех кровавых — и чем кровавее, тем лучше — подробностях расписывавшие сенсационные преступления. На занимавших целую полосу рисунках из «Le pti журнал иллустрэ» корсиканцы сжигали живьем привязанного к дереву ребенка; корчились в агонии рабочие, на которых вылился из печи расплавленный металл; актер в костюме эпохи Возрождения перерезал горло партнеру прямо на сцене; терзали зевак вырвавшиеся на волю львы и тигры; японец совершал харакири на глазах посетителей роскошной парижской галантереи, умирая у ног отвергшей его любовь продавщицы; лошадь кончала с собой (!), бросившись в Сену.

«Прекрасная эпоха», беременная мировой войной, была очень, до откровенного садизма, кровожадна. Так что, если бы Гран-гиньоля не существовало, его следовало бы выдумать.

При директоре Камиле Шуази (1914–1930) репертуар «окультурился» и «актуализировался». Пополнился политическими спекуляциями («Кровавые ночи ЧК», «Трагическая ночь Распутина»), переложениями киноевиков («Кабинет доктора Калигари»), «историческими» опусами («Маркиз де Сад»). Выросли свои звезды: Рене Шим, Анри Гуже, Северен-Маре. Но над всеми ними с 1917 года царила Пола Макса, «Сара Бернар тупика Шапталь», «самая убитая актриса в мире». На сцене или за сценой ее разрезали на восемьдесят три куска, скальпировали, расчленяли, скармливали скорпионам и пуме, душили жемчужным ожерельем, пороли до смерти, четвертовали. Наконец, она просто разлагалась на глазах от неведомой хвори.

Директор Жак Жувен (1930–1937) выгнал Максу, сделав ставку на психологический драматизм. Считается, что закат театра начался именно при нем и объяснялся поражением в конкуренции с голливудскими ужасами. Но скорее он не выдержал конкуренции с самой эпохой, творцами которой стали его поклонники Хо Ши Мин, Геринг, американский генерал Паттон.

«Оккупант» Эрнст Юнгер, немецкий писатель и философ, записал в парижском дневнике 29 ноября 1941 года:

«Теперь это уже не так забавно, как перед войной; дело, по-видимому, в том, что ужасное заняло в этом мире место обыденного, и тем самым его демонстрация на сцене утратила всю свою экстраординарность»⁹. Ему вторил последний директор театра Шарль Нонон: «Мы не можем соперничать с Бухенвальдом».

Портрет Нонона набросал в мемуарах Робер Оссейн, пришедший в Гран-гиньоль на его закате. «Он непрестанно упрекал меня в том, что я лишая драмы остроты: „Крови! Крови! Нужна кровь! Добавьте крови! Не бойтесь забрызгать балконы, так вас перетак! Держите, вот вам пудра, смешаем их! Не переборщите с водой, может получится кларет... Но и не жадничайте, иначе свернется! Крови добавь!“ Он хотел, чтобы [людей на сцене] вздергивали в петле, чтобы вилки вонзались в кишки. Он постоянно приносил мне устаревшие аксессуары: „Да, они заржавели, ну и что такого! Немного масла, и будут как новенькие!“ Он протягивал мне орудия пыток: „Они это любят! Они это любят!“»

Нонон считал, что нет худа без добра. В театре безнадежно прохудилась канализация? Отлично! Теперь в дождливые дни из водосточных труб на мостовую хлестала красная жижа. Чем не бесплатная реклама?!

В 1958 году писательница Анаис Нин констатировала: «Театр пуст». И это несмотря на то, что как раз после войны в него пришли авторы и режиссеры качественно нового уровня, не замкнутые в гиньольном гетто. Для театра писали Фредерик Дар, прославившийся под псевдонимом Сан-Антонио автор гротескно-комических подвигов комиссара Сан-Антонио, Пьер Буало и Тома Нарсежак, авторы «Головокружения», экранизированного Хичкоком. На сцену переносились романы Джеймса Хедли Чейза «Никаких орхидей для мисс Блендиш» (1950) и «Плоть орхидеи» (1955) и Жана Редона «Глаза без лица», ставший основой сенсационного фильма Жоржа Франжю (1960) о безутешном и безумном хирурге, губившем похищенных девушек в надежде пересадить их лица изувеченной в аварии дочери.

Со сцены на экран в свою очередь переходили инсценировки романов и — по злой иронии судьбы, — не востребовавшие в театре, становились хитами проката. Например, фильм Оссейна «Негодяи попадут в ад» (1955) по поставленному им же в Гран-гиньоль роману Дара. В «Негодях» девушка, беззащитная заложница двух бандитов, умело доводила их до смертоубийства.

Это была прекрасная, но агония: 5 января 1963 года Гран-гиньоль, на сцене которого были сыграны, как минимум, восемьсот пятьдесят пьес, закрылся навсегда.

P. S. Гран-гиньоль оказал огромное влияние не только на кинематограф ужасов, например английской студии «Хаммер». На его опыт ссылался даже Сергей Эйзенштейн, объясняя свою теорию «монтажа аттракционов».

Глава 21 **Улица Дрюо, 26** **Месть мадам Кайо (1914)**

В кабинете — головокружительные потолки, на окнах, за которыми закипает вечерний Париж, — шторы. Дама — черное бархатное платье, модный широкий узел на поясе, немислимое перо на шляпке — стреляет в усача с моноклем. Усач, схватившись за край

9 Перевод Н. Гучинской и В. Ноткиной. Цит. по: Юнгер Э. Излучения. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 64.

массивного бюро, не торопится падать: словно ожидая овации, застыл в балетном па. Рисунок на обложке «Ле пти журнал» — что это? Иллюстрация к бульварной пьеске?

Нет, изображение главного происшествия недели. Только в жизни все было намного смешнее.

16 марта 1914 года, в 18 часов главный редактор «Фигаро» Гастон Кальметт заскочил в редакцию на минуту — между встречами. Газета для состоятельных и консервативных месье находилась в доме номер 26 по улице Дрюо, о солидности которой говорит хотя бы то, что неподалеку, в доме номер 9, расположился аукционный дом Дрюо, не считая множества антикварных, прежде всего филателистических, лавок. Привратник подал Кальметту конверт с визитной карточкой дамы, уже час ожидавшей его. Кальметт опаздывал на свидание на Елисейских полях, писатель Поль Бурже обещал подвезти. Но, взглянув на карточку, Кальметт развел руками: «У меня визитер». Бурже буркнул: «А когда у вас не бывает визитеров? Я спешу, идемте». Кальметт молча протянул ему карточку. «Вы примете ее?» — изумился писатель. «Я не могу отказать даме».

Дама вошла в кабинет — руки в муфточке. «Вы догадываетесь о цели моего визита?» — «Нет, мадам, садитесь, прошу вас». Это были его предпоследние слова.

Дама не стала садиться. Револьвер в муфточке дождался своего часа. Две пули — в стены, две ранили Кальметта в ноги, полет пятой чудом погасил пухлый бумажник во внутреннем кармане. Шестая — в живот. Всё. Кальметт еще прошептал: «Я выполнял свой долг. Я делал то, что делал, без ненависти». В 1.30 он умрет на операционном столе.

Полицейских она предупредила: «Не прикасайтесь ко мне. Я дама. Я жена министра финансов». Тридцатидевятилетняя Анриетт Кайо действительно — дама до кончиков ногтей: до последней минуты колебалась, чем занять вечер — дамским фэйф-о-клоком в отеле «Риц» или убийством.

Дамскими были и ее оправдания. Мадам боялась, что дочь узнает из газеты: мама спала с мужем еще до брака. То-то радости девочке узнать, что мама — убийца.

До начала Первой мировой оставалось четыре с половиной месяца.

Поступок Анриетт кажется экстравагантным, но мадам действовала в лоне традиции. У женщин не было права голоса, но было право выстрела. Восприимчивые к прогрессу, они считали мужские дуэли непрактичным и рискованным способом решения конфликтов.

27 ноября 1884 года Жанна, жена Кловиса Юга, коммунара, писателя, депутата-социалиста и друга Огюста Ренуара, тремя выстрелами прикончила журналиста Морена. Он много лет очернял Югов, подрывая карьеру Кловиса. Суд над клеветником перенесли — Жанна взяла дело в свои руки. 23 сентября 1898 года жена депутата Польнье, не застав на рабочем месте редактора социалистической газеты «Ла лантерн» Александра Мийерана, всадила шесть пуль в секретаря редакции.

Пятидесятилетний Жозеф Кайо, четырежды министр финансов, в 1911–1912 годах — премьер, в промежутках между государственными делами трудился в банках. Импульсивного, спесивого сторонника мира во всем мире, социальной справедливости и прогрессивного налогообложения левые признали великим государственным мужем. Он разрешил «Агадирский кризис»: Франция и Германия едва не передрались тогда из-за контроля над Марокко. Правые его ненавидели: «убирайся в Берлин!», «самый ненавистный человек», «могильщик Франции». Переговоры с Берлином он вел за спиной МИДа, скопища некомпетентных болтунов и германофобов. МИД узнал о них, расшифровав переписку Кайо с посредником, прусским авантюристом Ланкеном. Премьер предложил немцам в обмен на признание Марокко зоной французских интересов расплатиться с ними частью Французского Конго. Это стоило ему кресла, ради возвращения в которое он, возглавив партию радикал-социалистов, 2 декабря 1913 года свалил правительство Луи Барту.

Первую жену — брюнетку Бертю Гедан — шармер увел у подчиненного. С ней он развелся ради блондинки Анриетт Рэнуар, ранее — мадам Лео Кларетти, с которой имел связь уже три-четыре года. Развод стоил ему двести десять тысяч отступных и ежегодных сто

восемьдесят тысяч алиментов. Мадам № 2 по сравнению с № 1 казалась стертой и тихой гусыней.

Одна деталь характеризует Кайо. Примчавшись в участок, куда отвели Анриетт после убийства, он первым делом устроил выволочку караульному, который не отдал ему честь: «Я! Министр! Финансов!» Не обращая внимания на толпу, скандировавшую — «Убийцы!», «Убийцы!» — так грозно, что мадам эвакуировали через потайную дверь в каптерку соседней бакалеи. Зато в тюрьме Сен-Лазар ее ждала платная, пятизвездочная камера, ранее обжитая Мэг Стенель (34).

Кайо довел даже союзников: Аристиде Бриана назвал усыпителем. Бриан откликнулся: «плутократ-демагог». Намек на состояние, нажитое Кайо на службе в египетском и аргентинском банках. Кайо проталкивал налог на капитал. Заклятые соратники решили покончить с ним. С одобрения премьера Жоржа Клемансо его жизнь превратилась в ад.

Барту ангажировал друга, пятидесятипятилетнего Кальметта, которому Марсель Пруст «в знак глубокой и сердечной признательности» посвятил «В сторону Свана».

В течение ста пяти дней до гибели Кальметт опубликовал сто десять материалов против Кайо, причем три четверти из них — написал лично.

У редактора газеты для солидных месье, считавших налог на капитал «красным» варварством, был на Кайо не только политический зуб.

Кайо погубила слабость к женщинам по имени Анриетт. Благодаря водевильной истории с двумя серебряными несессерами с инициалами «А. К.» и «А. Б.», одновременно заказанными мужем у одного и того же ювелира, мадам Кайо узнала, что Жозеф изменяет ей с актрисой Анриетт Балло, женой литературного редактора «Фигаро», и учинила той скандал на званом ужине. Дело было как раз в декабре. Балло упала в объятия Кальметта, не простившего Кайо унижения новой любовницы.

Господи... Чистая оперетта.

Номер за номером «Фигаро» венчала шапка «Тайные махинации месье Кайо». Кальметт бил методично, «по площадям». Уличал Кайо в «черном» финансировании своей партии, махинациях с внешним долгом, давлении на суд ради освобождения жулика-финансиста Рошетта. В сговоре с международной олигархией в ущерб Франции, попустительстве Спитцеру, банкиру «израэлитского происхождения», утечках инсайдерской информации.

Информационный киллер публиковал опровержения Кайо, но издевательски просил его «потерпеть двадцать четыре часа» — до нового компромата.

Разбушевавшись, как Фантомас, Кальметт анонсировал 19 января переписку Кайо с немцами. Страшный козырь — измена родине. Кайо испугало другое: немцы узнают, что французы владеют ключом к их дипломатическому коду. Пуанкаре пообещал ему попросить Барту повлиять на Кальметта. Барту повлиял, но Кайо понял: все в заговоре против него.

31 января газета объявила: «Месье Кайо работает на короля Пруссии», его управление госдолгом выгодно немецкой экономике. Назавтра выяснилось: Кайо работает еще и на Италию с Австро-Венгрией.

«Что за таинственной и чудовищной властью обладает этот деловой месье, который, ради своей разорительной политики, в надежде продлить свою мерзостную власть над толпой, покушается на все, что составляет гордость и богатство нации...»

Но Кальметта сгубило не это, а вторжение в личную жизнь Кайо.

9 марта он намекнул: «Наступил решающий момент, когда нельзя отступить ни перед чем, как бы это ни противоречило нашим обычаям, как бы ни предосудительно это было для наших манер и вкусов».

13 марта — опубликовал письмо к Берте (1901): «ее Жо» хвалился, как ловко провалил налоговую реформу, выступая пылким ее сторонником. Преднамеренно внося обреченный на заклятие законопроект, он провел другие, важные реформы, но предстал двуличным циником. Хотя гораздо циничнее был текст Кальметта: «Впервые за тридцать лет журнализма я публикую частное письмо, интимное письмо, вопреки воле его обладателя, его адресата или его автора. Мое достоинство испытывает от этого истинное страдание...»

Утром 16 марта, упомянув манеру Кайо подчеркивать слова, он дал понять, что не за горами публикация переписки с Анриетт. Вечером — умер.

Злоключения писем Кайо — отдельная песня. Участники трагифарса сами не могли разобраться в их судьбе. Летом 1909 года Берта узнала о сопернице, взломав секретер мужа и обнаружив послания «возлюбленной Рири». Мужу она пообещала вернуть компромат, если тот порвет с гадиной. Кайо составил нотариально заверенное покаяние, забрал переписку и сжег. Но Берта сохранила копии. В 1910 году жена, найдя свежую партию любовных эпистол, предложила развод. Жозеф попросил отсрочки до выборов. Разведясь, снова забрал и сжег корреспонденцию. Но Берта сохранила копии и, очевидно, как бы она это ни отрицала, передала Кальметту.

Кайо костерил соратников-предателей, громыхал кулаком по столу и грозился набить Кальметту морду.

16 марта Анриетт наняла новую кухарку, выбрала в магазине автоматический браунинг, опробовала в подвальном тире — три пули в яблочко, — зарядила и поставила на предохранитель. Зашла в банк, домой, переделалась, оставила письмо мужу — «Я свершу правосудие» — и вызвала такси.

17 марта Кайо ушел в отставку, писатель Шарль Моррас сравнил его с «еврейским предателем Дрейфусом». Никто ему не верил, все возмущались попавшим в газеты изысканным тюремным меню Анриетт и повторяли: мадам Кайо убила не только Кальметта, но и карьеру мужа. Однако хоронить Жозефа было рано.

В мае он, как всегда, победил на выборах в родном Сарте. Местные крестьяне сочли драму бабской блажью. Обменялся на дуэли парой выстрелов с конкурентом и помчался спасать жену. Его стараниями Кальметт предстал «сутенером пера», обворовавшим содержавших его женщин, карьеристом, выгодно женившимся на дочке предыдущего редактора, махинатором, невесть как скопившим огромное состояние, немецким агентом. Депутат Паскаль Секкальди, испортивший бретерством свою адвокатскую карьеру, подогнал «корсиканскую гвардию» громил. Кайо нанял шумно сочувствующих демонстрантов, заполнил зал суда клакой и чуть ли не готовил побег жены. Его подруга Мадлен Гийемар должна была подменить Анриетт, которую умчала бы в Англию яхта герцога Деказеса, друга детства Кайо.

У Кайо, каким бы изгоем он ни казался, повсюду были друзья.

Председатель суда Альбанель, вместо ритуального «Обвиняемая, встаньте», обращался к Анриетт: «Не будете ли вы так любезны встать, мадам?» Жозеф оскорбился, когда адвокат семьи Кальметта назвал его просто «месье», и заставил исправиться: «месье министр».

Правительство сообщило, что, во-первых, никакой переписки с немцами не было, а во-вторых, ее нельзя обнародовать.

Адвокат подмигивал присяжным: ну, вы же знаете этих женщин. И вообще, о чем речь: в смерти Кальметта виноваты доктор и только доктор. Мадам же стреляла шесть раз, потому что не хотела убивать. Так, пугала, но револьвер — такой зверь, раз начал стрелять, не остановишь. Ну и потом, Юг и Польнье оправдали, а Бог троицу любит.

Мадам подтверждала, что хотела напугать Кальметта, иначе бы ее муж убил негодяя сам. Закатывала глаза:

«У меня был такой маленький браунинг»; «Он сам бросился под пули»; «Я не думала, что попала в него»; «Так получилось».

Месье сокрушался: «Она на скамье подсудимых по моей вине»; «Она подарила мне невысказанное счастье»; «Я не смог оградить ее от злобы людской...»

Драматург Анри Бернштейн свидетельствовал о высоких душевных качествах Кальметта. Пацифист Кайо уличил его в давнем уклонении от военной службы.

28 июля Анриетт оправдали.

1 августа — война. О Кайо забыли все, кроме Клемансо, вернувшегося к власти в ноябре 1917 года. Против Кайо он был готов обняться с яростным монархистом Леоном Доде (23), обвинявшим Кайо в «систематическом предательстве».

В самом начале войны Кайо, которому на улицах не давали проходу «королевские молодчики», спровадили — а фактически выслали — в Южную Америку, в 1916-м — в Италию. Но где бы он ни был, вел себя крайне неосторожно: мягко говоря, не фильтровал знакомства. Вокруг него так и вились международные авантюристы, о работе которых на немецкий Генштаб знали, кажется, все, кроме Кайо. Какой-то, прости господи, граф Минотто, «маркиза» Риччи, вор, двоеженец и турецкий агент влияния Поль Боло, именовавший себя Боло Пашой: в 1918 году его расстреляют за шпионаж. Разве что Маты Хари не хватало в этой компании. Тайн никаких Кайо не выдал, поскольку не владел ими, но шла война. 14 января 1918 года его арестовали и дважды судили по смертоносному обвинению: «сотрудничество с врагом». В итоге в феврале 1920 года его приговорили к трем годам, но за «сношения с врагом» и «невольную помощь» немцам — словами, связями и самой своей оппозиционностью.

Карьера Кайо выдержала и это. В Париж он вернулся, когда к власти пришли друзья — «левый картель».

1 января 1925 года его амнистировали, потом реабилитировали. Отдалившись от левых, он еще трижды возглавил министерство финансов, а затем — финансовую комиссию сената, до 1940 года определяя финансовую политику страны, и умер в своем поместье 21 ноября 1944 года.

Мадам окончила школу Лувра и опубликовала (1935) образцовый труд о скульпторе Далу. Последнее свидетельство об Анриетт, умершей 29 января 1943 года, — в дневнике Эрнста Юнгера. 24 сентября 1942 года ему рассказали, что мадам Кайо видели на званом обеде: «Она явилась в длинных красных перчатках, доходивших до локтя»¹⁰. К концу жизни ей стал изменять вкус.

P. S. В телефильме Янника Андреи «Дело Кайо» (1985) Жозефа сыграл Марсель Бозуффи, Анриетт — Брижитт Фоссе. Дело Жанны Юг отражено в фильме Жерара Ури «Преступление не окупается» (1962).

Глава 22

Улица Рошешуар, 76

Синяя Борода XX века (1919)

Ночь с 11 на 12 апреля 1919 года инспекторы Белен и Бранденберже провели, чертыхаясь и ворочаясь, на площадке четвертого этажа дома номер 76 по улице Рошешуар. Закон запрещал ночные аресты, а рядом, за дверью, спал с любовницей «зверь», слишком опасный, чтобы упустить его. Едва пробил законный час, они протерли глаза, постучались и спросили месье Люсьена Гийе — под этим именем «зверь» снимал квартиру. Им открыл почти карлик, лысый, но с окладистой черной бородой. Взгляд глаз, глубоко сидевших под удивленно вздернутыми, кустистыми бровями, журналисты окрестят «волчьим», «гипнотическим», «факирским». Невозмутимый, он извинился за то, что, непривычный к ранним пробуждениям, сразу не угостил гостей сигаретой. Сохранил спокойствие и тогда, когда его назвали настоящим именем.

Анри Дезире Ландрю.

Сын кочегара и портнихи, рожденный в Париже 12 апреля 1869 года.

Синяя Борода XX века.

Перекусив после допроса сэндвичем, он уснул сном младенца.

На парламентских выборах 1919 года четыре тысячи человек испортили бюллетени его именем. Звезды кабаре Морис Шевалье и Мистингетт, принцесса Елена Греческая, старейшина «Комеди франсез» Сильвен боролись за места в зале суда с тысячами

¹⁰ Юнгер Э. Излучения. С. 181.

поклонников, съехавшимися в Версаль на поездах Ландрю, как прозвали их журналисты. Уличные аккордеонисты и шарманщики пели от его имени «Жалобу убийцы».

Когда огласили смертный приговор, он успел взять у писательницы Коlette автограф. Зачем? Перед кем он собирался хвастаться на том свете знакомством с ней?

В неизменном котелке и английском сюртуке Ландрю казался типичным средним французом: надежным, рассудительным, экономным, галантным, кичащимся манерами и благонаравием. Мечта вдовушек: как было не поверить ему, когда он представлялся чиновником МИДа, учителем церковной школы. Его — с 1891 года — жена, дочь прачки и сама прачка, сидела дома, вязала, воспитывала четверых детей. Она знала, что муж находится в розыске за мошенничество, скрывается, и не задавала лишних вопросов. Навещающая семью, Ландрю всегда привозил милые, пусть и подержанные, подарки, никогда не задерживал денежные переводы.

Следователи ломали голову, кому Ландрю в своих записях присвоил порядковые номера от одного до семи: не кроется ли в этой шифровке кровавая тайна. Все объяснилось бухгалтерски трогательно. Номер первый — мадам Ландрю. Второй — он сам. Номера с третьего по шестой — их дети. Седьмой — Фернанда Серге, любовница, прожившая с Ландрю почти два года. Нумерация требовалась Ландрю, чтобы не забыть о гостинцах ни для кого из своих родных.

Он обладал загадочной сексуальной силой, против которой не могли устоять ни богомольная Луиза-Жозефи-на Жом, десять лет добивавшаяся от Ватикана развода, поскольку муж — экий мерзавец — в первую брачную ночь овладел ею, ни проститутка Мари Терез Маршадье, в тридцать семь лет заведшая свой «отель де пасс» — «отель для перепиха». Серге, считавшая Ландрю отставным силовиком, чуть ли ни контрразведчиком, поэтом и романтиком, потупив глаза, призналась на суде: «Несмотря на свой возраст, он обладал юношеской прытью». Перед казнью он попросил женщину, а если нельзя, то хотя бы модную стрижку — чтобы не разочаровать зрительниц. За четыре года он соблазнил — или, по меньшей мере, встречался с ними — двести восемьдесят три женщины, которым обещал жениться под девяностю шестью псевдонимами. От Дюпона — под этой фамилией, столь банальной, что она означает во Франции «месяе Никто», Ландрю снимал виллу — до аристократического Фореста де Бержье и сюрреалистического Тартемпiona дю Кюше.

Десять наложниц, сына первой из них и трех собак последней он убил. Тела, кроме трупиков задушенных собачек, так и не нашли.

«Покажите мне трупы!» — у Ландрю был универсальный ответ на все вопросы.

Просеяв сто кило пепла на загородной вилле «Эрмитаж» (на арендованной им ранее вилле «Лодж» печи не было), следователи извлекли девятьсот девяностю шесть граммов человеческих останков: зубы, фрагменты черепов, костей рук и ног. Проблема в том, что печь была очень невелика: сварить суп еще можно, а вот испепелить трупы... Знаменитый судебно-медицинский эксперт доктор Поль и его ассистенты, задыхаясь от дыма, обливаясь слезами и надрывно кашляя, сумели сжечь в ней расчлененного барана. По их расчетам, избавиться в печи от трупа было возможно за одни сутки.

Сомнения, однако, оставались. Сосед видел, как Ландрю топил в пруду объемистый пакет. Пруд прочесали — безрезультатно. Местный рыбак утешил «фликов»: «Знаете, у наших щук и карпов отменный аппетит». Другой сосед припомнил беседу с Ландрю о том, как выкармливать кур в условиях военного дефицита зерна. Ландрю советовал кормить их мясом. Откуда взять? У него есть знакомый на парижских бойнях, готовый продать мясные ошметки за бесценок.

«Покажите мне трупы!»

А их нет! Куры склевали?!

Чинный буржуа, Ландрю страшился, что его заподозрят в немыслимой пакости — в том, что пропавших женщин он не убил, а продал в аргентинские бордели. Настаивал на чисто деловом характере своих отношений со слабым полом: он просто помогал

поиздержавшимся за годы войны дамам распродавать мебель, а воздыхателем притворялся, чтобы завоевать их доверие.

«Покажите мне трупы!»

В детстве Ландрю мечтал стать священником, пел в церковном хоре. В армии дослужился до сержанта. В делах был не слишком удачлив, работал бухгалтером, продавцом, механиком, в 1900 году открыл фабрику мопедов. Историки до сих пор спорят, существовали ли мопеды марки «Ландрю», разорился ли Ландрю на их производстве или, собрав деньги с заказчиков, просто смылся.

Ленин назвал анархистов «взбесившимися от ужасов капитализма мелкими буржуа». В 1901 году взбесился Ландрю. Устроился на работу курьером и первым делом украл служебный велосипед: с велосипедами у него явно был связан какой-то комплекс, в котором не разобрался бы и Фрейд. В 1904 году получил два года за мошенничество, в 1905-м — еще тринадцать месяцев, в 1906-м — еще три года, а в 1910 году — снова три года за кражу десяти тысяч франков у вдовушки, с которой познакомился по брачному объявлению. Отец его от отчаяния повесился в Булонском лесу. Законы были жестоки: когда летом 1914 года Ландрю продал за двадцать тысяч чужой гараж и скрылся, его заочно приговорили к четырем годам тюрьмы и пожизненной ссылке в тропический ад Гвианы.

Он понял: бизнес успешен, когда нет свидетелей. Свой смертельный бизнес он открыл в 1914 году.

Ландрю действовал по одной схеме. Помещал в нескольких центральных и провинциальных газетах стандартное объявление. «М. 47 лет, доход 4000 франков плюс сбережения, собирается уехать в живописную колонию со здоровым климатом, желает познакомиться для женитьбы с дамой люб. возраста, пусть и скромного достатка, но одинокой и согласной последовать за ним. Серьезное предложение. Агентства и посредников просят не беспокоиться».

Сотни дам откликались. Он отвечал столь же неизменным текстом: «Я желал бы продолжительного счастья, чувств, способных его обеспечить. Я достаточно независим, чтобы сразу же заявить вам, что, с моей стороны, финансовое благосостояние не играет никакой роли в выборе невесты».

Самые интересные предложения Ландрю заносил в картотеку, присваивая дамам кодовые имена. Работал без устали, в иной день встречался с семью претендентками. Новое убийство начинал готовить, когда предыдущая жертва еще наслаждалась жизнью. Единственная роскошь, которую позволял себе труженик Ландрю, — выращивал в Гамбе любимые розы. За решеткой Ландрю писал о своей милой вилле — так себе, кстати, вилла: кирпичный сарай — трогательные стихи и умолял следователя: «Мне совершенно необходимы воздух, простор, а здесь меня обрекают на медленную смерть. <...> Я взываю к вашей справедливости, к вашей человечности, прошу: выпустите меня, я поеду в деревню, в свой домик в Гамбе, если это возможно, и даю слово чести оставаться в вашем распоряжении».

Иногда Ландрю «снял» женщин на улице, как восемнадцатилетнюю Андре-Анн Бабелье. Зачем он убил ее — без гроша за душой — загадка. Вообще-то, он предпочитал вдов — возраст и внешность значения не имели — со сбережениями. Засыпал их цветами, дарил обручальные кольца, знакомился с родственниками, от которых затем ненавязчиво отдалял избранницу, и сводил с ума в постели. Жертвы, согласные ехать с ним на край света, поручали жениху продать свою обстановку и доверяли сбережения.

На уик-энд они отправлялись с ним именно что на край света, негаданно близкий — в изолированный загородный дом: сначала на виллу «Лодж» в Вернуье, затем — «Эрмитаж» в Гамбе. Оттуда он возвращался по понедельникам в одиночестве — снять по доверенности деньги со счетов, развезти мебель невесты по магазинам или отправить в один из двух арендованных им под склады гаражей в Клиши. Убив одиннадцать человек, Ландрю заработал всего тридцать пять тысяч шестьсот сорок два франка и пятьдесят сантимов, не побрезговав продать вставную челюсть одной из жертв. Беда в том, что среди них

встречались обманщицы, старавшиеся заинтересовать жениха сказками о своих якобы крупных сбережениях.

Попался он так. Родные двух женщин, знавшие, где жил жених, написали тревожные письма мэру Гамбе. Тот свел их вместе, сопоставил их истории, похожие как две капли воды, и обратился в полицию. Дом Ландрю быстро вычислили, соседи припомнили странный дым и неприятный запах. Тем временем подруга одной из жертв столкнулась на улице Риволи с бородачом, известным ей как «инженер Фремье», жених пропавшей. Ландрю выходил из магазина «Фаянсовый лев», где приобрел сервиз за триста франков — жадина, похоже, действительно влюбился — для их с Серге гнездышка. Хозяин магазина знал адрес клиента: остальное — дело техники.

Ландрю ни в чем не признался, но суду его признания и не требовались. Образцовый буржуа вел и хранил подробную отчетность: адреса съемных квартир, свои псевдонимы, randevу, переезды. Сто десять досье на перспективных клиенток. Отдельный список убитых. Записывал до сантима расходы: от стоимости многочисленных наборов пил до милостыни, которую с «невестой» раздал в соборе Сакре-Кер. Потрясают записи о последних поездках с жертвами в Гамбе: «Один билет туда и обратно — 3,85; один билет в один конец — 2,40».

Впрочем, в архиве Ландрю не нашлось упоминаний о покупке патронов — оружие у него было, и стрелял он, кажется, отменно — или ядов: так и не известно, как именно он убивал. Не мог же он, хранивший даже свидетельство о рождении одной из жертв, выписанное для свадьбы, уничтожить эти счета!

Жертвы проявляли доверчивость на грани гипноза. Тридцатидевятилетняя Жанна Мари Кюше прибежала к сестре в слезах, найдя в вещах жениха письма от жены и детей, документы на имя Ландрю, брачную переписку с другими дамами. Назавтра же Ландрю вернул ее доверие и увез в Гамбе. Пятидесятидвухлетняя Мари Анжелик Гиллен увидела в замочную скважину запертой комнаты ворох женской одежды — Ландрю объяснил, что это память о покойной маме. И, не откладывая дело в долгий ящик, тоже увез ее в Гамбе.

Да, жертвы были исключительными идиотками. Но их идиотизм был органичен для своей эпохи и казался скорее нормой. Французская империя утвердилась от Гибралтара до Тонкина. Служба в колониях превратилась из авантюры в синекуру. Буржуазки грезили о рае под пальмами, где слуги будут называть их госпожами, а они сами чувствовать себя королевами. Как правило, они не видели ничего, кроме своего городка, в лучшем случае курорта на водах, куда выезжали с покойным мужем. А Ландрю представлялся то инженером из Туниса, то владельцем гаража из Джибути. При этом он был, мягко говоря, слаб в географии: даме, родившейся в Буэнос-Айресе, присвоил кодовое имя Бразилия.

Но на фоне жертв он выглядел мудрецом. Так, Мари-Анжелик Гиллен, верившую, что жених ждет назначения консулом в Мельбурн, Ландрю навестил во взятом напрокат камзоле маркиза времен Людовика XV: «Я зашел поздороваться с вами по пути в английское посольство». Бедняжка Гиллен и ее соседи искренне верили, что дипломаты так и ходят по улицам — в чулках и напудренных париках.

Но расцвести бизнес Ландрю мог только на фоне мировой войны. Государство, истребившее полтора миллиона своих мужчин и юношей на бойнях Соммы и Вердена, превратило страну в бабье царство, а лысого клоуна — в заманчивого жениха. Если родственников невест беспокоили отсрочки свадьбы, он говорил, что родом из оккупированных немцами областей и необходимые документы достать невозможно.

Верноподданные газетчики зададутся вопросом: а не немецкий ли он шпион?

На суде он чертил в блокноте зарисовки участников процесса. Иногда они виделись ему какими-то перепончатыми тварями, но это не галлюцинации безумца, а гротеск, далеко не бездарный.

В диалоге с прокурором Ландрю блистал черным юмором.

«Вы, кажется, всегда искали женского общества?» — «Я никогда не имел противоестественных склонностей. Если моим знакомым дамам есть в чем меня упрекнуть, пусть подадут в суд». — «Как вы убивали их?» — «Я уже ответил на этот вопрос». — «И что

вы ответили?» — «Что мне нечего ответить». — «Если в зале будут повторяться смешки, я прикажу всем разойтись по домам». — «Со своей стороны, я ничего не имею против».

В уличном фольклоре, бульварной прессе, подсознании эпохи Ландрю, несмотря на ужас его преступлений, как-то органично стал водевильным, комическим героем. «Ландрю — образцовый глава семейства. Он считал, что место женщины у домашнего очага», — немисливо представить, чтобы такие шуточки отпускали в 1945 году по поводу доктора Петю (38).

И только человеконенавистник Селин, почуяв в деяниях Ландрю запредельный холодок, воскликнет: «Бонно (45) — всегда! Ландрю — никогда!»

Прокурор в сердцах посоветовал Ландрю не корчить из себя «Чаплина преступлений», не догадываясь, что в этих словах заключено пророчество: Чарли Чаплин снимет на основе дела Ландрю «Месье Верду» (1947).

В уста своего антигероя Чаплин вложил слова, достойные трибуна: «Одно убийство делает человека злодеем <—> Миллионы убийств делают из него героя <...> Обеспечить успех может только организация <...> Разве у нас не готовят всевозможные орудия массового истребления людей? Разве у нас не разносят на куски ничего не подозревающих женщин и детей, проделывая это сугубо научными способами?»

Милитаризм, конечно, омерзителен, но это не повод распиливать вдовушек на куски. Я полагаю, что праведный гражданский гнев не был тем чувством, которое подвигло Чаплина на экранизацию дела Ландрю. Скорее, впервые скинув маску бедняжки-бродяги, возможно не внушавшую самому Чаплину ничего, кроме отвращения, он дал волю своей мизантропии. Если бы Чаплин не стал Чарли, он мог бы — кто знает — стать Верду-Ландрю.

Великий адвокат Венсен де Моро-Жиафферри, взявшийся за дело бесплатно, едва не спас Ландрю. Обращаясь к присяжным, воскликнул: «Нет, ваша убежденность некрепка! А если я скажу вам: „Взгляните на эту дверь!»

Они там, в прихожей, они сейчас войдут, те, кого Ландрю якобы убил, они появятся сейчас... Дверь откроется...“»

В его голосе была такая сила, что все, задержав дыхание, повернулись к дверям. Он продолжил: «Видите, вы на самом деле не уверены в его виновности!» Но через секунду все осознали, что лишь один человек в зале на дверь даже не взглянул. Ландрю знал: «они» не войдут никогда.

На рассвете 25 февраля 1922 года заместитель генерального прокурора Беген разбудил Ландрю. Тот удивился: «Месье, я не имею чести вас знать. Не соблаговолите ли представиться?» Беген представился: «Мужайтесь, Ландрю». — «Мужаться? Вы оскорбили меня! Невинным не требуется мужества. Им достаточно чувства своей невинности». — «Вы желаете что-нибудь заявить?» — «Я считаю ваш вопрос оскорбительным, поскольку я невиновен».

Адвокат умолял: «Ландрю, через несколько минут вы умрете, прошу вас, скажите мне правду». — «Мэтр, свою тайну я унесу с собой. Она будет моим багажом».

Традиционную последнюю сигарету и стаканчик рома Ландрю отверг: «Вы же знаете, что я никогда не был ни питухом, ни курильщиком... И потом, это вредно для здоровья».

Печь из Гамбе приобрел на аукционе музей Гревен. А Моро-Жиафферри, предложив в 1945 году восьмидесятилетнему маршалу Петэну, главе режима Виши, защищать его от обвинений в измене родине, услышал в ответ: «Я вам что — Ландрю?»

P. S. Не успела голова Ландрю скатиться с плеч, как в Германии Ханс Отто снял «Ландрю, Синяя Борода из Парижа» (1922). Помимо «Месье Верду» (1947) Чаплина ему также посвящены фильм Клода Шаброля по сценарию Франсуазы Саган «Ландрю» (1963) с Шарлем Деннером в главной роли, телефильм Пьера Бутрона «Дэзирэ Ландрю» (2005) с Патриком Тимситом, аргентинский телефильм «Расчетливый мужчина: приключения Ландрю» (1962).

Глава 23

Бульвар Маджента, 126 Выстрел в такси (1923)

Около 16 часов 24 ноября 1923 года таксист Бажо, притормозив в густом тумане на светофоре около дома номер 126 по бульвару Маджента, оглянулся, услышав странный звук. Пассажир, севший в машину несколько минут назад на площади Бастилии и велевший везти его в цирк Медрано, распростерся на заднем сиденье. Мысль об обмороке пришлось отменить: пассажир прострелил себе голову. Не стоило его брать: мальчишка сразу вызвал у Бажо смутную тревогу. Явно образованный и воспитанный, но очень нервный и усталый. Хорошо одетый, но какой-то мятый, словно несколько дней не переодевался.

Через два часа мальчик умер в госпитале Ларибуазьер. Умер безымянным — документов при нем не было: четырнадцатилетнего, но выглядевшего на все восемнадцать Филиппа опознали лишь назавтра. Его отец, Леон Доде, шестой день разыскивавший в очередной раз сбежавшего из дома сына, прочитал в газете «Ле пти паризьен» о странном самоубийстве и попросил друга, доктора Бернара, съездить в больничный морг. Вскоре доктор принес кошмарную весть.

Чтобы получить возможность отслужить мессу на похоронах — отец был глубоко верующим, — семейный врач в своем заключении объяснил самоубийство неменяемым состоянием мальчика, страдавшего эпилепсией и нервным расстройством. По просьбе Леона вскрытие не проводили, а друзьям, пришедшим на похороны разделить скорбь своего друга, он говорил, что Филиппа якобы унес скоротечный менингит. Среди этих друзей были премьер Раймон Пуанкаре, председатель Палаты депутатов Рауль Пере, звезды французской литературы Жорж Бернанос, Поль Бурже, Эмиль Бюре, Жан Кокто, Жозеф Кессель, Поль Моран, Франсуа Мориак.

Но в душе Леон был уверен: Филиппа убили.

Любой отец на его месте отказался бы поверить в добровольный уход из жизни ребенка. Но Леон Доде не был любым отцом, и гибель сына не стала для него неожиданностью. Он десятилетиями жил в тени и в ожидании насильственной смерти, которая — он знал — притворится нелепым несчастьем, странным самоубийством, пулей безумца. Он знал: Филиппа убили, чтобы нанести отцу незаживающую рану, выбить его из седла. Его горе мешалось с яростью. А ярость пятидесятишестилетнего Леона Доде бывала смертоносна.

Сын Альфонса Доде, автора «Тартарена из Тараско-на», он и сам был писателем, одним из создателей и первых десяти членов Гонкуровской академии, автором девяти тысяч статей, ста двадцати восьми книг — романы, философские эссе, памфлеты, образцовые «Мемуары», которые сам Марсель Пруст сравнил с мемуарами, написанными в XVIII веке герцогом Сен-Симоном. Но прежде всего он был политиком, лидером оппозиционной лиги «Французское действие». Впрочем, назвать его политиком — не сказать ничего. Грузный, огромный книголюб и нежный семьянин, Леон Доде был ходячей гражданской войной.

В девятнадцать лет книга отцовского друга Эдуарда Дрюмона «Еврейская Франция» раскрыла Леону глаза на закулису «сионских мудрецов»: на борьбу с ней он положит всю жизнь и весь свой талант. Антисемит, клерикал, монархист, он не спорил с оппонентами — он люто ненавидел их. Ненавидел Эмиля Золя, ненавидел Виктора Гюго, на внучке которого в 1891 году женился: четырехлетний брак завершился разводом по инициативе Жанны Гюго, жаловавшейся на «насилие и публичные оскорбления».

Врагов он преследовал до конца, упивался их унижением и гибелью. Любовался унижительной церемонией разжалования Дрейфуса, которому в статьях отказал в принадлежности к роду людскому. Любовался расстрелом 17 июля 1917 года Эмиля Жозефа Дюваля, финансового директора анархистской газеты «Ле бонне руж»: Доде обвинял его в шпионаже, и вскоре Дюваля задержали на швейцарской границе с чеком, подтверждавшим немецкое финансирование газеты.

Да что там какой-то анархист: Доде и не таких стирал в пыль. Обвинив в измене родине, он отправил в 1918 году за решетку экс-премьера Жозефа Кайо и министра 224 внутренних дел Луи Мальви.

Он, конечно, был параноиком. Когда в августе 1911 года украли «Джоконду» (2), Доде разразился статьей «Лувр ожидает». Когда в мае 1932 года свихнувшийся от неприкаянности белоэмигрант Горгулов застрелил президента Думера, Доде писал: убийство «относится к серии направляемых преступлений, на которые экзальтированную личность подталкивают люди, остающиеся в тени». Но основания для паранойи у него были и с годами лишь приумножались. Слишком много случалось вокруг странных смертей, слишком много...

В августе 1898 года в тюрьме Мон-Валерьян перерезал себе горло бритвой полковник Юбер Анри, сфабриковавший доказательства предательства Дрейфуса. Но Доде знал: Дрейфус — шпион, Анри убили или довели до самоубийства руками предателей-тюремщиков.

В декабре 1904 года угорел у себя дома депутат Габриэль Сиветон. Назавтра его должны были судить: на заседании Палаты депутатов он дал пощечину военному министру Луи Андре. Генерала уличили в том, что по его инициативе масонские ложи собрали картотеку, содержащую сведения о религиозных, политических убеждениях, достатке, личной жизни двадцати пяти тысяч офицеров, сопровождая информацию такими комментариями, что картотека напоминала расстрельный список. Историки считают: Сиветон покончил с собой из-за связи с падчерицей или был убит женой и ее любовником. Но Доде знал: Сиветона убили масоны руками полиции.

В марте 1914 года жена Кайо, в тот момент — министра финансов, застрелила главного редактора газеты «Фигаро» Гастона Кальметта (21): увлеченный травлей «немецкого агента» Кайо, тот собирался опубликовать компрометирующие ее письма. Но Доде знал: это был не выстрел отчаяния, а исполнение приговора, вынесенного журналисту-патриоту врагами Франции.

В августе 1917 года удавился шнурком в тюрьме анархист, редактор «Ле бонне руж» Мигель Альмерейда, которого Доде тоже упек за решетку. Но Доде знал: его убили продажные полицейские, чтобы тот не рассказал о заговоре против Франции. В то, что отца убили, верил и сын Альмерейда, великий режиссер Жан Виго.

В январе 1923 года смерть подобралась вплотную. Двадцатилетняя анархистка Жермен Бертон явилась убивать Доде в штаб «Французского действия», долго ждала, не дождалась и пятью выстрелами уложила его заместителя Мариюса Плато, нагрубившего назойливой посетительнице. В голове Доде непрестанно звучали ее слова на суде: «Увидев и услышав вас, я искренне сожалею, что не дождалась вас».

Бертон, при аресте неудачно пытавшуюся застрелиться, оправдали.

И вот — Филипп...

* * *

Доде не хотел использовать имя сына в политических войнах — его вынудили. 2 декабря анархистская газета «Либертер» взорвалась заголовком: «Трагическая смерть Филиппа Доде, анархиста! Леон Доде скрывает истину!» Рядом — стихи Филиппа, объявленного редактором Жоржем Видалем «героем анархии». 4 декабря с открытым письмом выступили одиннадцать сюрреалистов: «Мы всем сердцем с Жермен Бертон и Филиппом Доде. Мы по достоинству ценим любой акт бунта». До того сюрреалисты выказывали свою полную солидарность с Бертоном. На последнее заседание суда над ней супруги Андре и Симона Бретон, Луи Арагон и художник Макс Мориз прислали огромную корзину алых роз и гвоздик: «Жермене Бертон, которая сделала то, что не смогли сделать мы». А в журнале «Ла революсьон сюрреалист» появился ее портрет в окружении фотографий двадцати восьми сюрреалистов и «сочувствующих», включая Зигмунда Фрейда, Джорджо 226 де Кирико и Пабло Пикассо.

Доде испытал такую боль, словно Филиппа, заклеив ненавистным словом «анархист», убили во второй раз. Что ж, они хотят войну — они ее получают.

Между тем Филипп сам объявил себя анархистом. Убегая из дому, он украл у родителей, полагавших, что мальчик ушел в школу, тысячу семьсот франков на билет до Канады. Доехав на поезде до Гавра, остановился в отеле (восемь франков за ночь), писал и рвал на клочки письма к родителям. По официальной версии, обнаружив, что денег слишком мало, он съездил в Шербур, пытаясь устроиться электриком на трансатлантический пароход, но вернулся в Париж. Это несколько странно: билет до Канады в третьем классе стоил тысячу триста пятьдесят франков: денег должно было хватить. Под фальшивым именем Филипп явился 22 ноября к Видалю, представился анархистом, решившим убить Пуанкаре или президента Александра Мийерана.

Относительно списка намеченных Филиппом жертв существуют разночтения. По разным версиям, он называл в качестве возможных мишеней президента Жоржа Клемансо, собственного отца, основателя боевого движения «Королевские молодчики» (их «визитной карточкой» были залитые свинцом трости, которыми они орудовали в уличных столкновениях) скульптора Максима Реаль дель Сарта, потерявшего руку под Верденом. Встревоженный Видадь отговаривал его, потом устроил на ночь к другому анархисту, которому Филипп рассказал, что отец избивает его.

На следующий день Филипп продолжил обход известных анархистских явок: впрочем, в хронологии его перемещений 23–24 ноября зияют вопиющие лакуны. Книготорговец Ле Флуатте, к которому он пришел, был осведомителем, очевидно завербованным полицией, когда его арестовали за торговлю порнографией, и — надо же — любовником Бертон. Он тоже отговаривал мальчика от террора, условился, что завтра тот придет за раритетным томиком «Цветов зла» Бодлера, и побежал в полицию. Причем побежал не к первому попавшемуся «флику», а к инспектору Ланну — шурина самого Пуанкаре.

Политикам, ненавидимым анархистами за предательство левых идеалов, было чего опасаться. На Клемансо уже дважды покушались. 19 декабря 1909 года в премьеря пять раз безрезультатно стрелял через окно его кабинета Анатолий Бенедетти, судебный служащий из Аяччо. Стреляя, он якобы кричал: «Долой тирана!» — а потом показал, что мстил Клемансо за запрет лотереи, на которой надеялся разбогатеть.

19 февраля 1919 года, в разгар подготовки Версальской мирной конференции, кортеж семидесятисемилетнего Клемансо, около девяти часов утра отправлявшегося из дома в военное министерство, подкараулил стрелок посерьезнее — двадцатидвухлетний рабочий-анархист Эмиль «Милу» Коттен. Он выпустил десять пуль, три из которых достигли цели: две лишь оцарапали премьеря, третья, которую Клемансо откажется извлекать, ударила в правую лопатку, задела легкое и остановилась в четырех сантиметрах от позвоночника. Коттена, которого едва не линчевала толпа, приговорили к смерти. Но газета «Либертер» развернула кампанию в его защиту: как так, Вийен, убийца Жореса (4), оправдан, а никого не убивший Коттен осужден?! Смертную казнь заменили десятилетним заключением, а уже через два года Коттена освободили под надзор полиции. 8 октября 1936 года он, ненадолго пережив убитого в Испании Вийена, погиб под Сарагосой, сражаясь в отряде старого друга, лидера испанских анархистов Буэнавентуры Дуррути.

А в День взятия Бастилии — 14 июля 1922 года — смерть наведлась к Мийерану. По кортежу президента, возвращавшегося с военного парада на Елисейских полях, стрелял двадцатитрехлетний Гюстав Буве, тоже 228 анархист, основатель «Газеты коммунистической молодежи». Никто не пострадал, прохожие мгновенно обезоружили стрелка и, как и Коттена, едва не линчевали.

А вдруг этому странному мальчику, должен был подумать Ле Флуатте, повезет в том, в чем не повезло Коттену и Буве? Ланн отнесся к доносу всерьез. Тотчас же была усилена охрана Елисейского дворца, домов потенциальных жертв Филиппа. Странно, впрочем, что охрану сняли уже вечером 24 ноября, хотя, по официальной версии, тогда еще никто не отождествил погибшего мальчика с разыскиваемым террористом. То, что это один и тот же

человек, выяснится после того, как Ле Флуатте в ночь на 25 ноября посетит видение — это видение полиция «подошьет к делу» — мальчика с простреленной головой. Прочитав наутро о самоубийстве в такси, он первым опознал Филиппа.

Откуда у Филиппа взялся револьвер, не совсем понятно. Скорее всего, между визитами к анархистам он купил или выпросил его у «французского Джека Лондона», исследователя канадского Заполярья Луи Фредерика Рукетта, которого навестил с просьбой об автографе. Отправил письмо маме: «Я уже давно анархист, но не смел об этом сказать». Два письма родителям о намерении покончить с собой остались при нем. Двенадцать офицеров явились в лавку стукача, чтобы задержать опасного, вооруженного террориста, но ухитрились упустить его через второй выход. При этом «флики» задерживали даже случайных прохожих, оказавшихся поблизости, а расположение комнат в лавке было им прекрасно известно — они и прежде обыскивали ее. Филипп сел в такси...

Уже 3 декабря газета «Аксьон франсез» нанесла ответный удар. Заголовок «Ужасная месть: Филипп Доде был убит» венчал шесть колонок на первой полосе, и это была лишь первая статья из многих развивавших идею заговора. Среди аргументов были и весомые. Некая мадам Валонже видела, как двое мужчин вывели из лавки и усадили в такси то ли больного, то ли раненого юношу. В такси не пахло порохом; заднее сиденье пропиталось кровью, зато на стеклах не было кровавых брызг, неизбежных при выстреле в голову. Гильзу нашли в салоне лишь через десять дней после трагедии. За это время Бажо успел вечером 24 ноября тщательно вымыть салон, а затем поглазеть на кровавое такси в гараж — даже в отсутствие шофера — являлись бессчетные зеваки. Одежду Филиппа отправили в больничную прачечную сразу после его смерти. Кстати, непонятно, почему раненого повезли именно в Ларибуазьер, а не в расположенный гораздо ближе госпиталь Сент-Антуан. Наконец, в стволе револьвера Филиппа не было пули, хотя новая пуля досылалась после выстрела в ствол автоматически.

Но в начале 1925 года дело закрыли за отсутствием состава преступления. 26 января безутешный Доде подал в суд на комиссара Коломбо, которого счел убийцей сына, а также трех инспекторов и Ле Флуатте. Ему мерещился колоссальный заговор, в который были вовлечены все — от министров до таксиста: ребенка заманили в западню, забрали документы, смертельно ранили при задержании и положили в такси. Монархисты предполагали также, что Филипп внедрил в анархистское подполье, чтобы предотвратить покушение на своего отца, но был разоблачен.

Новое расследование подтвердило 30 июля 1925 года все то же «отсутствие состава». По мнению следствия, анархисты желали ареста Филиппа, чтобы спровоцировать скандал, он догадался об этом и застрелился от разочарования в единомышленниках. В тот момент Доде находился в крайне смятенном состоянии духа из-за очередной странной гибели близкого ему человека:

26 мая 1925 года душевнобольная убила казначея и администратора «Аксьон франсез» Эрнеста Берже. В результате Доде споткнулся на самом ничтожном из «заговорщиков». Возмущенный Бажо засудил его за клевету: 14 ноября 1925 года писателя приговорили к полуторатысячному штрафу, выплате двадцати пяти тысяч франков убытков и пяти месяцам тюрьмы. За его помилование ходатайствовали писатели Анна де Ноай, Поль Валери, Анри Бернштейн, Поль Бурже. Когда кассацию отклонили, Доде забаррикадировался в своей штаб-квартире на Римской площади. Полторы тысячи юных боевиков «Аксьон» готовы были закрыть его своими телами от двух тысяч полицейских, но 13 июня 1927 года Доде театрально сдался полиции «во избежание кровопролития».

Из тюрьмы Сантэ он через два месяца бежал при гротескных обстоятельствах, достойных Фантомаса. «Королевские молодчики» подсоединились к телефонной линии тюрьмы и позвонили ее директору от лица министра внутренних дел, приказав по-тихому освободить ради национального примирения Доде и за компанию генсека Компартии Пьера Семара, арестованного за протесты против колониальной войны в Марокко. Доде провел два года в Бельгии и получил помилование 30 декабря 1929 года.

* * *

В июне 1931 года в журнале «Детектив» появилась статья, автор которой слов на ветер не бросал. Поль Брингье, один из крупнейших репортеров Франции, с помощью Марлен Дитрих исследовал закулисные Голливуда, участвовал в перелете легендарного Жана «Архангела» Мермоза из Южной Америки в Африку, расследовал импорт французенок на бразильскую панель и нацистский шпионаж в Нью-Йорке.

Брингье поведал, что тяжело больной туберкулезом тридцатилетний алжирский еврей Эдуард Шатум Ашур, которому оставалось отбыть считанные месяцы из пяти лет, полученных в 1928 году за кражу драгоценностей в Бордо, сделал два признания директору тюрьмы города Ажэ. Во-первых, сообщил, что это он украл 2 февраля 1927 года в парижском отеле «Мажестик» драгоценности на миллион двести тысяч франков у турецкого военачальника и дипломата Фикрата-паши.

В этом не было ничего сенсационного: сразу после кражи Ашура арестовали, но его спасло заготовленное алиби. Ашур вообще был виртуозом своего дела. Он мог, например, так — до секунды — спланировать преступление, чтобы поезд, в котором он ехал, на пару минут оказался на параллельных путях с другим поездом, в котором курьер перевозил сумочку с бриллиантами. За время остановки он выхватил сумочку, высунувшись в окно купе, его поезд тронулся, а поезду с курьером предстояло стоять еще сорок минут.

Осознание своего воровского призвания свалилось как снег на голову Ашуру, когда, закончив в 1922 году Лионский университет, он переехал в Париж, дабы начать карьеру юриста. Джентльмен-грабитель, именовавший себя доктором Бланшаром, графом де Сент-Ириксом и графом Пьером д'Аркурром, работал в высшем обществе, мечтал организовать «во славу еврейского народа» авиаперелет Иерусалим-Нью-Йорк с промежуточной посадкой на парижской площади Звезды. Брингье хорошо его знал не только как героя своих репортажей. Однажды, решив завязать, Ашур обратился к репортеру за протекцией. Тот устроил его в службу безопасности оборонного завода, но через несколько месяцев воровская натура взяла свое.

Второе признание Ашура плохо сочеталось с его репутацией Арсена Люпена: он заявил, что состоял в анархистской организации, по заданию которой убил Филиппа Доде. За развитием этой истории я не смог проследить, но на пересмотр официальной версии гибели Филиппа признания Ашура никак не повлияли.

Тем временем Доде продолжал свою войну. Тем более что странных смертей становилось все больше. Когда в январе 1934 года «застрелился» аферист Ставиский (24), Доде, как ненавистный ему Золя, не смог молчать и провозгласил свое «Я обвиняю!» парламентской демократии. Старик таки сумел разжечь в Париже пусть однодневную, но гражданскую войну, принеся кровавую жертву на могилу сына.

Доде еще примет участие в травле Роже Саленгро. Обвиненный в дезертирстве, шпионаже, алкоголизме и педерастии министр внутренних дел Народного фронта отравился газом в Лилле 17 ноября 1936 года после того, как начитавшийся «Аксон франсез» прохожий плюнул ему в лицо. Но возраст давал себя знать: взгляды Доде смягчились, даже антисемитизм его как-то завял. Писатель умер 30 июня 1942 года.

По последнему из странных совпадений, из которых состоит вся эта история, 5 июля приняла смертельную дозу веронала повредившаяся умом и давно всеми забытая Жермен Бертон. В конце ноября 1924 года она уже пыталась — что не менее странно — покончить с собой на могиле Филиппа, отправив письмо матери подростка и Коломеру, управляющему анархистской газетой «Л'Эн-сюрже»: «Если Филипп умер ради меня, сегодня я убью себя ради него».

Можно подумать, что лишь ненависть к Леону или любовь к Филиппу поддерживала в ней волю к жизни еще восемнадцать лет после первой попытки.

Р. С. В телефильме Стеллио Лоренци «Эмиль Золя, или Человеческая совесть» (1978) Леона Доде сыграл Поль Барж, в «Деле Саленгро» (2009) Ива Буассе — Жан Поль Дюбуа.

Глава 24

Площадь Сен-Жорж

Красавчик Саша из Слободок (1934)

В начале 1930-х годов любой парижанин знал, где найти щедрого спонсора: на площади Сен-Жорж, в офисе фирмы «Алекс» денди и душки Сержа Александра. Никто не мог сказать, чем именно он занимался — официально: торговлей произведениями искусства и ювелирными изделиями — но был всемогущ. Жозеф Кессель, будущий академик, автор «Дневной красавицы» и «Песни партизан», затеяв с братом журнал репортажей «Детектив», пришел к нему, и не ошибся. Серж не скупясь отстегнул двадцать пять тысяч. Они подружились и часто хаживали в русские рестораны, выяснив, что у обоих отцы — врачи и евреи: у Сержа — из Киева, у Жозефа — из Литвы.

Кесселя смущала тревожная двойственность друга, выглядевшего гораздо моложе своих сорока семи лет. Ожидая аудиенции — среди министров и послов, — он отметил «тяжелую и грустную мебель». «Этажи звенели от щелканья пишущих машинок», но не излучали ни привлекательности, ни блеска роскоши: «Все казалось давящим, серьезным и немного припудренным пылью». Лицо Сержа словно составили из чужеродных частей. Верхняя — энергичная, твердая, озаренная сверканием черных глаз. Нижняя — безвольная, беспомощная, ничтожная. Голос, «повелительный и нежный, ясный и звонкий, искусно интонированный, внезапно нарушался какими-то вульгарными взвизгами».

И еще: как-то раз Серж, само воплощение светской учтивости, злоупотребив алкоголем — в обществе он предусмотрительно не прикасался к спиртному, — потерял контроль над собой. Из его уст полилась скотская брань, достойная дешевых сутенеров и уличной шпаны с Монмартра. Тогда-то Кессель впервые задался вопросом: кто такой месье Александр?

Но его двойственность была секретом Полишинеля. С тех пор как в 1928 году он взял имя Серж Александр, Париж делал вид, будто не узнает в новой звезде света Сашу Ставиского, условно освобожденного, проходившего по нескольким делам, еще недавно торговавшего волшебным аппаратом «Матрископ», диагностирующим беременность через сутки после соития. Сашей он становился, лишь являясь в суд, но слушания неизменно переносились «по медицинским показателям» — и так девятнадцать раз за пять лет! Не то чтобы Саша загипнотизировал Париж — столица «безумных лет» сама охотно загипнотизировала себя. И даже Кессель, рискнувший на правах друга спросить Сашу о происхождении его капитала, довольствовался ответом: «Один человек помог мне, но он уже умер».

Так что волноваться Саше было не из-за чего. Да, в начале 1932 года контрразведка проверяла его — не советский ли шпион, — но тщетно. В его кармане — бумага от комиссара Байара: «Ставиский может обращаться от моего имени к представителям сил порядка и рассчитывать на их помощь». Мэрия Парижа выпустила стомиллионный заем под контракт с ним на строительство жилья. Министр труда славил его ценные бумаги. Презрев закон о рекламе, радиостанция Эйфелевой башни неустанно превозносила Сашины проекты. Депутаты, сенаторы, редакторы ели у него с руки.

20 января 1928 года Саша женился на Арлетт Симон, двадцатидвухлетней манекенщице дома Коко Шанель, которая родила ему двух детей. Приданным стали ее семейные связи: богатую провинциалку качала в колыбели вся элита республики. А выдающимся хладнокровием на допросах — еще до свадьбы — беременная Арлетт доказала, что достойна быть спутницей его жизни. Большую часть времени семья проводила на Лазурном Берегу, в Париже занимала апартаменты в «Кларидже». В недавно купленном особняке на улице Берри шли отделочные работы: они завершатся одновременно с жизнью Саши.

При этом он (привычка — вторая натура) не мог отказать себе в удовольствии передернуть в казино. В 1932 году его даже объявили персоной нон грата в игорных заведениях Лазурного Берега. Но Саша тем же вечером поужинал с заместителем отдела полиции, контролировавшего игорный бизнес, и снова стал желанным гостем за покерными столами.

Правда, его доходы имели свойство куда-то испаряться. На финансирование антибольшевистской газеты «Ле рампар»; на покупку за шесть миллионов театра «Ампир» ради постановки провальной оперетты «Катенька» и конюшни (три миллиона). Он бравировал: «У меня двести миллионов долгов, и я живу в полном покое».

* * *

Да, Саша утратил чувство реальности, страдал манией величия. Но никто не мог предположить, что его предсказуемый крах едва не похоронит республику, погрузив Париж — пусть и на одну ночь — в хаос гражданской войны. Особенно если вспомнить, что Саша, родившийся в киевских Слободках 20 ноября 1886 года и приехавший в Париж с родителями в 1900 году, начинал с того, что пробовал себя в амплу кафешантанного комика, печатал себе визитные карточки на фамилии известных критиков, чтобы бесплатно проходить в театры, и воровал у отца-дан-тиста золото.

Мама Дуня и папа Иммануил — хотя папа, не имея медицинского диплома, практиковал нелегально — не могли своим примером сбить Сашу со стези добродетельности. Когда в краже золота обвинили горничную, он даже, не выдержав ее слез, признался в содеянном. Но 236 в 1909 году, убедившись, что мальчик созрел, его взял в компаньоны любимый дедушка Абрам, достойный быть персонажем Бабеля. Афера с арендой закрывавшегося на лето театра «Фоли-Марины» облегчила на двенадцать тысяч карманы деловых людей, заплативших за размещение своей рекламы в театре, который никто и не собирался открывать. Пока дело дошло до суда, Абрам умер. Саша отделался пятнадцатидневной отсидкой и штрафом в двадцать пять франков. Птицу столь невысокого полета, как Саша, защищал сам мэтр Альбер Клемансо, брат премьера и адвокат Эмиля Золя. И этот, и еще два приговора аннулировала амнистия для ветеранов мировой войны, хотя доблестного добровольца Сашу комиссовали уже в январе 1915 года. С пострадавшими он расплатился, нажившись на аферах с военным заказом, включая поставку Италии двадцати тысяч бомб — за которые он забыл заплатить производителю, — на четыреста с лишним тысяч франков (шестьдесят три тысячи евро).

Сашу видели в Стамбуле, Будапеште, Афинах. Он не брезговал ничем. Выманивал сбережения у старушек. Обналичивал чеки с искусно подрисованными нолями: однажды шестьсот франков чудесно превратились в сорок шесть тысяч двести. С неким Иммелем, якобы «голливудским магнатом», создал Франко-американскую кинокорпорацию. Торговал марафетом и мануфактурой. Впаривал олухам холодильник «Фебор», работающий без электричества. Представлялся фабрикантом, производящим в сутки четыреста литров лучшего в мире бульона. Выпускал «ценные» бумаги и печатал фальшивые купюры. Собирал средства на «Новые земли» — стройку в Марселе.

Исчез растрепанный, напуганный шлемазь с тюремных снимков: Саша научился одеваться, превратился в надушенную, как женщина, ослепительно-белозубую, компенсирующую малый рост за счет высоких каблуков, «самую симпатичную каналю Парижа», города, истерически наверстывающего упущенное за годы войны. С модной певицей Джейн Дарси, она же Жанна Блох (урожденная Дрейфус), он открыл на улице Комартен кабаре «Кадэ-Руссель», оно же, как говорят, подпольное казино, куда стекались ошалевшие от окопов ветераны. Когда, устав ссориться и драться, любовники расстались, Саша располагал восьмьюстами тысячами, половину из которых одолжил у Жанны, но забыл вернуть. К тому же лицо любовницы жестоко пострадало в аварии, в которую она угодила в Сен-Жан-де-Люз (в связи с этим ДТП полиция заподозрила их в контрабанде наркотиков в Испанию): зачем она была ему нужна такая.

Саша наглел тем стремительнее, чем выше были звания купленных им полицейских. Но в апреле 1926 года не арестовать его было никак нельзя: Саша украл у государства ценные бумаги то ли на пять, то ли на семь миллионов и сбежал из кабинета следователя через туалетную комнату. Банки жаждали его крови: «Национальный кредит» он надул на полтора миллиона, «Специальный кредит» — на миллион сто пятьдесят тысяч. Полиция нагрянула к несчастному папе Иммануилу. Дантист отдал в счет «долга» сына свой кровный миллион, заперся в кабинете и выстрелил себе в рот.

28 июля 1926 года полиция узнала, что Саша скрывается на вилле в Марли-ле-Руа. Точнее говоря, дает званый ужин в честь предстоящего ночью бегства в Швейцарию. Сашу сдал авантюрист из Гвианы Жан «Ромовый король» Гальмо: отблагодарил, что называется, за то, что Ставиский щедро оплатил его предвыборную кампанию. Впрочем, через два года Гальмо кто-то отравит, а Саша и сам не брезговал стукачеством. Ставиского вытащили из туалета, где он спрятался, избили и заперли в тюрьме Сантэ. Тогда он принял решение, о котором в декабре 1933-го, загнанный в смертельную ловушку, поведал жене за невеселым прощальным ужином: он никогда больше не пойдет в тюрьму. Не сумев освободиться под залог, Саша корчился в камере от боли и требовал положить его в частную клинику. Лучшие врачи зафиксировали угрозу перитонита — суд сдался и 28 декабря 1927 года освободил Сашу под залог в пятьдесят тысяч. Новый год «умирающий» встретил с Арлетт в кабаре на Монпарнасе. В свидетельстве о браке он последний раз в жизни подписался настоящей фамилией — на свет явился месье Серж Александр.

В начале 1930-х он замыслил аферу века, точнее говоря, цепочку афер. В Орлеане его жертвой пал «Муниципальный кредит» — ломбард, эмитирующий ценные бумаги. Саша сдал туда поддельные изумруды — их подлинность подтвердил эксперт-сообщник Коэн. За три года — на пару с директором Деброссом — он заработал сорок три миллиона. Когда же умирающий от страха Дебросс предупредил о возбуждении уголовного дела, легко компенсировал долг средствами, вырученными на рынке недвижимости. В Байоне Саша дружил с бессменным мэром и видным масоном Жозефом Гара. Местный «Кредит» радостно оценил камушек — красной ценой в полторы тысячи — в шестьсот тысяч.

Заработав на бонах «Кредита» от двухсот до шестисот миллионов (от ста двадцати до трехсот шестидесяти миллионов евро), Саша положил глаз на венгерский Аграрный фонд с бюджетом в двести девятнадцать миллионов золотых крон и с помощью депутатов выкупил его облигации по завышенной цене, заплатив байонскими бонами. В октябре 1933 года он создал Автономную кассу международных расчетов и крупных проектов для выпуска облигаций, обеспеченных венгерскими средствами, и размещения их во французских государственных компаниях. Непонятно одно: как он сам разбирался в своих махинациях и разбирался ли вообще.

Одним словом, он громоздил пирамиду на пирамиду. Все рухнуло в одночасье. МИД и Минфин забили тревогу. У Саши на руках оказались облигации на пятьсот миллионов, которыми можно было разве что оклеивать стены. 22 декабря 1933 года ревизор в Байонне обнаружил дыру в двести тридцать девять миллионов. Арестованный Дебросс раскрыл личность Сержа: это же Ставиский! Полиция деланно изумилась — «Как, Ставиский?» — и выдала ордер на арест.

У Саши поехала крыша: он всерьез собирался подложить свои документы одному из двухсот погибших в железнодорожной катастрофе в Лени. Впрочем, каким-то чудом он, обложенный со всех сторон, еще получил в префектуре паспорт на чудную фамилию Ниёменско. Он пугал адвоката самоубийством, если тот не переправит его за границу. Попрощался с Арлетт и друзьями, занял деньги, за десятиmillionные драгоценности выручил сто тысяч, одолжил револьвер.

Некто Пигалио повез Сашу в его шале в Савойю, но заносы задержали в пути на два дня, а в доме замерзли трубы и жить там оказалось невозможно. Пришлось снять другое шале, потом третье — в Шамониксе, с видом на Монблан. Из газет Саша понял: его дело превратилось в ДЕЛО национального масштаба, полетели головы покровителей. Саша

опустился: не открывал ставни, спал до двух, не брился, питался макаронами, постарел на десять лет, носил лыжные брюки с шелковыми рубашками, не расставался с револьвером. Время его жизни стремительно пошло вспять. Он необратимо превращался в того, кем был изначально, — «мелким торговцем не в ладах со своим бизнесом»: таким увидел Ставиского в расцвете его величия будущий нобелевский лауреат поэт Сен-Жон Перс, тогда еще чиновник МИДа Алексис Леже.

Саша догадывался, что его сдали, но не знал, что в ходе полуторачасовой беседы президент Альбер Лебрен и министр внутренних дел Камиль Шотан приняли некое решение на его счет. Два его сообщника одновременно ушли на прогулку 8 января 1934 года, когда в 14.40 у дома появились хозяин шале и «флики», притворявшиеся новыми съемщиками. Они забрались в приоткрытое окно второго этажа, побродив по дому, нашли запертую дверь, которую не стали ломать без консультации с Парижем, на осмотр четырех комнат потратили полтора часа. Комиссар Шарпантье отослал спутников осмотреть четырех-метровый погреб, где они провели двадцать минут. По официальной версии, в 15.45 он постучал в запертую дверь — «Полиция! Дом окружен!» — и услышал выстрел и стук упавших на пол бесценных Сашиных часов.

* * *

Саша стрелял в правый висок, держа оружие в левой руке. В больницу — за два километра — его отвезли только в 18.00, когда в нем остался едва ли не литр крови. Он умер 9 января в 3.15. Газета «Канар аншенэ» издевалась: «Ставиский покончил с собой выстрелом с трех метров. Мы знали, что у него длинные руки. Но не до такой же степени!»

Если принять версию об убийстве, «тайну запертой комнаты» разгадывать не обязательно. В роковую комнату вела еще одна дверь — из сада, через которую мог зайти убийца. Стрелять в Сашу могли через окно: услышав выстрел, «флики» почему-то не выломали дверь, а проникли внутрь, разбив окно комнаты, которую в тот же вечер буквально выскоблили добела. Вероятнее, впрочем, доведение до самоубийства. Затаившийся Саша два часа вслушивался в шаги и разговоры «фликов»: его нервы не выдержали психологической пытки.

Франция 1920-х привыкла жить в ритме сменявших друг друга финансово-политических скандалов, но выстрел в горах вызвал политическую лавину. Ставискому пришлось ответить за все и за всех: за аферистов, за аферистов-евреев (а все крупнейшие аферисты эпохи были евреями), просто за евреев, за продажных политиков, за лживую демократию. Именно его дело раскрыло французам глаза на масштабы коррупции: пошли аресты, отставки, чистки масонских лож от продажных «братьев». Чиновники и адвокаты резали себе горло в Венсенском лесу, глотали яд прямо в кабинете генерального прокурора, топились в Сене. Общество отказало в доверии политическому классу, газетам, полиции.

Обиднее всего было то, что мэры, депутаты, прокуроры — с их цилиндрами, розетками Почетного легиона, красноречием, честными буржуазными бородками и пышными усами — служили на побегушках у ничтожного местечкового вора. Многие абстрактно бунтовавшие интеллектуалы — писатель Дрие Ля Рошель, кинокритик Робер Бразийак — именно в те дни выбрали свой, фашистский и антисемитский, лагерь. Леон Доде (23) назвал Шотана, успевшего за считанные дни пересесть из кресла министра внутренних дел в премьерское кресло, «вожаком банды воров и убийц», убившим жулика, прикрывая своего зятя, продажного прокурора Прессара. Газета «Ле либре пароль» перекрестила дело Ставиского в «еврейский скандал», Луи Фердинанд Селин выразил сокровенную уверенность, что Саше «удавались все его коленца только в силу его еврейства», Шарль Моррас расставил точки над i: «Республикой правит иностранец: Александр Ставиский — еврейский ублюдок».

Уже 9 января вышли на улицы боевые дружины ветеранов — «Королевские молодчики», «Патриотическая молодежь», «Огненные кресты» полковника Франсуа де ля Рокка: «Долой воров!», «Похороним Ставиского в Пантеоне!», «Эй, живей, живей, живей! На

фонари всех депутатов!». Париж привыкал к вывороченным из мостовой булыжникам, перевернутым скамейкам, выломанным решеткам садов. 27 января Шотан подал в отставку. 6 февраля парламент утверждал кабинет Эдуарда Даладьё: и правые, и левые призвали к демонстрациям. Место встречи — площадь перед парламентом — изменить было нельзя.

От тридцати до шестидесяти тысяч молодых мужчин, выживших в аду Вердена ради того, чтобы процветал Ставиский и ему подобные, рвались в фантастическом свете горящего газа с площади Согласия, через мосты — на штурм Бурбонского дворца. Кессель писал: «Ветераны, „Кресты“, „Молодчики“ и даже коммунисты — все как один, разъяренные, сломали полицейские заслоны, опрокинули мобильную гвардию, вышибли из седел муниципальную гвардию, резали лошадям сухожилия и прорвались на мост. Тогда мобильные гвардейцы потеряли голову и открыли огонь. Затем пришли подкрепления и зачистили площадь». По официальным данным, погибло пятнадцать мятежников и один полицейский; шестьсот пятьдесят пять манифестантов и тысяча шестьсот шестьдесят стражей порядка были ранены. Мэрия Парижа приспустила флаги в знак траура по павшим. Но казалось: республика оплакивает Сашу из Слободок, а заодно и саму себя.

Стрельба в Париже продолжалась еще несколько дней. Улица осталась за коммунистами, потерявшими под полицейским огнем двенадцать товарищей, но заложивших — спасибо, Саша! — основу Народного фронта с социалистами. Луис Бунюэль сохранил кошмарное воспоминание о тех днях: поэт-сюрреалист Пьер Юник «таскал в кепке остатки мозга убитого рабочего»¹¹.

* * *

Судьба семьи Ставиского бурлескна и печальна — под стать его собственной судьбе. Трагический цирк, да и только. Цирк — в буквальном смысле слова.

Отсидев шестнадцать месяцев под следствием, Арлетт была признана на процессе «банды Ставиского», открывшемся в ноябре 1935 года, непричастной к махинациям мужа. Едва освободившись в январе 1936 года, она отбыла в Нью-Йорк, выступала в ревю «Фоли де фамм» — за неплохие пятьсот долларов в неделю, однако недолго. Уже в октябре вернулась на родину, где бедствовала, особенно в годы оккупации: распродал драгоценности и меха, шила на дому. После войны вышла замуж за капитана американской армии Рассела Т. Кука, с которым жила, не зная горя, на Пуэрто-Рико. Третьим ее мужем станет тоже янки — инженер-лесотехник.

Все бы хорошо, но вот взяла Арлетт в свои странствия только пятилетнюю Мишлин. Восемилетний Клод после ареста матери начал свое странствие — по психиатрическим лечебницам, куда попал по неизвестной причине на бесконечные двадцать лет и где обрел, по его словам, дар левитации и мистического общения с мамой.

На мальчике, казалось, можно было поставить крест. Но, помимо левитации, он освоил искусство фокусника. Освободившись в 1956 году, Клод получил ангажемент в цирке Бауэра, где блистал под псевдонимами Фужестас, князь Франкестас, Витискас и князь(!) Ставиский. То ли на афише (жестокый юмор работодателя), то ли на визитной карточке самого Клода (отменная самоирония) значилось: «Ставиский — потомственный иллюзионист».

В 1960 году Арлетт побывала на выступлении сына в цирке под Бордо и предложила ему переехать за океан. Что-то в его голове, наверное, переклинило. В ноябре Клода арестовали за бродяжничество: при нем нашли ничтожные восемь франков. Франция сплотилась в сочувствии к «бедному мальчику»: шансонье Шарль Трене предложил ему работу садовника. Но Клод вернулся на манеж, теперь уже — в легендарный цирк Медрано, женился на своей ассистентке Жозель Каррингтон, дочери знаменитого иллюзиониста. Коллеги помнят его как «маньяка-перфекциониста», изобретателя невиданных фокусов, одного из ведущих экспертов своего цеха. Забавно: адвокатом профсоюза фокусников и

11 Перевод А. Брагинского. Цит. по: Бунюэль о Бунюэле. М.: Радуга, 1989. С. 137.

президентом Ассоциации любителей цирка был фокусник-любитель, великий адвокат Морис Гарсон (14), некогда защищавший Ставиского-старшего.

Последний раз Клод привлек к себе внимание скандалом на премьере фильма Алена Рене «Ставиский» (1974) на Елисейских Полях. Он безуспешно судился с Рене, «очернившим» память его отца, хотя должен был бы гордиться тем, что бедолагу-папу сыграл сам Жан Поль Бельмондо.

P. S. Долгие годы цензура вымарывала из фильмов любые упоминания о Стависком. «Банк „Немо“» (1934) Маргерит Вьель, в котором цензоры увидели нежелательные ассоциации со скандальным делом, урезали на двадцать минут. В «Топазе» (1950) Марселя Паньоля слова «афера Ставиского» заменили на «панамскую аферу». Впрочем, опасную параллель в «Преступлении господина Ланжа» (1935) Жана Ренуара цензура проглядела: жулик Батала (Луи Жуве) воспользовался железнодорожной катастрофой, чтобы украсть сутану священника и создать видимость своей смерти.

В апреле 1942 года в оккупированном Париже театр де л'Амбигю поставил пьесу «Пираты Парижа», «клеймившую специфически еврейский характер Ставиского». Укрывшимся под псевдонимом Мишель Даксья автором был критик-скандалист Алэн Лобро. Франсуа Трюффо сделает его одним из персонажей «Последнего метро» (1980).

Помимо «Ставиского» (1974) Рене с Бельмондо в заглавной роли, в телефильме Франсуа Вилье «Это случилось в Париже» (1977) прохвоста сыграл Анри Жак Юэ, в фильме Алена Малика «Жан Гальмо, авантюрист» (1990) — Бенуа Режан. Существует также итальянский телефильм Луиджи Перелли «Дело Ставиского» (1979). События 6 февраля 1934 года упоминаются в антимасонском пропагандистском фильме Поля Риша «Оккультные силы» (1943).

ДЕСЯТЫЙ ОКРУГ

Глава 25

Бульвар Маджента, 68

Изнасилованные скелеты (1871)

Бывает, что в детстве случайно увидишь или прочитаешь во взрослой книге нечто, что пугает, как встреча с призраком, но еще недоступно пониманию. Память об этом страхе, смешанном с постыдным любопытством, остается навсегда. На меня так подействовали, наравне с «Убийствами на улице Морг» Эдгара По, два рисунка Наполеона Шарля Луи де Фронда из альбома «Революционная карикатура Парижской коммуны».

Первый рисунок назывался «Наши добрые кюре». Два отвратного вида священника с похотливо вывернутыми губами — один из них без штанов — тащили прекрасную обнаженную бесчувственную девушку к двери морга с надписью «Мир праху». На полу — склянка с этикеткой «Опиум», на стене — распятие, на заднем плане — стол с пустыми бутылками. На втором рисунке — «Монахи и монашки» — два не менее омерзительных монаха, пьяных до положения риз, восседали за таким же столом с монашками, щедро демонстрировавшими свои груди. Третий монах блаженно спал под столом.

Рисунки напоминали иллюстрации к романам маркиза де Сада. Но коммунарам было не до маркиза, кроме того, лишь XX век признает его не вырожденком и маргиналом, а предшественником современной литературы и незаконным отпрыском Просвещения. Фронда, двадцатипятилетний служащий мэрии и плодовитый революционный карикатурист-самоучка, издававший в дни Коммуны собственную газету «Пилори», не воплощал свои большие фантазии, а откликался на реальные события, происходившие — во всяком случае, как считали 246 коммунары — в Париже середины XIX века. Первый рисунок сопровождал комментарий: «Галантный способ, которым пользуются господа из церкви святого

Лаврентия, чтобы избавиться от женщин после кутежа». Второй: «Вот что творилось в монастыре Пикплюс до революции 18 марта».

Церковь святого Лаврентия — Сен-Лоран (бульвар Маджента, 68) — один из старейших соборов Парижа. Первую церковь на этом месте построили еще в VI веке: в 885 году ее разграбили и сожгли норманны. Новый храм возвели на пепелище в 1180 году. Потом снесли и его. Ту церковь, которую можно увидеть теперь, начали строить в начале XV века, а закончили только в 1867 году, буквально накануне Коммуны. Необходимость финальной перестройки возникла, поскольку фасад не вписывался в новую топографию Парижа, заданную строящимися бульварами — Маджента и Страсбургским. Но мастера XIX века постарались соблюсти оригинальный стиль пламенеющей готики.

Коммунары, антиклерикалы и богоборцы, по словам Карла Маркса, «штурмовавшие небо», овладели Парижем 18 марта 1871 года, а уже 2 апреля отделили Церковь от государства: имущество конгрегаций национализировали, церкви превращали в народные клубы. Жоржа Дарбуа, парижского архиепископа, взяли в заложники, а 24 мая расстреляли в ответ на зверства контрреволюционеров-версальцев. Хотя у коммунаров были неотложные дела — шла как-никак гражданская война, а под Парижем стояли немецкие войска, — они зачем-то устроили в Сен-Лоран, откуда предусмотрительно сбежали кюре и викарий, даже не обыск, а раскопки.

Зачем они туда вообще полезли? Да вот, отвечали коммунары, решили проверить годами ходившие слухи о странных шумах, доносящихся из собора. Вспомнили вдруг, что десять лет назад одного гражданина, невзначай уснувшего в церкви, разбудили женские стоны. Тогда дело замяли, стоны списали на пьяные галлюцинации гражданина.

Результаты раскопок оказались для коммунаров то ли шоком, то ли невероятным — или ожидаемым — подарком. Под алтарем нашлись четырнадцать женских скелетов, у одного из которых сохранились волосы пепельного цвета, и туннель, якобы ведущий в женскую тюрьму Сен-Лазар. У публицистов разыгралось воображение, в том числе сексуальное.

Один из лидеров Коммуны Жюль Валлес (35) безапелляционно утверждал в газете «Ле Кри дю пепле» («Крик народа»): это, безусловно, скелеты монахинь и заключенных, которых садисты-монахи позаимствовали для своих забав в женской тюрьме. Принимая во внимание, что Сен-Лазар, пользовавшаяся жуткой репутацией, славилась прежде всего как тюрьма-госпиталь для лечения венерических заболеваний, смелости развратных монахов можно лишь позавидовать. Валлес реконструировал, точнее говоря, домыслил постигшую женщин участь в духе готических романов о тайнах средневековых подземелий. Статьи Валлеса стоит рассматривать именно в рамках романтической литературной традиции, возродившейся в сугубо утилитарных, пропагандистских текстах. «Этих женщин, должно быть, усыпляли хлороформом, а потом насиловали. Им связывали руки и ноги. <...> Представьте себе эту ужасную сцену, представьте, как эти молодые женщины, эти девушки, завлеченные обманом или надеждой на удовольствие, просыпались здесь: связанные, замурованные, заживо погребенные». Другой журналист пошел еще дальше, сочинив текст от лица жертвы, очнувшейся от дурмана и мучительно задыхающейся под толщей земли: «Потрогайте наши сведенные судорогой, распахнутые челюсти».

Статья Валлеса, перепечатанная в органе Коммуны «Журнал офиссьель де ла Коммюне де Пари» (таким образом его версия стала официальной), завершалась назидательно: «Легковерные матери семейств, доверяющие священникам честь ваших детей, приходите посмотреть, что скрывали отвратительные подземелья старинной церкви Сен-Лоран». И они пришли — и матери, и отцы. Толпы, стекавшиеся к церковным стенам поглазеть, как туда врываются комиссары Коммуны, не были разочарованы.

Во второй половине апреля скелеты, загадочные подземелья, «инквизиторские орудия пыток» — железные кровать, корона и корсет, — наставление, как делать аборты, и двести женских платьев обнаружили в церкви Сакре-Кер монастыря Пикплюс и в монастыре Святого Креста. Но, самое главное, из Пикплюса освободили трех монахинь, проведенных по десять лет в стальных клетках: сестер Виктуар, Бернардину и Стефани. Да, соглашались

коммунары, все они пребывали в невменяемом состоянии, но обезумели уже в заточении. Да и где это видано — тут коммунары были абсолютно правы — обращаться с больными женщинами как с животными, вместо того чтобы передать в руки врачей. В редкие минуты просветления пятидесятилетняя Бернардина вспоминала, что ее морили голодом и ежедневно избивали за желание даже не покинуть монастырь, а повидаться с родными.

Впрочем, коммунары не ограничились готическими фантазиями, а инициировали официальное расследование. Судебно-медицинским экспертом 28 апреля назначили человека, уважаемого и политически нейтрального. Сорокадвухлетний доктор Поль Гаше, проходивший службу в Девятом батальоне национальной гвардии, специализировался на нервных болезнях, диссертацию посвятил меланхолии. Но его имя осталось навечно в истории не медицины, а искусства. Коллекционер и художник, он был другом художников нескольких поколений — от реалистов до постимпрессионистов: Камиля Коро, Шарля Франсуа Добиньи, Эдуарда Мане, Огюста Ренуара, Камиля Писарро, Поля Сезанна. В своем доме в Овер-сюр-Уаз он приютил Винсента Ван Гога, который написал знаменитый портрет доктора и умер после двухдневных страданий на руках у Гаше, пустив себе пулю в область сердца. Впрочем, недавно появилась конспирологическая версия, что художник был убит.

Начинать расследование доктор не торопился: за первым приглашением изучить жуткие находки 30 апреля и 8 мая последовали настойчивые и сухие, если не угрожающие, напоминания. Приступил ли он к делу вообще? Скорее всего, его целиком поглотили новые обязанности главного врача военного госпиталя Сен-Мартен: раненых с каждым днем прибывало.

Коммуна обратилась к иным специалистам. Датированный 3 мая, но опубликованный в «Журналь офисьель» только 16-го, доклад подкрепил обвинения в адрес монахов научными выкладками. Разинутые челюсти жертв и то, что черепа всех скелетов повернуты в сторону вентиляционного отверстия, доказывают: их похоронили заживо. Все жертвы молоды — у всех сохранились зубы. Найденный в захоронении гребень слоновой кости — современного производства. Энтомолог, участвовавший в расследовании, обнаружил насекомое-трупоеда: значит, тому было чем поживиться. Авторы доклада даже взяли на себя смелость идентифицировать одну из жертв: череп со светлыми волосами, очевидно, принадлежал пропавшей несколько лет назад дочери вино торговца с соседней улицы. Более того: жертв было, возможно, еще больше. Под четырнадцатью скелетами обнаружилось еще одно, пересыпанное негашеной известью, захоронение.

Второй доклад, датированный 13 мая, опубликован не был. Его составил престарелый светило Академии медицинских наук, семидесятишестилетний Пьер Адольф Пиорри, автор диссертации «Об опасности, которую представляет для светских людей чтение трудов по медицине» (1816). Восемнадцать (?) беззубых (за исключением одного) скелетов, обследованные им, принадлежали старухам, две из которых страдали от рахита. Их плоть разложилась в незапамятные времена, когда в церквях еще хоронили, — конец этому обычаю был положен за восемьдесят лет до Коммуны.

Похоже, уважаемые эксперты исследовали какие-то разные скелеты.

Между тем набеги на церкви продолжались. 17 мая настал черед Нотр-Дам-де-Виктуар. У церковного порога выложили тринадцать еще смердящих останков, зевакам продемонстрировали найденные женские золотые браслеты и даже — это уже пахло бредом или стопроцентной фальсификацией — отпечаток ладони, оставленный на стене жертвой, сопротивлявшейся насильникам. Настоятеля арестовали.

Уже 22 мая в горящий Париж ворвались версальцы, улицы покрылись десятками тысяч трупов коммунаров, и жалкие четырнадцать — или сколько их там было — скелетов из церковных подземелий перестали — на фоне невыносимой классовой бойни, вошедшей в историю как «кровавая неделя» — казаться воплощением ужаса. Всякие дискуссии о них были исключены победой контрреволюции. Отныне официальная версия гласила: захоронения фальсифицировали коммунары, чтобы оправдать антицерковные репрессии. За орудия пыток они выдали «ортопедические кровати», а останки — притащили с окрестных

кладбищ. Более деликатный вариант той же версии: коммунары потревожили кладбище, на месте которого восстановили церковь после норманнского погрома.

Скорее всего, так оно и было. Хотя кто знает...

P. S. В фильме Богдана Порембы «Ярослав Домбровский» (1976) Валлеса сыграл Морис Готье. Доктора Гаше среди прочих играли Эверетт Слоан («Жажда жизни» Винсента Минелли, 1956), Жан Пьер Кассель («Винсент и Тео» Роберта Олтмена, 1990), Жерар Сети («Ван Гог» Мориса Пиала, 1991).

Глава 26 **Северный вокзал** **«Графиня» из гестапо (1937)**

17 марта 1937 года в 18.00 на Северном вокзале эффектная, подержанная дама, похожая на вамп из голливудского фильма средней руки, двумя выстрелами легко, хотя стреляла почти в упор, ранила в пах отбывавшего в Бельгию графа Шарля де Шамбрена. Будущий академик, граф-литератор, пять месяцев как оставил пост французского посла в Италии. В раскаленной предвоенной атмосфере сомнений в политическом характере покушения не могло возникнуть. Отношения с Италией у правительства Народного фронта и так были хуже некуда. Агенты дуче охотились во Франции за политэмигрантами, политэмигранты — за агентами дуче, тлел пограничный спор, Италия подпитывала фашистский заговор кагуляров (36). Но следствие не отнеслось к «международной террористке», тридцатидвухлетней Магде Фонтанжес, она же — Мадлен Корабеф, она же — по мужу-чиновнику, за которого ненадолго высочила в семнадцать лет, — мадам Лаферьер, строго: ей даже разрешили ездить из тюрьмы на допросы не в автозаке, а на такси. На суде 29 июля она давала показания в черной соломенной шляпке набекрень и кокетливом черном платье с белой опушкой на воротнике и бантами на рукавах. Магда отделалась годом тюрьмы условно и ста франками штрафа.

Политика имела к покушению косвенное отношение. Политика несколько комического толка, как в кинокомедиях, где соблазненные бесстыдными шпионками опереточные балканские монархи кидали к их ногам свои княжества. Магда мстила графу за то, что он «лишил ее величайшей любви ее жизни». Говоря проще, она сочла графа виновным в том, что ее выслали, даже выставили, из Италии, где она представляла женевскую газету «Ла либерте».

В апреле 1936 года редакция заказала ей интервью с Муссолини. Она была старательной журналисткой, хотя практиковала это ремесло недавно, и, дабы интервью носило эксклюзивный характер, переспала с дуче. А как девушка не только привлекательная и добросовестная, но и прагматичная, продала сразу двум журналам — «Тайм» и «Конфессон» — статью с броским заголовком «Я была любовницей Муссолини», где цитировала дневник дуче: «После двух часов с Магдой Эфиопия для меня больше ничего не значит».

Легко понять бешенство дуче. Италия завязла на двух фронтах: в Эфиопии не видно конца войне с партизанами, в Испанию огромные силы брошены на помощь Франко. А эта истеричка выставляет его на посмешище перед всем миром. Магда, не понимая, что натворила, еще дважды — в июле и ноябре 1936-го — пыталась пробиться к Муссолини. Министр печати и пропаганды Дино Альфиери кормил ее обещаниями. А полицейский чин осведомил: граф де Шамбрэн, которому Магда как на духу рассказала все свои тревожения, предостерег итальянские власти от контактов с ней, оставив агентом французской разведки — «Второго бюро». Оперетта превратилась в светскую мелодраму: попытка — не исключено, что притворная, — отравиться вероналом; прощальное послание дуче — чек на пятнадцать тысяч лир, чтоб было чем расплатиться за гостиницу, и настоящий совет убраться восвояси; выстрелы в посла.

Возможно, Магда не отделалась бы так легко, но ее защищал Рене Флорио (1902–1975), самый дорогой адвоката эпохи, демон деталей, отличавшийся фантастической памятью и склонностью к афоризмам, окрашенным черным юмором, которому позавидовали бы и сюрреалисты. Он стал звездой, гарантируя богачам развод за неделю, — обычно на это уходило два-три года.

Магда входила в число двадцати тысяч, если верить «Тайм» (1967), его клиентов: причем ко времени публикации этой немыслимой цифры его карьера продолжалась. Только десять из них были расстреляны, а двое, включая чудовищного доктора Петтио (38), гильотинированы.

Флорио был одним из любовников Магды: их число неведомо. Таких женщин легче представить на экране, чем в жизни: авантюристка, «золотоискательница». Отец, светский портретист Жан Корабейф, был в ужасе от «подвигов» дочери и испытал колоссальное облегчение, когда она назвалась Фонтанжес в честь любовницы Людовика XIV — выбор, много говорящий о ее вкусе и амбициях. Она немного играла в театрах «Одеон» и Капуцинок, в кино, однажды — в короткометражке Андре Шотена «Ни слова моей жене» (1931) — даже в паре с Фернанделем. Но кинострасти — это так картонно, так пресно. Она предпочла превратить в кино свою жизнь.

Одним из ее любовников был Жозеф Поль-Бонкур, недолговечный премьер, затем министр иностранных дел. Когда они расстались, Магда безуспешно шантажировала его любовными письмами. Она пренебрежительно звала его «мой Робеспьеро»: громыхает с трибуны, а так совершенно безвреден. Магда ошибалась на его счет. Семидесятилетнему Жозефу хватит сил, чтобы 6 июня 1944 года уйти в партизанский отряд. Одно из его писем косвенно уличает Магду в том, что «дневник дуче» — ее творчество. Слова Муссолини об Эфиопии — парафраз гривуазного признания министра: «Если я произнес столь удачную речь о Лиге Наций, то эта Лига, на которую мне наплевать, тут ни при чем. Я просто перепутал ее с твоей восхитительной обнаженной грудью».

Из шантажистки она переквалифицировалась в журналистку: укладывая в постель главных редакторов, добивалась перспективных миссий, так и попала в Рим. Скандал принес желанную славу. Она стала мировым ньюсмейкером, за ней следили «Лайф» и «Тайм». В ноябре 1937 года иммиграционная служба, мотивировав это ее «моральной мерзостью», не выпустила Магду с теплохода «Нормандия» в Нью-Йорк, где она собиралась — забавная параллель с вдовой Ставиского (24) — танцевать в кабаре. Ожидая обратного рейса в карантине на острове Эллис, она дала интервью, где утверждала, что хочет «жить честно».

* * *

Она не заметила, что прошло время оперетт и мелодрам — наступило время трагедий. Высылка из США еще была бесплатной рекламой. Когда — с началом мировой войны — ее стали футболивать от границы к границе, Магде стало не до пиара. В сентябре 1939 года ее выслали из Германии. Она нелегально проникла в Испанию — в июне 1940-го ее выдворили на родину, рушащуюся под ударами танков вермахта. Но уже на родной границе, в Байоне, ее упрятали в тюрьму. Выручил абвер: немцы предложили Магде работу в разведке. Почему бы и нет: ей вспомнилась Грета Гарбо в роли Маты Хари. Ее псевдоним — Елена. Прикрытие — корреспондент «Пари суар». География миссий — Брюссель, Марсель, Париж.

«Я служу победителям — немцам, моим друзьям, моим спасителям», — декларировала Магда. Но не ради идеи, а из любви к интригам сливала режиму Виши информацию об итальянской политике. Ее ценность как агента не очевидна. Газета «Либерасьон» (1947) назвала ее дешевой подделкой под Мату Хари. Английский официальный источник заверял: «Количество информации, переданной Магдой нацистам, было одним из самых значительных во всей Европе». В любом случае она вылетела из абвера за эксцессы, несовместные со шпионажем, ее ославили как алкоголичку, наркоманку, истеричку. Но оказалась не на улице, а в постели Анри Лафона, шефа «французского гестапо» (37). Так

Магда вошла в одно из самых причудливых порождений мировой войны — сообщество «графинь гестапо».

В общем-то, там ей было самое место.

«Графини» тоже были затянутыми в эпицентр трагедии героинями светских комедий о гостиничных «мышках» — воровках на доверии, щеголявших краденными титулами или выходявшими замуж за таких же, как они, изгоев — жиголо, аферистов, карманников, тоже когда-то нарисовавших себе впечатляющую родословную. Или о доподлинных, но нищих русских беженках-аристократках, притворяющихся, что в обморок они падают не от голода, а от утонченности чувств. Впрочем, и до войны их жизнь была далеко не комедией, а если и фарсом, то трагическим.

В оккупированном Париже животная интуиция безошибочно привела их в гестаповский штаб на улице Ло-ристон, 93, где всем было все равно, подлинный у тебя титул или нет, где гудел непрерывный праздник на крови. Где никто не говорил «После нас хоть потоп», потому, что потоп уже случился, и они пировали на тонущем корабле, и от этого всё — и жестокость, и сладострастие, и ложь, и страх — разрасталось до немыслимых, гротескных масштабов.

Красавица — модель и киноактриса — графиня Мара Чернышева-Безобразова. Маркиза Сильва д'Абрантес — рыжая провинциалка, еще недавно работавшая пишбарышней и продавщицей. Принцесса Эванн Мурузи и «маркиза» де Вьет. Графиня Ильд фон Секендорф и графиня Соня Олинска.

Настоящие шпионки, еще до войны завербованные гестапо, и мифоманки, столь удачно изображавшие шпионок, что получали сроки за измену родине. Отчаянные игроки на черном рынке, настолько не разбиравшиеся в его законах, что или срывали куш, или, потеряв за ночь все, шли на панель. Морфинистки, бисексуалки, нимфоманки, переходившие из постелей гестаповских шишек — Лафон, тщеславный уголовник, любил свежее мясо с голубой, пусть и вымышленной, кровью — в койки их шоферов. Героические, неменяемые, бесчеловечные, несчастные.

Магда, по меньшей мере, никого не убила. А из рук, скажем, Марги д'Андюрен, в 1930-х работавшей на Ближнем Востоке минимум на две разведки, было опасно принять даже стакан воды. Первого ее мужа загадочным образом убили в собственной ванной комнате. Второго, погонщика верблюдов, за которого Марта вышла замуж, чтобы проникнуть в Мекку, она отравила, когда в его помощи отпала необходимость. В гестапо ее привел болгарский грабитель Иванов, выдававший себя за мага. В 1946 году она избежала суда за убийство племянника, которому подарила отравленный шоколад. А через два года ее саму сбросил в море немецкий жулик Ганс Абеле, с которым они перевозили контрабанду в западном Средиземноморье.

Согласитесь, Магда по сравнению с Маргой просто святая.

* * *

В 1944 году Лафона расстреляли, «графини» разлетелись, кто куда успел, а Магда укрылась в родной деревне Пуйеле-Кото на Атлантическом побережье, но в марте 1946 года ее арестовали. Все было гораздо серьезнее, чем в 1937-м: измена родине — не шутка. На помощь снова пришел Флорио: теперь он специализировался на коллаборационистах и военных преступниках, спас от расстрела нацистского посла во Франции Отто Абеца. Несмотря на его красноречие, Магду в январе 1947 года приговорили к пятнадцати годам каторги и пожизненному национальному позору. «Я жалею лишь о том, что вместе с дуче повесили не меня, а Клару Петаччи» — так Магда, восхитительно верная своему стилю, отреагировала на приговор.

Каторга не изменила ее, «национальный позор» не напугал. В 1952 году она вышла под надзор полиции со словами: «Львица выходит из клетки». Презрев предписание жить в

Мелуне, исхитрилась открыть в Париже бар под чужим именем, за что в декабре 1954 года ее вновь ненадолго арестовали.

То ли Магда действительно тронулась умом, то ли, не понимая, насколько бесповоротно изменились времена, решила повторить фокус 1937-го, привлечь внимание эффектным покушением. Так или иначе, окончательно освободившись в 1955 году, она пришла на прием к Флорио, вроде бы намереваясь убить его из ревности. Но театр ее жизни окрасился болезненным, жалким комизмом: увидев в приемной картину Мориса Утрилло, Магда украла ее, тотчас попалась, ее признали сумасшедшей. Выйдя из психушки, 1 октября 1960 года она отравилась снотворным в доме своих женевских друзей. Тело транспортировали на родину с сопроводительным документом: «Умерла от незаразной болезни». На ее могиле не написано ничего — нет ни одного из имен, что она переменяла за свою жизнь.

P. S. Мэтр Флорио был не чужд кинематографу. Он написал сценарий к фильму Ришара Потье «Обвиняется неизвестный» (1952) и эпизоду сериала Пьера Гутаса «Истина висит на волоске» (1976) и мелькнул в роли «гостя на вернисаже» в «Пленнице» (1968) Анри Жоржа Клузо.

ОДИННАДЦАТЫЙ ОКРУГ

Глава 27

Площадь Насьон «Черные кожанки» (1963)

На рассвете 23 июня 1963 года площадь Насьон и прилегающие улицы напоминали еще не остывшее поле боя: такого Париж не видел со времен антифашистского восстания в августе 1944-го. Ни одной целой витрины, ни одного не разграбленного магазина, ни одной не разломанной в щепки скамейки. На автомобили, владельцы которых имели несчастье припарковать их накануне, не польстились бы и скупщики металлолома. Сиротливо оголились кафе, лишённые тентов, даривших тень клиентам на уличных террасах. Асфальт устилала осколками стекла и сломанные ветки. Убитых и тяжело раненных не было, но сообщалось об изнасиловании семнадцатилетней девушки, оказавшейся на Насьон той ночью.

Париж схватился за голову, столкнувшись лицом к лицу с новыми гуннами — пресловутыми «блужон ну-ар», «черными кожанками», о которых ранее все слышали, но никто не видел. Воплотился фантом, придуманный журналистами в летний, мертвый сезон новостей 1959-го.

Теперь очевидцы вспоминают о той ночи с ностальгией, как о «нашем Вудстоке» или репетиции студенческого восстания в 1968 году. Вудсток не Вудсток, но 22 июня на Насьон действительно прошел один из первых, если не первый, столь массовый рок-н-рольный концерт. Точнее говоря, концерт музыки «йе-йе» — так рок именовали во Франции. Ее храмом с 1959 года была передача «Европы-1» «Салю, ле копэн» — «Привет, чуваки». Она выходила в семнадцать часов, так что школьники успевали дойти до дома и добежать до радиоприемников. Название мгновенно стало паролем и брендом: в 1961 году одноименный альбом записал Джонни Холлидей, в 1962-м возник одноименный журнал, тираж которого за год взметнулся с пятидесяти тысяч до миллиона. Его годовщину издатель Даниель Филиппачи и решил отметить в 21 час 22 июня 1963 года грандиозным бесплатным концертом с участием всех национальных поп-кумиров: Холлидея, Сильви Варган, Ришара Антони, Даниеля Жерара, Майка Шэннона, «Черных носков» — «Лэ шосетт нуар» и «Диких котов» — «Лэ ша соваж».

Дату выбрали расчетливо — накануне старта велогонки «Тур де Франс», которая надолго стала бы для французов главным событием, затмив любое шоу. Место — тоже. Просторная площадь — «намоленное» место для гуляний. В ее центре возвышается «Триумф

Республики» (1899) скульптора-коммунара Эме Жюля Далу: Республику на колеснице, влекомой двумя львами, сопровождают в светлое будущее гении Свободы, Труда, Справедливости и Изобилия. Республика обращена лицом к площади Бастилии, и символический маршрут Бастилия — площадь Нации давно стал привычным для народных манифестаций.

Как раз вокруг памятника и возвели подиум. Не на том ли самом месте, где 26 июля 1660 года стоял трон, на который на празднестве в честь его брака с Марией Терезой Австрийской взошел Людовик XIV? В честь этого события площадь назвали площадью Трона, пока великая революция не переименовала ее в площадь Низвергнутого Трона. Дурное предзнаменование.

Да и музыкальные ассоциации, навеваемые площадью, не радовали. В разгар якобинского террора здесь гильотинировали не только поэта Андре Шенье и монахинь-кармелиток, но и — 13 июля 1794 года — композитора Жосса Франсуа Жозефа Бено. Да, еще, уже совсем недавно — 1 мая 1953 года — именно на Насьон 260 полиция расстреляла мирных демонстрантов-алжирцев, убив семь человек: эта бойня стала уроком классовой ненависти для революционного гангстера Пьера Гольдмана (30).

Филиппачи был великолепным организатором: тысяча стульев, отделенных от партера, предназначалась для ВИПов, специальный самолет к началу концерта доставлял Холлидея и Варган с киносъебок в Ниме. Точнее говоря, Филиппачи был бы великолепным организатором, если бы не сущий пустяк: его представления о грандиозном концерте разошлись с реальностью. По его собственным словам, он рассчитывал на двадцать-тридцать тысяч зрителей. Пришли то ли сто, то ли сто пятьдесят тысяч: это был триумф «Чуваков», неумолимо обернувшийся стихийным бедствием, если не катастрофой.

Ладно бы, такое действо происходило в Париже впервые. Но ведь были прецеденты: 18 ноября 1961 года на Третьем рок-фестивале во Дворце спорта выступление Винса Тейлора было сорвано, в зале не осталось целых сидений, а полиция, не церемонясь, охаживала публику дубинками.

И на сей раз ситуация вышла из-под контроля трех тысяч полицейских задолго до первых аккордов. Крыши и фонари облепили подростки. По двадцать-тридцать человек — фотографии тому свидетельство — взгромоздились на деревья, не выдерживавшие такой тяжести. Шестеро парней, как заправские циркачи, повисли на несчастном светофоре.

Музыканты просто не могли попасть на подиум. Холлидею и Варган пришлось переодеться в сценические костюмы в ближайшем комиссариате, пробиваться к сцене — на полицейском фургоне. Пытаясь разогнать облепивших и раскачивавших фургон тинейджеров, страж порядка вылез было на капот, но, увидев невменяемое людское море, пообезьяня увернулся от тянущихся к нему рук и заполз обратно через боковое стекло. Шпана радостно скакала по крыше фургона.

Зрители, все громче скандировавшие «йе-йе», «йе-йе», одновременно и не пропускали звезд к сцене, и бесились от того, что концерт никак не начинается. Наконец со сцены разнесся «Rock around the clock». Пошел вразнос «черноногий» Анкони: «О да! Посмотри-ка, я твистую, и танцую мэдисон и босанову, ча-ча-ча!» Холлидей — в танцующем кольце ворвавшихся на сцену девиц — пел уже под аккомпанемент разлетающихся вдребезги витрин.

Праздник продолжился до утра. Активных погромщиков было не так уж и много: примерно пятнадцать шаек по двадцать-тридцать человек — дети Бельвиля или Жуанвиля. Теперь Бельвиль — самый что ни на есть Париж, а тогда еще считался пригородом. Историю Парижа XX века вообще можно писать как историю страха благополучных горожан перед молодежью постепенно отодвигающейся от центра города «зоны». Ну, или перед молодежью вообще. «Юманите» 4 января 1960 года писала о «войне с молодежью», точнее говоря, с рабочей молодежью — после того, как в Жуанвиле «флики» застрелили семнадцатилетнего Даниэля Л'Эноре. Его убили, «потому что он пел, потому что он был счастлив и свободен в новогоднюю ночь со своими друзьями (газета употребила термин „копэн“ — „чуваки“. — М.

Т.). Даниэль упал на мостовую, и его песни умерли вместе с ним, как умерли песни Гавроша». А 20 ноября «Юманите» приветствовала фанатиков рока, из которых никакими дубинками не выбить «яростное желание жить в мире» (обыграв название фильма Николаса Рея с Джеймсом Дином «Бунтовщик без причины», вышедшем на экраны Франции как «Ярость жизни». — М. Г.), и едва ли ни сравнила их с алжирскими повстанцами.

С течением времени менялись лишь имена, которые общество давало молодежной угрозе. В 1900-х она материализовалась в образе уличных бойцов, хулиганов и сутенеров — апашей (49), в 2000-х — в потомках иммигрантов, жгущих автомобили, а в 1960-х — в «черных кожанках».

В 1959 году пресса называла их с американским акцентом: «гангами» — то есть бандами — «обманщиков». (Это уже национальная ассоциация с нашумевшим фильмом Марселя Карне «Обманщики» о циничной, опасной для самой себя, незащитной молодежи.) Потом — «гангами черных кожанок». Потом — более патриотично, без всяких там американизмов, — «бандами черных кожанок».

Сначала судачили о бандах по сто и более человек.

27 июля 1959 года «Франс суар» назвала цифру «десять тысяч» в статье о стрелке между группировками, не поделившими территорию, в сквере Сен-Ламбер, что в Пятнадцатом округе. Оппоненты, впрочем, не стали резать друг друга, а, объединившись, закошмарили прохожих и лавочников. Потом заговорили уже о пятидесяти тысячах «волчат», вооруженных велосипедными цепями и кастетами, нагло не желающих вкалывать на заводах Рено, опознающих друг друга без слов — по черным кожаным курткам, как апашаши — по каскеткам и наколкам.

Пресса раскрыла жуткие обряды инициации этих поклонников Джеймса Дина, Марлона Брандо и Бадди Холли. Новобранец должен был, к примеру, плевать на прохожих или с особым цинизмом опрокинуть лоток уличного торговца помидорами. Прозвучала, как водится, сексуальная нота: журналисты писали об атаманше Берте, не иначе как вспомнив легендарную маруху апашей Амели «Золотую каску» Эли.

Газеты, словно только и ждавшие погрома, в понедельник, 24 июня, булькали от ярости. «Фигаро» задавалась риторическим вопросом: «В чем разница между твистом и речью Гитлера в рейхстаге?» И сама же отвечала: «Ни в чем, кроме некоторой музыкальности». «Пари пресс» издевалась над слоганом концерта, переиначив его в «Привет, ублюдки»: «Существуют полиция и суды. Пора использовать их, пока варвары с площади Насьон не истребили будущее нации». Благодушно по сравнению с ними отреагировал президент де Голль: «Молодым некуда девать энергию, пусть строят дороги». Когда же 6 июля в «Ле монд» о «черных кожанках» и погроме на Насьон как о феномене культуры, знаменовавшем выход на авансцену общества молодежи в качестве новой, самостоятельной силы, задумался выдающийся социолог Эдгар Морен, страсти улеглись. Такова благословенная французская традиция: когда хулиганство становится объектом философской рефлексии, оно перестает быть хулиганством.

Но Франция не была бы Францией, если бы отнеслась к новым апашам со звериной серьезностью. В июле 1959 года в рубрике вопросов и ответов журнала «Эль» появилась переписка, заставляющая стонать от умиления. Читательница спрашивала: «Я состою в банде „черных кожанок“ и люблю парня — тоже из банды. Я думаю, что не безразлична ему, но наши правила запрещают флирт между членами банды. Дорогая редакция, что ты можешь мне посоветовать? Грустная „кожанка“». Дорогая редакция ответила: «Смени цвет куртки и покинь банду. Вам обоим не надо подчиняться ее правилам. Между нами говоря, они тираничны. Если уж и подчиняться каким-то правилам, то лучше скаутским. У скаутов вожатая имеет право любить».

P. S. «Кожанкам» посвящены «Асфальт» (1959) Эрве Бромберже, «Пустырь» (1960) Марселя Карне и «Зеленые сердца» (1966) Эдуарда Лунца. Фильм Жана Эрмана «Дурной дорогой» (1963), снятый в шокирующей манере киноправды, вышел в искаленном

цензурой варианте. Режиссера обвинили в том, что нападение героя на прохожего было настоящим преступлением, совершенным 264 по его заказу.

ДВЕНАДЦАТЫЙ ОКРУГ

Глава 28

Улица Мадагаскар, 9

Хорошая дочь (1933)

На седьмом этаже дома номер 9 по улице Мадагаскар жила-была девочка по имени Виолетта Нозьер. Папа-машинист и мама-портниха огорчались, что дочь совсем запустила учебу в лицее, тревожились, что в тринадцать лет она выглядела на все восемнадцать, но души в ней не чаяли и мечтали, как она поступит в Сорбонну. А вот о чем мечтала сама Виолетта, гадала вся Франция.

Виолетта мечтала о ваннах молочных
о красивых платьях
о хлебе свежем
о красивых платьях
о крови чистой
придет день,
и больше не будет отцов
в садах юности
лишь незнакомцы
все незнакомцы мужчины для которых
ты всегда новая
и первая
мужчины для которых
ты убежишь от себя
мужчины для которых
ты ничья дочь
Виолетта мечтала распутать
Распутала
ужасный змеиный клубок кровных уз¹².

Это версия Поля Элюара. В книге, изданной в Бельгии в декабре 1933 года, восемнадцатилетнюю Виолетту объявили своей музой, «черным ангелом» сюрреализма, помимо Элюара, Андре Бретон, Рене Шар, Морис Анри, Сальвадор Дали, Макс Эрнст, Рене Магритт, Ив Танги, Бенжамен Пере, Ханс Арп, Альберто Джакометти, Мезанс, Виктор Браунер. Такую солидарность сюрреалисты проявляли лишь с Жерменой Бертон, в 1923 году застрелившей (23) монархиста Мариюса Плато — но то была политика.

Что ни имя в бельгийском издании, то легенда культуры XX века. Быть их музой — великая честь. Виолетта ее заслужила.

21 августа 1933 года, поиграв с папой в белот, она дала родителям на ночь прописанный врачом порошок. «Мама, прими, пожалуйста. Да, знаю, что очень невкусно». Так невкусно, что мама выбросила половину дозы — и выжила: Виолетта скормила родителям три упаковки снотворного «Соменаль».

23 марта она уже пыталась убить их, но одной упаковки оказалось недостаточно. Теперь Виолетта, прежде чем заняться своим алиби, удостоверилась: Батист и Жермен не

12 Перевод Н. Бродской.

подают признаков жизни. Не веря своим ушам, судья переспросил: «Вы хотите сказать, что полтора часа провели с агонизирующими родителями?» — «Именно так, месье».

Отец рухнул на постель Виолетты, а мать, разбив голову, на пол: двухкомнатная квартира была невыносимо тесна. Тесна, как улица Мадагаскар, чье просторное, экзотическое имя, данное ей авансом, еще до того, как Франция захватила остров, издевательски не сочеталось с длиной в сто один метр. Тесна, как жизнь.

Забрав все деньги, какие нашла, Виолетта ушла на танцульки с лучшей подругой Мадлен. Они все делали заодно: ходили по мальчикам, воровали. Виолетта любила 266 воровать — вы не поверите — книги. Она любила читать.

Виолетта вернулась только 23 августа в час ночи и открыла газ, имитируя самоубийство родителей: 23 марта она пыталась устроить поджог, списав трагедию на угарный газ. Затем забарабанила в дверь соседа: «Скорее, помогите, пахнет газом, что-то случилось с родителями». Но играла она плохо: отсутствие у нее эмоций вызвало первые подозрения. Вдобавок полиция обратила внимание на то, что пунктуальная Жермен 22 августа не сделала ежедневных записей о расходах, а газа явно вытекло не достаточно, чтобы убить Батиста.

Днем комиссар повез Виолетту в больницу на очную ставку с матерью. Пока он узнавал у персонала, пришла ли та в сознание, Виолетта испарилась. Назавтра ее объявили в розыск.

В Латинском квартале, где Виолетта училась в лицее Фенелон, «флики» выяснили, что друзья не заметили в ней никаких перемен, про трагедию она промолчала и как ни в чем не бывало посетила парикмахера и маникюршу. Полиция почти усомнились, об одной ли и той же девушке они говорят. «Другая» Виолетта выдавала себя за дочь главного инженера и звезды ателье знаменитого кутюрье Пакена. Не вылезала из кафе, где легко сближалась с мужчинами. Одним словом, вела двойную жизнь.

В газетах уже поместили ее фотографии под заголовком «Полиция охотится на монстра в юбке», когда она сняла в кафе некоего Андре де Пинге. Не смутившись замечанию «Вы удивительно похожи на преступницу, которую все ищут», она весело рассказала, что после совершеннолетия получит в наследство целых сто шестьдесят пять тысяч: «Вот это будет жизнь!» Откуда взялась эта цифра, Виолетта на суде объяснить не смогла. Андре донес на странную девушку: 28 августа на свидании у Эйфелевой башни ее поджидал не новый кавалер, а засада «фликов».

Последним любовником Виолетты был студент-юрист Жан Дабен. В июне они познакомились, через неделю впервые занимались любовью в отеле на улице Виктор-Кузен. Так продолжалось, пока Жан не уехал 17 августа на каникулы в Бретань. Она мечтала уехать с ним, но не было денег: возможно, это ускорило преступление. Судя по ее убитому виду в те дни и по письмам, которые она впоследствии посылала из тюрьмы, подписываясь «твоя Виолетта, которая тебя обожает», влюбилась девушка всерьез. Но, рассказав о нем родителям — те не возражали против замужества, она одновременно украла у отца кольцо, чтобы подарить Жану при расставании. Дабен не стеснялся брать у возлюбленной деньги, по пятьдесят-сто франков в день: почему бы и нет, ведь у нее такие богатые родители. Он, каким бы бессовестным жиголо ни казался, был потрясен случившимся с Виолеттой, поступил в колониальные войска и умер через три года в Тунисе, не дожив до двадцати пяти лет.

Регулярно и незаметно подворовывая дома, Виолетта никак не могла раздобыть такое количество денег, какое тратила на кафе, на такси, на Андре, на наряды, не столько удивлявшие, сколько умилявшие родителей. Периодически она торговала собой и снималась для порножурналов. По ее версии, некий престарелый месье Эмиль платил ей четыреста-пятьсот франков в неделю за невинные прогулки под ручку, но, описывая его, она припомнила лишь седые усы. Полиция сочла Эмиля плодом ее фантазии.

Тюремный дневник Виолетты подтверждал, что она — хладнокровное чудовище. «Итак, я в тюрьме, я — свободное существо, пылкое и взбалмошное, которое так любит яркий свет, веселых товарищей из Латинского квартала, прозванных „жиголо Виолетты“». «Жиголо» слали в тюрьму цветы и фрукты, но передачи до нее не доходили. Оставалось

коротать время за шитьем и строить планы на будущее, как будто оно у нее было. «Мне не хватает сигарет и красного риммеля», — заявила она адвокату.

Бесчувственность уживалась с истеричной чувствительностью: Виолетта постоянно падала в обморок. 1 сентября она на коленях умоляла мать: «Прости меня, прости, прости, мама». — «Я тебя прощу, когда ты умрешь. Убей себя, убей». Обморок. На суд Виолетта пришла, зажав по носовому платку в каждой руке. Всплыли подробности покушения 23 марта. Обморок. В тот же день ее спросили о мотивах убийства. Снова обморок. Назавтра она плакала: «Пусть со мной сделают что угодно, только бы моя мать меня простила». Жермен сдалась: «Сжальтесь, сжальтесь над моим дитя».

Но не мелодраматизм сделал Нозьер «французенкой года»: начало суда 10 октября 1934 года затмило даже убийство накануне в Марселе югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Луи Барту. В воздухе пахло войной, а люди толпами бежали за автомобилем, в котором ее везли на допросы, и шли врукопашную, разойдясь во мнениях по поводу Виолетты.

Правым все было ясно: Нозьер — плод распущенности послевоенной молодежи. Католик Франсуа Мориак считал ее «ведьмой разврата». Фашист Робер Бразийак цедил: «Сомнительные и грязные детали этой прискорбной жизни, тусклая атмосфера разврата чередуются с коктейлями, наркотиками и кофе со сливками, деньгами и нищетой... ужасный мир без Бога».

Сюрреалисты объявили ее иконой протеста, Луи Арагон в «Юманите» — жертвой патриархата. Но для статуса иконы недостаточно всего лишь убить родителей: требовалось еще что-то. Именно это «что-то», как ни избегал суд называть вещи своими именами, раскололо французов на ненавистников и защитников Виолетты. «Что-то» — это самая позорная тайна буржуазной семьи: инцест. Нет, говорили левые, Виолетта стала убийцей не потому, что молодежь забыла о семейных ценностях, а потому, что эти ценности — ширма, прикрывающая повседневный разврат. Мизантроп Луи Фердинанд Селин, всего навидавшийся врач, писал: «Слово „инцест“, от которого шарахаются в ужасе, — это распространенная практика. Я в восторге от железнодорожников, которые считают Нозьера неспособным натянуть свою дочь, потому что он был хорошим механиком».

На первых же допросах Виолетта заявила, что отец насиловал ее с двенадцати лет и угрожал убить, если она расскажет маме. Жермен заклинала дочь на свиданиях: «Я не могу забыть, что ты мое дитя. Но то, что ты говоришь о твоём несчастном отце, — отвратительная ложь. Скажи, что это неправда». По словам Виолетты, мать она решила убить вместе с отцом за ее многолетнюю слепоту, чтобы избавиться от стыда и чувства вины.

Доказательств инцеста не было. Тюремный психиатр предположил: Виолетта — извращенная мифоманка. Обвинение объясняло убийство исключительно корыстью, но все понимали, о чем речь, когда журналисты писали о нарыве, который вскрыл суд. Или, когда Виолетта рассказывала, как однажды «испытала невыносимое отвращение к недостойному поведению отца», оставила родителям письмо о том, что сводит счеты с жизнью, и ушла из дому: ее нашли поздним вечером на набережной Сены. Буквально в последний день на суд добровольно явился, «чтобы очистить совесть», некто Ронфлар, которому еще три года назад Виолетта говорила, что отец «забыл, что он ей отец», «ведет себя с ней слишком необычно», «ревнует к ее знакомым»: «Она рассказывала об этом всему Латинскому кварталу. Странно, что никто не пришел в суд».

Особенно позорной выглядела ключевая деталь дела: порошок, под видом которого Виолетта поднесла родителям снотворное, врач выписал для профилактики сифилиса. В 1932 году у девочки обнаружилась «специфическая болезнь». Добыв у врача письменное удостоверение своей девственности, она пыталась убедить родителей в наследственном характере заболевания. После семейной сцены Виолетта впервые покусилась на убийство.

Оглашенный 13 октября смертный приговор включал архаичную, изуверскую формулу — «отцеубийца будет отведена на эшафот босиком, в рубашке, с черным покрывом на голове», — столь же символическую, как и сам вердикт: с 1897 года женщин во Франции не

казнили. Виолетту пришлось силой выволакивать из зала: «Я сказала правду! Как вам не стыдно! Вы безжалостны!» Вопреки ожиданиям, президент Лебрен заменил высшую меру не на двадцатилетнее, а на пожизненное заключение.

Ее дальнейшая судьба почти идиллична по контрасту с жестокой юностью. В 1937 году в письме матери Виолетта отказалась от всех обвинений в адрес отца. В тюрьме она вела себя образцово и даже собиралась, освободившись, уйти в монастырь. Церковь ходатайствовала за нее, 6 августа 1942 года маршал Петен снизил срок до двенадцати лет, 29 августа 1945 года Виолетта вышла на свободу. 18 марта 1963 года, благодаря тридцатилетним стараниям адвоката Везинн-Ларю, ее реабилитировал апелляционный суд Руана — уникальная для Франции ситуация в случае вынесения смертного приговора.

Монашество не состоялось: уже 16 декабря 1945 года Виолетта вышла за Пьера Гарнье, сына тюремного делопроизводителя. Они завели ресторанчик в Париже, потом в Нормандии, родили пятерых детей, которым никогда не рассказывали о прошлом. Мать Виолетты жила с ними и, дожив до 1968 года, похоронила их обоих: Пьер умер в 1961-м от последствий аварии, в которую попал годом раньше, Виолетта — в 1966-м от рака костей.

P. S. Изабель Юппер сыграла заглавную роль в фильме Клода Шаброля «Виолетта Нозьер» (1978), ее родителей — Стефан Одран и Жан Карме.

ТРИНАДЦАТЫЙ ОКРУГ

Глава 29

Улица Женнер, 25-бис

Покушение на «Самурая» (1967)

29 июня 1967 года над невеликой — всего четыреста пятьдесят метров — улицей Женнер, идущей от бульвара Венсана Ориоля к улице Жанны д'Арк, взметнулся столб дыма, видный со всех концов Парижа. В том, что пожар такой силы приключился именно там, легко усмотреть иронию судьбы. Всю четную сторону улицы занимает госпиталь Сальпетриер — «склад селитры». В 1656 году Людовик XIV велел архитектору Либералю Бриану возвести на месте порохового склада полуприют-полутюрьму для нищих, который затем прирос психиатрической тюрьмой для женщин, пользовавшейся жуткой славой. Репутацию больницы усугубила так называемая ночь сентябрьских убийств с 3 на 4 сентября 1793 года: чернь, истреблявшая по тюрьмам «заговорщиков-контрреволюционеров», зверски убила тридцать пять женщин, клейменных за преступления королевскими лилиями.

Сгоревший в 1967 году дом номер 25-бис тоже когда-то был складом: гулким, мрачным, холодным. Но в 1953 году над ним поселился тридцатишестилетний режиссер Жан Пьер Мельвиль, прославившийся экранизацией (1947, выход в прокат — 1949) книги-символа Сопротивления — «Молчание моря» Веркора. Через два года после переезда на улицу Женнер, получив двухмиллионный гонорар за фильм «Когда ты прочтешь это письмо» (1953), он выкупил склад и обустроил собственную студию «Женнер». Своя студия — это была даже не *idée fixe*, а обет Мельвиля. В 1944 году, вжимаясь под шквальным огнем в холодную грязь Монте-Кассино, солдат, тогда еще звавшийся Жаном Пьером Грюмбашем, поклялся: если он выберется из этой переделки, непременно заведет свою студию.

В 1955 году Мельвиль уже снимал на Женнер «Боба-игрока», принесшего ему славу гения французского ну-ра и провозвестника «новой волны». Затем — «Стукача» (1962) и «Второе дыхание» (1966). Реальность гангстерского подполья он преобразил в череду томительно напряженных, predeterminedных высшей волей ритуалов: побег, предательство, допрос, убийство, смерть.

Иногда Мельвиль сдавал студию в аренду телевизионщикам, иногда пускал друзей, например Жана Беккера, когда тот снимал «Дыру» (1960) — о побеге из тюрьмы Сантэ (32). Но студия была, прежде всего, его обожаемым домом, его «сапожной мастерской». На

протяжении двенадцати лет Мельвиль, по его словам, почти не покидал ее. По ночам он часто ставил свет для завтрашних съемок, обдумывал виртуозные мизансцены.

В одночасье его жизнь обратилась в пепел. Он бродил по пепелищу в пижаме, насквозь промокший, прижимая к груди кошку Гриффоле — только ее он успел спасти. Погибли два звуковых павильона, две монтажные, гримерка, проекционный зал. Ушли дымом в парижское небо все архивы, включая невоплощенные сценарии: Мельвиль никогда не говорил о них подробно. Только называл цифру: двадцать два. С тех пор любой автограф Мельвиля ценится на вес золота.

Как будто бы этого было мало, выяснилось: Мельвиль забыл продлить страховку студии.

Но и это было не самое страшное. Пожар приключился на пятой неделе съемок шедевра Мельвиля, суммы его эстетики — «Самурая». Ален Делон играл киллера-пара-ноика Джеффа Костелло, делившего свое одиночество со снегирем и цветком, идущего «путем смерти», которой он домогался каждый раз, когда отрешенно исполнял очередной заказ.

Снегирь тоже погиб — вместе с декорациями.

Мельвиль сразу заявил: это поджог. Кто уничтожил его жизнь? «Конкуренты».

На первый, да и на второй, взгляд — это бред. На заре Голливуда конкуренты могли запросто спалить чью-то студию. Но в Париже в 1967 году!

С другой стороны, Мельвиль был реально крут, как был крут, скажем, Ромэн Гари, тоже прошедший огонь и воду. Мельвиль пережил окружение в Бельгии, панической бред эвакуации Дюнкерка, был в антифашистском подполье, перебрался в Англию, вернулся на родину, как десантник — через Монте-Кассино и Прованс. В кино он, мягко говоря, испортил отношения со всеми коллегами: на съемках «Старшего Фершо» (1963) разногласия с Бельмондо дошли до мордобоя, на съемках «Второго дыхания» (1966) Лино Вентура, игравший главную роль, вообще не разговаривал с режиссером.

Мегаломан Мельвиль демонстративно радовался чужим неудачам. Заседал в цензурном комитете, калеча своим показным пуританизмом судьбы коллег. Многим хотелось сорвать с этого денди неизменный «Стетсон» и черные очки, унижить, раздавить.

А еще он был единственным во Франции режиссером, располагавшим собственной студией. До него такими счастливицами были лишь Жорж Мельес и Марсель Паньоль. Но пионер кинематографа, Спилберг немного кино, Мельес разорился и умер в 1938 году. Великий провансальский почвенник-популист Паньоль, избранный в Академию, после 1954 года отошел от кино.

Но все-таки представить режиссера, продюсера или актера с канистрами бензина трудно.

Были ли у него «опасные связи»? В книге-интервью, которое он дал критику Рюю Ногейра, Мельвиль заметил, что нетерпим к арго на экране, поскольку слишком долго только на арго и ботал. Почему? Видите ли, туманно объяснил Мельвиль: «В молодости я очень любил уголовный мир. До войны, среди прочих, была такая банда с вокзала Сен-Лазар. Изначально она состояла из учеников лицея Кондорсе <...> Со временем, когда мы перестали быть лицеистами, мы продолжали посещать вокзал Сен-Лазар <...> в конце 1939 года мы были еще той шпаной; мы были далеко не дети <...> Среди нас были — почему бы об этом не сказать, в этом нет ничего стыдного — комиссар Паганелли, мэтр Борде <...> Теперь мы все стали другими, но тогда нас не душила совесть, мы играли в крутых».

В контакты с «милье» — уголовным миром — Мельвиль вступал и позже. На роль игрока Боба, старого гангстера, идущего на последнее дело — грабить казино в Довиле, он выбрал довоенную звезду Роже Дюшена. Но выяснил, что Дюшен стал налетчиком, сидел, задолжал мафии крупную сумму и был вынужден оставить Париж. Мельвиль встретился с авторитетами, и те разрешили Дюшену вернуться. Впрочем, после «Боба» он кинокарьеру не продолжил, торговал автомобилями в пригороде.

Странно, что Мельвиль не упомянул не только о том, что Дюшен написал четыре нуара, но и об обстоятельствах посерьезнее. Как многие актеры, он в годы оккупации был связан с

французским гестапо (37), числился владельцем кабаре «Л'Ер Бле» на улице Пигаль, в реальности принадлежавшего шефу гестапо Лафону, которому Дюшен проигрался в карты: 29 сентября 1944 года актера арестовали. Управлял кабаре еще более примечательный персонаж: гестаповец Огюст Жозеф Рикор, после войны — легендарный «Старик», один из крупнейших в мире торговцев героином в рамках преступной сети, известной по фильму «Французский связной». Обычно антифашист Мельвиль высказывался на табуированную тему французского гестапо бескомпромиссно. Так, во «Втором дыхании» бандит хрипит на допросе в лицо истязателю: «Ублюдок, ты учился ремеслу в гестапо».

Пикантная деталь: сценарий «Второго дыхания» написал Жозе Джованни, если и не гестаповец, то, по меньшей мере, подельник убийц из французского гестапо (32). Но в годы войны Джованни был юн, никому не известен, в отличие от знаменитого Дюшена. Ему было легче слыть в артистических кругах просто честным налетчиком и вымогателем. Даже Клод Соте, не просто левый, но в 1950-х — секретарь коммунистической ячейки в Высшей киношколе, уверял, что лишь спустя двадцать лет узнал: прототип Абея Давоса из фильма «Взвесь весь риск» (1960), который он поставил по сценарию Джованни, — гестаповец Абель Данос. Да уж, сменить одну букву в имени героя — это просто высший класс конспирации.

Можно предположить, что поджигатели метили не столько в Мельвиля, сколько в Делона, сделавшего на «Самурая» нешуточную ставку, сыгравшего в нем идеальную роль. Вот уж кого по горло опутали опасные связи, так это Делона. Через год он окажется главным подозреваемым в деле об убийстве своего телохранителя, югославского бандита Марковича (43). Осенью 1969 года Мельвиля в числе многих людей из мира кино и шоу-бизнеса допросят по этому делу.

Но 29 июня 1967 года Мельвилю казалось, что «Самурая» вряд ли спасет даже чудо. Он лишь растерянно бросил примчавшемуся на пожар декоратору: «Придумай что-нибудь». Тот придумал: декорации в рекордные две недели восстановили на пригородной студии Сен-Морис. «Самурай» не просто был завершен, но и стал альфой и омегой французского нуара.

Год Мельвиль не находил в себе сил вернуться на Женнер, где шли восстановительные работы. Вернувшись, смонтировал там «Армию теней» (1969), великий фильм о Сопrotивлении. Сняв еще два фильма — «Красный круг» (1970) и «Флик» (1972) — 2 августа 1973 года он 276 неожиданно умер, ужиная с режиссером Филиппом Лабро. Дом на Женнер снесли. Тарантино и Джон Ву называют Мельвиля своим кумиром и учителем.

Р. С. Мельвилю посвящены документальные телефильмы Андре Лабарта «Жан Пьер Мельвиль: портрет в девяти позах» (1971) и Оливье Болера «Под именем Мельвиля» (2008).

Глава 30

Площадь Аббата Жоржа Энока

Гангстер-мечтатель (1979)

Тихую площадь Аббата Жоржа Энока — в окружении невысоких домов, построенных в начале века для железнодорожников, — парижане зовут уютно: Тополиной площадью. 20 сентября 1979 года в 12.30 сквер в ее центре огибал тридцатипятилетний жгучий брюнет с глубоко посаженными под густыми бровями глазами и внешностью романтического героя.

До шести утра он играл на бонгах в подвальчике «Ла Шапель дэ Ломбар» с оркестром друга — панамца Азугиты. Он был без ума от сальсы, «лыющей вам в уши ром». Он был счастлив.

Счастлив, что привез из Нью-Йорка любимую группу и уже три недели она зажигает в Париже.

Счастлив, что жена, антильская красавица Кристиан, вот-вот родит.

Счастлив, как может быть счастлив лишь заживо погребенный и чудом воскресший человек, которого в двадцать пять лет схватили и приговорили к пожизненному заключению, а в тридцать два освободили вчистую.

Пьер Гольдман умер счастливым: первые же три пули из шести, выпущенных в него из двух стволов, убили его на месте.

Свидетель слышал, как человек, командовавший стрелками, окликнул Пьера: «НотЪге!» — «Эй, парень!» Другой утверждал, что крик «Pog aquí, hombres!» — «Парни, сюда!» — раздался после выстрелов. То ли убийцы хотели, чтоб Гольдман знал: смерть пришла из Латинской Америки или Испании. То ли были иностранцами-наемниками.

Они полчаса болтались на площади, не пряча лиц: уверенные то ли в безнаказанности, то ли в том, что успеют добежать до границы. На них обратили внимание «флики», следившие за бандой сутенеров, но за двадцать минут до убийства стражи порядка не то ушли на обед, не то последовали за своим «объектом».

Комиссар Леклерк — тот самый, который в 1970 году упек Гольдмана, — сообщил: следствие изучает версию мафиозной разборки.

Мафия и Гольдман? Мафия и писатель, член редколлегии «Лэ тан модерн» — журнала Сартра, сотрудник издательства «Рамсей», газеты «Либерасьон», еврейского журнала «Арш», в 1977 году назвавшего его святым?

Это очень длинная история. На самом деле, это целых две истории: Пьера-преступника и Пьера-жертвы.

* * *

Пьеру было на роду написано умереть от пуль: он был «вскормлен с копья». Ему не исполнилось и трех месяцев, когда из родного Лиона выбили нацистов, но он тоже «партизанил»: в его коляске родители, польские еврей-коммунисты Альтер Мойше Гольдман и Янина Сохачевска, перевозили оружие. В наши дни их назвали бы террористами или городскими партизанами. На процессе сына Альтер заплачет, сказав: «Сорок четвертый — плохой год, чтобы заводить детей». Пьер крикнет ему на идише: «Папа! Перестань!» В 1947 году родители расстались: Янина уехала в Польшу делать карьеру, Альтер остался и с друзьями по подполью выкрал у нее сына.

Экзальтированный подросток ни в одном лицее не задерживался. Подняв бунт учеников, пробил телом стеклянную дверь, не заметив, что она закрыта, и попал к психиатру. В Сорбонне учился заочно: его тошнило от промискуитета аудиторий.

В восемь лет он видел, как 1 мая 1953 года полиция убивала алжирцев на демонстрации. В тринадцать лет побывал в Польше, в гетто, где нацисты убили семьдесят двух его родственников, и «перестал ненавидеть насилие».

Он идентифицировал себя — на грани расщепления сознания — как еврея и революционера. «Как еврея» — значит, как чужого, везде и всегда. Он был настолько евреем, что острее всего чувствовал себя чужим среди евреев, а органичнее всего — среди негров. По-креольски он говорил лучше, чем на идише. «Как революционера» — значит, как человека насилия, который, творя насилие, испытывает невыносимую печаль.

Он истерически завидовал тем, кто родился вовремя, чтобы сражаться в Соппротивлении, и стыдился, что опоздал. В ежедневных драках в Латинском квартале Пьер, лидер службы безопасности «Союза студентов-коммунистов», выходил один против пятнадцати фашистов. Но мог разрыдаться, сломав палец о чью-то голову. Бесстыдно воровал. В кафе окликал девушку: «Трахнешься со мной? Ты же еврейка, а еврейки созданы, чтобы их насиловали».

В 1966 году его исключили из партии за насмешки над генсеком Морисом Торезом и пафосными песнями: комсомол зачищали от леваков. В депрессии он бредил «славными тридцатыми», мечтал о своей «Испании». Смерч нетерпения подхватил его и поволок ломаным, хаотичным маршрутом по миру.

В Антверпене Гольдман нанялся на камбуз торгового судна, шедшего во Флориду. Автостопом, без денег и документов, пробрался в Мексику, побывал в тюрьмах Сан-Антонио и Нового Орлеана: черные уголовники показались ему героями. Высланный из США на норвежском корабле, он вернулся в истерике. Сказав знакомой вьетнамке, что мечтает о войне, зашелся в рыданиях. Пообещал отцу пойти в армию, записался в десантники, но вместо казарм улетел в Прагу. Заочно ему дали год тюрьмы за дезертирство.

Пьер тщетно искал контакты с герильей, которой бредила европейская левая молодежь. Из Праги он помчался к маме: Янина обещала, но не помогла. Пьер кружил между Брюсселем и Амстердамом, в Антверпене подружился с моряком-педерастом и тут же вознамерился ограбить его, но не сумел. В июне 1967 года с фальшивым паспортом вернулся в Париж, накачивался ромом в отеле-борделе на Пигаль, мечтая о «пурпурных и знойных сумерках»; защищая девушку с Гваделупы от сутенеров, выхватил револьвер. Обнажать ствол ему уже приходилось, чтобы припугнуть воришку, запустившего руку в деньги, собранные студентами на организацию митинга солидарности с Вьетнамом. Но тогда он знал, что стрелять не придется, и ему было даже стыдно за свою агрессивность. Теперь же Гольдман почувствовал, что, если потребуются, выстрелит не раздумывая.

Ему опять не везло — везло другим. Философ Режи Дебре уже сражался в отряде Че: он чудом не погибнет в боливийских застенках. Восходящая звезда кинокритики Мишель Фирк уже наладила связь с гватемальским подпольем: она примет участие в убийстве американского посла и в сентябре 1968 года застрелится при аресте. Наконец, в октябре 1967 года Пьер сошел с восточногерманского судна на Кубе, оплакивающей Че. Партизаны из Венесуэлы приняли его в отряд и велели ждать в Париже сигнала. Он ждал восемь невыносимых месяцев — 280 до июля 1968-го. За окном пылали автомобили и баррикады, но Пьер заклеил мятеж студентов как «мастурбацию, онанизм, кастрацию». Не потому, что, находясь в розыске за дезертирство, досадовал, что не рискнул влиться в майский карнавал: риск проверки документов доставлял ему «изысканную радость». Просто в душе он был уже на войне.

Но четырнадцать месяцев в Венесуэле были чем угодно, только не войной. Слабеющая герилья избегала сражений: марши, стертые ноги, мухи, жара. Его должны были расстрелять: в приступе булимии он украл и съел консервы. Но отправили в Каракас — играть на барабанах в борделе и страховать товарищей, 11 июня 1969 года взявших без кровопролития два миллиона шестьсот шестьдесят одну тысячу восемьсот тридцать восемь боливаров в банке Пуэрто-де-ля-Круз: это было ограбление года.

В Париже Пьер мгновенно просядил сто тысяч на шмотки, икру, шампанское, шлюх, оружие. Помимо «ствола» революционеру нужны соратники. Но друзья шарахались от его призывов к террору, планов похитить психоаналитика Жака Лакана. Друзей легко понять. Гольдман подробно грезил, например, как медленно направит на Лакана дуло револьвера и безукоризненно вежливо скажет: «Месье Лакан, вы, наверное, думаете, что этот револьвер — фаллический символ. Уверяю вас, это просто револьвер». А пациентов в приемной заставит декламировать стихи Антонена Арто. Гольдман даже сходил на рекогносцировку, но, увидев седовласого мэтра, устыдился и понял, что не сможет причинить ему вреда. Другой своей жертвой он наметил писателя Жана Эдерна Алье (19), которого ненавидел так, как только революционер без революции может ненавидеть генеральского сына, салонного революционера, женившегося на богачке.

Былые соратники в ужасе от замыслов Пьера? Не беда, в антильских барах нашлись новые друзья.

Позже он скажет, что, идя на дело с чернокожими сообщниками, искупал свою белизну: любое преступление негра — революционный акт.

4 декабря 1969 года друг попросил пятьсот франков на бабу, а денег не было — Пьер ограбил аптеку. 20 декабря вместе с двумя антильцами — модный бутик, 16 января 1970-го напал на служащего, разносившего пособия многодетным семьям. 8 апреля его скрутили в

Сен-Жермен с венесуэльским паспортом на имя Хулиана Кондора в кармане. В трех налетах он сознался, но полиции нужны были другие признания.

* * *

19 декабря 1969 года, то есть накануне второго ограбления, совершенного Пьером, примерно в 20.10, некто Трокар, зайдя в аптеку на бульваре Ришар-Ленуар, застал двух работниц аптеки с поднятыми руками. Человек, державший их на мушке, потребовал денег. Трокар, успев выкинуть бумажник, протянул пять франков — пулю раздробила ему челюсть. Налетчик убил женщин, ранил в живот полицейского Кине, погнавшегося за ним. Гольдмана обвинили в бойне со слов анонимного осведомителя-сутене-ра, на суд не явившегося: комиссар Жобар объяснил, что «осведомители — вымирающая раса».

Гольдман запретил вызывать свидетелей защиты на суд, начавшийся 9 декабря 1974 года: «Я грабитель и не желаю слушать, какой я хороший. Я невиновен, потому что я невиновен». Но шансы на оправдание были велики.

Да, свидетели опознали его. Но небритый, без галстука, голодный, измотанный бессонной ночью, он выделялся среди полицейских статистов. Комиссар Леклерк это отрицал, но обязательную фотофиксацию опознания предъявить не мог: в аппарат забыли зарядить пленку. Бывает. Пьера опознал, в частности, человек, видевший его из окна пятого этажа, со спины: полиция заранее показала и ему, и Кине фото Пьера. Лучше всех разглядел убийцу Трокар, но в мае 1970 года он утонул, рыбака в карьере.

Между тем 19 декабря, теряя сознание, Кине прохрипел: «Мне кранты, меня убил мулат». По горячим следам все свидетели говорили если не о мулате, то об очень темнокожем убийце, рябом, со странным носом, длинными курчавыми волосами.

У Гольдмана нашли немало оружия, но только не то, которое использовал убийца. Судя по оброченной им кобуре, он вообще стрелял из табельного полицейского оружия.

У Пьера было алиби: с 19 часов с минутами до 21.30 он слушал музыку у друга Жоэля Латрика. Леклерк отмел алиби с ошеломляющей непосредственностью: антильцы — веселые, милые люди, но на часы не смотрят, какая им вера. Но как раз тот вечер они не могли не запомнить по минутам: ведь назавтра полиция начала трясти антильскую общину в поисках убийцы-мулата.

Главное: бойня как-то не шла Пьеру. Он не стрелял, хотя уже прицелился, даже когда — при третьем налете — жертва стреляла в него: пуля оцарапала Гольдману колено. То есть 19 декабря он вдруг стал психопатом, а 20-го — снова хладнокровным денди-грабителем. Не ушел на дно, зная, что на него открыта охота, даже маску не надел. Даже чувства юмора не утратил. Когда скептическая служащая бутика поинтересовалась у Гольдмана, настоящее ли это ограбление или съемки вестерна, Пьер испытал искушение парировать: «Скорее, мадемуазель, съемки нуара». Правда, не парировал, а только спросил, поверит ли она в ограбление, если он пальнет в потолок.

15 декабря в 0.10 присяжные приговорили Гольдмана к пожизненному заключению.

Стон переполненного зала Дворца правосудия перерос в многоголосый боевой клич: «Судьи — убийцы!», «Он невиновен!». Девушка-адвокат рыдала, другой адвокат сорвал с себя мантию. Десятки людей хлынули к подсудимому. обнимали его, плевали в лицо присяжным, никто не останавливал их, даже не пытался. Одна присяжная истерически зажимала уши, ее коллега, онемев от ужаса, жестами показывал: я голосовал против. В этот миг было возможно все: Пьер мог просто уйти из Дворца. Охранник шепнул его другу: «Чего вы ждете? Путь свободен». Пуля в спину при попытке бегства, впрочем, тоже была возможна.

Старый боевик Альтер набросился на судей. Когда его оттащили наконец, взорвался Пьер: «Не троньте отца!» Охрана, очнувшись, выволокла его из зала в наручниках.

Сражение было проиграно, начиналась война.

Философ Феликс Гватарри создал комитет «Справедливость для Пьера Гольдмана». В него вступили Ив Монтан и Симона Синьоре, литераторы Луи Арагон, Юлия Кристева, Эжен

Ионеско, Жозеф Кессель, Франсуаза Саган, режиссеры Андре Кайатт, Крис Маркер, Ариана Мнушкин, Клод Соте, Патрис Шеро, Роже Планшон, политики Пьер Мендес-Франс, Жан Пьер Шевенман. Всех и не перечислить. В первых рядах, само собой, Сартр и Симона де Бовуар. Шансонье Максим Ле Форестье посвятил Гольдману песню «Жизнь человека».

Юридические аргументы за пересмотр дела были весомы, но главный сформулировал 9 декабря в «Либерасьон» журналист Марк Кравец, на пороге дома которого Пьера, собственно говоря, и арестовали: «Пьер Гольдман — наш друг». Его защита — последняя битва поколения 1968 года, проигравшего игру в революцию. Вскоре оно расколется, предаст и продаст себя. Превратится в поколение «икорных левых», но у икры, которую они едят, никогда не будет неповторимого вкуса икры, купленной Пьером на честно украденные деньги. «Пьер невиновен» — это повторялось, как заклинание, но виновен он 284 или нет, было уже неважно. Поколение нашло в борьбе самооправдание: камикадзе Пьер довел до логического предела бунт, который они проболтали. Через пять лет двадцать или двадцать семь тысяч человек придут на Пер-Лашез хоронить не Пьера, а самих себя.

Кстати, кто там у вас в жюри? Рестораторша, торговец, медник? Все ясно: фашизоидное «молчаливое большинство» осудило Пьера за свой страх и свои сгоревшие в 1968 году автомобили, за своих непокорных детей, за жену-негритянку, за папу Мойшу. Тот же суд дал охраннику завода «Рено» Трамони, в 1972 году в упор застрелившего двадцатитрехлетнего гошиста Пьера Оверне, всего четыре года. Трамони убьют в марте 1977 года — странная параллель с убийством Гольдмана.

Главный козырь защите дал сам Гольдман. В октябре 1975 года шестидесятитысячным тиражом вышла его блестящая проза «Смутные воспоминания польского еврея, рожденного во Франции». Когда 20 декабря кассационный суд отменил по техническим обстоятельствам приговор, заново судить предстояло уже не бродягу, а знаменитого писателя. На процессе, открывшемся 26 апреля 1976 года в Амьене, перед каждым присяжным лежали «Воспоминания»: расстарались адвокаты. Накануне суда в защиту Гольдмана «храбро» выступил лидер социалистов Франсуа Миттеран. Едва успел: 4 мая Гольдмана признали невиновным в убийстве, за грабежи дали двенадцать лет, а 5 октября освободили условно-досрочно.

Сейчас Гольдмана считают убийцей больше людей, чем в 1976 году. Его алиби уже не кажется бесспорным.

Друзей смутила тень полупризнания в романе «Обычные злключения Арчибальда Рапопорта» (1977): герой убивал «фликов», судей и адвоката. Режис Дебре в 1975 году славил Гольдмана, а в 1992-м сухо констатировал: «В глазах публики он был спасен Холокостом. <... > дело Дрейфуса обеспечило нам целый век нечистой совести». Писателю Микаэлю Празану психиатр Гольдмана рассказала, что он звонил ей перед арестом: «Знаешь, я что-то сделал. Это случилось само по себе. Теперь назад уже никогда не вернуться. Теперь есть только „до“ и „после“». По ее версии, Пьер стрелял, не выдержав женских криков.

«Мог ли я совершить такое и начисто забыть?» — спрашивал он Леклерка. В день убийства его терзала зубная боль. К тому же Гольдман на протяжении нескольких месяцев страдал бессонницей, а когда сон брал верх, принимал таблетки, удерживавшие его на призрачной грани яви и грез. Мне кажется, он мог забыть.

Раввин Фима, опекавший заключенных иудеев, требовал: поклянись, что невиновен, на Торе, и я в огонь брошусь, но спасу тебя. Атеист Пьер поклялся Фиме памятью жертв Холокоста, а папе — памятью его боевого соратника, казненного нацистами. Мне кажется, он не мог соврать.

Я думаю, он видел в убийце своего метафизического двойника (Гольдман — романтический герой, и двойни-чество — романтическая тема), совершившего то, чего он не желал, но рано или поздно был обречен совершить. Хотя бы в тот самый вечер 19 декабря: Гольдман с пистолетом ждал у метро Сен-Поль сообщника по намеченному ограблению. Тот не пришел — Гольдман отправился слушать сальсу.

Это объясняет его тревожные слова. «Мой суд во мне», «Странный ток воздуха затягивал меня в пучину этих убийств», «Мне в лицо наотмашь ударили мои мечты».

Наверное, он знал убийцу: собутыльника или одного из сообщников, которых так и не выдал. Знал так же хорошо, как и доносчика, которого не разоблачил из извращенного благородства.

* * *

Но кто убил его самого?

Некто позвонил в агентство «Франс-пресс»: «Судебная система снова показала свою слабость и попустительство преступникам, мы исполнили свой долг». «Мы» — это «Честь полиции», так называлась организация Соппротивления в парижской префектуре (42). В конце 1970-х имя вновь вынырнуло из небытия. «Честь» взорвала автомобиль коммуниста, избившего на манифестации «флика». Угрожала режиссеру Мишелю Драшу, рокеру Берни Бонвуазену, комику Колюшу, «оскорблявшим» полицию. Но «флика», даже самым злопамятным фашистам, было не до Гольдмана: шла охота на Месрина (47).

Кто-то отряхивал от нафталина забытые имена, наводил на ложный след. Так, в 1978 году Анри Кюриэля якобы убила давно разгромленная «Дельта»: убийством хвастался перед комиссаром Эме-Бланом стукач, киллер и агент контрразведки Жан Пьер Майон (9). В деле Гольдмана без него не обошлось: в январе 1980 года он вновь бахвалился перед куратором успешной ликвидации.

Свято место пусто не бывает. Майона убили в 1982 году, а в январе 2010-го телевизионный «Канал плю» предъявил признания нового кандидата в убийцы. Безликий «Густаво» показывал на местности, как стрелял, вспоминал, какой вестерн смотрел после убийства. Он назвался «патриотом», другом легендарного наемника Боба Денара, связником Стефано «Римского бомбардира» дел-ле Кьяйе, пытавшегося в декабре 1970 года совершить в Италии фашистский переворот. Убийц, в том числе офицера контрразведки, якобы направил Пьер Дебизе, шеф голлистских «горилл» из «Службы гражданского действия» (46). После расправы он принял и поблагодарил их, упомянув, что акция одобрена Виктором Шапо, советником президента Жискара. Дебизе и Шапо умерли: спросить не с кого.

Майон говорил, что убил Гольдмана по заданию «GAL». Направляемые Мадридом «эскадроны смерти», уничтожившие во Франции около тридцати басков из сепаратистской организации ЭТА, назовутся Антитер-рористическими группами освобождения (GAL) только в 1983-м. Тогда они еще именовались «Испанским баскским батальоном», но дело не в названии: во Франции с ними сотрудничали и уголовники, и полиция.

Гольдмана могли убить не за то, что он совершил, а за то, что собирался совершить. Многие говорят: он думал только о творчестве и любви. Но немало и тех, кто считает: он не распрощался — это было бы даже оскорбительно для него — с революционными, самоубийственными мечтами. Пока он сидел, в Европе наступили «свинцовые годы» террора и контртеррора черного и красного интернационалов. Франция напрасно гордится, что избежала большого кровопускания: здесь тоже пуля превратилась из последнего аргумента в первый и последний. Мог ли Гольдман остаться в стороне?

Он что-то затевал с тюремными знакомцами. С марсельским гангстером Шарли Бауэром (1943–2011) создал вооруженную антифашистскую группу из двенадцати человек. Неудивительно, что ровесники мгновенно нашли общий язык. Как и Гольдман, Бауэр был сыном рабочих, евреев и коммунистов. Как и Гольдман, комсомолец Бауэр впал в диссидентство и рассорился с компартией, когда та не поддержала борьбу Алжира за независимость. Как и Гольдман, Бауэр вступил на путь революционного бандитизма, за что в 1962 году получил двадцать лет, из которых отсидел пятнадцать, девять из них — в невыносимых камерах строгого режима.

Существует версия — слишком эффектная, — что Бауэр свел Гольдмана с Месрином. Объединившись, леваки и анархо-бандиты могли навести шухер почище, чем «бригадисты» в

Италии. Они якобы уже получили и опробовали при налетах автоматы, присланные палестинцами. Очередями из тех же автоматов дебютировали боевики леворадикального «Прямого действия» 1 мая 1979 года. Осознав угрозу, спецслужбы ликвидировали и Гольдмана, 288 и (2 ноября) Месрина.

По словам самого Бауэра, их группа быстро раскололась, и Гольдман, поглощенный литературным трудом, покинул ее. Что же касается Месрина, то Бауэр познакомился с ним еще позже. Последние месяцы жизни Месрина они работали вместе, за что Бауэр получил еще девять тюремных лет. Верить ли Бауэру, темниле и конспиратору, — другой вопрос.

Эме-Блан не сомневался, что Гольдмана убили спецслужбы, но идею колоссального заговора во главе с Пьером высмеял. По его данным, Пьер, слишком болтливый для конспиратора, тщетно искал встречи с Месрином.

А за пару дней до гибели, заметив слезку, просил журналиста Жана Мишеля Карадеша раздобыть ему револьвер. Непохоже на человека, ворочающего партиями оружия.

По другой версии, группа Гольдмана переправила партию «Калашниковых» для ЭТА, наследников антифашистского Сопротивления. С басками Пьер общался в баре «Бофинже», их штабе.

Говорят, Гольдман обнаружил, что оружие ушло не баскам, а «GAL». Свое недовольство он выразил посредникам — марсельским паханам, «каидам», а те к такому обращению не привыкли. Но, скорее всего, марсельский «крестный отец» Тони Дзампа, союзник «GAL», подстраховался, узнав, что Гольдман ошивается в баскском баре. Дзампу тоже не спросишь: в 1984 году, сойдя с ума, он повесился в тюрьме.

Пьер всю жизнь искал свою «Испанию» — из Испании пришла к нему смерть. Возможно, в день гибели он был счастлив еще и потому, что чувствовал себя бойцом интербригад.

P. S. Пьеру Гольдману посвящены документальные фильмы: «Почему Гольдман?» Жерара Калисти (1975), «Айнами (Сальса для Гольдмана)» Франка Кассенти (1980), «Убийство Пьера Гольдмана» (2005) Мишеля Празана, «Как я убил Пьера Гольдмана» (2011) Мишеля Деспракса и Филиппа Науна. Он также один из героев документальной телеэпопеи Эрве Амона и Патрика Ротмана «Поколение» (1988). В телефильме Кристофа Блана «Гольдман» (2011) заглавную роль играет Самюэль Беншетри.

«Честь полиции» выведена под названием «Верность полиции» в фильме Жозе Пинеиро «Не будите спящего флика» (1988). Бауэра играли Клод Фаральдо («Месрин» Андре Женовеса, 1983) и Жерар Ланвен (дилогия Жан-Франсуа Рише «Месрин», 2008).

Бауэру посвящен документальный фильм Мартена Монжа «Марафонец надежды» (2006). «Антитеррористическим группам освобождения» — фильм Микеля Куртуа «GAL» (2008).

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ОКРУГ

Глава 31

Тюрьма Сантэ

Бунт в западне (1944)

Вполне естественно, что самый кровопролитный бунт заключенных в истории Франции произошел в самой знаменитой тюрьме. То есть в Сантэ — тюрьме «Здоровье», что звучит издевательски. Так ее называли в честь одной из улиц, наряду с улицами Мессье, Жана Долана и бульваром Араго очерчивающей квартал, занятый трапециевидным централом, возведенным Жозефом Огюстом Эмилем Водреммером в 1867 году. За ее стенами — четыре блока: блок А — для граждан Западной Европы, В — Черной Африки, С — Магриба, D — всех прочих. Сейчас функционирует только блок А.

Сантэ — единственная парижская тюрьма в черте города. В 1909–1939 годах у ее стен, на бульваре Араго, проходили публичные казни (6). В 1939–1973-м казнили внутри тюрьмы: здесь скатились головы героев этой книги — доктора Петтио (38) и «месье Билла» (7).

Кто только здесь не побывал. Писатели Гийом Аполлинер (2), Леон Доде (23), Жан Жене (11). Жорж Бернанос вспоминал, как весело проводил время в заточении, куда будущий классик, а в начале 1910-х годов — «королевский молодчик», попал за участие в уличных потасовках: «Мы по-братски делились передачами с землекопами, пели вместе с ними то „Да здравствует Генрих IV!“, то „Интернационал“»¹³. Рэперы Док Старр, Мистер Ю, Бу-ба и Сет Геко. Актер Сами Насери и владелец марсельского футбольного клуба «Олимпик», гонщик, министр и актер Бернар Тапи. Белоэмигрант Павел Горгулов, застреливший президента Думера, подполковник Жан Мари Бастьен-Тири, расстрелявший в 1962 году из пулемета автомобиль президента де Голля, сепаратист Иван Колонна, убивший в 1998 году Клода Эриньяка, префекта Корсики. Японец-каннибал Иссеи Сагава и Жан Кристоф Миттеран, сын президента, запутавшийся в торговле оружием. «Международный террорист» Карлос и убийца Жак Феш, беатифицированный Ватиканом за свое раскаяние перед смертью.

Из недавних сидельцев — «сильный человек» Панамы Мануэль Норьега и Жером Кервьель, проделавший в кассе «Сосьете женераль» дыру в пять миллиардов евро.

Побеги из Сантэ вошли в легенду. В мае 1978 года ее пятнадцатиметровые стены перемахнул «враг общества номер один» Жак Месрин с двумя товарищами (47). В мае 1986 года Надин Вожур вывезла на вертолете из прогулочного дворика мужа-грабителя Мишеля Вожура. Но вот кровавый бунт случился лишь однажды, 14 июля 1944 года.

Его дата красноречива: День взятия Бастилии — национальный праздник, запрещенный оккупантами. В Париже еще свирепствуют немцы, но союзники, высадившиеся в Нормандии 6 июня, вот-вот взломают их оборону и откроют дорогу на столицу. Чуть больше месяца остается до восстания в Париже. Резонно предположить, что тюремный бунт — дело рук Сопrotивления.

Резонно, но ошибочно. Политзаключенных в Сантэ хватало (четыреста шестьдесят четыре из четырех тысяч шестисот тридцати четырех арестантов), здесь расстреливали голлистов и коммунистов, о чем напоминает мемориальная доска, но они не готовили бунт, не участвовали в нем и даже не стали после его подавления, как можно было бы предположить, козлами отпущения. В «бале громил», или «изумительном кошмаре», как назвал бунт заключенный в Сантэ редактор подпольных газет, кинокритик Жорж Альтман, радостно участвовали уголовники, но он не был и их инициативой. Между тем мятеж, безусловно, был организован, точнее говоря, спровоцирован.

Может быть, это совпадение, но тень бунта упала на тюрьму после появления в ней 5 июля необычного заключенного. Тоже своего рода «политика». Марсель Бюкар, оваянный славой герой Первой мировой, создатель в сентябре 1933 года фашистской партии «франсистов», познакомился с тюрьмой еще в 1936 году, стоял у истоков легиона французских добровольцев СС. Но, даже обладая таким послужным списком и, соответственно, практически полной безнаказанностью, он перегнул палку.

Бюкар с группой бойцов «Синей руки», его личной гвардии, обыскал, то есть попросту ограбил, квартиру 292 ювелира-еврея. Тот сумел оповестить полицию. Когда наряд прибыл, Бюкар уже усаживался в автомобиль и подчиниться полицейским отказался. Они прострелили шины его шикарного «делажа». «Гвардейцы» срезали двух «фликов» из автоматов. Префектура пришла в бешенство: Бюкара с подручными схватили и заперли в Сантэ. Поговаривали — версия кажется притянутой за уши, — что арест спланировал он сам: предчувствуя бегство немцев, хотел иметь в запасе козырное доказательство, что его репрессировали за участие в Сопrotивлении. Говорят, делегаты от уголовников били челом перед Бюкаром, чтоб он возглавил бунт, но «синерукий» предпочел предупредить о нем немцев.

Как бы там ни было, это после его ареста по Сантэ поползли малявы, призывавшие уголовников в 10 часов вечера 14 июля ломать двери камер. Сигналом должно было послужить пение «Интернационала» — слишком недвусмысленное указание, что за бунтом стоят коммунисты. «Политики» скорее бы выбрали «Марсельезу» — национальный гимн, объединявший и левых, и правых антифашистов. Никаких маляв они не распространяли и резонно предположили: нацисты готовят кровавую баню, чтобы перебить их при попытке бунта или побега.

Атмосферу, царившую в Сантэ тем летом, не понять, если не учитывать одно обстоятельство. Штат охраны значительно возрос за счет мобилизации безработных водителей автобусов и работников метро — пролетариев, лишенных навыков и инстинктов профессиональных тюремщиков, а зачастую и сочувствующих Сопротивлению. И не только сочувствующих. 22 мая заместитель начальника тюремного ведомства Жослин Маре отправил штурмбанфюреру СС Жозефу Дарнану, командующему милицией — вооруженными соединениями французских фашистов и министру общественного порядка, бюрократически-сдержанное, но объективно паническое письмо. Маре был уверен, что многие новобранцы пошли в надзиратели по приказу компартии для подготовки побегов.

Но заменить их нечем: «Ни один француз не хочет быть надзирателем», даже милиция игнорирует разнарядку по набору в тюремщики.

Да что там надзиратели! Представители «политиков» чуть ли не ежедневно и практически на равных совещались с директором тюрьмы Жаном Фаржем, вступившим в должность 10 июня. Нельзя сказать, будто они грубо нарушили тюремные традиции, когда не только предостерегли уголовников, но и оповестили о грядущем бунте начальство. Предупреждение оказалось встречным. Фарж как раз собирался предупредить их о провокации: готовится бойня, будьте бдительны.

«Политики» между тем, несмотря на просьбы — именно просьбы — Фаржа затаиться, не собирались отказываться от празднования, намеченного на 16.00. Директор не мог устоять перед их требованиями — именно требованиями: ничего не вижу, ничего не слышу, никому ничего не скажу, только сделайте все по-быстрому. Уложились в час. Огласили тюрьму «Марсельезой», вывесили из окон самодельные флаги с Лотарингским крестом — символом Сопротивления, фригийские колпаки, трехцветные гирлянды, огромные буквы, сложившиеся в лозунг «Да здравствует Франция!». Уголовные корпуса угрюмо — не к добру — молчали.

Только после этого Фарж вызвал дополнительную охрану (всего в Сантэ насчитывалось двести семь охранников) с пулеметами.

Девяносто политических камер отходили ко сну, когда примерно в 22.10 тревожная сирена слилась с громом ударов и ревом луженых уголовных глоток, затем с топотом тысяч ног по коридорам и звоном битого стекла. Уголовники, не вняв предостережениям — сами с усами, — высадили двери камер: сначала на втором и третьем этажах, далее везде. Четыре тысячи убийц, воров, сутенеров правили свой короткий бал. Разгромили тюремные мастерские, кабинеты и все, что можно было разломать, свели старые счеты между собой. Пошвыряли в лестничные пролеты неподъемные тележки, на которых развозили по камерам баланду. За ними — бредовое видение, просто фильм Бунюэля — зубодробительное кресло из тюремной больнички. Охрана ретировалась, вплетая в симфонию хаоса выстрелы.

«Ад? — вспоминал Альтман. — Если вы верите в ад, то это был он». И признавался спустя долгое время: «Я до сих пор боюсь той ночи». «Политики» с ужасом и досадой заранее пережили в своем воображении гибель — не в бою, не во имя своих убеждений, а по воле абсурда, ни за понюшку табака.

Поначалу они затаились, приняв меры предосторожности. Сочувствующие охранники передали им ключи от камер, и они отомкнули двери, с тем чтобы так же незаметно запереться обратно, когда закончится мятеж. Смысл этих манипуляций заключался в том, чтобы уголовники, движимые благим порывом освободить товарищей по несчастью, не выбили двери политических камер и никто не обвинил бы «политиков» в бунте. Но отсидеться было немислимо.

В распахнутых дверях камеры Альтмана появилось лицо. Лицо ли? «Самое кошмарное, какое только можно вообразить, пузырящееся слюной ненависти лицо. Штрафбаты, кайенская каторга, бульвар Преступлений — оно несло с собой все мыслимые воспоминания, почерпнутые из дурной литературы».

— Отсидживаетесь, мыши?!

— Сейчас, земляк, сейчас: только обуемся.

Но человека с лицом-кошмаром уже увлекла за собой вулканическая лава разъяренных, потных, полуголых, расписных тел, катившаяся по тюремным лестницам. Некоторые «политики» испытали острое искушение раствориться в этой животной лаве, высадить ворота и — все равно помирать — полечь на парижских улицах под пулеметным огнем. Не удалось: музыка бунта внезапно сменила тональность.

Дудки и губные гармошки — не галлюцинация ли это? Забыв о том, что — теоретически — бунтуют для того, чтобы вырваться на свободу, эки, запрудившие двор, пустились в пляс, как пускались каждое 14 июля своей жизни на Пигаль и в Бельвиле. Нет под рукой подружек — не беда: разбившись на пары, прожженные мужики веселились, как дети, кружась в кольце тюремных стен.

Некоторые, правда, бросились к умным «политикам» с вопросом: «А куда нам теперь?» Те могли ответить разве что: «Некуда». Выходы намертво перекрыли решетки, опущенные охраной, и взяли под прицел пулеметы. Тюрьму окружила полицейская «мобильная гвардия». В качестве карателей в Сантэ около полуночи перебросили фельджандармерию. Затем — не менее двухсот милиционеров будущего гауптштурмфюрера (по его словам, он плакал, надев немецкую униформу, но, что поделать, крестовый поход Единой Европы против большевизма требовал жертв) французской дивизии СС «Шарлемань» Жана Бассомпьера.

Нифельд, немецкий командир, требовал голов всех «политиков»: «Я хочу войти в камеры, красные от крови». Его парни добродушно шутили: «А, это „политики“? „Политики“ — пиф-паф». На совещании в кабинете директора французская сторона убедила Нифельда, что входить немцам в тюрьму сейчас бессмысленно: темно, в тюремных лабиринтах они не ориентируются, так что лучше подождать, пока уголовники устанут. Бассомпьер утверждал, что только благодаря ему удалось предотвратить резню, но утверждал-то он это, когда его судили. Хотя, зная, насколько прихотливы отношения между фашистской Францией и Францией Сопротивления, в это можно поверить.

После трех часов утра милиция через решетки и окна открыла шквальный огонь. Пули гулко рикошетили по коридорам. Потеряв шесть человек убитыми, уголовники к четверем утра разбежались по камерам: в одну из них — на восьмерых — набилось пятьдесят восемь бунтовщиков. Кто-то — помирать, так с музыкой — затянул «Интернационал», раскаявшись в бессмысленности своего существования по сравнению с коммунистами.

«Политики» же, как и планировали, заперлись, а ключи, уличавшие охрану в сговоре с ними, мистическим образом исчезли. Хотя на несколько дней тюрьма была полностью отрезана от внешнего мира и фанатики из милиции могли творить что угодно, никто из «политиков», к их недоумению, не пострадал: их камеры даже не обыскали.

Репрессии, однако, намечались жестокие. Нифельд, компенсируя полуночный афронт, требовал двести трупов. Ну ладно, сто. Бассомпьер, если ему верить, успешно сбивал ставки. В кабинете Фаржа обосновался военный трибунал — предотвратив бессудные убийства, удалось выгадать время для торга с немцами. Обошлись малой кровью. 15 июля в 18.30 у стены, отделяющей тюрьму от улицы Жана Долана, началось приведение приговоров в исполнение: двадцать восемь заключенных были расстреляны в четыре приема — фактически по воле жребия. Все они были уголовники, в большинстве своем молодые, не рецидивисты. Отбывавшие смешные два, а то и полтора года за кражи, а то и просто подследственные по делам о воровстве, шантаже, нанесении телесных повреждений.

Один из них перед смертью крикнул, что твоя Зоя Космодемьянская: «Красная армия отомстит!»

Весть о бунте заставила грезить Жана Жене (11), только в марте откинувшегося гения. Свои садомазохистские видения он запечатлел в «Торжестве похорон». «В течение двух дней заключенные, взломав двери камер и раздобыв кое-какое оружие, сделались хозяевами тюрьмы, и она превратилась в ужасное место, где бесконтрольная сила заменила закон. Сами заключенные приходили в ужас. Охрана разбежалась, затворив наружные решетки, и мы попали в крысоловку, не имея возможности выйти за стены, где нас поджидали вооруженные полицейские и солдаты. Если кто-то из нас показывался в окошке, какой-нибудь жандарм прицеливался и стрелял. У нас не было припасов. Обезумев, мы уже не понимали, с кем сражаться. <...> Мы если и передвигались, то медленно, осторожно, держа перед собой трухлявые тюфяки, служившие хоть каким-то прикрытием. <...> Малолетков страх и упоение авантюрой, ее экстраординарность, близость кары, которая представлялась тягчайшей, бросали друг друга в объятия, заставляя искать любви матерых парней...»¹⁴ Кто о чем...

29 июля немецкий посол Абец лично освободил, прилюдно обняв, Бюкара и его «горилл». В 1946 году Бюкара расстреляли; Бюссера приговорили к пожизненному заключению, в 1951-м освободили — через два года он умер. Камеру в Сантэ тогда же занял Бассомьер. Он успел повоевать на Восточном фронте, получить Железный крест, сдаться в советский плен, бежать, когда его этапировали во Францию, перейти пешком Альпы и попасться 28 октября 1945 года на борту судна, отбывавшего из Неаполя в нацистский рай — Южную Америку. Среди предъявленных ему обвинений расстрел в Сантэ занимал почетное место. По свидетельству тюремного священника, он умер с редким достоинством. Когда 20 апреля 1948 года за ним пришли, чтобы везти на казнь в форт Монруж, он встретил тюремщиков презрительно: «Вы ранние пташки, господа. Пришли, как воры, да-да, как воры». И, проходя под конвоем по коридору тюрьмы, которую недавно залил кровью, громко попрощался с товарищами по несчастью.

Р. С. Самый знаменитый фильм о побеге из Сантэ — «Дыра» Жака Беккера (1960). Побег Вожура навеял Маруну Багдади «Дочь воздуха» (1992) с Беатрис Даль в главной роли. Вожуру посвящен документальный фильм Фабьен Годе «Не выпускайте меня на свободу, я сам с этим справлюсь» (2008). В фильме Жана Поля Раппно «Счастливого пути» (2003) есть сцена хаотической эвакуации Сантэ в июне 1940 года.

Глава 32

Улица Сантэ

Лицо и маска Жозе Джованни (1960)

Напротив главного входа в Сантэ до начала 1980-х располагалось кафе «А ля бонн сантэ». Банальное название «На здоровье» в виду тюрьмы «Здоровье» окрашивалось черным юмором. Типа: «За добрую тюрьму» или «Чтоб вам хорошо сиделось».

Здесь после смены пропускали по стаканчику надзиратели. Смаковали первый за многие годы кальвадос или пастис только что освободившиеся зэки. Почтительное сочувствие окружало родственников подследственных по тяжелым статьям и смертников. Они расспрашивали, не делил ли кто камеру, не встречал ли в больнице, не слышал ли чего об их детях или братьях. Пытались разговорить тюремщиков, а если повезет, то подружиться с ними или подкупить.

В 2001 году Жозе Джованни (1923–2004), сценарист «Искателей приключений» (1967) Робера Энрико и «Второго дыхания» (1966) Жана Пьера Мельвиля, режиссер фильмов «Последнее известное место жительства» (1970) и «Двое в городе» (1973), снял фильм «Мой отец спас мне жизнь», ставший его завещанием. Герой фильма Джо — никчемный отец, которого ненавидят собственные жена и сын, просадил свою жизнь в покер. Но, когда двадцатидвухлетнего Маню приговорили к смерти за налет, пошедший не по плану и

14 Перевод Г. Зингера. Цит. по: Жене Ж. Торжество похорон. М.: Текст, 2006. С. 271–272.

обернувшийся пятью трупами в последнем акте, Джо посвятил себя спасению сына. Почти переселился в «На здоровье», умолил родных жертв поддержать ходатайство о помиловании и совершил чудо — пробился к президенту, и тот за трое суток до казни заменил «вышку» на двадцатилетнее заключение. От сына Джо не услышал ни слова не то что любви, но даже благодарности.

Фильм стал запоздалым покаянием режиссера. Маню — это сам Джованни, в конце 1940-х звавшийся еще Жозефом Дамиани. Это его отец четыре года безвылазно провел в «На здоровье». В этом фильме достоверен. Но только в этом.

Джованни, как писатель и режиссер, родился в тюрьме. Первый его шедевр — сценарий фильма Жака Беккера «Дыра» (1960), объяснение в ненависти к Сантэ, начинался безыскусным обращением к зрителям: «Здравствуйте... мой друг Жак Беккер изложил во всех подробностях одну историю... подлинную историю. Мою собственную. Произошло это в 1947-м в тюрьме Сантэ...»¹⁵

Камера оператора почти не покидала тесную тюремную камеру, но саспенса в «Дыре» было больше, чем в любом триллере с погонями и стрельбой. Это был рассказ о четырех эках, на свою беду посвятивших нового сокамерника в план побега. Почти инструкция по технологии побега, скрупулезно внимательная к мельчайшим деталям: как пилить решетку, долбить лаз в подвал, подменить человека на койке чучелом. И главное, горькая притча о предательстве, об иудах рядом с нами: предательство, как и несправедливость высшей меры, станут сквозными и болезненными для Джованни темами.

Авторское знание тюрьмы никого не удивило и не шокировало. В 1950-х целая плеяда отцов французского нуа-ра принесла с собой в литературу опыт тюрьмы и гангстерского подполья: Альфонс Будар, Альбер Симонен, Огюст Ле Бретон, Анж Бастиани, Роже Дюшен (29). Они сразу завоевывали доверие зрителей, но Джованни доверять не стоило.

Побег, в котором он участвовал, Джованни описал еще в тюремных стенах: адвокат Стефан Эке рекомендовал сочинительство как лекарство от депрессии. Лекарство пришлось по вкусу: в Сантэ он создал еще четыре романа, вышедших в 1960 году — залпом, по книге в месяц — в «Черной серии» издательства «Галлимар»: «Второе дыхание», «Взвесь весь риск», «Отлученный», «История психа». Эке, как и многие адвокаты, баловался пером и не оставил своими заботами Жозе после освобождения в декабре 1956 года. Он передал рукопись Беккеру, писателям Роже Нимье и Антуану Блондену и самому Альберу Камю. Камю не поверил, что автор столь сильного текста — молодой уголовник: «Нет, нет, я узнаю руку Мальро». Заметим в скобках, что реакция Камю известна со слов Джованни. Как и его официальная биография.

Отменная биография — суровая, романтическая, хоть на музыку клади. Жозе учился в лучших парижских лицеях, но семья покинула Париж, когда разорился принадлежавший им отель: сыну пришлось побывать лесорубом, шахтером, проводником в горах. В 1944 году он переехал к сестре в Нант, партизанил, бежал из гестапо. Победу он праздновал уже в Париже, скорее всего на Пигаль: жажда приключений увела его, как и многих «детей Сопrotивления», на кривую дорожку.

В составе банды своего дяди Поля Сантоса братья Жозе и Поль вымогали ценности у воротил черного рынка, сотрудничавших с нацистами. Почти благородный разбой: попили вы нашей кровушки, теперь мы попьем вашу. Но одна из обычно покорных жертв схватилась за револьвер. Продолжения раненный в ногу Жозе не видел, поскольку потерял сознание и понятия не имел, как его родичи навалили три трупа. Поль бежал со следственного эксперимента и пал в Ницце 11 июля 1946 года случайной жертвой сведения счетов между бандитами из числа участников Сопrotивления. Сантос укрылся в Испании. Жозе ни в кого не стрелял, но и никого не сдал: 10 июля 1948 года его и Жоржа Аккада приговорили к смерти, а 9 марта 1949-го заменили «вышку» на двадцать лет каторги.

15 Перевод З. Базилевской. Цит. по: Беккер Ж. Высказывания. Фильмы. М.: Искусство, 1969. С. 133.

После выхода из тюрьмы Джованни пришлось параллельно устраивать свою литературную судьбу и разрешать проблему кровной мести. Как истинный корсиканец, он был обязан убить убийцу своего брата. Тот же превентивно «заказал» самого Джованни. Жозе уже не хотелось ни убивать, ни тем более умирать, и он обратился к третьей инстанции — к криминальному подполью, легендарному Жо Аттиа (46) из банды «безумного Пьеро» (39), который разрешил конфликт полюбовно.

Участие в Сопротивлении минимизировало криминальные грехи Джованни. Но легенда поползла по швам 14 октября 1993 года. Швейцарские газеты «Ла трибюн де Женев» и «Венкатр ер» обвинили Джованни — с 1986 года гражданина Швейцарии — в том, что он состоял, как и его брат, в нацистской милиции, участвовал в рейдах против партизан и облавах на уклонистов от принудительных работ в Германии. А еще — грабил, прикрываясь поддельным полицейским удостоверением: характерная практика отморозков из французского гестапо (37). Короче говоря, биографию Джованни следовало поставить с головы на ноги.

Джованни гневно предъявил удостоверение участника Сопротивления и резонно напомнил, что, поскольку судимость снята, информация или домыслы о его былых грехах незаконны. Но из-за скандала Швейцария не дала ему денег на фильм об Анри Гизане, командующем швейцарской армией во время войны, почитаемом соотечественниками за то, что эта армия так и не сдвинулась с места.

Установить истину можно было, просто заглянув в старые газеты: дело-то было громким. Дорогого стоит заголовок в «Паризьен либере» (10 июля 1948 года): «Уголовники из баров Елисейских полей перед судом присяжных: Аккад и Дамиани использовали гестаповские методы, чтобы заставить своих клиентов „искупить вину“». Слова о вине — сотрудничестве с оккупантами — звучали пикантно в устах рэкетиров из гестапо. Тем более что вину жертвы искупали раз и навсегда: даже по волчьим законам послевоенного времени, банда беспредельничала.

Братья Дамиани сменили немецкую форму, в которой ходили на дело прежде, на французскую. Похищения разыгрывались как арест за «измену родине». Помимо них и Аккада в банду Сантоса входили наводчица Жаклин Босержан — любовница Аккада — и Жак Менассоль, в годы войны телохранитель Жана Эрольда-Паки, истового нацистского радиопропагандиста, расстрелянного в 1945-м.

18 мая 1945 года они похитили владельца ликерного завода Хаима Коэна, выбили из него чек на сто пять тысяч, после чего Менассоль застрелил Коэна: труп бросили в Сену. 31 мая — закопали в лесу промышленников братьев Жилия и Роже Пежо. Именно при захвате Пежо Джованни случайно прострелил себе ногу. Босержан на том же процессе, что и он, получила десять лет каторги. Менассоль застрелился, окруженный полицией, в парижском метро 11 июня 1947 года.

Некоторые исследователи считают Менассоля и Сантоса упырями, а Джованни и Аккада — лишь сообщниками, поплатившимися за молчание на следствии. Но самому Джованни никто не задавал лишних вопросов. И закон не велел, и связываться с живым классиком, до старости сохранившим блатную ухмылку, волчий взгляд и тюремные замашки, не очень-то хотелось.

Впрочем, однажды Джованни допустил оговорку по Фрейду. Суд инкриминировал ему связь с неким гестаповцем Орловым — белобандитов хватало во всех криминальных «гестапо». Орловым же Джованни назвал «надежного человека», с которым идет на ограбление герой Лино Вентуры во «Втором дыхании».

P. S. Помимо «Отца» (2001), Джованни пытался реабилитировать юношей из нацистской милиции в фильме «Мой друг — предатель» (1988). Отказ Лино Вентуры участвовать в нем разрушил их тридцатилетнюю дружбу. Историю гестаповца Абея Даноса он превратил в романтическую балладу — сценарий, по которому Клод Соте поставил «Взвесь весь риск» (1960). О политических симпатиях Джованни говорит и то, что «Райскую

канализацию» (1979) он снял по книге Альберта Спэджари, не только автора «ограбления века» в Ницце (июль 1976 года), но и ультраправого активиста, поклонника СС, киллера на службе пиночетовской охраны.

Уголовника, выдающего себя, как Джованни, за героя Сопротивления, впервые вывел на экран Морис де Канонж в «Легавом» (1947).

Глава 33

Улица Круа Нивер, 25

Тайна Полины Дюбюиссон (1951)

17 марта 1951 года в обычном парижском доме номер 25 по улице Круа Нивер разыгралась обычная парижская трагедия ревности. Двадцатичетырехлетняя Полина Дюбюиссон пришла для решающего объяснения к экс-любовнику Феликсу Байи. Точнее говоря, выследила его. Несколькими днями ранее она, раздобыв револьвер, написала завещание, где говорила об убийстве как о свершившемся факте, и вышла на охоту. Домохозяйка, заметившая оружие, зашла в ее комнату, прочитала завещание и отбила тревожные телеграммы Феликсу и его родителям. Он принял предупреждение всерьез, ночевал у друзей, но вот не уберется.

Застав Феликса врасплох, Полина вытащила револьвер. Он пытался вырвать у нее оружие. Она убила бывшего любовника тремя выстрелами, затем приставила ствол к виску, однако патрон перекосило. Упорная Полина открыла газ, но тут подоспела полиция.

Они познакомились на подготовительных курсах в Лилле: Полина мечтала стать врачом. Осенью 1949 года Феликс объявил их связь ошибкой и блестяще сдал, в отличие от Полины, экзамены в Сорбонну. Она осталась в Лилле, завела любовника-инженера, с которым встречалась тайно, в Австрии. Узнав в октябре 1950 года о помолвке Феликса, поняла, что все еще любит его, приехала в Париж, провела с ним ночь. А наутро услышала, что он переспал с ней, мстя за унижение, — в Лилле он дважды предлагал ей руку и сердце и дважды получил отказ. Тогда Полина отправилась на поиски револьвера.

Такие драмы всегда вызывают банальный ажиотаж. Зеваки занимали очередь у суда на рассвете, совали приставам сто франков, чтобы попасть в зал. Подсудимую караулили три десятка фотографов, выстроившись, по замечанию современника, «как расстрельный взвод». Он не догадывался, сколь точную метафору нашел для состояния Полины — девушки у расстрельной стенки, — потому что не знал ее тайны.

Надежды публики услышать жаркие подробности оправдались. Она узнала, что Полина вела длинный список любовников, а второе предложение Феликс сделал ей, узнав в подробностях от друга-соперника, что возлюбленная изменяет ему направо и налево. Эти детали показались бы публике не такими пикантными, если бы она знала тайну Полины.

Сюрреалисты привычно заступились за Дюбюиссон в специальном воззвании: еще с 1920-х годов они воспевали девушек-убийц — Жермену Бертон (23) или сестер Папен, служанок, освежавших своих хозяек, как кроликов — бросавших во имя «безумной любви» вызов обществу, семье, Церкви. Но никто из них не написал поэму о Полине, подобную стихам Элюара о Виолетте Нозьер (28), разве что египетский сюрреалист Жорж Энейн (в его журнале «Дон Кихот» в 1930-х годах сотрудничал Анри Кюриэль (9)) воспел ее «упрямую красоту»: на иные рифмы, чем «кровь» и «любовь», ее история не вдохновляла. Чтобы найти другие, надо было знать ее тайну.

Газеты выставили Полину Дюбюиссон авантюристкой: расчетливой, развратной, эгоистичной. Живым символом катастрофического падения нравов молодежи, совращенной экзистенциализмом, джазом, Голливудом. Отягчающим обстоятельством сочли даже ее попытку самоубийства в разгар процесса. 28 октября 1953 года монахиня — из них состоял персонал женской тюрьмы «Ла Птит Рокетт» — заглянула в глазок ее камеры: Полина вроде бы спала, но ее выдала струйка крови на запястье. Прежде чем на месяц прервать слушания,

в суде зачитали письма, которые она написала перед тем, как перерезать вены, адвокату и президенту.

Полина просила родителей Феликса о прощении, сожалела и о том, что сделала, и о том, что ей не хватило достоинства выдержать процесс. «Я отказываюсь не быть судимой, а выставлять себя напоказ перед толпой, разительно напоминающей мне толпу времен революции. Мне подошел бы суд за закрытыми дверями. Я рада обвести вокруг пальца тех, кто готовит декорации для этого спектакля». Полина сравнила зевак с «вязальщицами», тетками, упивавшимися во время якобинского террора массовыми казнями, а в перерывах, чтоб никто не занял их места в «партере», занимавшимися рукоделием. Судья назвал ее спесивой комедианткой. Прокурор объявил симулянткой и, когда пришло время, потребовал ее голову. Суд ограничился пожизненным заключением.

Лишь один человек — корреспондент «Ле монд» — чувствовал, что за убийством стоит нечто огромное, стыдное, тягостное и страшное. Пытаясь сформулировать свои ощущения, он предположил, что у Полины есть некая тайна. Журналист знал, в чем дело? Вряд ли. Тайну Полины знал лишь ее отец, а он отравился газом, услышав об убийстве Феликса. Сама она о прошлом молчала.

Тайна Полины, дочери отставного полковника из Дюнкерка, заключалась в том, что она родилась не вовремя: ее юность совпала с оккупацией. В четырнадцать лет соседи застали ее в компрометирующей ситуации в сквере с немецким моряком. В 1944 году она нанялась в военный госпиталь и стала любовницей главного врача Ван Доминика — полковника вермахта в три раза старше ее.

Освобождение обернулось для таких, как она, невинных «немецких подстилок» кошмаром. Те, кто благополучно приспособился к оккупации, выставляли напоказ свой патриотизм и безнаказанно давали волю садистским импульсам. Актер Марк Дельниц вспоминал: «Пробил час сведения счетов. Было, конечно, проще выставить напоказ несчастную обриту девушку, чем атаковать танк. Никто не трудился проверять информацию. Бандиты, которым придавали власть трехцветные повязки, грабили квартиры, а их обитатели, парализованные призраком бессудных расправ, не смели протестовать. Наступило время рогоносцев, поссорившихся соседей, обиженных служащих. Было достаточно подать знак одному из многочисленных „комитетов очищения“, которые только и мечтали устроить себе праздник».

Дельниц описал пир победителей в Париже. То, что творилось в провинции, неопишимо. В Дюнкерке «немецких шлюх», включая семнадцатилетнюю Полину, собрали на площади, раздели, разрисовали свастиками, обрили наголо. Затем в штабе «чистильщиков» Полину долго насильовали: наутро ей предстоял расстрел по приговору «народного трибунала». Отец выкрал ее, они бежали из Дюнкерка. В первый же вечер свободы Полина впервые пыталась покончить с собой.

Банальная история: осенью 1944 года насильовали и не таких женщин — не чета девчонке из Дюнкерка. Так, Мирей Бален (1911–1968) — манекенщицу и актрису, партнершу Жана Габена в гангстерской балладе Жюльена Дювивье «Пепе ле Моко» (1936) — «чистильщики» схватили в Ницце, когда она пробиралась в Италию с офицером вермахта, австрийцем Бирлом Десбоком. Бирла с тех пор никто не видел живым, а Бален, лишь единожды появившись на экране, умерла в нищете.

В 1959 году Дюбюиссон освободили за примерное поведение. Полина взяла фамилию Андре — в честь отца — и снова взялась за учебу. Но 2 ноября 1960 года — новый удар: премьера фильма Анри Жоржа Клузо «Истина», вольной интерпретации истории Полины. Героиню Брижит Бардо, сыгравшей тогда свою единственную трагическую роль, звали Доминик Марсо. Феликса — Жильбером Телье (Сами Фрей). Действие развивалось следующим образом. Он был дирижером и ушел от невесты-скрипачки Анны к ее сестре Доминик. Та впервые испытала любовь, но, развращенная сексуальной свободой, изменила ему в отместку за ошибочное подозрение в неверности. Убийство казалось случайностью.

Доминик хотела застрелиться — или подкрепить револьвером угрозу самоубийства, — но Жильбер оттолкнул и оскорбил ее.

Тайну Полины фильм замолчал. Муки обритых девушек уже не были табу: в 1959 году вышел фильм Алена Рене «Хиросима, любовь моя», главная героиня которого — жертва, ровесница Дюбуиссон. Но Рене с его безупречной репутацией антифашиста было позволено то, что не мог позволить себе Клузо. Дебютировав во время оккупации на немецкой студии «Континенталь-фильм», он был обвинен в коллаборационизме и подвергся трехлетнему «запрету на профессию».

Теперь Полине казалось, что ее узнают на улицах. Она бежала в Марокко, работала в госпитале в Эссауире, собиралась замуж за инженера-нефтяника. Но он разорвал помолвку, когда невеста рассказала ему свою историю. Завещав похоронить себя в безымянной могиле, в июне 1963 года Полина покончила с собой. С пятой попытки, не считая двух миновавших ее смертных приговоров, ей наконец удалось умереть.

Р. С. Фильм Клузо едва не стоил жизни Бардо, по иронии судьбы завязавшей на съемках роман с Фреем. Клузо, известный чудовищным обращением с актерами, бил Брижит по лицу и, когда она заливалась слезами, командовал: «Мотор!» А перед сценой самоубийства дал ей таблетки, оказавшиеся мощным снотворным: Бардо казалось, что она взаправду умирает. После съемок, в октябре 1960 года, актриса пыталась покончить с собой.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ОКРУГ

Глава 34

Тупик Ронсен, 6-бис Кровавая Мэг (1908)

Начало «Дела Стенель» словно пародирует завязку первого в мировой литературе детективного рассказа: «Сегодня, часов около трех утра, мирный сон обитателей квартала Сен-Рок был нарушен душераздирающими криками. Следуя один за другим без перерыва, они доносились, по-видимому, с пятого этажа дома на улице Морг...»¹⁶ Разве что в ночь на 31 мая 1908 года двойное убийство произошло не на улице Морг, а в тупике Ронсен. Часов около шести утра мирный сон обитателей квартала Некер был нарушен душераздирающими криками. Из окна четырехэтажной виллы, принадлежавшей пятидесятивосьмилетнему живописцу Адольфу Стенелю, голосил лакей Реми Куйар. Тупичок под сенью платанов окутала загадка, которую мог бы загадать сам Эдгар По, а разгадать — лишь придуманный им великий Дюпен, но Дюпен в штате парижской полиции не числился.

Накануне мадам Эмиль Жапи, мать Маргерит (Мэг) Стенель, то есть теща Адольфа, приехала в Париж проведать детей. Вечером они собирались в «Вер-Ложи», дом, который семья арендовала в Бельвю — пятнадцать минут на авто, — но у мамы разболелись ноги. Решили пораньше и сегодня лечь, а завтра выехать. Мэг уступила маме свою спальню, устроившись в комнате дочери, семнадцатилетней Марты, находившейся в тот день в Бельвю.

В 5.30 Куйар, спускаясь позавтракать, услышал крики Мэг и обнаружил ее притороченной к постели веревками, в высоко задранной ночной рубашке. Оставив мадам в таком виде, он побежал будить месье, но далеко не убежал, споткнувшись в коридоре о труп удушенного Адольфа. Ломая голову, с кем бы посоветоваться, отвязать хозяйку или нет, Куйар поспешил к мадам Жапи: та лежала поперек постели, с лиловым лицом. То ли умерла от испуга, то ли подавилась вставной челюстью: убийцы заткнули ей рот комом ваты. Только тогда Куйар развязал Мэг. Узнав о трагедии, она лишилась чувств.

16 Перевод Р. Гальпериной. Цит. по: По Э. Полное собрание рассказов. М.: Наука, 1970. С. 291.

Хотя всю ночь лил дождь, душегубы не наследили, не было и следов взлома. В выдвинутых ящиках комода никто не рылся. На дело убийцы шли с пустыми руками — веревки они нашли уже в доме. Зато остановили или перевели стрелки настенных часов на 0.10, а маятник спрятали в шляпную картонку. Мэг связали так неумело, что было непонятно, почему она не распуталась сама, зато методично привязали к спинке кровати каждый палец на ее ногах, потеряв чертову уйму драгоценного времени. Уже мертвым жертвам на шею накинута веревка.

Грех было не заподозрить грубую инсценировку, но никто греха на душу не взял.

Между тем с раннего утра на месте преступления толпились начальник полиции Амар, три высших чина угрозыска, четверо инспекторов. Такое дефиле шишек объяснимо лишь репутацией Мэг. Она привечала в своем салоне и постели весь Париж, в 1899 году в ее объятиях умер президент Фор (17). В лучшем случае Мэг мистическим образом притягивала смерть. В худшем — аукнулась смерть Фора: полиция ходила на цыпочках, чтоб из государственных шкафов не посыпались скелеты.

Понятие «весь Париж» охватывает и правоохранителей. Первый следователь по делу был завсегдатаем салона Мэг. А узнав, кто назначен гособвинителем, Мэг со смехом поделилась с Понсом, директором тюрьмы Сен-Лазар: «Ах, этот позер! Он частенько бывал у меня. Кажется, не сомневался, что все женщины в него влюблены». Когда ей было выгодно, Мэг сдавала друзей и любовников.

Так что у многих имелись еще и личные причины осторожничать.

Если бы заинтересованные стороны вели себя, как принято в обществе, сор остался бы в избе. Но Мэг повела себя дичайшим, непостижимым образом, уже давая первые показания.

Ее разбудил свет фонарика — прямо в лицо. Три гиганта-бородача и рыжая «мегера со ртом, как канализация», приняв Мэг за Марту — ведь она спала в комнате дочери, — допытывались, «где папа прячет деньги». Мегера-фурия рвалась прирезать «Марту», но бандит, похожий на одного из натурщиков Адольфа, заткнул ее: «Мы девчонок не убиваем». Мэг немного побили, очнулась и выплюнула кляп она на заре.

Париж восхищался тем, что тридцатидевятилетняя Мэг выглядела лет на двадцать пять, от силы — на тридцать. Но не до такой же степени молодо, чтобы ее приняли за подростка.

От ее рассказа — «И в этот миг часы проббили ровно полночь» — разило бульварной литературщиной, и не случайно. В доме найдут роман Луи Юльбаша, эпизод из которого Мэг и пересказала. Но поверить в убийц в длинных черных блузах, ах нет, в таких, как у евреев, лапсердаках, а может быть, в сутанах (Мэг путалась в показаниях), было легче, чем в то, что участница убийства не озаботилась вменяемой легендой.

Впрочем, «информационную подготовку» убийства она вела. Незадолго до трагедии комиссар полиции и поэт Эрнест Рейно принял Мэг по просьбе ее мужа: «Знаете ли, ей везде мерещатся грабители». Мадам поведала, что уже две недели грабители еженощно пытаются перелезть через стену виллы в сад: она явственно видела их тени при свете луны. «Если полиция не вмешается, однажды утром нас найдут убитыми в своих постелях!» Рейно, как друг Стенеля, хотя априори и считал Мэг патологической 312 лгуньей, провел расследование. Уполномоченный им инспектор доложил: никаких следов проникновения не обнаружено; перелезть через стену незаметно невозможно, поскольку дом расположен в самом конце тупика; и, наконец, какой вменяемый грабитель пойдет на такое дело при свете луны. Но к расследованию убийства Рейно привлечен не был и историю с ложной тревогой обнародовал годы спустя в своих мемуарах.

Сама реальность тем временем подражала «Арсену Люпену». На станции метро «Этуаль» нашли приглашение на апрельский вернисаж в ателье Стенеля. На нем кто-то записал адрес костюмера с Монмартра, показавшего, что еврейский театр Сен-Дени заказал ему четыре костюма священников-левитов. Три костюма из театра украли 30 мая.

Вот и евреи подъехали. Националисты верили, что Фора убил не минет, а отравили жидомасоны. Теперь, не иначе, хасиды ищут секретное досье на Дрейфуса, доверенное Мэг Фором.

Полиция охотилась на бородачей с рыжими подругами.

Словно недовольная тем, что ей поверили, Мэг начала в ускоренном темпе совершать нелепые, самоубийственные жесты, будто вынуждая следствие сделать что-то, что ему претило.

Уже утром 31 мая, чуть ли не глядя на лежащий на комодке чек на шесть тысяч, полученный накануне в банке, она заявила, что убийцы чек украли. Через пару дней вспомнила о краже дюжины ювелирных украшений. Инспектор составил список: 15 июня — разослал ювелирам, а 23-го — его напечатала «Ле матэн». Тем временем 12 июня Мэг отдала часть «украденных» вещей ювелиру, чтобы тот снял и расплавил их оправы. Выгораживать Мэг ему было незачем, он помчался к Амару.

Взяв каникулярную паузу, Мэг 1 ноября через газету обвинила Амара в том, что тот левитов не ловит. Уязвленный Амар предъявил ей фото, а потом и самого эксцентричного бородача-янки Берлингхэма. Тот носил длинные черные блузы, спал с рыжей актрисой и был замечен у костюмера. Мэг, почти теряя сознание, кивнула: это он. Выяснилось, что 31 мая янки ночевал в отеле в Дижоне, а его рыжая репетировала в Лондоне, но Мэг уже вошла во вкус.

19 ноября она обвинила в убийстве Куйара, в чьем бумажнике нашла — забыв, что эта легенда уже не актуальна, — «краденую» жемчужину. 25 ноября призналась в интервью: «Я подбросила ее, чтобы отвести подозрения, но вам этого не понять». На самом деле убийцей, по ее словам, был барышник Александр Вольф, сын кухарки: «Он вошел <...> я закричала, прибежал муж, Александр его убил. Потом пошел и убил маман. Вернулся и сказал: „Я тебя пощажу из-за дочери, но, если заговоришь, скажу, что ты помогала убивать“. Я потеряла сознание и спрятала драгоценности, чтобы симулировать ограбление». Но Вольф отличался веселым нравом и надолго запомнился хозяевам кафе, где в ночь убийства обмывал сделку.

Изумительное терпение полиции лопнуло: эта нимфоманка — еще и мифоманка. 26 ноября Мэг арестовали по обвинению в убийстве, чего она, похоже, и добивалась. Зачем? Мэг — не мазохистка, тюрьма — не самоцель. Ей был нужен суд.

Зэчки оскорбляли ее, но их мнение не котировалось в свете. Зато директор тюрьмы влюбленно звал ее своей милой, великой жертвой, а персонал — просто Мэг.

На суде — он открылся 3 ноября 1909 года — стала неизбежной огласка ее интимной жизни, но, в конце концов, это был не простой, а великосветский блуд. Франция присвистнула, услышав: «До 1905 года я была так деликатна, что встречалась с любовниками в отелях». После 1905-го ее постоянный, но не единственный друг оплачивал «Вер-Ложи». Мэг нравилось снимать мужчин в метро: о, как кружится голова, проводите меня. Через три дня они заказывали Адольфу портрет, через неделю ехали в Бельвю.

Муж якобы верил в существование Лили: любимой, но невидимой тетушки Мэг. Тетя Лили дарила племяннице деньги и драгоценности. К тете Лили она уезжала в ночное. Летом в Бельвю отдыхала вся семья, но стоило Мэг сообщить, что ее хочет навестить тетушка, семья покорно съезжала. На суде Мэг рассказала, что Лили придумал в качестве алиби и сказал о ней Адольфу один ее друг, который, увы, умер. И вообще, муж не знал о любовниках, потому что они все были его друзьями. В общем, Адольф был то ли сутенером, то ли жиголо жены: его долги достигли пятидесяти двух тысяч, и никто, кроме любовников Мэг, не покупал его картины.

Комиссар Рейно, вопреки профессиональному цинизму, считал Адольфа «достойнейшим человеком на земле», не подозревавшим о распутстве Мэг. Но в 1907 году до него дошли слухи, что художник, получив разоблачительное анонимное письмо, заламывал руки в доме близких друзей: «Что делать, я по тысяче причин не могу развестись с ней!»

Как резонно заметила кухарка Мариэтт: «Был бы рабочим, набил бы ей морду, делов-то, а этот только плакал в кабинете». Друг семьи, мэтр Пэзан, возражал: Адольф плакал, испытывая, как любой художник, творческий кризис. Но по вечерам его ждал стол, украшенный цветами и окруженный друзьями. Мэг «возвращала ему веру в себя», но «после целого дня героических усилий нуждалась в отдохновении», то есть в любовниках.

Конечно, все это увлекательно, но подобная чушь поглотила большую часть процесса. Первая любовь Мэг, лейтенантик, а ныне капитан, назвал ее чистейшим созданием. Спорили, пил ли ее отец, врала ли она учителям, спал ли Адольф с натурщиками.

Мэг прозвали «Сарой Бернар суда присяжных». Да, она эффектно рыдала: «Я оплакиваю свою преступную жизнь, простите, господа присяжные. В тюрьме я раскаялась. Я была не той матерью, в которой нуждалась моя дочь. Сжальтесь надо мной, и пусть матери, которые слышат меня, знают, как я страдаю». Но суд был мелодрамой в меньшей степени, чем комедией абсурда. Мэг выступала в амплуа — но лишь в амплуа — «я у мамы дурочка»: «женская логика» была ее оружием.

«Зачем вы обвиняли невиновных?» — «Но разве это не долг полиции — проверять любую информацию?» — «Из-за вас Куйар провел в тюрьме пять дней!» — «Подумаешь, у нас, в Сен-Лазар, одна девушка месяц сидит за кражу курицы». — «Вы опознали Берлингхэма?» — «Не опознала, а сказала, что он похож на убийцу».

Судья возмущился словами Мэг «Все мы знаем, на что идет суд, чтобы вынудить к признанию». «Такого никогда не бывает, мадам». — «Да сплошь и рядом». — «Я не позволяю вам такие речи». — «Я знаю, о чем говорю, я была интимной подругой следователя».

Клоунада или скудоумие? По-моему, хитрая стратегия: обвинение не заметило, как Мэг перехватила контроль над процессом. Точно так же, находясь на свободе, она подчинила себе следствие, вынуждая метаться от одного ложного следа к другому. Да, она привела следствие в бешенство, но взбесившееся следствие плохо работает, не ищет убийцу, а воюет с неугомной стервой.

Не пытаюсь придать своим показаниям хоть какую-то логику, Мэг играла словами, дезорганизовывала и ставила суд в тупик, отрицала то, что говорила минутой ранее, заставляла тратить время на абсурдные препирательства. Она не путалась в показаниях, а запутывала. Когда зашла речь о драгоценностях, вдруг вспомнила о существовании их дубликатов. Обсуждение важнейшего эпизода увенчало ее очередное: «Сжальтесь!»

Запутались и свидетели: даже в таком незатейливом вопросе, как именно Мэг была связана и кто ее развязал. Кухарка, которой пристало ненавидеть Мэг, забыла все существенные детали, зато сообщила, что они с хозяйкой простили друг друга и расцеловались.

Окончательно Мэг добила суд, решившись наконец сказать всю правду об убийцах: знайте, это были огромные бородачи-левиты. Сказка про белого бычка. Вдобавок нашелся свидетель, видевший, как в 0.45 31 мая из дома Стенелей вышли четверо мужчин с большими сумками — хоть и безбородые, но в сопровождении рыжей девушки.

Суд так и не установил главное — зачем было Мэг убивать мужа и мать. Жалкая мамина рента не покрыла бы долги Адольфа. Ненависть к мужу? Смешно: ну как такого ненавидеть. Планировала ли Мэг новый брак? «Нет, то есть да, но не скоро». Эта версия развеялась, когда суд увидел ее последнего постоянного любовника: лысый, пятидесятилетний, с брюшком промышленник из Арденн.

14 ноября Мэг оправдали. Я думаю, она пошла ва-банк, провоцируя арест, чтобы лишиться ею же дезориентированное следствие возможности и времени проработать обвинение. А дважды за одно преступление не судят.

Она, если и не участвовала в убийстве, то знала и покрывала убийц. Возможно, покрывала из страха. Популярна версия, что той ночью она вызвала богатого любовника, чтобы попросить у него в долг. Поняв, что в обмен на деньги он ничего не получит, тот взъярился. На шум прибежал муж. Мэг не потеряла самообладания и позвонила другому любовнику, на сей раз высокопоставленному, который помог ей с инсценировкой.

Кандидатуры на роль убийцы экзотичны. Русский «боярин». Член британской королевской семьи: забавно, что и Джеком Потрошителем многие считают некоего Виндзора. Министр, вскоре сошедший с ума.

Мэг уехала в Англию, в 1917 году вышла замуж за барона Роберта Брука Кэмпбелла Скарлетт-Эбингера, влюбившегося в нее в ходе процесса, а в 1920-м овдовела. 18 июля 1954

года восьмидесятишестилетняя Мэг, прозванная Кровавой Вдовой и принятая в Букингемском дворце, умерла в уютном доме на морском курорте Сассекса.

Кухарка Мариэтт Вольф сделала небольшую карьеру в театре.

Здание Сената в Париже украшает бронзовая статуя обнаженной «Музы у источника», для которой маститому скульптору Жану Батисту Югу позировала Мэг. Политики верили, что, если погладить ее левую грудь, им улыбнется удача.

Но кому трагедия принесла удачу, так это тупику Ронсен. Скульптор Альфред Буше еще в 1900 году построил там тридцать ателье из материалов, оставшихся после строительства павильонов Всемирной выставки. Но в начале века их занимали забытые ныне персонажи. А потом — началось. Здесь обосновались гении модернизма Константин Бранкузи, Макс Эрнст, Ив Танги, Ники де Сен-Фаль. Счастлив бедный академист Адольф Стенель, что не увидел их работы.

P. S. Эдуард Молинаро снял телефильм «Кровавая Вдова» (1983).

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ОКРУГ

Глава 35

Улица Отей, 59

Бешеный князь Бонапарт (1870)

Дом на улице Отей, в середине XIX века носивший номер 59, в 1871 году, вместе с хранившейся там уникальной коллекцией оружия, сожгли парижские коммунары. Не по прихоти разбойной души: дом считался символом деспотии. 10 января 1870 года около 14.00 его хозяин — князь Пьер Наполеон Бонапарт, кузен императора Наполеона III, — застрелил, как пишут в учебниках, прогрессивного журналиста Виктора Нуара. Выстрел — опять-таки, если довериться учебникам — стал последней каплей, переполнившей чашу народного терпения. Или, по элегантному выражению журналиста Жана Батиста Мильера на похоронах Нуара, «последним стаканом крови». Не в силах выносить произвол Бонапартов, французы отозвались на циничное убийство массовыми протестами. Дни монархии были сочтены. 19 июля император ввязался в войну с Германией, но, разгромленный при Седане, 2 сентября сдался в плен. 4 сентября революция смела монархию: с тех пор Франция — республика, за что потомки благодарят Нуара, а следовало бы — его убийцу.

Оппозиция так ловко придала убийству убедительный символический смысл, что детали стерлись из памяти. Но к политике убийство отношения, по большому счету, не имело. Убедиться в этом можно, проверив, кем был Нуар и какого черта он явился на улицу Отей. Будь он трижды прогрессивным журналистом и властителем дум, наверное, все же не для того, чтобы исполнить князю «Марсельезу».

Иван Салмон, взявший псевдоним Виктор Нуар, был очень юн: 27 июля ему исполнилось бы двадцать два. Возможно, и одаренный журналист (наверное, не случайно его удостоил своей дружбы «проклятый поэт» Огюст Вилье де Лиль-Адан), прославиться он не успел. Прогрессивным же считался, поскольку с недавних пор работал в республиканской газете Анри Рошфора «Марсельеза». Ученик часовщика, затем флорист, он приехал в Париж, вдохновленный столичными успехами старшего брата Луи, автора модных романов «Отрезатель голов», «Златовласый корсар» и «Сюркуф». До «Марсельезы» Виктор сменил несколько газет. Он, безусловно, был юношей романтического склада: собравшись к князю, оделся во все черное и попрощался с шестнадцатилетней Алисой д'Обе-нас — их свадьба намечалась через две недели.

Нуар чувствовал, что идет на заклание, пусть и не по своей воле. Похоже, что старшие коллеги подставили мальчишку, которому ни при каких обстоятельствах соваться к князю не следовало, отрядив его и Ульриха де Фонвьеля в качестве секундантов Паскаля Груссе,

одного из редакторов «Марсельезы» и парижского корреспондента корсиканской газеты «Ла реванш», чтобы обговорить с Бонапартом детали предстоящей дуэли.

Дуэль — да, имела политическую подоплеку. «Ла реванш» опубликовала антибонапартистскую статью. В ответной статье 22 декабря 1869 года князь выразил надежду, что доблестные корсиканцы, следуя завету предков, «раскидают по полям кишки» обидчиков. Этих «трусливых иуд, предателей своей родины (Корсики. — М. Т.), которых в былые времена собственные родители утопили бы, засунув в мешки, в море», этих «улиток, ползающих по бронзе, чтобы измарать ее своей слизью». Слова князя вполне характеризуют степень социальной опасности, которую он представлял.

Даже бретера несколько вызовов за один день выведут из себя. А 10 января, помимо Нуара, к князю направлялись еще и журналисты Мильер и Арну — секунданты Рошфора. Он ввязался в чужую, корсиканскую ссору — и не просто ввязался, а опубликовал нетерпимые для любого южанина слова: «Этот князь — не корсиканец» — не столько из принципа, сколько из-за бешеного, под стать княжескому, темперамента. Завязтый бретер, дравшийся с князем Мюратом, составил картель — дуэльный вызов Бонапарту — крайне провокационно. Ради такого случая он пренебрег категорическим и, наверное, уникальным в истории парламентаризма запретом драться на дуэлях, который его избиратели выставили условием голосования за него. 8 января князь, считавший корсиканских 320 журналистов слишком мелкими сошками, чтобы с ними драться, сообщил в письме Рошфору свой адрес: «Живу я не во дворце и не в замке. <...> Обещаю, что, когда Вы заявитесь, Вам не скажут, что меня нет дома». Но когда посланцы Рошфора подошли к особняку, на мостовой уже агонизировал Нуар, а зеваки кричали: «Не ходите туда! Там убивают!»: они благоразумно решили зайти как-нибудь в другой раз. Припозднись Нуар, он застал бы при последнем издыхании Мильера или Арну.

Пятидесятичетырехлетний князь слыл отморозком даже среди корсиканцев. В шестнадцать лет он был в числе повстанцев в итальянской области Эмилия-Романья и бежал из плена в Колумбию, где участвовал в гражданской войне в армии генерала Сантандера. Вернувшись в Италию, снова оказался в тюрьме: его заподозрили в том, что он террорист-карбонарий. Едва освободившись, Бонапарт оправдал эти подозрения, убив офицера карабинеров. Раненый, вновь попался, смертный приговор ему заменили на пятнадцать лет крепости, потом — на высылку. В Нью-Йорке он проломил ударом трости голову пьяному гуляке, защищая кузена Луи, тогда еще не императора. Охотясь на Корфу, уложил наповал двух албанских башибузуков. Мандата в революционном парламенте 1848 года лишился, подравшись с коллегой.

В Алжире храбро воевал в Иностранном легионе, но, привыкший повиноваться лишь своим импульсам, самовольно оставил его.

Казалось, что он остепенился, женившись на Элеоноре Жюстин Рюффен, дочери — князь был эксцентричен во всем — рабочего-литейщика. Возглавил генеральный совет Корсики. Построил в Бастии фонтан, увенчанный своим бюстом. Но разве такой остепенится?

При иных обстоятельствах у князя и тридцатисемилетнего Фонвьеля, спутника Нуара, были все шансы если не подружиться, то найти общий язык. Князь был, помимо всего прочего, плодовитым литератором, Мицкевича переводил. А Фонвьель — записным авантюристом: сражаясь за единство Италии в армии Гарибальди, он заслужил Крест за храбрость; отличился в рядах северян во время гражданской войны в США.

Но письмо Груссе князь не читая скомкал и отшвырнул: «С месье Рошфором — охотно, а с его подручным — никогда». Гости продолжали настаивать, заявляя о солидарности со своими коллегами. Показания о последующих событиях расходятся.

Фонвьель говорил, что Бонапарт, этот «трусливый ублюдок», левой рукой ударил Нуара по лицу, а правой, которую все время разговора — «по привычке», как объяснит князь на суде — держал в кармане халата, на рукоятке пистолета, — выстрелил. Бонапарт уверял, что действовал исключительно в целях самообороны. Это «высокий», то есть Нуар

(помнить имена наглецов — ниже княжеского достоинства), ударил его кулаком в лицо (по другой версии, замахнулся тростью), оскорбившись, что князь поименовал Рошфора «рупором подлецов»: за ухом у князя зафиксирован солидный синяк.

Раненный в грудь Нуар нашел силы сбегать по лестнице, но умер на улице. Бонапарт, отпрянув, выстрелил в «маленького» Фонвьеля. Тот укрылся за креслом в смежной комнате, но не смог зарядить револьвер, припасенный в кармане — палец так свело на спусковом крючке, что без посторонней помощи Ульрих не сможет его высвободить, — и тоже бежал. Князь стрелял вслед: эта пуля, как и первая, продырявила пальто Ульриха.

Самое трагикомичное в этой истории то, что князь был не большим бонапартистом, чем Рошфор. В парламенте он числился крайне левым республиканцем. Для императора, который «держал кузена в карантине», запрещал ему пользоваться вторым именем — Наполеон, не признавал его брака и не пускал его жену в Тюильри, он был неизбывной головной болью. Князь же с горькой гордостью именовал себя Железной маской XIX века. С газетчиками он повздорил, как истинный сын Корсики, защищая оскорбленную семью. Семья — это святое. Так что Нуар — кто угодно, только не жертва режима.

Князь сам сообщил секретарю императора об убийстве и отправился отбывать комфортабельное предварительное заключение в тюрьме Консьержери. Наполеон смертельно поблел от расстройства, но Пьер был как-никак кузеном. Семья — это святое. Специальное судебное присутствие, уполномоченное судить особ императорской крови, оправдало убийцу 28 марта после недельного разбирательства, обязав возместить семье Нуара ущерб в размере двадцати пяти тысяч франков и оплатить судебные издержки. За отсутствием свидетелей, суду приходилось верить либо князю, либо Фонвьелю, а сомнение как-никак толкуется в пользу обвиняемого. Фонвьель так и не сумел внятно объяснить, с каких это пор секунданты являются к «клиенту» вооруженными до зубов: Ульрих, помимо револьвера, прихватил трость-шпагу, оброненную при бегстве.

Почему он первым делом выстрелил в безоружного Нуара, а не в вооруженного Фонвьеля, Бонапарт объяснил стилистически безупречно: «Оскорбление я чувствую быстрее, чем замечаю опасность.»

Левые тем временем раздули нелепое убийство до масштабов политической катастрофы, хотя первая, искаженная весть о трагедии искренне развеселила их. Революционный писатель Жюль Валлес вспоминал: «Хороши шутки! Ходят слухи, будто Пьер Бонапарт убил своего портного, — говорит хриплым голосом человек в очках, с длинным носом, густой бородой и насмешливым ртом. Зовут его Риго. — Вот это замечательно! Бонапарт — под арестом, и портные не смеют больше требовать уплаты по их „маленькому счетику“ <...> „Кто сообщил тебе эту новость?“ — „Бывший сыщик, уволенный за что-то...“»¹⁷ Не расплакались они, даже узнав, что жертва — их коллега и товарищ: «Это, конечно, большое несчастье для нашего приятеля, но зато как хорошо это, черт возьми, для социальной революции <...> нужно устроить страшные похороны»¹⁸.

Первый сценарий похорон, зародившийся тем же вечером в голове Валлеса со товарищи, и правда, был страшен и прекрасен, как фантазии Эдгара По или того же Огюста Вилье де Лиль-Адана. Им удалось убедить Луи Нуара отдать им тело Виктора. Предполагалось натянуть на него пальто, под видом больного — чтобы извозчик не отказался — посадить в фиакр и возить по Парижу, призывая граждан к оружию. Прецедент был, и удачный: так возили по улицам трупы демонстрантов, расстрелянных 23 февраля 1848 года на бульваре Капуцинок. Именно с этой «пляски смерти» началась революция, ненадолго установившая в стране республику. Однако к вечеру горячие головы остыли — Виктор остался в доме брата.

17 Перевод П. Нейман. Цит. по: Валлес Ж. Инсургент. М.: ГИХЛ, 1960. С. 94.

18 Там же. С. 95.

Привкус романтической бульварщины в революционных фантазиях этой ночи столь силен не случайно. Не только Луи Нуар, но и Паскаль Груссе (под псевдонимом Андре Лори) славился в этом литературном жанре: «Немой Спиридон», «Атлантида», «Радамехский карлик», «Найденый с погибшей „Цинтии“», написанный в соавторстве с самим Жюлем Верном.

Назавтра «Марсельеза» вышла с первополосным заголовком «Убийство князем Пьером Наполеоном Бонапартом гражданина Виктора Нуара». Рошфор каялся в наивности: «Я посмел вообразить, что возможна честная дуэль с представителем семейства, для которого убийства и западни — традиция и практика». «Французский народ, не находишь ли ты, что с нас хватит — раз и навсегда!» Прежде чем газету запретили, разошлось сто сорок пять тысяч экземпляров. Рошфор распространял также вполне фантазмагорическую версию: император и князь, сговорившись, готовили смертельную ловушку именно ему, а Нуара прикончили из чистой вредности, разобидевшись, что Рошфор не явился. Доказательства? О сговоре кузенов Рошфору рассказал 4 сентября 1870 года, сразу после падения монархии, некий слуга из Тюильри. Сдается мне, что в тот день перепуганные дворцовые слуги готовы были рассказать революционерам-победителям, что император жарил младенцев и летал на помеле.

Похороны Нуара, организованные по просьбе семьи в Нейи-сюр-Сен, вылились 12 января в стотысячную, если не двухсоттысячную, манифестацию. Презрев дождь, временами переходивший в ливень, с раннего утра в пригород стекался народ. Остановились заводы: рабочие ушли на похороны. Сорваны лекции в университете: студенты хоронят Нуара. Изображение Нуара на смертном одре работы известного карикатуриста Андре Жиля разлетались по пятьдесят сантимов, потом — по франку. Будущая «Красная дева Коммуны» Луиза Мишель поклялась не снимать траур до падения тирании. Естествоиспытатель Гюстав Флуранс призывал явочным порядком похоронить Нуара на Пер-Лашез и прямо оттуда идти на баррикады, а по ходу дела вызвал кого-то из несогласных с ним на дуэль.

Рошфор, которого убедил не поддаваться на провокации бывалый каторжник, журналист Шарль Делеклюз, распропагандировал народ не «штурмовать» Пер-Лашез: «Сегодня революции не будет». Рошфору это стоило такого напряжения сил, что он лишился чувств. И не он один: истерическая давка чудом обошлась без жертв. Толпа, оглашая Нейи криками: «Да здравствует Республика!», «Мсть! Правосудие!», «Смерть убийцам!», «Да здравствует Рошфор!» — обрезала построики лошадей и впряглась в катафалк. Надпись на ленте огромного венка гласила: «Виктору Нуару от Демократии».

Полиция благоразумно самоустранилась из Нейи, контролируя въезды в столицу, все стратегические точки которой еще ночью заняли войска. Эмоции манифестантов перегорели на похоронах. На диво, вечерний Париж обошелся без уличного побоища. Так: мелкие стычки на бульварах — одному полицейскому проббили голову камнем, другого ударили стилетом. Призывы грабить оружейные лавки остались призывами.

Оружия между тем, по словам Валлеса, на похоронах и так хватало. «Если обыскать эту громадную толпу, у нее нашли бы всевозможные наборы инструментов и всякие кухонные принадлежности: ножи, сверла, резак, клинки, воткнутые в пробки, но готовые каждую минуту освободиться от них, чтобы проткнуть шкуру какого-нибудь шпика. Только бы он попался... с ним уж расправятся! <...> Для белоручек тоже нашлось дело, и дорогие, изящные пистолеты становятся влажными в разгоряченных, затянутых в перчатки руках. Порой заостренная, как кинжал, мордочка какого-нибудь из этих инструментов или пасть одного из револьверов выглядывает из-под пальто или из-под плотно застегнутого сюртука. Но никто не обращает на это внимания. Напротив, даже дают понять с гордой улыбкой, что они тоже могут и хотят ответить как следует не только полиции, но и войскам»¹⁹.

По воспоминаниям Луизы Мишель, «от кортежа исходил некий ужас», «смерть струилась в воздухе». Сама она пришла в Нейи с кинжалом, украденным у дяди. Время кинжалов и пистолетов наступит через несколько месяцев. Потому-то и не афишировал свое

присутствие на похоронах человек-легенда Луи Огюст «Узник» Бланки (1805–1881). Апологет «прямого действия», с 1824 года — профессиональный революционер, несколько раз приговоренный к смерти, проведший тридцать семь лет в тюрьмах, приехал на похороны из бельгийской эмиграции.

А пока за оскорбление императора отправился за решетку десяток журналистов, включая Фонвьеля. Рошфора и Груссе приговорили к шести месяцам заключения и штрафам в три и две с половиной тысячи франков. Флуранс пытался взбунтовать Бельвиль и бежал в Голландию: в августе ему заочно дали шесть лет. В 1871 году Флуранс, генерал Коммуны, ответственный за оборону красного Парижа, повел своих солдат в авантюрное наступление на Версаль, 3 апреля попал в плен и был бессудно убит. Рауля Риго, грозного прокурора Коммуны, версальцы убили так же, едва обезоружив, на улице Гей-Люссака 24 мая. На следующий день пал на баррикаде шестидесятидвухлетний Делеклюз. Мильера, говорившего о «стакане крови», расстреляли, поставив на колени на ступенях Пантеона, 26 мая. Не одни они — многие из толпы, хоронившей Нуара, сгинули в майской вакханалии белого террора. Рошфор и Груссе, избежав расстрела, совершили в 1874 году с группой соратников легендарный побег с новокаледонской каторги.

Революция сломала судьбу и убийцы Нуара. Он бежал в Бельгию, разорился, болел диабетом. Жена бросила его и открыла бутик в Лондоне. Умер князь 7 апреля 1881 года в Версале.

А Нуар по иронии истории стал национальным героем. В 1891 году его торжественно перезахоронили на кладбище Пер-Лашез. Великий скульптор и коммунар Эме Жюль Далу, заочно приговоренный версальцами к пожизненной каторге, изваял надгробие, поразившее современников реализмом. Нуар с разорванным последним криком ртом лежит «как мертвый». Далу не забыл даже откатившийся в сторону цилиндр. Больше всего изумляли явственно выступающие половые органы Нуара. Почему-то пошло поверье, что прикосновение к ним помогает зачатию, и от бесчисленных прикосновений они почти стерлись. Больше, чем надгробие Нуара, поклонников на Пер-Лашез привлекают лишь могилы Оскара Уайльда и Джима Моррисона, в компании которых молодой журналист оказался явно не по чину.

Р. С. Луизу Мишель играли Мартина Ферье («Ярослав Домбровский» Богдана Порембы, Польша — СССР, 1976), Вероник Сильвер («Россель и Парижская коммуна» Сержа Моати, 1977), Нада Странкар («Гражданские войны во Франции» Франсуа Бара, Жоэля Фаржа и Венсана Нордо-на, 1978), Ирмагд Фореет («Товарищи» Дитхарда Кланте, ГДР, 1981), Сильви Тестю («Луиза Мишель, бунтарка» Сольвейг Анспаш, 2010).

Рошфора сыграл Бернар Бланкан в фильме Анспаш, Делеклюза — Луи Лионне в фильме Порембы и Ролан Моно в фильме Моати, Риго — Владимир Белокуров в фильме Григория Рошаля «Зори Парижа» (СССР, 1937).

Глава 36

Авеню Дю-Парк-де-Пренс

Заговор кагуляров (1937)

25 января 1937 года, выгуляв в Булонском лесу рыжего спаниеля и белого фокса, солидный мужчина с масонским перстнем на пальце не дошел до своего дома на улице Микеланджело, 28. Трость-шпага, с которой он не расставался, его не спасла. Около 10.30 на авеню Парк-де-Пренс молодой блондин ударил его в грудь, разорвав легкое и аорту, четырехгранным лезвием, еще три удара пришлось в лицо, а собак припугнул тремя выстрелами в воздух. Убийца обронил очки в роговой оправе.

Личность убитого не оставляла сомнений в личности 328 убийц. Дмитрий Сергеевич Навашин родился в 1889 году в Киеве, в семье директора Ботанического сада, будущего советского академика. Ближайшим другом его детства был знаменитый краевед Николай

Анциферов. В 1909 году Валерий Брюсов оценил и опубликовал в журнале «Северные цветы» символистские стихи Навашина, Андрей Белый разглядел в них лишь «юную свежесть», а Николай Гумилев счел чепухой. Навашин еще до Первой мировой разбогател. В 1917 году он работал в Копенгагене вице-председателем Российского Красного Креста по делам военнопленных. В Париже Навашин с 1921 года возглавлял советские банки, много писал на экономические темы — включая фундаментальный труд «Кризис и экономическая Европа» (1932). Используя личные связи — а дружил он со всеми: от премьеров до вождя «Огненных крестов», монархиста-полковника де ля Рокка — ускорил признание Францией СССР. Его влияние во многом объяснялась масонской тридцать третьей степенью. 14 января 1922 года Навашин был среди тех, кто возродил запрещенную еще Александром I «Достопочтенную ложу Астрея» под юрисдикцией Великой ложи Франции.

Он жил на широкоую ногу: платил за особняк двадцать тысяч в год, держал двух секретарей, двух служанок, баловал жену Марию Щербатову — если верить газетам, генеральскую дочь, и одиннадцатилетнюю дочь Елену. В день убийства он собирался отобедать с министром экономики Спиассом, а вечером — прочитать первую из цикла лекций «Германия и Россия».

С 1930 года, покинув пост директора Северо-Европейского банка, он, если и не уверял некоторых друзей, что стал невозвращенцем, то слухам об этом не препятствовал. Другим друзьям он повторял, что его слово для Кремля — закон. Когда его убили, в догадках никто не терялся: кровавая рука НКВД. 23 января в Москве открылся процесс «Параллельного антисоветского троцкистского центра»: среди подсудимых — знакомцы Навашина: ведущие хозяйственники Георгий Пятаков и Григорий Сокольников. А близкого его друга Семена Членова, юрисконсульта советского посольства, Сталин намеревался вывести на процесс, но передумал. «Тайм» уверял: «Способнейший банкир, экономист и финансист, когда-либо порожденный коммунизмом» готовил лекцию «Правда о московских процессах», а его «мадам встала в ряд русских вдов, которые говорят, что их мужья уничтожены секретной службой ОГПУ»: «Мой муж не был убит. Он был казнен».

Троцкий, едва узнав об убийстве, заявил из Мексики, что Навашин «слишком много знал о процессах». Позже Нина Берберова напишет, что он хранил «международные фонды троцкистов». Папу-Троцкого в тот же день опроверг на допросе Лев Седов, его сын, руководивший троцкистским Интернационалом из Парижа и действительно находившийся под прицелом НКВД: с Навашиным знаком не был, политической подоплеки в убийстве не видит. Его слова радостно и даже уважительно процитировала «Юманите».

Наступление — лучшая оборона. Опережая обвинения в адрес Москвы, орган компартии заявил: Навашин — жертва гестапо. Но, перечисляя его достоинства, «Юманите» явно перестаралась. Он, хоть и расстался с СССР, но по-доброму; вел антифашистскую пропаганду; боролся с белоэмигрантами; активно работал в Комитете защиты прав израэлитов Центральной и Восточной Европы, да и сам был (это вряд ли) евреем. И даже — до кучи — расследовал убийство в октябре 1934 года Александра Югославского и министра иностранных дел, своего друга Луи Барту.

Борис Бажанов, беглый секретарь Сталина, торговец тайнами кремлевского двора, предложил версию в духе кино о пиратах. Навашин верховодил «бандой дельцов», поставившей оружие испанским республиканцам. Деньги они присваивали, а на суда грузили просроченные 330 консервы и прочую дрянь. По их наводке «белые» — франкисты — топили корабли, Навашин разводил руками и получал из Мадрида новый транш. Одна из обреченных посудин, сбившись с курса, миновала ловушку и дошла до порта, испанцы вскрыли ящики с «патронами» и приговорили Навашина.

Белоэмигрантский «Меч» обладал сокровенной информацией. Навашин — агент ОГПУ (и лично легендарного Артура Артузова) и Сикрет интеллидженс сервис — под номером 178, внедривший к масонам агентов ГПУ с опереточными именами Окурко и Богун.

У Дмитрия Сергеевича глаза бы из орбит выскочили, прочти он все это.

* * *

Между тем раздался тихий голос вдовы, усомнившейся в московском следе: «Стилет — чисто европейское орудие убийства». Она оказалась права: это было чисто европейское убийство, хотя использовался не стилет, а укороченный штык с самодельной рукояткой.

Убийца, которого друзья без затей звали Убийцей, питал слабость к штыкам. 13 февраля 1936 года он в самом центре Парижа, на Университетской улице, рядом с палатой депутатов, уже бросался со штыком на лидера социалистов Леона Блюма. Будущий премьер пытался проехать на автомобиле через запрудившую улицу процессию: монархисты хоронили историка Жака Бэнвиля. Раненного в шею Блюма спасли от линчевания рабочие со стройки неподалеку.

В конце 1944 года Луи Фердинанд Селин встретил Убийцу в Зигмарингене, где бежавшие из Франции коллаборационисты играли в «правительство в изгнании». В мемуарах «Из замка в замок» он поименовал его Ретифом, или Оглоблей. «Ретиф и его люди — особый случай, их собрали на какой-то ферме... как „коммандос“... к ним никого не допускают... они замкнуты в своем кругу... говорят, что в час Зед они приступят к „казням“... как только мы вернемся во Францию...чистки»!., сведение всех счетов!..

«Триумфальные зачистки» кантон за кантоном! от всех продавшихся Англии, Америке, России!., представляете себе эти списки!., «врагов Европы»!., кушать подано! Отруби в корзине! сто пятьдесят тысяч предателей, вот сколько они насчитали! с ними разберутся за три месяца!.. <...> Ретиф доказал, на что способен! это главное! он мог бы преподавать... очень «специальные» науки... он был «штурмовиком» нескольких партий... и нескольких полиций... на его счет записали Навашина в Булонском лесу... братьев Розелли в метро... и скольких еще!., был у него любимый прием... его, и только его!., индивидуальный подход!., сонные артерии!., ловкость рук!., подтолкнуть «клиента», чтоб он потерял равновесие! оп-ля! сзади! пикнуть не успеешь!., бритвой! вжик! две сонные артерии!., два фонтанчика крови! дело сделано!., но какое молниеносное движение! единственное! безупречное! вот этому он всех и учил! вжик!.. две сонные артерии!²⁰

В 1945-м они столкнутся на берлинском вокзале. «Доктор, быстрее... вы должны были догадаться... весь этот вокзал просто ловушка... всех этих людей из поездов ликвидируют... они лишние... вы тоже лишний... и я тоже...»²¹

Ретиф, он же Оглобля, знал толк в ловушках и ликвидациих.

Он действительно убил Карло и Нело Роселли, но не в метро. Итальянских антифашистов, интеллектуалов и евреев, застрелили и искромсали ножами в нормандском лесу 9 июня 1937 года. В метро он убивал двадцатидевятилетнюю итальянку Летицию Туро.

Селин не преувеличивал: «Убийца» был артистом, факиром, магом ножа. Убийство Туро напомнило романы о «тайнах запертых комнат» и Фантомасе. 16 мая 1937 года пассажиры, зайдя в вагон первого класса на станции «Порт Доре», увидели агонизирующую рыжую девушку в зеленом платье, из затылка которой торчал кинжал. На предыдущей станции, где она садилась, убийца нанес удар в ту секунду, когда жертва уже вошла, а двери еще не закрылись. Вжик!..

Типичный серийный убийца, этот Убийца, не так ли? Вот и следствие объявило Туро жертвой садиста. Ее гибель приписывали бродившему по Парижу немецкому маньяку Эугену Вейдеману. Но Убийца убивал во имя не оргазма, а идеи. И выбирал жертв не единолично. Возможно, был садистом: руководя подпольной организацией, не обязательно самому проводить ликвидации. Но, может, он был слишком ответственным руководителем, чтобы доверить дело дилетантам.

20 Перевод автора.

21 Перевод автора.

Ответственным, но не без странностей. После очередной ликвидации, бухнувшись на колени, истово молился: «Господи, скажи: ради наступления царствия Твоего надо ли всем им перерезать глотки?» Кромсая Роселли, вошел в такой раж, что порезал одного из сообщников. Расписывал кровавые подробности своих акций престарелым монархисткам, а соратникам — свои постельные фантазии.

Жан «Убийца» Филиоль родился в 1909 году, состоял в партии «Аксьон франсез». Это он 6 февраля 1934 года, повел «королевских молодчиков» на прорыв полицейских цепей, охранявших палату депутатов, спровоцировав кровопролитие (24). Ветераны-монархисты, люди с крепкими нервами, перепугались, когда группа во главе с Филиолем и судостроителем Эженом Делонклем ушла в автономное плавание, презрительно окрестив партию «Французским бездействием»: надо брать власть, пока ее не взяли «красные». В июне 1936 года выборы выиграл Народный фронт, Блюм, «старый знакомый» Филиоля, возглавил правительство, а раскольники создали «Секретную организацию революционного национального действия».

Старшие товарищи, знавшие, насколько Филиоль склонен к беспределу, пытались скомпрометировать его. Де Ла Рокк обозвал подпольщиков провокаторами, Марсель Пюжо — масонами навыворот и кагулярами. Под этим именем они и вошли в историю.

Кагуляры — те, кто носит кагуль, колпак, капюшон с прорезями для глаз а-ля ку-клукс-клан. Колпаки были ноу-хау подпольщиков из Ниццы, именовавших себя «Рыцарями меча». Кагуляры давали страшную клятву верности, а лозунг «Ad maiorem Galliae gloriam» — «К вящей славе Галлии» слизали с иезуитского «Ad maiorem Dei gloriam» — «К вящей славе Божьей». Парижские заговорщики предпочитали брать себе псевдонимы по названиям станций метро: Сен-Жак, Пасси, Барбес, Дрюо. Сам Делонкль звался Марией. Заподозренных в крысятничестве соратников — Леона Жана Батиста в октябре

1936 года и Мориса Жюифа в феврале 1937-го — казнили без жалости.

Кагуль не испытывал нужды ни в чем. Компании «Коти», «Ситроен», «Куантро», «Рено» — далее по алфавиту — отстегнули сто миллионов франков (пятьдесят миллионов евро). Особенно ценилась помощь Эжена Шуллера, основателя «Французского общества безопасной краски для волос», ныне — «Л'Ореаль».

Деньги иссякли, когда капиталисты убедились, что большевистская революция не предвидится. Но на их щедроты уже можно было вооружить армию. А Кагуль еще и грабил арсеналы, еще и получал в обмен на услуги оружие из-за границы. 29 августа 1937 года на аэродроме под Парижем Филиоль, переодетый офицером ВВС, взорвал по просьбе Франко два самолета, ожидавших перегона в республиканскую Испанию: первое, однако, в истории покушение с использованием пластита. Серия взрывов прокатилась по испанским представительствам в разных концах Франции.

За убийство Роселли Муссолини рассчитался ста пистолетами-автоматами «беретта». Не слишком щедро, принимая во внимание, насколько организация «Справедливость и свобода», созданная на немалые семейные средства бежавшим в 1930 году из фашистской ссылки Карло Роселли, достала дуче: и убийц к нему подсылала, и разбрасывала над Миланом листовки с самолета, и сколотила в Испании первый — задолго до интербригад — боевой отряд итальянских антифашистов.

Оружия у кагуляров было столько, что 16 октября

1937 года пограничники зачарованно наблюдали, как из пересекавшей швейцарскую границу машины на ходу буквально сыпались патроны. Тайники найдут по всей Франции: в лавках антикваров и бетонных бункерах, пещерах и карьерах, подвалах Сен-Венсен-де-Пальеля — замка князя Круа — и пансионе для престарелых дам. По лесам, рекам и оврагам автоматы собирали как грибы: заговорщики скидывали улики. В одном Париже изъяли семь тысяч семьсот сорок гранат, тридцать четыре пулемета, двести восемьдесят автоматов, более трехсот тысяч патронов, сто шестьдесят шесть килограммов взрывчатки.

Конфискат складировали в Вильжюиф. При его вывозе — потребовался целый конвой — детонировал ящик с гранатами, за ним остальные. Рухнули два здания, взрывная волна

швыряла грузовики на десятки метров, четырнадцать солдат, полицейских и муниципальных служащих отпели в соборе Парижской Богоматери.

Делонкль утверждал, что поставит в Париже под ружье двенадцать тысяч бойцов, а по всей стране сто двадцать тысяч. Горы можно свернуть. Отчего не свернули? Историки насчитали в Париже три тысячи кагуляров, еще три тысячи в провинции. Делонкль блефовал, перетягивая на свою сторону военных (злые языки утверждали, что среди его благожелательных собеседников из военных кругов был и засидевшийся в полковниках Шарль де Голль). Он утверждал, что «Кагуль» создан не для переворота, а для отпора «красному» путчу, в случае которого подчинит свои силы армии. «Ага, — сказали генералы, — в случае „красного“ путча — добро пожаловать».

Для победы Делонклю не хватало самой малости — «красного» путча.

11 сентября 1937 года в районе площади Звезды, на улицах Буасьер и Пресбург, бомбы снесли фасады зданий Генеральной конфедерации французских предпринимателей и Объединения металлургической промышленности, похоронив под обломками двух полицейских. «Кагуль», вдохновляясь поджогом Рейхстага, свалил покушение на Г коммунистов.

Возможно, это была не первая крупная провокация «Кагуля»: его почерк находят в «расстреле в Клиши», чуть не расколовшем Народный фронт. 16 марта 1937 года Французская социальная партия де Ла Рокка показывала для ветеранов в зале «Олимпия» фильм Никола Фарка и Виктора Туржанского «Битва». Собралось около пятисот зрителей, включая восемьдесят женщин и несколько детей. По призыву мэра-социалиста Клиши, традиционного бастиона левых, и его заместителя-коммуниста шесть-семь тысяч манифестантов осадили здание, закидывая «фликов», чем бог послал. Полиция открыла огонь: пять демонстрантов были убиты, около ста ранены. Две пули заделали даже Андре Блюмеля, секретаря кабинета министров. В своих рядах полиция насчитала двести пятьдесят семь раненых.

На премьеру обрушился гнев и монархистов, и анархистов, и троцкистов, и сталинистов: «Полиция Народного фронта стреляет в народ!» Блюм, примчавшийся в больницу к раненым с гала-концерта в неуместном смокинге, остудил накал страстей: и осудил манифестантов, и принял вождей компартии, и похороны жертв, на которые, если верить «Юманите», пришел миллион человек, провел под эгидой Народного фронта. Осадок, однако, остался.

Так вот: возможно, бойню спровоцировали смешавшиеся с толпой кагуляры, первыми открыв огонь: презирая людей Ла Рокка за мягкотелость, они могли подставить их без угрызений совести.

Писатель Жорж Бернанос сохранил о тех днях пронзительное воспоминание: «Весна 1937 года была, несомненно, одной из самых трагических французских весен, весной гражданской войны. Политическое соперничество уступило место социальной ненависти, развивавшейся в невыносимой атмосфере обоюдной боязни. Страх! Страх! Страх! Это была весна Страх. Какими могучими должны были быть жизненные силы, чтобы в этой вязкой атмосфере все же зацвели каштаны. Лица и те были неузнаваемы»²².

Решив, что Франция созрела, Делонкль назначил переворот в ночь с 15 на 16 ноября. Кагуляры в полной боевой готовности ждали приказов: предстояли штурм Елисейского и Матиньонского дворцов, министерств, стратегических объектов, аресты и ликвидации по спискам, включавшим даже планы квартир. Не дождавшись, на рассвете они разошлись. Всю ночь Делонкль и Эдмон Дюзеньер, он же Дюдю, он же Архиепископ, — отставной генерал авиации, ас Первой мировой — чуть ли на голове не танцевали, уверяя генералов, что тысячи коммунистов сосредоточились в Булонском и Венсенском лесах и вот-вот утопят Париж в крови. Филиоль как умел поднимал боевой дух Делонкля: «Хочешь, чтоб тебе глотку

перерезали? Сейчас или никогда!» Утомленные клоунадой, генералы послали «Марию» к черту.

19 ноября начались облавы и аресты. Делонкля взяли 26-го: его заманил в ловушку разжалованный инспектор Бонни (37). По вине Аристиды «Дагора» Корра, специалиста по античной литературе, куратора убийства Роселли и хранителя зашифрованной картотеки, полиция захватила списки руководства. Шеф «разведки» Анри «Биб» Мартен, в миру — любимый народный доктор, безотказный и бескорыстный, ну совсем как доктор Петю (38) или Селин, 4 декабря сжег документы и бежал с Убийцей в Сан-Ремо, чуть-чуть опередив посланную за ним опергруппу.

* * *

Началась война, и, казалось бы, кагуляры должны были пойти на службу к нацистам, но столь однозначный выбор сделали далеко не все. Создателей кровавой милиции, оберштурмфюрера Жозефа Дарнана и гауптштурм-фюрера Жана Бассомпьера (31), расстреляли после войны. Убийца возглавлял милицию в Дижоне. Возможно, именно он привел карателей из дивизии СС «Дас Райх» в городок Орадур-сюр-Глан, название которого стало с тех пор синонимом ужаса. 19 июня 1944 года немцы расстреляли или сожгли заживо шестьсот сорок два человека — практически все население. Еще лет двадцать назад местные жители закидывали камнями машины с немецкими номерами. Убийце дьявольски везло: он ушел из Франции, ушел, тяжело раненный, из Германии и, трижды приговоренный на родине к смерти, спокойно работал в испанском представительстве «Л'Ореаль». Еще недавно там же занимали весомые должности его дети.

Статусные коллаборационисты побаивались психопатов в колпаках, резавших людей в метро. Даже в благоприятной обстановке оккупации кагуляры оказались не способны взорвать в ночь со 2 на 3 октября семь парижских синагог без того, чтобы не покалечить случайно немецких патрульных. Когда 27 августа 1941 года в премьера Лавалья без особого толку разрядил пистолет двадцатидвухлетний рабочий-монархист Поль Колетт, Филиоля от греха подальше упрятали в лагерь на год с лишним.

Делонкль, освобожденный в начале войны по ходатайству Военно-морского ведомства как незаменимый специалист, отомстил министру внутренних дел Марксу Дормуа (прозванному шансонье Фантомарксом), разгромившему «Кагуль». 26 июля 1941 года бомба, спрятанная под кроватью в отеле, где Дормуа сидел под домашним арестом, оторвала ему голову. Адскую машинку подложила двадцативосьмилетняя Флоран Жеродиас — под таким именем она остановилась в отеле, — в свою очередь, очевидно, «подложенная» под Дормуа. На самом деле ее звали Анн Феликс Мюрай, а как актриса она выступала под псевдонимом Анни Морен. После войны убийца бежала в Испанию. Но нервические интриги и закулисные шашни Делонкля с адмиралом Канарисом настолько всех утомили, что 7 января 1944 года его просто пристрелила в огромной квартире на улице Лезюера — по соседству с домом доктора Петю — банда марсельцев (50), работавших на гестапо. По слухам, убийцы получили за работу триста тысяч франков.

Самая дикая судьба ждала «антинемецкого фашиста» доктора Мартена: он провел полжизни в подполье, сидел при всех режимах. В Виши его посадили за то, что в декабре 1940 года он ни более ни менее как похитил Лавалья. Он бежал, отважно сражался в партизанах и Седьмой армии США. В 1948 году его осудили за участие в «Кагуле», но он снова бежал. В 1950-х Мартен попался за создание очередного подполья, но был признан не совсем вменяемым и социально не опасным. Медицина обманулась: доктор ввязался во все заговоры против де Голя и последний, десятилетний, срок получил в возрасте шестидесяти восьми лет.

Можно быть фашистом-патриотом и сражаться с фашизмом чужим, посягнувшим на твою родину. Не случайно, что с Гитлером, в отличие от Муссолини и Франко, контактов у «Кагуля» считай что и не было: так, пустяки, самое большее — покупка партии

«шмайссеров». Не удивительно ни то, что многие кагуляры служили режиму Виши, соблазненные идеей «национальной революции», ни то, что часть из них затем примкнула к Сопротивлению. Но кагуляры были и рядом с де Голлем с первых же дней его борьбы: их забрасывали с английских самолетов в оккупированную Францию, они раскидывали сети подполья, бежали из гестапо, выживали на «марше смерти» узников Маутхаузена. Жутковатый «Да-гор» шпионил за немецкими судами и умер героем — расстрелянный в качестве заложника, он не назвал нацистам своего имени.

В конечном счете «Кагуль» победил и захватил власть во Франции. Только не путем военного переворота, а благодаря мировой войне, рассеявшей кагуляров по все стороны баррикад. Заговорщики, ставшие голлистами, генералами или министрами, — это само собой. Но не только. Солидарность кагуляров оказалась сильнее политических взглядов. Вот хотя бы социалист Франсуа Миттеран.

* * *

В юности он вместе со своими друзьями по католическому коллежу Сен-Поль вращался среди кагуляров. И не просто «вращался». Говорят, что вишистский премьер Лаваль наотрез отказался включить Миттерана в свой кабинет: «Этого кагуляра? Никогда!» Перед маршалом Петеном ходатайствовали о награждении Миттерана орденом казначей кагуляров Габриэль Жеанте и кагуляр-журналист Симон Арбелло.

Кагуль был для Миттерана родной семьей не только 340 в метафорическом, но и в буквальном смысле слова. Его брат Робер в 1939 году женился на Эдит Кайе, племяннице самого Делонкля. В крестные матери своего сына будущий президент выбрал мать Жана Мари Бувье, своего однокашника и — в 1942–1947 годах — любовника маркизы Мари Жозеф де Корбье, художницы и сестры Миттерана. В 1937 году Бувье, «похожий на ребенка, не желающего взрослеть, из свиты Питера Пэна» юноша влюбился в рассказывавшего товарищам по офицерской школе в Алжире, как участвовал в настоящем убийстве: благодаря его болтовне, полиция вышла на убийцу Роселли. В июне 1947 года заступничество Миттерана, министра по делам ветеранов и жертв войны, позволило Бувье (его мать укрывала Миттерана, когда тот переметнулся в Сопротивление), отличившемуся при немцах в Комитете по еврейским делам, выйти из тюрьмы до суда. В 1948 году его, спохватившись, приговорили к смерти, но Бувье уже укрылся в Бразилии.

Наконец, кузеном Миттерана был журналист Жан Андре «Асмодей» Фоше, с шестнадцати лет — член фашистской партии Дорио, вишистский пропагандист, в 1946 году заочно приговоренной к смерти. Расстрелял Фоше, три года скрывавшийся в подполье, избежал. В 1960-х годах он ухитрялся одновременно поддерживать ОАС (впрочем, фанатики французского Алжира подозревали его в работе на спецслужбы), Миттерана на президентских выборах, а также возглавлять чуть ли не все французское масонство и — одновременно — «Ассоциацию друзей Эдуарда Дрюмона», отца французского антисемитизма.

Вокруг Миттерана-президента тоже буквально кишели кагуляры и их отпрыски. Так, его пресс-атташе и начальником секретариата работал Юбер Ведрин, будущий министр иностранных дел, сын кагуляра Жана Ведрина, в 1947 году заведовавшего кабинетом Миттерана-минист-ра. Да что говорить, если Франсуа де Гросувр (18), правая рука Миттерана, считается тем самым фантазером, который обрядил кагуляров в колпаки. Но, когда выведенные из себя лицемерной левизной Миттерана правые депутаты Франсуа д'Обер, Ален Мадлен и Жак Тубон подняли тему его опасных связей, левое большинство в феврале 1984 года объявило их демарш аморальным и на месяц лишило неприкосновенности.

В конце 1930-х кагуляры собирались в офисе «Л'Оре-аль» Эжена Шуллера. Там же многие из них встретились после войны. Самого Шуллера спасли от репрессий показания Миттерана и еще одного друга его юности — Андре Бетанкура. Бетанкур, начав войну как

истовый нацистский пропагандист-юдофоб, закончил ее в несколько сомнительном ореоле борца Сопротивления. Очевидно, его благоденствию способствовало то, что в Швейцарии, куда в 1943 году его послали ариезировать — очищать от евреев — компанию «Нестле», он был завербован американской разведкой.

Шуллер отблагодарил тех, кто свидетельствовал в его пользу. Миттеран стал директором издательства «Рон пу-эн» и редактором дамского журнала «Вотре ботэ», принадлежащих Шуллеру, а также шефом его предвыборного штаба. Бетанкур — директором группы косметики «Л'Ореаль». Женившись на дочери Шуллера, он вырос до вице-президента компании, сенатора, а затем и министра. В 1986 году Миттеран подумывал поставить его во главе правительства, но это было бы уже слишком. Бетанкур взял в «Л'Ореаль» многих кагуляров, включая Жака Корреза, свидетеля гибели Делонкля, женившегося на его вдове, эсэсовца, дважды получившего по десять лет тюрьмы, но не отбывшего их.

Недавно имя Лилиан Бетанкур, богатейшей женщины и обладательницы третьего по величине состояния Франции, оказалось у всех на слуху в связи со скандалом похабного свойства. С ней судилась родная дочь из-за того, что мама одолжила миллиард евро некому жиголо. Так вот, Лилиан — дочь Шуллера и вдова Бетанкура. А значит, в ее состоянии есть чуточка общака «Кагуля».

А что же жертвы, принесенные во имя преуспеяния Миттерана и Бетанкуров?

Теперь известно, почему погибла Летиция Туро. Вдова рабочего любила танцы и свидания в грязных отелях, но не была, как решили газетчики, проституткой. Не была она и итальянской шпионкой, хотя два ее одновременных любовника-офицера служили в стратегических точках — на линии Мажино и в порту Тулона. Нет, кладовщица свечного заводика Летиция, начав, как полагают, с мелкого доноительства на сослуживцев, работала на частное сыскное агентство, затем на полицию. Среди ее любовников оказался Жеанте, друг Миттерана. Заподозрив Летицию, известную им как «Иоланду», кагуляры подстроили классическую ловушку — слили ложную информацию о партии оружия. Пустую «машину с оружием», о которой донесла девушка, задержали на швейцарской границе.

Дальше на сцену вышел Убийца. Вжик!..

Ее дело имело странное продолжение. В июне 1962 года полиция получила анонимное признание «уроженца Перпиньяна», учившегося в 1930-х в Париже на врача.

Он якобы убил Летицию из ревности: вертихвостка, встреченная на танцульках, отвергла его руку и сердце.

Но на письмо полиция особого внимания не обратила.

Ну а наш бедный Дмитрий Сергеевич, его-то за что? Разобраться в этом было недосуг ни довоенному, ни послевоенному следствию, увенчавшемуся в октябре

1948 года процессом выживших и попавшихся кагуляров второго ряда. О них просто забыли. Но есть одна версия, кажущаяся правдоподобной в силу своей абсурдности: Навашина убили ни за что.

В конце 1936 года лидеры «Кагуля» встречались с маршалом и академиком Луи Феликсом Мари Франсуа Франше д'Эспере, героем Марны. В свои восемьдесят он еще не наелся человечинки и, впечатывая трость в пол, восклицал: «За Францию!» Не доверяя штафиркам, потребовал, чтоб они доказали свой боевой дух кровопролитием. Вряд ли маршал был знаком с историей нечаевской организации, но нечаевщиной от его требования повязать соратников кровью так и разит. Слежка за «красными» была коньком Мартена: имя жертвы в подарок кровожадному маразматiku вытянули наугад из его картотеки. Жребий выпал Навашину.

P. S. «Кагулю» посвящены кинолента «Тени над Нотр-Дам» (ГДР, 1966) Курта Юнг-Альзена и телефильм Марселя Бдюваля «Семья! На-пра-во!» (2009). Эксцентричной бандой кагуляров в «Бархатном сезоне» (СССР, 1978) Владимира Павловича верховодит герой Альгимантаса Масюлиса. Убийство братьев Роселли навеяло знаменитую сцену убийства в

«Конформисте» (1970) Бернардо Бертолуччи: Альберто Моравиа, по роману которого поставлен фильм, был их кузеном. Убийство также — весьма произвольно — показано в «Румбе» (1986) Роже Анена, кстати, свояка Миттерана. О гибели братьев снят игровой фильм «Убийство братьев Роселли» (1974) Сильвио Маестранци и документальные «Братья Роселли» (1959) Нело Ризи и «Дело Роселли (преступление режима)» (2007) Стеллы Савинио. Существует также документальный фильм Вильяма Кареля «„Кагуль“, расследование крайне-правого заговора» (1996).

Несимпатичное прошлое Миттерана ворошили Серж Моати в телефильме «Миттеран в Виши» (2008) (Миттеран — Матье Биссон, Жеанте — Филипп Жеанку, Жан Ведрин — Алексис Лоре) и Робер Гедигян в «Прогуливаемомся по Марсову полю» (2005) (Миттеран — Мишель Буке).

Глава 37 **Улица Лористон, 93** **Черная «бригада» месье Анри (1940)**

Когда переписывают историю, меняют названия улиц, но вот перенумеровать дом пытались лишь однажды. С улицы Лористон, 93, недавно съехала Франко-арабская торговая палата, обидевшаяся на то, что мэрия отнеслась к ее требованию сменить номер дома на 91-бис с вежливым терпением психиатра.

Во время оккупации этот дом, по воспоминаниям кинокритика-нациста Люсьена Ребате, выглядел так: «Едва войдя, погружаешься в гангстерский фильм. Повсюду типы с жуткими рожами, готовые фигуранты для „Лица со шрамом“, охраняют коридор, закинув ноги на столы в анфиладах комнат, многие — без пиджаков, вот с текущими пушками на бедрах».

Протокольными были у них и рожи, и прошлое, и будущее. Да и настоящее тоже, несмотря на имевшееся у каждого удостоверение немецкой полиции. Но, во-первых, это были хоть и настоящие, но документы прикрытия. Во-вторых, на всех подлинных удостоверений не хватало, и приходилось самим печатать дополнительные тиражи. В-третьих, как с такой ксивой, да не пойти на дело.

Короче говоря, четырехэтажный особняк, конфискованный у бежавшего в США Иосифа Вейнберга, занимала контора, известная — несмотря на то, что из-под крыла абвера она перейдет в ведение гестапо лишь в середине войны, — как французское гестапо.

Собственно говоря, настоящее, немецкое гестапо в Париже было одно — на авеню Фош. Французских же, полуполициальных формирований, которые для простоты тоже называли гестапо — не менее семи. Лучшие люди «корсиканского гестапо» с бульвара Фландрен полегли в вендетте с улицей Лористон. Над «грузинским гестапо» на авеню Ваграм, 52, чуть ли ни реял триколор с двуглавым орлом, и заправлял им действительно грузин Анри Одичария, а в подручных у него ходили перс Обершмуклер, бразилец Гама и русский Кащенко. Шеф «гестапо из Нейи» Фредерик Мартен сменил фамилию на Рюди де Мерод и именовал себя князем. А еще в одном гестапо загубил сотни жизней опаснейший агент Ги де Маршере, утонченный пианист, полиглот и белоэмигрант. На суде он объяснит, что был одержим дьяволом — такое древнее проклятие лежит на роде Маршере.

Но в легенду вошло гестапо на Лористон. Его шеф Анри Лафон не был одержим дьяволом, а просто наряжался им на костюмированных балах.

* * *

Одни говорят, что улица четыре года не могла уснуть из-за нечеловеческих криков истязаемых патриотов. Другие — что пытали по другим адресам, благо гестаповцы реквизируют еще несколько домов, включая бывшее посольство США, а кричали от

восторга девушки на еженощных оргиях. Третьи — что в доме не было места ни для пыток, ни для оргий: только скучные кабинеты.

Легенда же гласит, что там вырывали ногти, пели — не кто-нибудь, а Тино Росси, Морис Шевалье, — отрезали головы, пировали, курили опиум, кололись и совокуплялись одновременно и непрерывно. И «месье Анри» еженощно объезжал бары и бордели на белом «бентли» с чернокожим шофером. И весь Париж знал, что сказочных размеров алый букет на заднем сиденье предназначен для звезды кабаре «Бель-ами» Кармен Пальмы, которую, хотя она немецкая еврейка, никто не тронет, потому что она великая любовь «месье Анри». И весь Париж был готов отдать последнее за номер его телефона, потому что он мог все, даже вытащить человека из эшелона на полпути в Освенцим, и охотно вытаскивал, и порой не брал денег, потому что не знал, что делать с деньгами, которые у него уже есть.

И даже Лаваль, премьер Виши, раздобыл заветный телефончик, потому что даже ему помочь мог только Лафон. И серийный убийца, доктор Петтио (38), напевая, утрамбовывал в домашний крематорий тех, кто скрысятничал у «месье Анри» тонну-другую золота. И миллиардеры, короли черного рынка, били с «месье Анри» по рукам и открывали шампанское за удачный гешефт, и его не смущало, что они путают французский с идишем и зовут их Мендель Школьников или Жозеф Жоановичи (42). И немецкие патрули удалялись на цыпочках, когда повздоровившие «типы» выхватывали на людях свои пушки. И даже, когда те, обнаглев, обнесли склад продуктовых карточек, постреляв солдат вермахта, немецкие власти лишь попросили, чтоб они так больше не делали.

Легенду о французском гестапо не отличить от его подлинной истории. Реальность оккупированного Парижа уже ирреальна. Французское гестапо ирреально вдвойне.

Представьте себе такую картину. «Месье Анри» растолковывает хозяину ресторана, что затовариваться на черном рынке и работать во время комендантского часа запрещено. Но, если очень хочется, надо делиться. А то, не ровен час, в подсобке найдут английского парашютиста, а в зале — стволы, гранаты и коммунистические прокламации. Хозяин, оценив шутку, смеется. Лафон, пожав плечами, удаляется, чтобы через пару дней вернуться вдесятером: стволы наперевес, «Немецкая полиция!», пинками опрокинутые столики.

И тут же из подсобки выбегает, подняв руки и бормоча по-английски — «Сдаюсь, сдаюсь», — человек в форме королевских ВВС. чуть ли не с парашютом за спиной. Гестаповцы вытаскивают из-под столиков листовки и гранаты, хозяину уже сломали нос и ставят беднягу к стенке.

Но тут один головорез прячет пистолет и, почтительно кланяясь, просит автограф у актера-кумира, Жана Маре или Рэмю. А тот узнает в бандите легендарного футболиста Александра Виллаплана. И всем сразу становится хорошо. За исключением тех, кого походя — по подозрению, за косой взгляд, из коммерческого интереса или по старой памяти — уже увезли в никуда и навсегда на черном «ситроене».

Даже если эта история — вымысел очевидца, каждая деталь абсолютно достоверна. Включая то, что Лафон на всякий случай «приватизировал» сбитых летчиков, пойманных его людьми.

Да что там летчики. Когда в засаду угодила подпольщица Женевьева де Голль, племянница генерала, на Лористон долго думали, куда бы припрятать такую надежную валюту, как она, на которую, в случае чего, можно обменять собственную жизнь. Разум все же взял верх, ее отдали немцам.

Какое ж это гестапо?! Это же банда, банда, банда!

Ну да, банда. «Банда Бонни-Лафона».

К 1939 году «месье Анри» завязал, под именем Лафона держал гараж на рабочей окраине Парижа Порт-де-Лиля и поставлял завтраки префектуре полиции. В мае 1940 года за ним пришли — он числился в розыске. Немцы прорвали фронт, арестантов гнали на юг, под пулями ошалевшего конвоя и бомбами. При очередном налете Лафон бежал, а заодно спас трех немцев. Оказалось — агенты абвера. Оценив наметанным глазом интеллект, авторитет и смелость Лафона, они предложили ему работу. Можно было, конечно, жить своей жизнью, но

— до первого «флика»: по совокупности сроков по нему уже плакала гвианская каторга. И Лафон стал предателем.

Но что он предал, скажите на милость? Ведь у «тружеников ночи», как у пролетариев, нет отечества.

Лафон проявил инициативу и прекрасно зарекомендовал себя. Из еще не оккупированной Тулузы он выкрал досаждавшего немцам бельгийского агента Ламбрехта, обработал его так, что тот выдал шестьсот человек, и привез в Париж в багажнике. Абвер понял: с этим парнем не пропадешь.

В августе 1940 года обитатели тюрьмы Френ щипали друг друга в надежде не проснуться: им было видение.

Всем известный «месяе Анри» не плелся по коридору в «браслетах», а, окруженный немчурой, командовал:

«Мне нужен вот этот, тот, лысый, и еще... И ты здесь, Боксер? Ну, здравствуй».

Лафон набирал свою бригаду — свое «гестапо»: «Ты свободен, но будешь обращаться ко мне, патрон». Высший криминальный свет: Безумный Пьеро (39), Мамонт, Лысый, Красноносый и Культяпый, Шкары, Рири-амери-канец, Седой, он же — Жо Террор, Бледный Робер. Впрочем, говорят, что «патрон» никого не неволил: кто хотел работать с ним, тот оставался, а тем, кто не хотел, Лафон от чистого сердца дарил свободу.

В 1944 году капитан СС и натурализовавшийся немец Лафон скажет перед расстрелом, что немцы ему не нравились и, если б его позвало Соппротивление, а не абвер, он пошел быне раздумывая, но о Соппротивлении тогда никто не слышал.

Бонни перед расстрелом напишет жене: «Я был созданием, клейменным безжалостным роком, унесенным течением, разбившим меня о рифы». Тоже мне, «проклятый поэт» нашелся.

Двадцатидвухлетнего провинциала Бонни в 1918 году перевели в Париж за талант, фанатичную любовь к работе и трудоспособность. В 1923-м он разрешил, как разрубил, дело об-исчезновении промышленника Кеменера: вдруг нашел в многократно обысканном доме Сезнека, его партнера, решающую улику — пишущую машинку. Сезнек получил пожизненную каторгу.

Теперь Бонни считают фальсификатором. Тогда — объявили звездой.

Англизированного щеголя-инспектора на обысках сопровождала толпа репортеров, газеты сообщали о каждом его чихе. «Флик» Бонни умер, родился друг политиков, способный решить любую проблему. Например, спасти кабинет Эррио, подкинув в 1924 году кокаин шантажистке, угрожавшей премьеру. Или — крышевать торговлю контрабандными американскими лимузинами.

Он все чаще лажал: в Париже пропала актриса Джанет Макдональд, и он нашел ее убийц, и уже вот-вот должен был найти тело, а она обнаружилась в США. В 1934 году, выжимая из вдовы афериста Ставиского (24) компромат на префекта Кьяппа, Бонни так увлекся, что не сразу понял, о чем идет речь, когда его самого обвинили во взятках, пусть и смешных: старший инспектор якобы брал мзду костюмами и пальто. До поры до времени спасали найденные вдруг улики (корешки от чековой книжки Ставиского — за эту находку Бонни и возвели в «спасители родины») или эффектные, но бессмысленные аресты.

Дело о гибели советника Пренса (5), расследовавшего связи Ставиского с властями, он то ли завалил, то ли развалил, после чего впал в немилость и бушевал в кулуарах: «Меня достали эти подонки. Я из-за них влип. Они заработали кучу денег, они в правительстве. Если меня выгонят, я все выложу о деле Сезнека, я тогда так рисковал». Бонни услышали и выставили на улицу с бонусом — условным трехлетним сроком за коррупцию: в 1937 году последовал еще один приговор.

Его сын Жак утверждает, что перед смертью папа признался ему и знаменитому судебно-медицинскому эксперту доктору Полю: это он убил Пренса.

Подавив гордость, Бонни пошел в сексоты и в 1938 году заманил в ловушку Делонкля, вождя заговорщиков-кагуляров (36). Но есть правда на земле. В 1941 году из уст шефа

гестапо, полковника Кнохена прозвучало долгожданное: «С вами обошлись недостойно. Мы способны оценить вас по достоинству».

Так и Бонни предал родину.

На первых порах в Лафоне и его людях как в карателях немцы не нуждались: карать было некого. Но только люди без страха и совести, знающие все ходы и выходы, умеющие найти и забрать все, что плохо лежит или хорошо спрятано, могли помочь Рейху выкачать из Франции все ценное. Их содержание к тому же немцам не стоило ничего. Просто банде гарантировали полную безнаказанность.

Немцы и глазом не моргнули, как «месье Анри» подмял весь бизнес — и черный, и белый — от торговли маслом до проституции. Добычей — а это были эшелоны мануфактуры, тонны золота, сотни тонн металла, особняки, забытые антиквариатом — Лафон делился с рейхом по-братски. До сих пор неизвестна судьба ста восьмидесяти из трехсот тридцати трех картин фламандских и голландских мастеров XVII–XVIII веков из коллекции Адольфа Шлосса. В сентябре 1942 года три бандита с Ло-ристон захватили ее — по заказу чуть ли не самого Геринга — в еще не оккупированной южной зоне, а от полицейской погони укрылись с добычей за стенами немецкой казармы в Ангулеме. Налет вызвал такой скандал, что Геринг не захотел иметь с похитителями никаких дел.

За припрятанными ценностями бандиты приходили якобы с обыском: ежедневно «фальшивые полицейские» совершали по несколько грабежей. За запрещенными к хранению и купле-продаже золотом и валютой являлись под видом покупателей. Барыги уступали им все за десять-тридцать процентов от стоимости. Евреи — даром, радуясь уже тому, что к ним пришло хоть и гестапо, но не совсем настоящее, которому нужна была не их жизнь, а только кошелек.

Чисто коммерческий период длился недолго. Выступил вооруженный враг: диверсанты и шпионы, потом — целое подполье голлистов и коммунистов, затем — партизаны. Банду бросили в бой. В бандитский рай внесли здоровое административное начало. На Лористон пришел Бонни, привел с собой еще троих обиженных экс-сыскарей, убедился, что гестапо до сих пор не завело ни одного дела и все допросы проводило без протоколов, глубоко вздохнул и стал налаживать канцелярию, учить громил, как грамотно организовать «мышеловку» на провалившейся явке.

Крутилась все более и более кровавая карусель. К 1944 году во Франции шла гражданская война — со всем своим изуверством. Особенностью банды было то, что подпольщиков она воспринимала не как идейных врагов, а как конкурирующую банду. Благо среди них хватало «коллег».

Когда немцам стало совсем худо, гестапо бросили против партизан, а такой вид спорта был им совсем не по душе. Из подыхавших с голоду арабов (немцы взяли их в плен еще в 1940 году, но так и не придумали, что с ними делать) Лафон весной 1944-го собрал «североафриканскую бригаду» человек в пятьсот, которую бросили против бастующих рабочих «Пежо» и партизан. Арабы плохо воевали, но славно безобразничали. В конце концов их разоружили.

Вскоре свернулась и банда, не дожидаясь парижского восстания в августе 1944 года, о котором она наверняка знала заранее. Сожгли архивы — бюрократу Бонни от этого зрелища стало худо. Разделили общак. Разделились сами. Кто-то собрал автомобильные конвои, чтобы с семьями и любовницами прорываться в Испанию. Многие прорвались: так, Огюст Рикор выгодно инвестировал в мировую сеть трафика героина («Французский связной»), созданную марсельцами Карбоне и Спирито (50).

В Южной Америке он заслужит уважительные клички: Старик, Иль Комманданте, Мистер Героин. Многие сгинули в засадах: дрались отчаянно, попасть гестаповцам в руки партизан было не слаще, чем партизанам — в руки гестапо. Кто-то переметнулся на заранее подготовленные позиции в Соппротивлении и бил немцев с таким же усердием, с каким до этого бил подпольщиков. Бонни и Лафон с семьями далеко не ушли. Их убежище в Бургундии выдал Жоановичи.

В тюрьме к ним вернулись довоенные инстинкты. Матерый рецидивист молчал, хотя его били до полусмерти.

На основе показаний матерого шпиика арестовали тысячу человек. Приговор Лафон выслушал с улыбкой, Бонни — осел на руки жандармов. Расстреляли их вместе 27 декабря 1944 года в числе восьми гестаповских заправил, включая Виллаплана. У расстрельного столба Лафон курил: так и умер с сигаретой.

* * *

Что это было?

Сон, в котором исполнялись все желания не крупного уголовника Лафона? Перед казнью он скажет адвокату:

«Я ни о чем не жалею, мадам, за четыре года среди орхидей, георгинов и „бентли“ надо платить. Я жил в десять раз быстрее всех остальных, вот и все. Передайте моему сыну, чтобы он никогда не имел дела с фраерами. Пусть будет мужчиной, как его отец».

Скоротечная, но блестящая попытка создать во Франции централизованную преступную власть а-ля «Коза ностра», где Лафон был «Боссом всех боссов», несравненно более удачливым и могущественным, чем любой Аль Капоне?

Или, судя по свите Лафона, которая играет короля, «Двор чудес» XX века? Здесь собрались все изгои Европы. Бандиты и дискредитированные «флики». «Графини гестапо» (26) — сонм экзотических авантюристок. Белоэмигранты, разорившиеся аристократы. Лесбиянки, двой-ные-тройные агенты, забывшие, на кого работают и изгнанные всеми нанимателями, просто садисты, вышедшие в тираж спортсмены. Негры, лишь в богемной и бандитской среде не страдавшие от расизма.

Взять хотя бы Виолетту Моррис. Дочь барона прославилась героизмом на фронтах Первой мировой: под Артуа в 1915 году она водила санитарную машину, в аду Вердена — служила вестовой. Обладательница семидесяти рекордов и наград, включая мировые, равно преуспела в метании тяжестей и диска, автомобильных и мотогонок, боксе — выходила она и против мужчин, — много в чем еще. Ее девизом было: «Все, что может мужчина, может и Виолетта». Выглядела как могучий мужик, ругалась как извозчик, ампутировала грудь, чтобы та не мешала управлять автомобилем. Катала с ветерком Жозефину Бейкер. В конце 1939 года отвезла своего друга Жана Кокто на фронт — навестить Жана Маре, — когда все мужчины трусили и отказались.

В 1930 году тридцатипятилетнюю Виолетту изгнали из спорта за аморальность — она, о ужас, носила брюки. Жила на барже с оставившей сцену актрисой Ивонной де Бре, алкоголичкой, по мнению современников похожей на бульдога. 27 декабря 1937 года застрелила какого-то нахала-легионера, забравшегося на ее плавсредство. Торговала запчастями в партнерстве с Жоржем Энно, более известным как Жо Террор. Звучный псевдоним придумал бандиту, причастному к аферам Ставиского, не кто иной, как Жорж Сименон, когда Энно в 1934 году опубликовал свои мемуары.

В 1936 году в пику французским спортивным чиновникам Гитлер не просто пригласил ее на Берлинскую олимпиаду, но и выделил место в VIP-ложе. Говорят, тогда ее завербовал абвер — вербовщиком якобы была сама Эльзбет Шрагмюллер, легендарная «фройляйн Доктор», немецкая разведчица Первой мировой. Говорят, что «гиена гестапо» на Лористон с наслаждением пыталась и насиловала женщин, что она нанесла колоссальный вред Соппротивлению, внедряя в него своих агентов, а к смерти ее приговорило руководство британской разведки. Утверждают и обратное: что Моррис была лишь интендантом гестапо, а про «гиену» придумали гомофобы. Как бы там ни было, 26 апреля 1944 года ее расстреляли из засады на деревенском проселке.

Не последняя часть «Двора чудес» — люди искусства, заполонившие Лористон. Одних кинозвезд там не счесть: Корин Люшер, Жинетт Леклерк, Дита Парло, Моник Жойс, Роже Дюшен (29), Иветт Лебон (14 августа 2011 года она отметила свою сто первую годовщину),

Галла, Робер Ле Виган. Граждане «общества зрелищ» чувствовали, что надо спешить занимать места: спектакль, которые дает «месье Анри», долго в репертуаре не продержится, а такого спектакля Париж не видел и вряд ли еще когда-нибудь увидит.

Р. С. Фантасмагорическая реальность французского гестапо лучше всего воссоздана в фильме Луи Маля «Лакомб Люсьен» (1974) по сценарию Патрика Модяно, для которого эта тема, начиная с романа «Площадь Звезды» (1968), является настоящим наваждением: отец писателя, которого он видел единственный раз в жизни, судя по всему, имел отношение к улице Лористон. В телефильме Дени Гранье-Деффера «Улица Лористон, 93» (2004) Лафона сыграл Даниель Руссо, Бонни — Кристиан Шарметан. Бонни также играли Клод Риш («Ставиский» Алена Рене, 1974), Никола Сильберг («Дело Пренса: самоубитые 1934 года», 1978) и Максим Леру (телефильм Ива Буассе «Дело Сезнека», 1993). Борделю «One, Two, Two», любимому гестаповцами, посвящен фильм Кристиана Жиона «One, Two, Two: улица Прованса, 122» (1978).

Глава 39

Улица Буасьер, 36

Безумный Пьеро (1946)

Ограбление ювелирного магазина Серафьяна, что на улице Буасьер, 36,6 ноября 1946 года выглядело как банальное, жестокое и возмутительно нелепое дело рук дешевого отморозка, которому спьяну втемяшилось подарить подруге «котлы» с камушками. Около двадцати часов, перед самым закрытием, в магазин ввалился элегантный, но едва стоящий на ногах невысокий клиент с остекленевшими глазами. Поглазев на недорогие часы, он вытащил револьвер. Жена ювелира заорала, сам он схватился с налетчиком, тот выстрелил, ранил Серафьяна, но позорно бежал и вскочил в поджидавший его автомобиль. Доблестный Серафьян бросился вслед за ним и закончил жизнь под колесами другого автомобиля, который сорвался с места вслед за машиной с налетчиком. Тем временем, пряча револьвер, недотепа-алкоголик по имени Пьер зацепил спусковым крючком за пояс и всадил себе в низ живота пулю — навывлет.

Жо — так звали водителя — зарычал от бешенства. Он с самого начала был против, он пытался отговорить друга, поскольку видел, как дрожали руки Пьера, когда, отужинав устрицами, тот снаряжал револьвер, но спорить с Пьеро — себе дороже. Как же, он всем покажет, что и в алкогольной коме способен на подвиги.

Пьера поместили в клинику под именем Поля Шаплена, раненного на охоте. Срочная операция стабилизировала его состояние, но друзья опасались, что клиника ненадежна. 10 ноября двое в белых халатах перенесли Пьера на носилках в автомобиль. За рулем сидел колосс Абель: каменное лицо, титановый подбородок, стальной прищур. Раненого довели до верного убежища, но на ухабистой дороге открылась рана: через три часа Пьера не стало. Ночью его закопали на острове Жилье на Сене.

Маринетт Шадефо, подруга Пьера, не дождавшись часиков, пропала без вести. Ходили слухи, что она стала заговариваться, обвиняя его друзей в убийстве. И, как ее ни увещевали, не замолкала и стала просто опасна. Тогда Маринетт отвезли на могилу любовника и выстрелили в затылок.

Еще говорили, что налет — инсценировка, скрывающая подлинные обстоятельства дела. А Пьер якобы погиб в карточной ссоре: партнер по покеру выстрелил в него из-под стола. Все, кто играл с Пьером, знали, что оружие на всякий случай стоит держать под рукой. Возможно и то, что на Буасьер Жо был не трезвее Пьера и смертельно ранил друга, прикрывая огнем его отход. А может, Маринетт была права, и друзья Пьеро прикончили его, не в силах больше выносить причуды лунатика-убийцы. Или же, кто знает, известная ревнивым характером Маринетт вполне могла и сама стрелять в любовника, тем более что для этого были основания, а потом пустилась в бег.

Ходили даже слухи, что Пьер собирался не грабить Серафьяна, а поквитаться с ним, а под личиной ювелира якобы скрывался нечестный скупщик краденого.

Да чего только не говорили. В уголовном мире несколько лет только и было разговоров, что о судьбе нелепо погибшего коллеги. Ведь недотепа и его друзья были легендами подполья. «Большой Жо» Агтия — кавалер ордена Почетного легиона, герой Маутхаузена (46). Абель — «Мамонт» Данос. Ну а Пьер — не кто иной, как двадцативосьмилетний «враг общества номер один» Пьер Лутрель, — «Безумный Пьеро».

* * *

Он сбежал из дому в пятнадцать лет и нанялся юнгой на торговое судно — мечтал о кругосветке: при арестах он будет всегда указывать свою профессию — «навигатор». Но морё навевало тоску, тоска — припадки насилия. Он заделался в Марселе сутенером и вором по кличке Чемодан. Тюрьма, армия, из береговой артиллерии в Шербуре Пьер уже через четыре месяца загремел в дисциплинарные «африканские батальоны». Оттуда выходили или ногами вперед, или утерев все человеческое. Лутрель вернулся на своих двоих. На память остались многочисленные татуировки, включая выколотое на гортани «Иншаллах».

Война подарила ему корочки сотрудника французского гестапо (37) и прозвище Пьеро Автомобиль: он обожал свой красный кабриолет. По барам и борделям с ним шлялась кинозвезда Жинетт Леклерк, кокетливо вешавшая на плечо автомат Пьеро.

Его боялись даже в гестапо. Когда 28 июня 1944 года его избили и вышвырнули из бара «Чаплин» на Монпарнасе, он вернулся с друзьями, обыскал, выстроив вдоль стен, клиентов и принялся методично расстреливать бутылки в баре. Примчавшегося на шум инспектора и осведомителя подполья Рикардо связали, избили, затолкали в автомобиль, где Пьеро несколько раз выстрелил в него. То ли Рикардо сумел выпрыгнуть из автомобиля, то ли его выкинули, посчитав мертвым, а для верности еще и проехали по нему, но произошло невероятное. Подобранный проституткой, он выкарабкался и жил еще долго. Военная комендатура — в пику гестапо — требовала головы негодяя.

7 июля Пьеро последний раз участвовал в рейде гестапо в кабаре «У Боба», где арестовали троих, в последний раз объехал кабаки, а закончил ночь в «Пти шапито» на улице Делаамбр, где попрощался с корешами: «Пока, мальчики! Я — на Юг!» Пьеро исчез, а в Тулузе объявился лейтенант Дэрикур, отчаянный боевик группы «Моранж», казнившей предателей. Он застрелил немецкого офицера на центральной площади, отличился на баррикадах, «зачищал» освобожденный город от «предателей», попался на грабежах, но был освобожден почти с воинскими почестями и перешел под крыло Генеральной дирекции исследований и информации (DGER), самой секретной службы де Голля.

Пьеро не бежал из Парижа, как можно подумать, напуганный репрессиями за покушение на Рикардо. Он подготовил почву для перехода на другую сторону. Уже на улице Лористон с ним вошел в контакт внедренный туда голлистский агент. И в Тулузе Пьеро выложил перед командиром «Моранж» Русом все карты: так и так, я — гестаповец, хочу искупить.

Рус сохранил о нем наилучшие воспоминания, от которых не отрекся и спустя годы: «Лутрель был парнем, пышущим здоровьем, добродушным, веселым. Бесконечно симпатичным».

Его командировали в Испанию «разобраться» с миллиардером Менделем-Михаилом Школьниковым. Хотя, казалось бы, само его имя гарантировало бесплатный проезд в Освенцим, Михаил именно при немцах сколотил состояние на черном рынке. На одном лишь Лазурном Берегу при посредничестве Карбоне (50) он приобрел семьдесят пять особняков и двадцать восемь всемирно известных отелей: хозяева некоторых из них до сих пор не могут выпутаться из сплетенных Школьниковым финансовых паутин. А в одном из своих парижских особняков он якобы принимал самого Гимmlера: Мендель был официальным поставщиком не только германских ВМС, но и СС!

Школьников держал нос по ветру и сбежал, прихватив с собой драгоценностей на восемьсот миллионов, в Испанию еще весной 1944-го. От судьбы не уйдешь: труп Менделя нашли 17 июня 1945 года в сожженном автомобиле в тридцати километрах от Мадрида, на дороге в Бургос. То ли слишком сильный удар по голове не оглушил, как рассчитывали похитители, а убил Школьникова; то ли миллиардера хватил инфаркт на импровизированном допросе; то ли, уколов его снотворным, ребята Пьеро ошиблись с дозировкой. Во всяком случае, команда Безумного с чувством выполненного долга вернулась на родину. Правда, в испанских газетах промелькнуло сообщение, что убийца задержала полиция. Но даже если и так, покровители из спецслужб быстро выменяли их у испанцев на каких-нибудь замешкавшихся во Франции франкистов.

Хотя брат Школьникова и опознал его тело, труп так обгорел, что, возможно, место выжиги, откупившегося от киллера и бежавшего в Латинскую Америку, занял в аду неизвестный бедолага. Во всяком случае, французское правосудие в гибель Менделя-Михаила не поверила:

8 мая 1950 года его заочно приговорят к смертной казни, конфискации имущества и выплате двухмиллиардного штрафа.

Тем же летом в марсельском баре «Багатель» некто Дегац окликнул Пьеро: «Я тебя знаю, ты работал на авеню Фош» (то есть в настоящем, немецком гестапо). Лутрель спокойно предложил выйти поговорить и расстрелял его во вращающихся дверях. Карьера спецаргента пошла прахом.

Все дороги ведут на Пигаль: в кабаре «Ла рулотг» Безумный сколотил банду, прозванную за любовь к «ситроенам» «бандой на передних ведущих». Военное прошлое никто не ворошил: находясь по разные стороны баррикад, уголовники чтили свое братство и помогали друг другу. Теперь и гестаповцы, и партизаны снова стали самими собой — налетчиками.

Мамонт — экс-чемпион велосипедных гонок, настоящий Геркулес — в 1941 году делал грязную работу для комиссара Робера Блемана, истребителя немецких агентов в Марселе. Угодив в тюрьму за нападение на инкассаторов со смертельным исходом — это был исторический, самый первый налет в оккупированном Париже — Данос знал, что комиссар может его выручить. Но Блеман списал агента «на боевые»: Мамонт оскорбился, бежал из тюрьмы и подался в гестапо, оказывая попутно услуги Сопrotивлению.

Гестаповцами были и Жюльен Ле Ни, и деловитый «Толстяк Жорж» Бушезейш, брезговавший насилием ради насилия, и храбрец Анри «Расписной итальяшка» Фе-фе, славившийся тем, что зловец, чуть ли не сутками мог молчать, лишь с нехорошей улыбкой обводя друзей взглядом.

Юный тулузец Реймон Ноди был новичком в криминале. Пай-мальчик, ученик часовщика, ушел в партизаны, чтоб его не угнали в Германию. Он оказался прирожденным стрелком, диверсантом и, главное, человеком войны. Мирная жизнь ввергла его в черную меланхолию, от которой спас «Дерикур», высвистав на новую, криминальную войну. У Ноди была одна слабость: увидев «флика», он сразу стрелял. Рассудительный Мамонт считал, что это немного чересчур, но, в конце концов, у каждого свои недостатки.

Однажды дверь «Ла рулотг» распахнул скелет, похожий на Большого Жо: друзья уставились на него, как на выходца с того света. Аттиа в гестапо не прижился, перебежал в Сопrotивление, но попался, его пытали. Друзья с трудом спасли его от смерти, убедив шефа гестапо Лафона отдать Жо немцам. В Маутхаузене он вел себя бесстрашно, спас многие жизни, за что получил орден. Но ноги сами привели его на Пигаль. Друзья по-своему посочувствовали: знали бы, как тебя будут мучить в лагере, сами бы тебя грохнули. Теперь банда была в сборе.

Утром 7 февраля 1946 года по авеню Пармантье ковылял жалкий старикашка — Пьеро. Поравнявшись с инкассаторами, выходящими из банка, он вытащил автомат. Ноди держал на мушке шофера, Фефе — дверь банка, Бушезейш — улицу, Аттиа страховал из засады. За минуту они взяли три миллиона. 11 февраля три бандита в военной униформе штурмовали

грузовичок, перевозивший жалование для американских солдат: эта акция принесла им еще восемь миллионов.

И понеслось. Налеты на банки, инкассаторов, почты. В неслыханном, задыхающемся ритме: 13 марта, 25 мая, 1 июня, 8 июня, 16 июля, 27 июля. И так на протяжении года! 1 августа Пьеро едва не удалось ограбление века: захват пятисот килограммов золота в банковском хранилище на улице Даро сорвался по чистой случайности. Мало того: на Лазурном Берегу Пьеро создал вторую банду, дебютировавшую 14 февраля и действовавшую в том же темпе. Оставив на парижском хозяйстве Агтия, Пьеро на первых порах возглавил ее лично. Лишь изредка налетчики позволяли себе короткие каникулы в Провансе, где по вечерам играли в шары с жандармами.

Бешеная активность Пьеро вызвала ответный вал облав и обысков: нормальная криминальная жизнь оказалась на грани паралича. Прошел даже слух, что марсельские «крестные отцы» братья Герини «заказали» Пьеро.

Минимальный — по вине Пьеро, спяну открывшего пальбу, — улов составил семьсот тысяч. Максимальный —

1 июля на почте в Ницце, куда Пьеро и Ноди вошли под видом маляров, — тридцать три миллиона. Все ускоряющийся ритм налетов и судьба выручки внятно не объяснены. Сколько бы ни тратили парни на машины, девок и еду, сколько бы ни пропивал и ни угощал посетителей баров Пьеро, как бы часто ни менял он пальто из верблюжьей шерсти и модные ботинки на многослойной подошве, все равно они никак не успели бы потратить шестьдесят семь миллионов девятьсот тысяч франков! Подозревают, что банда работала по заказу некоей партии, пополняя ее черную кассу. Какой партии? Да любой!

Пьеро, перекрасивший волосы в рыжий цвет, вел себя как романтик-самоубийца в белой горячке. Шлялся по ночным барам, швырялся деньгами, размахивал стволом, умыкнул, избил, но не изнасиловал, а просто выкинул из машины кинозвезду Мартин Кароль. А на завтра якобы прислал ей шикарный букет роз с извинениями. 14 июля, отстреливаясь, вырвался из засады в марсельском отеле и укрылся на хазе. Но вечером, зная, что округа оцеплена, отправился в людный бар: патриот, он курил только синие «Голуаз», а на хазе запасли лишь американские сигареты. Попав в облаву, бежал из участка, вырвав у полицейского автомат. Избавившись от оружия, изобразил невинного прохожего, организовал и направлял погоню за самим собой. А через два дня уже атаковал банковский фургон.

Полицией, похоже, руководил «комиссар Жюв». 25 сентября, узнав, что банда гуляет в ресторане на берегу Марны, триста пятьдесят «фликов» окружили его. Но ресторан был пуст. Инспектор, вымещавший ярость на хозяине, заметил мальчика, купившего шесть пачек синих «Голуаз». Вот он — след Пьеро! Проследив за гаврошем, «флики» окружили ресторан, в который он их привел, и для начала подстрелили вышедшего на улицу пьяницу: им показалось, что тот достал из штанов не член, а револьвер. Янки из военной полиции, приглашенные коллегами полюбоваться на их триумф, хохотали и аплодировали, сравнивая происходящее с бурлесками Мака Сеннета. Клиенты ресторана попадали под столики, а кто-то, решив, что их атакуют бандиты, вызвал жандармов, в перестрелке с которыми полиция понесла потери. Как водится, в решающий момент у «Жюва» сломался пулемет.

Самое смешное, что из банды в ресторане был один только Бушезейш, тоже поклонник «Голуаз». Пьеро с Агтия выпивали вдали от поля боя. Узнав о перестрелке, кто-то из них прорвался на автомобиле с дипломатическими номерами через оцепление и — одной рукой держась за руль, а другой стреляя из автомата — дал Бушезейшу шанс выскочить наружу, спрятаться в колодце и отсидеться там до утра.

* * *

Пьеро искала вся полиция Франции до самого мая

1949 года, когда анонимный информатор сообщил: Безумный уже давно покоится на острове Жилье. Эксгумация подтвердила: это Пьеро. Останков Маринетт там не оказалось.

Тем временем 10 июля 1947 года арестовали Аттия, 29 июля — Толстяка. Покровительство голлистов, которым Аттия помог в лагере, и сметка Бушезейша спасли обоим не только жизни, но и свободу: они, как и Ле Ни, продолжили убивать в рядах «эскадронов смерти» на службе госбезопасности. Бушезейш и Ле Ни, запутавшись в заговорах, полягут на этой войне (13). Супруги Ноди и Данос метались, уходя от погони, между Италией и Францией. 30 октября 1948 года верный Ноди погиб в перестрелке, его беременная жена, тяжело раненная, потеряла ребенка. Даноса взяли 30 ноября 1948 года в Париже в жалкой мансарде прислуги: он то ли опустил до того, что грабил мансарды, то ли надеялся найти «чистые» документы. Судебный процесс изобиловал недомолвками: 14 марта 1952 года Мамонта расстреляли за измену родине. Фефе умер в 1953-м в тюрьме, заразившись туберкулезом, чтобы попасть в больницу.

Бесхозное прозвище Безумный Пьеро подобрал Пьер Каро, налетчик с тонкими чертами лица, похожий на молодого Олега Янковского. В 1963 году, заканчивая отбывать двадцатилетний срок в Шартре, он настоятельно, если верить журналистам, но безуспешно советовал юному сокамернику Месрину (47) вернуться на стезю добродетели. Месрин вкладывал в уста Каро отнюдь не нравоучения: «Рано или поздно ты возьмешься за прежнее, ты одной крови со мной. Тебе нет места в обществе. Ты, как и я, кончишь жизнь за решеткой, если тебя не убьют прежде». Один экс-гестаповец пытался примазаться к славе Лутреля, именуя себя Безумным Арманом. В начале 1970-х годов фантазия «фликов» припишет прозвище Безумный Пьеро революционеру, бандиту и писателю Пьеру Гольдману (30). А в октябре 2008 года к пожизненному заключению без права на освобождение приговорили шестидесятидвухлетнего Пьера «Безумного Пьеро» Бодейна. Именующий себя грабителем от бедности, Бодейн полжизни провел в тюрьмах и психиатрических клиниках. Условнодосрочно освобожденный летом 2004 года, он уже через четыре недели похитил, изнасиловал, зверски убил и расчленил двух девочек и умственно неполноценную женщину: такого «тезку» Лутрель задушил бы голыми руками.

P. S. Хотя «Безумный Пьеро» (1965) Жана Люка Годара не имеет прямого отношения к Лутрелю, в фильме царит характерный климат уголовно-политических заговоров, породивший Безумного. В том же 1965 году цензура помешала Иву Буассе снять фильм о банде Пьеро «Безумное лето»: сценарий затрагивал табуированную тему французского гестапо. Но еще в 1952-м афишу фильма Вилли Розье «Проклятые любовники» (с Робером Берри в главной роли) украшал слоган: «Трагическая любовь Безумного Пьеро». В «Банде» (1976) Жака Дерюа кудрявый, как пудель, Ален Делон сыграл Пьеро, названного Чокнутым Робером. Жозе Даян сняла телефильм «Банда на передних ведущих» (1991), Клод Лелюш — «Доброго и злых» (1976). «Мамонта» — под именем Абея Давоса — сыграл Лино Вентура в фильме Клода Сотэ «Взвесь весь риск» (1960).

Глава 40

Улица Доктора Бланша, 39

«Притворщики» против «продажных» (1986)

Служащие и клиенты «Лионского кредита» на улице Доктора Бланша, 39, поняли: «это — ограбление», еще до того, как пять человек, вошедших в банк 14 января 1986 года в 14.15, вытащили револьверы. Внешний вид не оставлял сомнения в их намерениях. Раввин в долгополом голубом пальто и шляпе колоколом, с неуместными стреловидными усами. Два щеголя в зеленых тирольских пальто. Голубоглазый блондин в меховой шапке и пальто — так в кино изображали советских дипломатов. Фрик в макинтоше, вельветовых брюках, бежевом пуловере и кожаных перчатках. Парижане давно полюбили «банду Притворщиков» — «gang des Postiches» — разве что не аплодировали им, и предвкушали, какое развлечение она приготовила.

Они надевали маски поп-звезд и лидеров политических партий, менялись цветными париками. Обращались друг к другу: Шуберт, Усы, Голиаф, Атос, Портос, Капитан, Омар, Милорд, Тентен, Тигр, Козленок, Толстяк, Перышко. Однажды высокий грабитель в кепке Шерлока Холмса изъяснялся на верлане — классическом воровском аргю, коренастый — шепелявил, а толстощекий — причитал на идише. Как-то раз «притворщик» призадумался на выходе и, махнув рукой, прислонил к стене зонтик: «Пожалуй, оставлю я его, чтобы „фликам“ было чем заняться». Записи камер слежения они уносили с собой.

С ними никогда не было скучно, что немаловажно, если сидишь в заложниках от сорока пяти минут до двух часов. Никому, кроме «Притворщиков», не хватало выдержки и наглости, чтобы среди бела дня захватывать банки так надолго: впрочем, они непрерывно сканировали полицейские частоты. Они не тормозили, а работали с дикой скоростью, но и работа предстояла адова.

Они сразу делились на две группы. Первая контролировала зал, успокаивала заложников, кокетничала с барышнями, вежливо встречала новых клиентов. Вторая спускалась в хранилище и, как консервные банки, вспарывала ячейку за ячейкой. Репутацию «Фише-Бош» «Притворщики» похоронили за два-три налета: Париж узнал, что эта фирма выпускает ячейки из алюминия. Они первыми совместили амплуа налетчиков и взломщиков. Еще никто не вскрывал сейфы днем.

Они брали только деньги и драгоценности. Бумаги летели на пол. Однажды один из «Притворщиков» заголосил: «Здесь досье! Досье! Хочу досье! Их можно продать!» Его урезонили: «Мы грабители, а не шантажисты».

С ними никогда не было обидно. Налогоплательщики не сострадали хозяевам спрятанных в сейфах секретов и золотых слитков, в которые напуганные приходом к власти социалистов богачи конвертировали наличность, и ценили юмор «притворщиков», заходивших в банк со словами: «Налоговый контроль!» Многие считали их городскими партизанами.

Но главное: с ними никогда не было страшно. Пару раз они остудили пыл кассиров рукоятками револьверов, но затем отказались от любого насилия.

Банк на улице Доктора Бланша был их двадцать седьмым банком. За четыре с половиной года они вскрыли тысячу триста сейфов и взяли не менее ста восьмидесяти семи миллионов франков в золотых слитках и монетах, двадцать миллионов наличными и бог знает, что там еще «Притворщики» выудили из сейфов. Налеты следовали сериями: то шесть за месяц, то четыре — за неделю. Потом наступали долгие паузы.

9 марта 1984 года они ускользнули из банка за минуту до того, как его окружила полиция. Тот налет, совершенный в 15.30, был подарком министру внутренних дел Гастону Дефферу, на 15.00 назначившему военный совет на тему «Что делать с „Притворщиками“?».

За четыре с половиной года полиция не составила даже примерного представления о том, кто они и откуда. Лишь констатировала, что численность банды постоянно менялась: от трех-четырех человек до восьми-двенадцати. Время от времени то там, то здесь торжествующие «флики» брали с поличным или по горячим следам налетчиков в париках и с клоунскими манерами. Но они неизменно оказывались провинциальными подражателями, фанатами артистичной банды.

Что там говорить, если даже сейчас личность Первого Тирольца не установлена!

29 сентября 1981 года «Притворщики» посетили два банка, находившихся на расстоянии восьмисот метров друг от друга: один — в 13.00, второй — в 16.00. В перерыве, как честные французы, неторопливо пообедали по соседству.

С утра 14 января 1986 года они наведались в банк на бульваре Гувьон-Сен-Сир, 56. Затем с чувством выполненного долга отправились в ресторан. За трапезой под арманьяк они, как не раз бывало, заговорили о своей мечте — кругосветном семейном плаванье. В Париже как раз проходил морской салон, «Притворщики» присмотрели подходящее суденышко, но таких на всю компанию требовалось два. Сколько там не хватает налички, чтобы купить их, пока салон не закончился? Два миллиона? Всего-то!

Еще по рюмке крепкого, по линейке кокса.
Ну что, смотаемся в банк за деньгами?

* * *

Банк на улице Доктора Бланша был для них в тот день вторым. Они давно его присмотрели, изучили пути отхода и остались довольны.

В день рождения банды, 29 сентября 1981 года, первый свой банк они взяли на той же самой улице Доктора Бланша, где брали и двадцать седьмой — 14 января 1986 года, в день ее смерти.

Сейсмические датчики в банковском хранилище реагируют даже на отдаленные дорожные работы. Но микрофоны, установленные вместе с ними, позволяют услышать, как кто-то взламывает семьдесят два сейфа.

«Притворщики» никогда не вываливали из банка толпой. В 16.13 от банка направо отъехал Дипломат, за ним — Тиролец с Фриком. Второй Тиролец и Раввин побрели налево. Обогнув квартал, они должны были встретиться за углом. В тот день они были гиперрасслаблены и благодушны.

Шестьдесят семь «фликов» в штатском на тридцати одном неброском автомобиле обложили квартал. Они были гипернапряжены. По давно разработанному и вызубренному плану им предстояло проследить за налетчиками до их укрытия.

Особенно напряжен был шеф бригады по борьбе с бандитизмом, комиссар Мерц. Когда пешие «Притворщики» неторопливо усаживались в свою машину, припаркованную напротив его автомобиля, взгляд одного из них скользнул по Мерцу. Наверное, Мерц на минуту сошел с ума — «Он нас узнал!» — и, выскочив, как одержимый, на улицу, трижды выстрелил через лобовое стекло в грабителей. Его подчиненные, которым Мерц только что настрого запретил любые резкие движения, лишь простонали, как напуганные обыватели: «Стой! Стой! Не стреляй, Реймон!»

«Притворщики» никогда не стреляли в людей. Лишь однажды пытались расстрелять железный занавес на входе, который успел опустить банковский служащий: безуспешно — из банка-западни им пришлось удирать через форточку в туалете. Но это вовсе не означало, что они пацифисты или плохо стреляют.

То, что последовало затем, кажется чередой вспышек, словно молния озаряет на мгновение перекресток улиц Доктора Бланша и Генриха Гейне, а потом все снова ныряет в темноту.

Раввин с автоматом, который, как назло, заело, навскидку. Две пули — в плечо и ногу — скидывают его с тротуара прежде, чем он успеет выдернуть чеку из гранаты. Его спутник бьет Мерца прикладом в лоб, но его самого сбивают с ног. Падают парик и очки. Бросив свои автомобили, из-за угла появляются еще трое «Притворщиков» с оружием наперевес. Инспектор Бренд и Фрик замирают, направив друг на друга, как в фильме Джона Ву, стволы. Так же синхронно они падают на асфальт: их выстрелы слились, оба — наповал.

В темноте, между вспышками, выстрелы — еще и еще.

«Флики» никогда прежде не видели, чтобы воры не убежали, а атаковали, как мушкетеры, стараясь отбить своих товарищей.

Второй Тиролец мертвой хваткой держит комиссара Ульмера, прижав ствол к его виску. Он хозяин положения. Ошеломленный комиссар Биро не реагирует на его приказ бросить оружие. Второй Тиролец подтверждает приказ пулей, срывающей кусок скальпа комиссара; тот падает, словно убитый, да ему и кажется, что он убит. Тиролецы выбирают среди обезоруженных «фликов» второго заложника: им нужен шофер. «Ну, ты, толстяк». Инспектор Роллан обижается: «Я не толстяк».

Тиролецы с заложниками мчатся через весь город, отстреливаясь от погони. На северной окраине лопаются две шины. Заложники удирают от пуль, посланных вдогонку, один из них ранен.

Дипломат тоже убежал. Точнее, он сперва немного бежал, а потом неторопливо шел. Это «флики» бежали ему навстречу, а он их поторапливал: «Скорее, скорее, там такое творится!»

«Фликам» достались мертвый Фрик и раненый Раввин: тридцатидвухлетний Брюно Берлинер и сорокалетний Робер Маргери. Берлинер держал на груди два чулка, набитых патронами. Они сыграли бы роль бронезилета, если бы пуля Бренда не нашла неподвластный логике баллистики и единственный смертоносный путь. Вокруг его тела разлетелись пятисотфранковые купюры, мокрые от крови и дождя.

Тридцатишестилетних Жана Клода Мишка (Дипломат), Патрика Жэ (Второй Тиролец) и Андре Беллаиша (предполагаемый Первый Тиролец) схватили только в декабре. Одиннадцать месяцев, миновавших со времени перестрелки, они не скучали, скрываясь от правосудия не менее экстравагантно, чем грабили. Сначала перешли на лыжах через Альпы в Италию, «как русские солдаты». В Риме 5 августа Беллаиш попался на какой-то мелочи при рутинной проверке документов и получил год тюрьмы: не могло быть и речи о том, чтобы оставить его за решеткой. По плану, разработанному самим Беллаишем, Мишка с сообщником угнали санитарный вертолет, приземлились во дворе тюрьмы Ребибия и под огнем охраны вывезли друга и, чтобы запутать следы, фашиста-налетчика Джана Луиджи Эспозито. Правда, план отхода они — перенюхали, что ли, кокса — разработать забыли: вертолет сел на римском футбольном поле в разгар матча. Друзья ушли, смешавшись с толпой, хлынувшей на поле.

Сообщником Мишки, возможно, был легендарный король побегов Франсуа «Угорь» Бесс, напарник самого Месрина (47). В 1983 году благородные «Притворщики» предоставили ему убежище — теперь он смог вернуть им долг чести.

На набережной Ювелиров тем временем царили истерика, хаос, ненависть. Нервный срыв Мерца и гибель Бренда были прискорбны, но, в конце концов, это проза профессии. Зато и в кошмарном сне их коллегам не могла примерещиться отмена за час до церемонии торжественных похорон Бренда с посмертным вручением ему ордена Почетного легиона. Сотрудники отдела собственной безопасности объяснили расвирепевшим лидерам профсоюза полицейских: если бы Вренд не погиб, завтра видел бы небо в клеточку. Герой-инспектор состоял в «банде продажных» грабителей и разбойников, опозоривших полицию, как не позорил ее никто со времен инспектора Бонни (37). Доминика Луазо, самого горластого профсоюзника, на семь лет упекли за решетку, обвинив в принадлежности к банде.

О делишках «продажных» многие коллеги догадывались, но кто-то гнал скверные мысли и покупал у них по дешевке краденые вещи, кто-то не хотел выносить сор из избы. Самое забавное, что «продажные» грызли ногти от зависти к «Притворщикам». То мечтали найти и обчистить тайник, где те прятали несметную добычу, то пытались имитировать их стиль, но грабителями оказались в общем бездарными.

* * *

Честные «флики», с ужасом наблюдавшие, как внутренняя распря тормозит поиски «Притворщиков», могли не нервничать: банда умерла еще 14 января с первым же выстрелом. Потому, что участники этой уникальной и неотразимой банды — такие банды, похожие на веселые рок-группы, встречаются только в кино — поклялись, что никто из них никогда не умрет. А это означало, что никто из них никогда не убьет.

Они дали эту клятву, потому что уже потеряли одного друга и не хотели больше таких потерь.

28 октября 1980 года на авеню Виктора Гюго их друг, двадцатипятилетний Мохамед «Бада» Бадауи, «прекрасный, как арабский принц на коне в пустыне», задумавшись, проскочил на красный свет. Настырный юный «флик» на мотоцикле догнал его и прижал к обочине. Бадауи, крикнув: «Проваливай!», направил пистолет ему в голову, в упор. А потом очень медленно опустил. Его спутник скажет: «Он не смог выстрелить во „флика“, тот был

совершеннейший ребенок». В ту же минуту пуля, выпущенная сзади, пробила голову Бадауи. Случайно проезжавший мимо офицер контрразведки отреагировал на увиденное с отменной быстротой и, в общем-то, совершенно правильно.

Бада, в 1978 году заочно приговоренному к смерти, никак нельзя было попадаться. 27 февраля 1975-го трое мальчишек, ограбив банк на бульваре Републик, застрелили кассира. Один из них погиб; двое, засев в банке с заложниками, десять часов вели переговоры с комиссаром Бруссаром (8) и переиграли легендарного «флика». Им удалось уйти от погони в бешеной гонке, предвещавшей январскую гонку 1986 года, с двумя миллионами франков.

Одним из этих мальчишек был Бада. Вторым сочли и тоже приговорили к смерти Беллаиша: он провел в бегах почти двенадцать лет. Суд в 1991 году посчитает недоказанным его участие ни в ограблении на Републик, ни в налетах «Притворщиков». По его версии, он лишь снабжал друзей фальшивыми документами.

Основу банды составили друзья Бада из Бельвиля, самого интернационального и живого, а в годы их детства — еще и самого нищего квартала Парижа. Там воровали, чтобы выжить, а эти парни в юности проявили столь незаурядные воровские дарования, что вскоре в каждой бельвильской трущобе стояли новейшие телевизоры и стиральные машины: ребята не мелочились, угоняя фуры с товарами и продавая их соседям за бесценок.

Банда окончательно сложилась, когда к ним примкнули ребята из квартала Монтрей во главе с Жаном Пьером Лепалом, помимо воровских талантов, еще и отменно стрелявшие. Историк банды, журналистка Патрисия Тураншо, набросала обаятельный портрет разбойного интернационала. Воинственный ашкенази Берлинер, обстоятельный француз Маргери, пугливый и склонный к паранойе цыган Эрну, азартный тунисский еврей Белла-иш, злоюка и фанатик оружия Жэ, акробатически ловкий, скромный, одинокий и мечтательный кабил Шеллауи, стойкий польский солдатик Мишка. Но двери в банду были распахнуты и для друзей, и для тюремных товарищей, которые выходили на свободу без гроша и мечтали о хорошем налете, чтоб приподняться.

«Притворщики» не скупясь тратили добычу на радости жизни. Они с семьями объехали за пять лет весь мир — от Полинезии до Перу. Этим и объяснялись большие перерывы между сериями налетов. Лишь мечтательный Шеллауи предпочитал во время «отпуска» в одиночку колесить по Африке, время от времени, чтоб не терять сноровку, навещая в шикарные отели Лазурного Берега. Берлинер мог дать юному попрошайке десять тысяч. А когда его брат, известный певец Жерар Берлинер, выпустил первый диск, он скупил весь тираж, чтобы диск занял первое место в рейтингах продаж. Сам Жерар это, конечно, гневно опровергал.

* * *

Немалые сокровища, которые «Притворщики» припрятали на черный день на кладбище в Ивелине, не достались им когда они вышли на свободу. Впрочем, одновременно они все на свободе, кажется, с тех пор не бывали. Одни из участников банды, отбыв срок по делу об ограблении на улице Доктора Бланша, вновь оказались на скамье подсудимых в 1996 году в связи с предыдущими акциями «Притворщиков». Другие нашли на свою голову новые приключения. Третьи ушли в бега: Жэ, по недоразумению освобожденный до суда в январе 1989 года, скрывался четырнадцать лет («Все это время я честно, но с поддельными документами, работал водопроводчиком»), но попался и в октябре 2006 года получил семнадцать лет. При такой бурной циркуляции по тюрьмам Франции кто-то где-то кому-то проговорился. О тайнике прознал Жан Пьер Эллегуарш, некогда флиртовавший с «Прямым действием», но севший за грабеж и торговлю наркотиками. Его лучшим тюремным корешем был некто Мишель Фурнире. Фурнире вот-вот выходил, Эллегуар-шу же предстояло еще сидеть и сидеть.

Он попросил товарища связаться на воле с его женой Фаридой и вместе достать сокровище. Фурнире заманил Фариду в заброшенный карьер и убил. А на деньги «Притворщиков» купил себе замок XIX века в Арденнах. Экстравагантное вложение денег

для предателя, вора и убийцы, но Фурнире и не был заурядным преступником: он оказался «убийцей из Арденн», маньяком, умерщвлявшим детей на границе Франции и Бельгии.

Закопанное на кладбище сокровище, замок в древнем лесу, убийца детей: слишком готическая развязка для эпопеи самых симпатичных бандитов Франции. Издательская иллюстрация к банальному тезису «Преступление не окупается». Да, «Притворщики» не смогли воспользоваться несправедливо нажитым, но хочется спросить у судьбы: какого же черта им наслаждался упырь?

Некоторые из «Притворщиков» все-таки нашли свою тихую гавань: Маргери живет в Таиланде, Эйкель — в Тунисе. Другие судьбы сложились невесело.

Мишка, освобожденный в январе 1992 года, повредился умом. В августе 1993 года он бродил, распугивая посетителей, по коридорам парижского Дворца правосудия с пулей, зажатой в зубах. Бредил масонскими заговорами, уверял, что прозрел тайные планы тамплиеров. Он еще дважды побывал за решеткой, а в 2003 году покончил с собой. Еще раньше, 8 апреля 1987 года, покончил с собой в своей ванной комнате измученный героином Серж Эрну, освобожденный за недостаточностью улик.

Лепапа погубила смена криминальной специализации. Примерный семьянин и преуспевающий бизнесмен, каким он казался не только посторонним, но и собственной дочери, торговал кокаином в промышленных масштабах. С дележом двухсоткилограммовой партии порошка связывающего гибель 1 июля 1998 года: два мотоциклиста расстреляли Лепапа на улице.

Беллаиш владеет в Париже музыкальным магазином на уютной улице Муффтар и, по-прежнему широко и честно улыбаясь, клянется, что никогда не заходил в банки с оружием в руках.

Впрочем, поддавшись искушению, он помог Ариэлю Зейтуну на съемках фильма о «Притворщиках»: показал, как Второй Тиролец зажал горло комиссару Ульмеру и приставил ему ствол к виску так споро, словно его руки, в отличие от него самого, отлично помнят тот день.

P. S. «Притворщикам» посвящен фильм Ариэля Зейтуна «Последняя банда» (2007) с участием Венсена Эльбаза и Сами Буажила. Бенуа Жако снял по книге подруги Бада Элизабет Фанже фильм «До скорого» (2004) с Ислид Ле Беско в главной роли. Комиссар Мерц — прототип Дени Клейна (Жерар Депардьё) в «Набережной Ювелиров, 36» (2004) Оливье Маршала: в написании сценария фильма участвовал «продажный» Луазо. Предполагаемый участник банды Франк Анри — консультант фильма Седрика Клапиша «Ни за, ни против (а совсем наоборот)» (2003), сценарист эпизода телесериала «Комиссар Мулен» (2005) и сериала Оливье Маршала «Брако» (2009), а также режиссер фильма «Насильственно» (2011).

Глава 41 **Авеню Фош** **Смерть продюсера (1984)**

В 3 часа утра 7 марта 1984 года Лахдар бен Халед, охранник подземного паркинга на авеню Фош, заметил «Рено 30ТХ» с зажженными фарами. Водитель был мертв вторые сутки: при нем нашли талончик паркинга, выданный 5 марта в 18.45, и бумажник с крупной суммой. Документы киллер, пустивший жертве четыре пули двадцать второго калибра в затылок, забрал с собой. Возможно, как доказательство: заказ выполнен. Стрелял он с заднего сиденья: значит, жертва доверяла ему. Жутковатая и так и не объясненная деталь: три гильзы убийца оставил валяться в салоне, а четвертую поставил на заднее стекло.

Мало сказать, что покойный при жизни избегал фотографов: его фотографий практически не существует; однако гадать, кто он такой, не пришлось. Пятидесятиоднолетнего продюсера и издателя Жерара Лебовичи уже разыскивали: обеспокоенная жена обратилась к влиятельным друзьям, те — к министру юстиции.

Есть жуткий смысл в том, что Лебовичи окончил жизнь в подземелье. Он ненавидел паркинги, он вообще страдал клаустрофобией с тех пор, как девятилетним мальчиком слышал из тесного тайника, как немцы уводят его мать, успевшую при облове на евреев спрятать детей.

Вечером 5 марта супруги Лебовичи ждали гостей. Но планы нарушил в 17.30 звонок в офис Жерара на улице Кеплер, 11-бис — рядом с площадью Звезды. Поговорив с человеком, представившимся секретарше другом Сабрины, Лебовичи отослал шофера, хотя терпеть не мог садиться за руль, и предупредил жену, что немного задержится. Секретарша услышала одну фразу Лебовичи из телефонного разговора: «Если вам от этого будет легче, я готов продолжить этот разговор». При нем нашли листок с торопливой записью: «Франсуа. Улица Верне. 18.45».

В том, кто такие Сабрина и Франсуа, следователи не сомневались. Сабрину Месрин — ей было шестнадцать лет, когда ее отца, «врага общества номер один», расстреляли в полицейской засаде 2 ноября 1979 года (47), — Лебовичи опекал, намеревался удочерить, оплатил ее учебу, а когда она родила ребенка от режиссера Эрве Палю, подарил им квартиру. Франсуа Бесс, вместе с Месрином совершивший в мае 1978 года из тюрьмы Сантэ один из шести своих побегов, был заочно приговорен к смерти и четверем пожизненным срокам. Одна загвоздка: Бесса давно никто не видел, поговаривали, что его убила «банда Притворщиков» (40). То, что он просто ушел в бега, выяснится лишь в ноябре 1994 года, когда Бесса возьмут в Танжере. Возможно, слух о его гибели распространяли сами «Притворщики», с тем чтобы полиция успокоилась и перестала искать их преданного друга Бесса.

Следователи были уверены: это чисто мафиозный «контракт». Значит, Бесс?

Оперативники «антиганга» сомневались: двадцать второй — бабский калибр. Выходит, Сабрина?

Но почему полиция связала эти распространенные имена с гангстерским подпольем, а не с деловым кругом Лебовичи?

* * *

Карьера Лебовичи не оборвалась на взлете — она была непрерывным взлетом. Сын румынского еврея в двадцать лет начинал как многообещающий актер, но смерть отца вынудила заняться семейным делом — скобяной торговлей. В 1960 году он все же открыл актерское агентство, но скобяное дело не бросал, пока не преуспел. Первыми его клиентами были дебютанты: актер и чечеточник Жан-Пьер Кассель (отец Венсена Касселя) и режиссер Филипп де Брока, будущий постановщик «Великолепного» (1973).

Поглощая конкурентов, Лебовичи в 1972 году создал «Артмедиа», в 1982 году — ААА (Ассоциацию актеров и авторов), бросившую вызов традиционным хозяевам кинорынка, прежде всего компании «Гомон». Его империя контролировала треть актерского рынка. Строго говоря, это не была монополия. Судя же по именам его клиентов, человека влиятельнее Лебо во французском кино не было. Среди четырехсот двадцати одного его клиента — актеры Натали Бей, Жан Поль Бельмондо, Сандрин Боннэр, Клод Брассер, Катрин Денев, Патрик Деваэр, Жерар Депардьё, Колюш, Миу-Миу, Ив Монтан, Софи Марсо, Жанна Моро, Пьер Ришар, Жан Рошфор, Жан Луи Трентиньян, Роми Шнайдер, Анук Эме; самые популярные сценаристы; режиссеры Жорж Лотнер, Бертран Блие, Клод Зиди, Ален Рене, Франсуа Трюффо.

Он уверенно вторгся в область дистрибуции, для чего, уважая антимонополистические законы, продал акции «Артмедиа» ближайшему сотруднику Жану Луи Ливи, племяннику Монтана, но, безусловно, сохранил контроль над агентством. Затем перешел к продюсированию. Впрочем, теневым продюсером многих французских хитов он де-факто являлся уже давно. Вместе с Ливи они придумали «пакетную» схему: Лебовичи предлагал продюсерам сразу сценарий, режиссера и звезд. Все они, естественно, были его клиентами.

Незадолго до гибели он вышел на видеорынок. Возможно, Лебовичи остановили пулей теньевые хозяева этого, самого криминального сегмента кинобизнеса, знавшие, что никак иначе его не остановить? С их интересами связывали убийство дистрибьютора Жака Наваса в мае 1983 года. Главными недоброжелателями Лебовичи в этом бизнесе называли продюсера Рене Шато, с которым неожиданно и резко рассорился Бельмондо, и его жену, бывшую порноактрису Брижитт Лаэ.

И еще одна ниточка тянулась от Лебовичи к криминалу. В самом начале 1977 года Бельмондо приобрел, перехватив у Алена Делона, за пятьсот тысяч франков права на экранизацию «Инстинкта смерти», энергичной, самовлюбленной автобиографии Месрина, написанной в Сантэ и сразу запрещенной. Но от предложения Лебовичи один за другим отказались режиссеры, наиболее компетентные в области полицейского и политического кино. Ив Буассе назвал «Инстинкт» «чудовищной книгой садиста». Коста-Гаврас извинился: я, видите ли, моралист, и Месрин мне вовсе не кажется героем. Алан Корно при всем желании не разглядел в Месрине чаемого Лебовичи современного Робин Гуда.

Согласился Филипп Лабро, хотя постановщика «Частного детектива» Месрин ужаснул не меньше, чем его коллег. Лебовичи доверил сценарий оригинальной паре, несочетаемому дуэту: пятидесятилетнему Мишелю Одиару, прожженному виртуозу диалогов, и тридцатидвухлетнему Патрику Модино, исследователю нечистой совести Франции времен оккупации. Антиподы испытывали друг к другу жгучее любопытство, переросшее в восторг, и в основном обсуждали своих любимых авторов, а не сценарий.

С грехом пополам они составили двадцатистраничный синопсис. Но раздался звонок Лебовичи: все отменяется, Бельмондо не хочет делать фильм, на вашем гонораре это не отразится. Жанна Шнейдер, экс-подруга Месрина, в своих мемуарах пишет, что заставить Бельмондо отказаться от столь манящего проекта могло лишь очень сильное давление со стороны очень властных персон. Эту версию подтверждает то, что Бельмондо, взяв паузу, возобновит поиски режиссера.

Лебовичи препоны лишь заводили, он не испытывал интереса к Месрину, он поклонялся ему: «Плевать, я все равно сделаю фильм и начну его титром „Слава Жаку Месрину“». Моральная поддержка пришла из тюрьмы Сантэ. В августе 1977 года «Либерасьон» опубликовала тайком взятое интервью у отбывавшего двадцатилетний срок Месрина: он с одобрением отзывался о проекте Бельмондо, слухи о котором дошли до камер строгого режима. Непонятно, передал ли Бельмондо в Сантэ синопсис, но в начале 1978 года Месрин написал ему: «Только не пишите в конце слово „конец“. Все еще продолжается». В марте профессиональная пресса информировала о переносе намеченных на апрель съемок — хотя ни о каких съемках давно не шло речи — из-за климатических условий в Канаде, где должны были быть сняты первые эпизоды. В мае 1978-го Месрин бежал из Сантэ: его обращенные к Бельмондо слова наполнились внятным смыслом.

Весной 1979 года Бельмондо встретился в офисе Лебовичи с Жаном Люком Годаром. Тот проявил крайнюю заинтересованность: «Месрин убил много людей. Я тоже хотел бы, но у меня не хватает смелости», но — а что еще можно было от него ожидать — обратил переговоры в клоунаду. Лебовичи завлекал своего протеже-дебютанта Тони Гатлифа, но тот, прочитав первые двадцать страниц «Инстинкта», счел Месрина «жестоким расистом». Гатлиф — последний, кто видел Лебовичи живым: отъезжая от своего офиса на свидание со смертью, Лебо помахал ему рукой.

* * *

Смерть Лебовичи увенчала ряд именно что кинособытий зимы 1984 года. Сразу два человека перебежали дорогу его мечты: 1 февраля в прокат вышел документальный фильм Эрве Палю «Месрин», 29 февраля — игровой «Месрин» Андре Женовеса. Через пять дней после убийства Лебовичи, 10 марта, Женовес на время изымет фильм из проката, чтобы

внести исправления по требованию Сильви Жанжако, последней подруги Месрина, и миллионера Лельевра, похищенного Месрином.

С фильмом Палю все очень странно. Дело не в том, что в день премьеры к парижским залам, где демонстрировался фильм, префектура подогнала грузовики с бойцами CRS — французского ОМОНа: власть панически боялась даже мертвого Месрина. Но Палю — спутник жизни Сабрины. Кинокритик Жан Люк Дуэн пишет, что Лебовичи отказался продюсировать фильм, и Палю обратился к некоей «югославской банде». Сабрина, чуть не плача, умолила Лебовичи обеспечить фильму хороший прокат: это было требование «людей, с которыми не шутят». В империи Лебовичи за прокат отвечал Дени Шато. В последний момент он понял, что не наберет «Месрину» обещанные пять залов. Лебовичи позвонил ему и сказал замогильным голосом: «Делайте что хотите, но обеспечьте эти пять залов. Иной вариант исключен. Не спрашивайте почему».

Другие историки напоминают, что фильм Палю шел — и шел для документального фильма очень неплохо — в восьми залах. А как же рассказ Шато? И что это за «юги» — совсем, что ли, дикие горцы, которые из-за дефицита залов пускают четыре пули в затылок императору французского кино?

Югославский след достоин внимания. С одной стороны, спецслужбы маршала Тито, пользовавшиеся услугами рассеянной по миру югославской мафии, славились эффективностью и беспощадностью. Им приписывают уничтожение или похищение с 1946-го по 1990 год около двухсот человек от Австралии до Аргентины, от ЮАР до Дании. Во Франции они отметились десятком акций. Так, 16 октября 1978 года в Париже расстреляли писателя, сторонника «Великой Хорватии» Бруно Бузича. Да, их жертвами были, как правило, политические противники режима, прежде всего хорватские националисты. Да, закордонный террор был ответом на покушения, совершенные усташами или карой за их военные преступления. Но и кино входило в сферу интересов югославской госбезопасности.

Еще в 1962 году белградскую студию «Авала» и весь сербский кинематограф — Тито небезуспешно превращал Югославию в один из центров европейского кинопроизводства — возглавил генерал Радко Дражевич, бывший шеф спецслужб, герой партизанской войны, «балканский Джеймс Бонд», «человек, который убил две тысячи мужчин и переспал с двумя тысячами женщин». В середине 1960-х годов ходили упорные слухи, что от киллеров Дражевича скрывается известный продюсер Рауль Леви. Человек, создавший миф Брижит Бардо, в 1962 году не только разорился на затеянном им мегапроекте «Чудесные приключения Марко Поло» Дени де Ла Пательера с Делоном в главной роли, но и нанес ущерб репутации и финансам самого Тито. Для съемок первого, восьминутного эпизода фильма, который в итоге стоил восемь миллионов франков (бюджет трех среднестатистических французских фильмов), Тито предоставил Леви услуги своей армии и два миллиона долларов.

Юги не юги, но 31 декабря 1966 года Леви, по официальной версии, из-за неразделенной любви к некой двадцатилетней мадемуазель Изабель разворотил себе живот выстрелом из ружья в Сен-Тропезе.

Юги не юги, но полиция, по словам актера Роже Анена, свояка президента Миттерана, интересовалась, не распорядился ли Лебовичи деньгами знаменитых сутенеров, братьев Земур (8).

* * *

Фильм о Месрине у Лебовича не задался, зато Сабрина продала ему права на переиздание «Инстинкта», и он успел выпустить книгу перед смертью. В предисловии он оспорил закон, который лишал авторских прав осужденных, описавших свои преступления, и назвал Месрина символом свободы, издавать которого — «опасная честь».

Лебовичи не знал, насколько эта честь опасна, хотя в 1973 году едва не погиб от пули чокнутого налетчика Вийоке (3), в будущем незадачливого напарника Месрина. Опасна не

только потому, что ему, очевидно, приходилось — да, ладно, «приходилось»: он был от этого в восторге — общаться с непредсказуемыми типами вроде Бесса. Апология Месрина — вызов полиции, относившейся к гангстеру, годами демонстрировавшему свое превосходство, не просто с ненавистью: с ненавистью патологической, животной, распространяющейся на его поклонников. А самосуд был делом привычным если не для полиции, то для спецслужб, особенно теневых. Не дело ли это рук тех самых людей, которые, назвавшись организацией «Честь полиции», в 1979 году убили Пьера Гольдмана (30)?

Но СМИ слаженно и безжалостно открыли огонь по ближайшему другу Лебовичи, гуру его издательской политики — Ги Дебору. В книгопечатании Лебовичи, как и в кино, был императором. В каталоге основанного им 10 октября 1969 года издательства «Шан либре» — авторы интеллектуальные, но в 1970-х модные не меньше, чем поставщики крутых бестселлеров. Бакунин, Берроуз, Булгаков, Гегель, Клаузевиц, Малевич, Маркс, Наполеон, Ницше, Оруэлл, Савинков, Сен-Жюст, Шкловский. Доклад Хрущева на XX съезде, манифесты немецкой «Фракции Красной армии», поэзия эпохи Тан, структуралисты, «Я был агентом Сталина» Вальтера Кривицкого.

По словам Жерара Гегана, коммуниста-диссидента, кинокритика, автора песни из «Китайки» Годара, Лебовичи «обожал все, что напоминало хэппенинг». И — трогательная приписка — «часто оплачивал всем выпивку».

Геган вспоминал волшебную ночь на 24 мая 1968 года: нетерпеливая тяжесть «коктейля Молотова» в руке, горящая Биржа. С товарищами по баррикадам он наткнулся на Лебовичи, зазвавшего их на остров Сен-Луи — не самый дешевый район Парижа, — где жил с женой-итальянкой, экс-моделью Флорианой. Шофер продюсера доставил туда корзины еды из роскошного ресторана. Тогда-то Лебовичи и заговорил, как здорово было бы создать «революционный „Галлимар“».

Сказано — сделано: в издательстве Геган занял пост литературного директора. Но революционность Лебовичи была еще наивной: книгу о майских баррикадах он всерьез хотел заказать престарелому католику Франсуа Мориаку.

Все стало гораздо серьезнее, когда в 1971 году Лебовичи встретил сорокалетнего Дебора. Дебор, по собственному определению, «стратегический мыслитель и авантюрист», основал Ситуационистский интернационал (1957–1972), сюрреалистический Коминтерн художников и интеллектуалов, сражавшихся, как диверсанты, с империализмом, деконструируя его язык. Написал (1967) одну из ключевых книг XX века «Общество зрелищ», где напроорочил превращение реальности в театр медийных обманок. Лебович стал его издателем и продюсером его фильмов — но не только: в октябре 1983 года он купил в Латинском квартале зал «Студия Кюжас», где круглосуточно крутили фильмы Дебора — такой «музей для одной картины».

Казалось бы, что криминального в дружбе издателя и философа? Но не успели похоронить Лебовичи, как пресса — всех оттенков — впала в хорошо темперированную истерику. Когда Дебора не обвиняли в убийстве напрямую, это делали косвенно: дескать, его контакты стоили издателю жизни. В травле принял участие и Геган, которого с группой сотрудников, возмущенных влиянием Дебора, Лебовичи в 1974 году выставил за дверь.

Вот что писали СМИ. Лебовичи «поддерживал отношения с кругами, близкими международному терроризму». «Все ненавистники буржуазного общества, христианской и западной цивилизации завораживали этого израэлитя». «Как все влиятельные евреи, он был склонен <...> субсидировать подрывную деятельность».

Лебовичи, «замороженный подпольем» и «криминальной маргинальностью», «желал творить зло», «окружил себя гангстерами». «Играл с огнем», «катился по наклонной», «накликал убийство». «Хочешь жить опасно — принимай риски». Не влияние ли Дебора тому виной? «Странный человек этот Дебор» — «бешеный», «дьявол» Лебовичи, «главный организатор подрывной деятельности в 1968 году». Программа ситуационистов, как известно, такова: «Дискредитировать добро. Компрометировать лидеров. Искажать их слова. <...> Дезорганизовать власть. Сеять рознь между гражданами».

«Кому это выгодно? Кто дергал за нитки эти кровавые куклы?» Лебовичи и Дебор — агенты КГБ, сатанисты, связанные с «советским генералом палестинской армии». «Мадам Лебовичи — дочь дантиста из Турина»? Какие еще нужны доказательства его связи с «красными бригадами». Жена Дебора — китайка, дочь хозяйки ресторана? «Там столовались агенты коммунистического Китая». У контрразведки ничего нет против Дебора? Он путешествует по поддельным документам, а «его телефон нельзя прослушать, потому что у него нет телефона».

Гений полицейского романа Жан Патрик Маншетт сочинил свой нуар: «Я навещал Лебовичи в его офисе <...> Он вел дела с мафией <...> Он пытался втянуть в меня в покер на целую ночь <...> У Дебора невероятный магнетизм, он использует психические техники». Когда все обвинения и оскорбления были уже повторены по нескольку раз, пошли мутные тексты о загородном доме Дебора: соседи часто замечали мощные автомобили, чьи владельцы оставались на ночлег. Как это подозрительно! Особенно бесило СМИ то, что Дебор, как и Лебовичи, никогда не фотографировавшийся, с элегантно подползика ускользал, когда хотел, из-под носа десятков репортеров, неделями осаждавших его дом.

Его отказ превращаться в ненавистное «зрелище» казался «обществу зрелищ» подозрительным, а то и преступным.

Ненависть газет напоминала травлю Анри Кюриэля (9) накануне его убийства (1978): к ней был причастен Институт социальной истории и советологии. А незадолго до гибели Лебовичи издал «Историю анархизма» генсека института Клода Армея, раскрыв в предисловии его нацистское прошлое.

Дебора допросили и отпустили с миром. Помимо него, следствие допросило двести восемьдесят восемь человек. От Гегана «требовали бесполезные уточнения об идеологической составляющей итальянского футуризма или советского конструктивизма». Актер Франсуа Перье попал под подозрение из-за своего имени. Писательница Еван Анска с трудом убедила следствие, что некто Дюмон, упомянутый ею в письме к «Лебо» в подозрительном контексте — «Берегите себя! Что касается Дюмона, я с ним расправлюсь», — герой ее романа, характер которого для готовившейся экранизации Лебовичи требовал углубить и сделать более зловещим.

За параллельное расследование, столь же безрезультатное, взялась подпольная комиссия, созданная леворадикальными друзьями Лебовичи и Дебора.

Компрометирующие Лебовичи версии убийства, связанные с его страстью к покеру и дорогим девушкам — и то и другое было хорошо известно, — появлялись в СМИ еще долго. Уже в 1993 году «Пари мач» отвел восемь полос фантазмагории о связи Лебовичи с некой Вероник Труа, манекенщицей, проституткой и советской шпионкой, чей якобы обезглавленный и обнаженный труп нашли в 1977 году в Йемене.

Что касается Дебора, он успешно судился с газетами, опубликовал «Соображения об убийстве Жерара Лебовичи», в память о друге не расставался с подаренным им шарфом и наложил запрет на показ своих фильмов. Запрет был снят самоубийством философа: 30 ноября 1994 года он выстрелил себе в сердце из карабина. За год до смерти Дебор писал: «Я не из тех, кого можно довести до самоубийства идиотской клеветой». По странному стечению обстоятельств в ночь со 2 на 3 декабря застрелился нотариус и издатель Жерар Вуате, занимавшийся после гибели Лебовичи делами его издательства, а 4 декабря — его друг, писатель Роже Стефан.

Убийцы Лебовичи не найдены.

P. S. Лебовичи — прототип продюсера Маркуса Дурмана, убитого за долги гангстерами, в фильме Эли Шураки «Лжецы» (1996). Ги Дебору посвящены документальные фильмы: «Ги Дебор: его искусство и его время» (1995) Брижитт Корнан и «Ги Дебор, странная война» (2000) Филиппа Соллерса и Эмманюэля Дескомба.

СЕМНАДЦАТЫЙ ОКРУГ

Глава 42

Бульвар Мальзерб, 205 Странный месье Жозеф (1940)

В годы оккупации домом номер 205 по бульвару Мальзерб владел человек, чье имя французы произносят: Жозеф Жуановичи или Жоановичи. Как звучало оно в родном Кишиневе, бог весть. В историю он вошел как «странный месье Жозеф». И правда странный: как его ни назови, получится оксюморон.

Миллиардер-тряпичник.

Еврей-гестаповец.

За бокалом шампанского шеф французского гестапо Лафон (37) дружески хлопал его по плечу: «Все-таки ты жидовская морда, Жозеф!» А тот маслено улыбался:

«А сколько стоит не быть ею, гаупштурмфюрер?» Сцену эту не оценить по достоинству, не зная, как выглядел Жозеф. Как антисемитская карикатура — вот как он выглядел. Особенно — в своем любимом полосатом халате а-ля Аль Капоне.

Бульвар особняков, бульвар Александра Дюма, композитора Форе, живописца Мейсонье, бульвар салона графини Вальтесс де Ла Биньи, где бывали Эмиль Золя и ведущие художники эпохи, и салона мадам де Сен-Марсо, прототипа мадам Вердюрэн из романа Марселя Пруста, еще никогда не видел такого домовладельца.

Жозеф — один из трех евреев, которым Израиль отказал в праве на репатриацию.

В 1962 году из Израиля вышлют, обрекая тем самым на самоубийство, осужденного в США, но выпущенного под залог, больного лейкемией Роберта Соблена, психиатра и советского разведчика. В 1970-м откажут Мейеру Лански, стратегу мафиозного «синдиката убийств».

Первым же отказником был Жозеф. В октябре 1957 года он бежал в Хайфу через Женеву и Касабланку, с марокканским паспортом на фамилию Леви, но был выслан обратно. Не за нелады с налогами во Франции: это репатриации не помеха. Да и Франции Жоановичи был даром не нужен. В 1950-х его пытались выслать то в СССР, то в Румынию, которые дружно отказывались от такого подарка.

Почему его пытались сплавить русским или румынам? Кажется, держа нос по ветру, Жозеф в эпоху советско-германской дружбы принял советское гражданство, а после 22 июня 1941 года — румынское. А еще у него были сертификаты из префектуры полиции и румынской церкви на улице Дарю о православном вероисповедании.

И — до кучи — справка об арийском происхождении. С его-то внешностью...

Жоановичи так путал следы, что, пожалуй, под конец жизни и сам не мог бы сказать, когда появился на свет. В 1895 или в 1905 году? Правда ли, что его родители погибли во время погрома, который он пересидел под полом сарая? Если, как он уверял, американская бабушка его жены Хавы дала ему тридцать тысяч долларов стартового капитала, то почему, приехав в 1925 году во Францию, он прозябал старьевщиком в огромном бидонвиле — «зоне Сент-Уэн», рылся железным крюком в горах мусора в поисках «товара».

Французский он до самой смерти мешал с идишем, румынским, русским. В 1939 году Жоановичи отправит премьеру Даладьё чек на три тысячи долларов — вклад в оборону Франции, — подписанный крестиком: миллиардер не умел писать, зато считал отменно. Непонятно, работал ли он сначала на кузена-жестянщика Хавы или нашел других партнеров, но в любом случае партнеров он быстро слопал. В 1929 году Жозеф — уже король старьевщиков-жестянщиков с декларированным доходом в пятьдесят тысяч франков: за десять лет доход — опять-таки, декларированный — вырастет в сто двадцать раз. Овладев искусством взятки, он получил контракты на поставки для строящейся линии Мажино. В 1936 году «Фирма братьев Жоановичи. Рекуперация и сортировка» открыла филиалы в Бельгии и Голландии, завела связи в рейхе: возможно, что уже после начала войны братья

Жозеф и Мордухай (ставший то ли Марселем, то ли Мишелем) снабжали Германию металлом через третьи страны.

В оккупации Франции Жозеф, в отличие от соплеменников, увидел свой шанс. Он свято верил в гешефт: антисемитизм антисемитизмом, а бизнес бизнесом. Бизнес же нацисты развернули сказочный. Выкачивая из страны колоссальные репарации, они за бесценок скупали все, что 390 можно было скупить. Для этого требовались посредники.

К 1941 году «экономически ценный еврей» Жозеф был главным поставщиком рейху нежелезистого металла — плоти войны. В руководимом абвером «бюро Отто» — с оборотом в сто пятьдесят миллионов франков в день — числился заместителем начальника отдела кожи и металла. В свободное время он еще «немного шил»: на пару с Лафоном создал не совсем легальную фирму, укомплектованную в основном евреями.

Суммы, которыми Жоановичи владел и распорядился, не укладываются в голове. 11 августа 1942 года он снял в банке по одному-единственному чеку двадцать три миллиона. 22 декабря 1942 года — выплатил подрядчикам триста двадцать два миллиона. Его состояние оценивают в сумму от одного до четырех миллиардов. На суде в 1949 году он признался, что за годы оккупации заработал жалкие двадцать пять миллионов. Люди, помнившие, как в неудачный вечер Жозеф просаживал в покер по три миллиона, хохотали до колик.

Когда из Берлина заявлялся с инспекцией какой-нибудь идейный антисемит и пытался пристроить Жозефа в Аушвиц, ему быстро затыкали рот: деньгами, автомобилями, картинами, фарфором, девочками, мальчиками, породистыми скакунами. Существует письмо рейхсфюрера Гиммлера, в котором тот советует просителю, которому сам не в силах помочь в некоем деле, обратиться к Жоановичи. Головорезы «Безумного Пьеро» (39) охраняли Жозефа, а он уговаривал их прикончить Михаила-Менделя Школьникова, своего конкурента и — временами — заклятого компаньона. Свежие идеи, наподобие этой, приходили в голову Жозефа ежеминутно и вскоре так достали Пьеро — а достать его было непросто, — что он отказался от почетной миссии охранять тело дельца.

Ценитель танца живота, Жозеф на пару с Лафоном владел арабским кабаре «Эль Джезаир» и был готов продюсировать фильм с тщеславным уголовником в главной роли. Возможно, он участвовал в афере по оплате фальшивыми фунтами стерлингов аргентинского мяса и зерна. Предоставлял гестапо грузовики для перехвата оружия, которое союзники сбрасывали партизанам. На эксклюзивных поставках сформированной Лафоном североафриканской бригаде униформы, касок, полевых кухонь, котелков заработал еще немножко — скромный «лимон».

Мудрый Жозеф не складывал яйца в одну корзину. На пике побед рейха он озаботился тем, чтобы не пострадать в случае его поражения. Да, документы из архивов гестапо удостоверяют его статус агента. Но с июля 1941 года его имя числилось и в секретных архивах одной из крупнейших организаций сопротивления «Турма-Месть». В 1942-м часть организации потерпела провал, немцы выяснили, что эксфильтрацию бежавших из лагерей военнопленных финансировал филиал фирмы Жозефа в Ля Рошели: Авраил, племянник Жозефа, получил смешные пять лет.

С 1943 года Жозеф спонсировал «Честь полиции» (30), подпольную организацию парижских полицейских, которые в августе 1944-го первыми вступят в бой с немцами. Вступят с оружием, которое грузовиками подгонит им Жозеф, и трехцветными повязками, пошитыми на деньги Жозефа. Ну а штаб «Чести» обоснуется, естественно, на бульваре Мальзерб.

С оружием вышла небольшая неувязка. 19 июля 1944 года Жозеф передал «Чести» оружие, сброшенное союзниками, приватизированное им и припрятанное в одном монастыре. Вскоре туда нагрянули гестаповцы: обнаружив пустой тайник, они расстреляли шестерых монахов, а еще сотню угнали в лагерь. Версия, что гестапо навел сам Жозеф, всплыла в 1952 году в связи с разбирательством по делу Робера Скаффа, юного подпольщика, что-то узнавшего о двойной игре Жозефа, обвиненного в предательстве и убитого 27 июля

двумя пулями в затылок в лесу боевиками «Чести». Возможно, Жозеф сдал гестапо и первый состав руководства «Чести», чтоб заменить его преданными кадрами.

Окончательно, казалось, Жозеф купил безнаказанность уже после освобождения. Шефы гестапо Бонни и Лафон с семьями пробирались в Испанию, но застряли на ферме в Бургундии: то ли партизаны, то ли бандиты отобрали у них автомобили. Сын Бонни на велосипеде отправился за помощью к Жозефу. Тот пообещал сделать все возможное. И сделал: на завтра же, 30 августа 1944 года, его друзей взяли без единого выстрела. Узнав, кто их сдал, Лафон заметил: «Впервые Жозеф что-то не взял, а дал».

Контрразведка DST точила на него зубы, но его берегла прикормленная полиция. В префектуре Жозефу выделили кабинет, где он вел дела — теперь уже с военными-янки: импорт-экспорт братьев Жоановичи все расширялся. Возможно, именно Жозеф достал документы на имя «капитана Валери» и устроил в военный трибунал серийного убийцу доктора Петито (38), оказывавшего услуги банде Лафона.

Впервые Жозефа арестовали 25 августа, но тут же отпустили. Во второй раз — в Бельгии, во время деловой поездки, 8 сентября. Арест затянулся до ноября: тем временем дом на Мальзерб охраняли автоматчики «Чести». Они дали от ворот поворот нагрянувшему с обыском полицейскому Пику. Тот пообещал вернуться с подмогой, но не успел: вечером его — вместе с женой и подвернувшимся под пули консьержем — расстреляли неизвестные. Освобождение Жозеф отпраздновал с префектом Шарлем Люизе, наградившим его медалью. А 5 марта 1947 года он бежал от DST прямо из здания префектуры. Обозлившись, DST зачистила префектуру, Люизе уволили по болезни: назначенный губернатором в Африку, он и вправду скоро умер. Жозеф с помощью американских спецслужб укрылся в Мюнхене, но 28 ноября объявился в Париже, чтобы сдать еще верным ему людям из полиции.

Его судили многократно и без особого рвения. В конце 1948 года миллиардера признали невиновным в скупке краденого и владении ворованными ценными бумагами на полтора миллиарда. В мае 1949 года казалось, что его точно посадят за связь с французским гестапо — не тем, что на Лористон, а тем, что на авеню Фош. Но за три дня до суда умер ключевой свидетель обвинения, шеф гестапо и осведомитель Сопротивления Рене Лонэ, и Жоановичи снова оправдали. Наконец, с 5 по 21 июля его судили и таки осудили за экономический коллаборационизм.

Суд выслушал показания в защиту Жозефа уважаемых антифашистов, принял к сведению, что он спас из лагерей сто пятьдесят евреев. Но, если их он нещадно обирал, то на выкуп схваченной гестапо подпольщицы Женевьевы де Голль, племянницы генерала, был готов потратить кровные пять миллионов. Кто-то из спасенных воскликнул: «Да ему памятник надо поставить!» Подсудимый недоумевал: «Как-таки я мог продаться немцам, если это я платил им?!»

Тем временем погибла Хава. 14 января 1948 года на нее напали грабители. Скорее всего, их целью был жених дочери Жозефа, тоже жестянщик. Не найдя у него ни гроша, бандиты уже убегали, когда один из них, очевидно случайно, выстрелил. Пуля пробил Хава голову. В ее смерти Жоановичи почему-то винил Абея «Мамонта» Даноса: когда тот, оказавшись в одной тюрьме с банкиром, просил его о помощи, Жозеф яростно отказал ему.

Приговоренный в июле 1949 года к пятилетнему заключению, штрафу в шестьсот тысяч и конфискации имущества, Жозеф освобожден 23 августа 1951 года. Помещенный под надзор полиции в провинции, он тратил сто тысяч в месяц на телефонные переговоры, безуспешно пытаясь спасти свою империю. Он был вынужден платить, платить и платить: и фиску, и старым знакомцам по гестапо Жо Аттиа (46) и Жоржу Бушезейшу, в 1954 году вымогавшим у него деньги. Затем был побег в Израиль, перед которым он занял у наивного коллеги десять миллионов, высылка, арест в декабре 1958 года в Марселе, прямо у трапа парохода, тюрьма за мошенничество, голодовки, письма де Голлю и, наконец, в 1962-м — освобождение по болезни.

Он умер в Клиши 7 февраля 1965 года. В нищете, в доме преданной секретарши и любовницы Люси Шмитт по прозвищу Lucie-Fer, что означает и «Люси Железо», и

«Люцифер». На его могилу четверо пожелавших сохранить инкогнито «фликов» возложили огромный венок с надписью: «Нашему товарищу — от „Чести полиции“, от благодарных друзей».

P. S. Проектом фильма о Жоановичи был увлечен в 1970-х Жерар Лебовичи (41). В телефильме Жозе Даян «Странный месье Жозеф» (2001) Жоановичи сыграл Роже Анен, в «Улице Лористон, 93» (2004) Дени Гранье-Деффера — Эрве Врио. Жоановичи стал также героем многотомных (с 2007 года вышли четыре тома, намечены еще два) комиксов Фабьена Нюри и Сильвена Валле «Однажды во Франции».

Глава 43

Бульвар Перейр, 101

Первая леди из борделя (1969)

В 1969 году на бульваре Перейр, 101, располагался один из ста сорока парижских борделей. Хотя 13 апреля 1946 года публичные дома были запрещены, некоторые из них перешли под крышу полиции нравов и контрразведки, даже отчисляли деньги в их фонды, предназначенные для финансирования политических убийств или помощи осиротевшим детям «фликов». Прослушка номеров позволяла узнать замыслы разболтавшихся в койке налетчиков и шантажировать министров. Фернанд Грюде, легендарная бандерша «мадам Клод», говорят, дружила с Женевьевой де Голль, племянницей генерала, с которой познакомилась в нацистском лагере.

Жежен, сутенер, имевший привычку крушить молотком черепа врагов, на каждое Рождество превращал свое заведение «У Жоржетт» в склад отборных индюшек. Шоферы полицейских шишек подъезжали за презентом для шефа: не взяткой, даже не подарком, а премией. Индейку надо было заслужить: комиссар Эме-Блан (8) заслужил ее лишь в 1970-м, уже целых три года замещая шефа отдела по борьбе с бандитизмом.

Ветеран полиции нравов, он не удивился просьбе друга подобрать «девушку для работы». Друг работал в «Бизоне», подчиненной только Жаку Фоккару, всемогущему советнику де Голля, Шестой секции самой секретной спецслужбы SDECE. Ее база располагалась в Доме инвалидов, там, где гробница Наполеона.

Друг задал тактико-технические характеристики «девушки»: сорок-сорок пять лет, высокая блонда в буржуазном стиле, умеющая достойно держаться и держать язык за зубами. Эме-Блан поводил его по притонам: все не то. Нужный кадр нашли на бульваре Перейр. «Платиновая блондинка, не столь красивая, сколь симпатичная, умная, вполне стильная». Эме-Блан выписал женщине «кондэ» — внес в депонированный в штабе полиции список лиц, не подлежащих аресту, — и совсем о ней забыл.

Его, как и всю Францию, занимало громоподобное «дело Марковича», в которое комиссар, сам о том не зная, только что впутался. Оно не раз описано: напомним в общих чертах.

1 октября 1968 года на сельской помойке нашли завернутый в матрасы, засунутый в пластиковый пакет и джутовый мешок труп уловника Стефана Марковича, пропавшего 22 сентября телохранителя, конфидента и друга Алена Делона. Делону, тяготевшему к бандитам — а «юги» уже тогда были очень опасными зверьями, — не везло с телохранителями: тело предыдущего, Милоша Милошевича, в январе 1966 года нашли в Лос-Анджелесе, рядом с трупом любовницы, пятой жены актера Микки Руни. Голова Марковича была так разможена, что пулю в затылке обнаружили лишь после эксгумации и повторного вскрытия 26 октября. Пуля означала, что с ним расквитались, а не просто забили в драке.

Скорее всего, сгубили Марковича пять кило крахмала, которые под видом героина толкнул гангстеру Франсуа «Майору» Маркантони, герою Сопротивления и — надо же — кузену офицера SDECE. Сам Маркантони утверждал, что югослав поплатился за стукачество. Стефан же перед гибелью в разговорах с друзьями и с Натали — женой Делона, в письмах

брату панически твердил: «Если меня убьют, сто процентов: виноваты Ален Делон и его „крестный“ Маркантони». Корсиканец, как подозревали, убил Стефана по заказу своего давнего друга Делона за то, что юг забрался в постель Натали. 25 августа Делоны развелись.

Задержания и пять допросов Делона, его жены и импресарио — казалось бы, сенсационнее этого случиться не может ничего. Однако нет пределов совершенству. «Дело Марковича» из «дела Делона» превратилось в нечто, отчасти напоминающее «дело Стросс-Кана». А именно — в «дело Жоржа Помпиду», уволенного де Голлем 6 июля премьером и будущего президента.

14 октября в газетах появились туманные, стыдливогнузные намеки на то, что Маркович погиб из-за «специфического» шантажа «жены бывшего министра». «Источники» в полиции распустили языки: «Буржуазки с бешенством матки, горячие, как каштаны, имели дело с двумя-тремя югами: Маркович их удовлетворял, а молодые жеребцы распяляли». Короче говоря, щедро одаренный природой Маркович устраивал «партуз» — светско-богемные групповики.

Одна горячая буржуазка быстро обрела имя — Клод Помпиду. 21 октября агент «Бизона» по кличке Карамель, журналистка-троцкистка, донесла о существовании альбома фото, запечатлевших ее на оргиях. Грабитель Борибож Аков, сидевший в тюрьме Френ, якобы видел своими глазами, как Маркович фотографировал на оргиях своих клиенток. Однажды он сказал Акову: «Знаешь, что за высокую блондинку ты трахал? Это Помпиду. Забудь об этом». Уже 5 ноября Аков отказался от показаний, опозорившись на следственном эксперименте. Он привел полицию на виллу, где якобы имела место оргия: однако не возникало сомнений, что Аков никогда там не бывал. Но дело своё он сделал: 1 ноября пуританину де Голлю представили компромат на Помпиду. Официально в курсе дела были лишь три министра, в реальности — весь Париж. Последним, до кого дошли слухи, оказался сам Помпиду, хотя их распространители, его же однопартийны, метили именно в экс-премьера.

* * *

Де Голль столь же ценил Помпиду, сколь презирал его ближний круг генерала, каста высокомерных воинов-ме-галоманов. Его не было ни в подполье, ни в десантах «Свободной Франции», он не любил спецслужбы. Не шагал рядом с генералом по Елисейским Полям в августе 1944 года, а аплодировал ему из толпы. Но именно Помпиду 8 января 1959 года проехал с генералом по Елисейским полям в открытом авто, в честь возвращения де Голля к власти.

В 1946 году провинциальный учитель по протекции попал на канцелярскую должность заместителя администрации де Голля. Вскоре он стал доверенным лицом генерала, заслужив в 1962-м премьерское кресло.

Пока в 1950-х де Голль пребывал не у дел, Помпиду возглавлял банк Ротшильда: он и красавица-интеллектуалка Клод вошли во вкус роскоши, что еще более отвратило от них твердокаменных голлистов. Но возмутительнее всего был его образ жизни.

Ослепленный Парижем, интеллигент и жизнелюб-эпи-куреец Помпиду завесил стены Матиньонского дворца модернистской живописью, не пропускал ни одной премьеры, дружил с «аморальным» литературным вундеркиндом Франсуазой Саган, живописцем Бернаром Бюффе, певцами Ги Беаром и Сашей Дистелем. В Сен-Тропезе, куда они все съезжались летом, мог выйти к завтраку в плавках и галстук.

Министр Луи Жокс от возмущения путался в словах: «Эти модельки, эти актрисюли, актеры, художники, весь этот мирок — отстой, шваль, шпана! Как смел премьер принимать тех людей, которых он принимал? Как он вообще мог их видеть...» Ротшильда ужасало, что гости его протеже сидят на полу. Ну а это с определенной точки зрения уже почти групповик.

Де Голля это злило и забавляло, но развел его с премьером, вскрыв нарыв накопившихся разногласий, революционный май 1968 года. Помпиду пришел в ярость, узнав,

что де Голль, не предупредив его, исчез, улетел в Баден-Баден, дабы заручиться поддержкой генералитета. Де Голль заподозрил Помпиду в попытке перехватить власть в его отсутствие. На марше миллиона голлистов по Елисейским полям 30 мая Помпиду не было.

Что самое страшное, семидесятивосьмилетний де Голль заподозрил пятидесятилетнего премьера в президентских амбициях — за четыре года до выборов. Де Голль то ли верил в свое бессмертие, то ли вел византийскую игру, вселяя то в одного, то в другого соратника надежду, что именно он — преемник. Скандал должен был отбить у Помпиду любые амбиции.

Прецедент был: в 1965 году от участия в выборах неожиданно отказался семидесятичетырехлетний Антуан Пине, экс-министр финансов и «отец» «нового франка». Его сотрудники утверждают, что спецслужбы угрожали обнародовать причастность Пине к «делу розовых балетов». Так окрестили в 1959-м громкие — и частично сфабрикованные — обвинения группы пожилых богачей в организации оргий с малолетками: впрочем, совершеннолетие тогда наступало в двадцать один год. Но Помпиду, «шлепанец де Голля», как звал его Миттеран, повел себя неправильно — не заскулил и не стушевался, как Пине, а атаковал.

Его верный «бульдозер», тридцатишестилетний Жак Ширак установил, что слухи сфабрикованы спецслужбами, министром юстиции Рене Капитаном, адвокатом и шефом убийц-«барбуз» Пьером Лемаршаном (13), которого, как сам Лемаршан трогательно жалуется в мемуарах, в школе третировал учитель Помпиду. Мстительный Помпиду заносил имена врагов в черную записную книжечку, пропавшую после его смерти.

17 января 1969 года Помпиду, находясь в Италии, узнал, что некую молодую лесбиянку из Сен-Тропеза долго допрашивали на предмет ее связи с Клод. В тот же день арестовали Маркантони. Один комиссар приватно изложил журналистам, пусть и слегка заплетающимся языком, новую версию. Загородный дом Помпиду расположен в пятнадцати километрах от дома Маркантони и в двадцати километрах — от свалки, где нашли труп. Это «треугольник смерти»: Помпиду убил шантажиста и попросил бандита избавиться от трупа. Никто не решился опубликовать такое. Зато подал голос брат Марковича — Александр. Братья якобы ужинали у Делонов, вместе с четой Помпиду и Маркантони. Это уже была ненаучная фантастика. Делон не был идиотом, способным усадить за один стол югов-сутенеров, известного бандита и премьера с женой, да они бы и сами не сели рядом. К тому же и с Помпиду Делон был знаком шапочно. Тем не менее актер подвергся 23–25 января самому долгому, тридцатипятичасовому, задержанию и допросу.

Хотя и Помпиду не избежал опасных связей. Не далее как в июле 1968 года кто-то свел счеты с Матье Маттеи, третьей судей криминального мира Гренобля. А всего годом раньше он служил у Помпиду шофером и телохранителем.

Помпиду писал де Голлю, дважды тайно встречался с ним, называя министров-провокаторов. Тот лишь пожимал плечами: виноваты журналисты, будьте выше этого. Теперь Помпиду покончил с политесами. В римском отеле он собрал журналистов и объявил, что будет баллотироваться в президенты, хотя и «не торопится». Его тотчас отлучили от эфира, де Голль вообразил, что Помпиду желает ему смерти, но, когда нападки на Помпиду стали откровенно истерическими, а его уверенность в себе от этого лишь возрастала, президент прекратил безобразие, оповестив 4 марта Францию, что пригласил чету Помпиду на ужин. Ужин прошел 12 марта в ледяной атмосфере, но знаменовал «прекращение огня», если не капитуляцию генерала.

28 апреля в 0.10 де Голль сдержал обещание уйти в отставку, если проиграет референдум по второстепенной проблеме реформы Сената и местного самоуправления.

15 июня Помпиду победил во втором туре президентских выборов. Маркантони, которому было нечего предъявить, держали за решеткой до выборов, а потом — еще полгода, якобы оберегая от вендетты югов. В июле 1976 года Урош Милисевич, тот самый друг, с которым Маркович делился опасениями за свою жизнь, неожиданно сознался в убийстве, совершенном в сообщничестве с Маркантони. Арестованный Урош явил несомненные следы

психического расстройства и был освобожден: вскоре его труп нашли в Брюсселе в комнате гостиницы недалеко от центрального вокзала.

А что же снимки? Охотясь за ними, спецслужбы шпионили друг за другом и впадали в паранойю. Карамель доносила, что снимки ищет маршал Тито. Жан Роше, шеф DST, путано рассказывал, что фото распространяла женщина, агент SDECE, выдававшая себя за агента DST и связанная с порнографом, которого подозревали в работе на КГБ. «Высокий блондин в черном ботинке» отдыхает.

Прослушки телефонов обогатили полицию знанием того, что одна актриса соблазняла министра финансов ради списания крупного долга, а у Жискар д'Эстена что-то было с Мирей Дарк. Саму Дарк на допросе — одном из пяти тысяч допросов по делу Марковича — называли шлюхой «мадам Клод» и размахивали якобы ее порноснимком, который угрожали показать Делону, ее любовнику. Дарк только улыбалась: Алену наплевать. На квартире актрисы Мари Лафоре провели обыск.

Спрос на снимки определил предложение. Было несколько независимых источников фальсификата.

Попадались грубые монтажи, которые клепал некий канадский аферист, но не он один. Перед вторым туром стены студенческого пригорода Нантерра расцвели порнолисточками: Помпиду плакал, увидев их. В августе Жильбер Лекавелье, агент всех «параллельных полиций» и фигурант всех скандалов, доложил: «В комнате студентки по имени Сильви и по прозвищу Юлла, руководительницы гошистов на факультетах Венсенна и Нантерра, я нашел <...> семь-восемь сотен листовок размером с почтовую открытку, с очень грубым фотомонтажом, изображавшим мадам Помпиду, отсасывающую мужчине, в то время как второй имеет ее в задницу, и подписанным: „Нравы тех, кто нами правит“». Это — художественная самодеятельность леваков, использовавших свару в верхах, чтобы 402 подразнить буржуа.

Подозревали, что фото исходят из отдела фальсификата Службы гражданского действия (SAC) — «параллельной полиции» голлистов, кишевшей уголовниками (46). Но — Помпиду скрывал это до избрания — еще 5 ноября 1968 года он стал почетным президентом SAC, следовательно, эта служба воевала на его стороне.

Постановочный снимок, в сентябре 1969 года гулявший по префектуре, увидел Эме-Блан. И — покрылся холодным потом. «У ног высокой блондинки, набросившей на голое тело меховое манто, голая брюнетка изображала кунилингус. Я сразу узнал блонду с Перейр!» Помпиду уже всю трясет SDECE, а ведь именно он, Эме-Блан, нашел «Клод», выписал ей «кондэ» и теперь окажется крайним. Кранты!

Комиссар, чью энергию удесятерил страх, разыскал блонду. Она сменила место работы, не слышала о скандале и охотно подтвердила: да, это я позировала для вашего друга. «Что бы ни случилось, ты ничего не знаешь, и на фото не ты»: Эме-Блан лишил ее «кондэ». По его версии, «Бизон», не простивший Помпиду чистку, последовавшую за делом Бен-Барки (13), сфабриковал снимки, угнал «порше» Ролана Дюма, социалиста, будущего министра иностранных дел, адвоката Александра Марковича. По анонимному звонку авто нашли, а в багажнике обнаружился конверт с фото. Подкинуть их районным «фликам» — то же, что пропечатать в газетах.

Дюма подтвердил факт угона, но и только: «порше» нашли в Испании, о фото он не слышал. «Бизон» разогнали. Эме-Блан не пострадал.

19 сентября 1969 года некий серб, служивший в полиции переводчиком, принес следователю Патару фото двух женщин в манто на голое тело, но, по словам Патара, оно было «скорее непристойное, чем порнографическое». Модели оказались шлюхами из Ниццы.

При чем тут Ницца?

Почему, чтобы «закопать» Помпиду, из всех возможных вариантов компромата был выбран сексуальный? Почему врагам казалось естественным связать премьера с «партуз»? Только ли из-за дружбы с Франсуазой Саган?

Мне кажется, ответ дал Эме-Блан. Маркович мог делать фото только в 1966–1968 годах: Клод было тогда 54–56 лет. «Бизон» искал сорока-сорокапятилетнюю модель, похожую на Клод. Подумайте сами, что бы это значило: ощутить себя Шерлоком Холмсом — приятнейшее чувство. Я понял это, пока писал книгу, теперь даю шанс вам.

P. S. О «деле розовых балетов» напомнил Мишель Одьяр в комедии «Она не пьет, не курит, не дает, зато болтает!» (1969). Маркантони сыграл эпизодического Луи в фильме Жака Дерэ «Одиночка» (1987).

Помпиду в телефильмах играли Андре Фалькон («Генерал исчез» Ива-Андре Юбера, 1983), Дидье Безас («Прощай, де Голль, прощай» Лорана Эрбье, 2008), Марк Самюэль («Майское дерево» Клода Ардида, 2008), Пьер Ален Шапюи («Я вас понял» Сержа Моати, 2010), Жан Франсуа Бальмер («Смерть президента» Пьера Акника, 2011). Мадам Помпиду — Дельфин Риш («Прощай, де Голль, прощай») и Эвелин Бюиль («Смерть президента»).

Глава 44 **Улица Дарданель, 2** **Смерть на Рождество (1976)**

Как только воскресным утром 24 декабря 1976 года из дома номер 2 на улице Дарданель шагнул пожилой мужчина, щелкнули неуместные на Рождество, а тем более в невинный ранний час выстрелы. Три пули в голову — классическая разборка: так кончают бандиты, 404 поступившие не по понятиям. Но на парижской наледи лежал не «черноногий» авторитет, а князь Жан Мари-Франсуа Фердинанд де Бройль, кузен жены и близкий друг действующего президента Валери Жискар д'Эстена.

Пьемонтский род де Бройль (предки Жана приехали во Францию в 1634 году в свите Мазарини) гордился тремя маршалами, двумя епископами, шефом «тайного кабинета» Людовика XV, пятью академиками, включая нобелевского лауреата по физике, парой премьер-министров. Портреты их дочерей и жен писали Энгр, Джеймс Тиссо, Каролус-Дюран. Признаком аристократической изысканности казалось даже то, что их фамилию следует произносить, как Бройль, хотя пишется: Брольи.

Один из его предков тоже пал жертвой убийц. 11 мая 1895 года безумная прихожанка застрелила аббата Поля де Бройля, видного теолога: несчастная вбила себе в голову, что тот раскрыл тайну ее исповеди, из-за чего она лишилась работы.

Конечно, Жан де Бройль был богат: семейный замок с крупнейшей во Франции частной библиотекой, сотни гектаров угодий. Конечно, он был видным политиком. Бессменный депутат от департамента Юра с 1958 года, мэр города Рюгя, председатель верховного суда (1959–1961), министр иностранных дел (1966–1967), лидер — вместе с Жискарсом — «независимых республиканцев». Но в историю он вошел, прежде всего, как министр по делам Алжира (1962–1966), один из трех переговорщиков, которые подписали в 1962 году в Эвиане мир с повстанцами, положив конец восьмилетней войне.

При слове «Эвиан» фанатики французского Алжира и поныне тянутся к пистолету. Тень Эвиана сразу упала на смерть Бройля. Убийство взяла на себя «антиарабская» группа «Карл Молот», возложившая на жертву вину за вторжение во Францию «североафриканских орд». Группа эта дебютировала 14 декабря 1973 года взрывом алжирского консульства в Марселе и за десять лет совершила восемнадцать покушений, но нельзя поручиться, что порой некие силы просто не использовали это имя. Вот и сейчас никто не поверил в теракт, а значит, и в то, что убийц найдут. Если высокопоставленная жертва поплатилась за свои опасные связи, правящий класс хранит молчание и вступает в действие закон круговой поруки.

Но следствие шло молниеносно. Уже 27 декабря некий стукач оповестил полицию: криминальный Париж нервничает — по городу бродит злой, как черт, киллер, недополучивший гонорар. Вечером киллера — сутенера «Мальша Жерара» Фреша — легко взяли в ресторане: ожидая посредника, он ежеминутно вскакивал с места, чтобы выглянуть в

окно. Посредника арестовали чуть раньше. Им оказался инспектор Ни Симоне, нанявший Фреша за пятьдесят тысяч франков.

Нашелся и заказчик — юрисконсульт князя Пьер де Варга: это на пороге его дома убили Бройля. Правда, на пресс-конференции 29 декабря министр внутренних дел Мишель Понятовский допустил, очевидно на радостях, невысказанный ляп, назвав заказчиком еще и «делового жонглера» Патрика Алена де Рибмона, тотчас арестованного. Рибмона оправдают, он выиграет — пусть и девятнадцать лет спустя — дело в Европейском суде по правам человека, но Варга и Симоне свою «десятку» получают.

Высший свет поступился этикетом: никто не поддержал семью князя. На пропащем Бройле, непредсказуемом, богемном аферисте, давно поставили крест. Даже будучи министром, он мог без предупреждения исчезнуть и обнаружиться в Греции или на Бали. Де Голль таких фокусов на дух не выносил, Жискара отстранил родственника от государственных дел. Бройль подумывал перебежать к голлистам: не далее как 5 декабря его видели на митинге, организованном Жаком Шираком. Но, если бы за это убивали, половины французских политиков не было бы в живых.

Конечно, содержание замка требует средств. Но Бройль ухитрился в 1969 году, едва получив, куда-то просадить огромное наследство. Его была финансовая лихорадка, терзала жажда денег — любой ценой. Неудачное разведение кур на Сицилии — это еще куда ни шло. Но клубились нехорошие слухи о торговле оружием, сомнительных сделках с недвижимостью. К 1976 году Бройль задолжал фиску два с половиной миллиона франков. Неудивительно, что достоянием общественности стало его грязное белье и в переносном, и в прямом смысле слова: старые костюмы, несвежие рубашки.

По официальной версии, жизни князю стоил четырехмиллионный заем, полученный под его поручительство Варгой и Рибмоном на покупку ресторана. Деньги партнеры возвращать не хотели, а, по контракту, в случае смерти Бройля долг покрывала его страховка. Паскаль, дочь Варга, возражает: перед гибелью Бройль предоставил папе еще один заем — кто же режет курицу, которая несет золотые яйца. И потом: «Папа — жонглер, а не убийца».

Но 2 апреля 1980 года «Ле Канар аншене» опубликовала удивительные документы. Это была классическая, крайне эффективная утечка информации. К журналисту Жоржу Мариону, освещавшему процесс какого-то «оборотня в погонах», подошел во Дворце правосудия офицер полиции и показал несколько листков. Из них следовало, что в апреле 1976 года полиция получила — без имен и подробностей — информацию о готовящейся афере с фальшивыми бонами казначейства. Рапорт от 24 сентября уточнял: аферисты — ресторатор, то есть Варга, и политик, то есть Бройль; причем политика убьют в самое ближайшее время — до запуска аферы — за «неосторожность в сделке на несколько миллионов». Аферисты замешаны в торговле «мерседесами», золотом, валютой, наркотиками. Знала полиция и то, что еще с мая «контракт» на политика выставлен на криминальные «торги».

Более того, за убийцами установили слежку, неожиданно снятую 8 декабря.

Утечка произошла как нельзя «кстати» для Жискара д'Эстена. Бройль был первой ласточкой гекатомбы видных правых политиков. 30 октября 1979 года в пруду в лесу Рамбуе нашли тело министра труда Робера Булена — в самоубийство не поверил и до сих пор не верит никто. А 1 февраля 1980 года выстрелами из проезжающего автомобиля был смертельно ранен Жозеф Фонтане, при Жорже Помпиду занимавший посты министра труда и национального образования.

Итак, знали и допустили? Чиновники оправдывались: мы не верили в достоверность информации. До какого этажа полицейской иерархии добрались рапорты, неизвестно. Ответственность перекидывали с одного бюрократического этажа на другой, пока премьер Раймон Барр не закрыл тему, сославшись на «оборонный секрет».

За снятие слежки пришлось отдуваться комиссару Бруссару (8). По его словам, его люди действительно следили за подозреваемыми в подготовке налета. Но дважды встречавшийся с ними Симоне мгновенно обнаружил слежку и демонстративно пытался

вломиться в автомобиль наружки: слезка потеряла смысл. Бруссар полагал: кто-то сдал его Симоне.

* * *

Симоне, отсидев семь лет, пишет книги, яростно отрицая участие в убийстве, уверяя, что Бройля, замешанного в торговле оружием, «еще за год до Варги хотели убить министры». Честно говоря, лучше бы Симоне не брался за перо. Его книги вызывают досаду пополам с брезгливостью. Они не только не реабилитируют инспектора: напротив, не оставляют сомнений в том, что автор по уши увяз в деле Бройля. И чем больше он настаивает на своей невинности, почти что святости, тем сильнее чувство, что Симоне коррумпирован и, возможно, это дело — не единственный скелет в его шкафу.

Из книг следует, что Симоне дружил с Варгой с мая 1973 года, причем их дружба носила весьма возвышенный характер. Два меломана случайно познакомились в музыкальном магазине, где, проверяя качество инструментов, наигрывали на приглянувшихся им фортепьяно. Встречаясь за стаканчиком виски, инспектор и банкир говорили о музыке или играли в шахматы. Варга предлагал продать Симоне, если тот решит оставить службу, принадлежавший банкиру джаз-клуб. Симоне помог дочери Варги, которая из-за бюрократической волокиты никак не могла усыновить ребенка. Потом помог еще, дав ценные советы, как разделить доли между Варгой и его компаньонами по ресторанному бизнесу. Симоне гордо отверг два миллиона, которые предложил благодарный Варга, но воспользовался его услугами при оформлении займа на ремонт квартиры. Займ предоставил, как позже поймет Симоне, не кто иной, как Бройль.

Идиллия, да и только. Как же осмелился Варга, среди знакомых которого наверняка имелись не столь кристально честные люди, как Симоне, предложить именно ему работу киллера? Невероятно, но факт. 15 марта 1976 года, позвонив инспектору, Варга бормотал что-то невнятное об «эвтаназии», в которой ему мог бы помочь Симоне. Потом назвал вещи своими именами: если ты мой друг, убей Бройля. Почему? О, об этом лучше не говорить. Если Бройль не умрет, случится «катастрофа», на кону — миллиарды, ливанцы — очень опасные люди, коза ностра не шутит.

Симоне, по его версии, вел себя на протяжении девяти с лишним месяцев, предшествовавших убийству, как образцовый «флик». Не только обо всем и сразу доложил начальству, но и продолжал общение с банкиром, выведывая у него новые подробности. Короче говоря, получив от Симоне всю информацию о готовящемся убийстве, начальство почему-то постоянно уверяло его, что все под контролем, а потом решило сделать из служаки козла отпущения. В машину же наружного наблюдения инспектор ломился, чтобы попросить коллег помочь ему арестовать Фреша.

Между тем в день убийства сам Симоне сделал все возможное и невозможное, чтобы навлечь на себя обвинения. Накануне он якобы узнал от Варги, где и когда Бройля убьют, пытался предупредить жертву, звонил, но не дозвонился. С утра он лично занялся слезкой за домом Варги, но самое интересное — убийство — пропустил: ему как раз пришлось переставить машину. Едва он перепарковался, как в машину вскочил Фреш с криком: «Я убил Бройля! Гони!» Инспектор почему-то не доставил убийцу в тюрьму, а эвакуировал с места преступления, да еще и выбросил оставленные им куртку и револьвер. Какого черта он так повел себя? Объяснения Симоне достойны гимназистки: это был «кошмар», «Я действовал в состоянии паники», «Я был словно парализован».

Кое в чем Симоне все же прав. Остались без объяснения показания консьержки в доме Варги о том, что сразу после убийства два инспектора, возможно прикрывавшие убийцу, посоветовали ей не высовываться. Даже председатель суда по делу Бройля предполагает существование второй команды убийц — на случай оплошки Фреша. Когда же радиопродюсер и бывший «флик» Эрик Юнк, утверждавший, что полиция укрывала убийц,

пришел в гости к журналисту Иву Мурузи, бомба разнесла его дом в Шестнадцатом округе на бульваре Сюше.

Жалкий заем не мог разжечь такие страсти. У князя было много деловых интересов — соответственно, много и версий убийства. Арабская: торговля нефтью и оружием с участием алжирских спецслужб. Ватиканская: Бройль 410 возглавлял компанию «Содетекс», через которую проходили колоссальные средства «Опус Деи», теократической организации, готовящей будущую мировую элиту. След Жискара: Бройль якобы с 1968 года формировал его черную предвыборную кассу и собрал — создав десятки фирм во Франции и офшорах — двадцать миллионов под свою ответственность, срок которой наступал как раз в декабре 1976-го.

Комиссар Эме-Блан (8) рассказывает, как летом 1980 года осведомитель отвел его на девятый этаж дома на бульваре Сен-Жак, откуда просматривался прогулочный дворик Сантэ. «Видите — старик гуляет: это Варга! Мы за сто метров от него, и мне поручили его убить! Здесь никого нет: справится и ребенок! И потом, у меня такое ружье — карабин с оптическим прицелом! Мне это раз плюнуть: я в Индокитае делал вещи и похуже!» Из комиссарского кабинета киллер — под запись — позвонил Нелли Азера, кардиологу Бройля, другу Варги и — вы не поверите — главному тюремному врачу, чтобы уточнить состояние здоровья жертвы: два раза в него стрелять, или одной пули хватит. Доктор отвечал, что, вообще-то, у клиента диабет, но лучше подстраховаться. И уточнил: «Я не хочу его больше видеть. Все мои проблемы из-за него. Я тебе говорил, он просил меня уничтожить доказательства. Теперь меня обвинят, я из-за него потеряю свой пост. Давай, не тяни, не забывай, что я тебя из тюрьмы вытащил. Я уверен, что этот мерзавец убил Бройля».

Через час Варгу перевели в другую тюрьму. Начальство перекинуло дело в министерство юстиции. Перед выборами никто не хотел ворошить тайны президентского окружения. Впрочем, Жискару это не помогло. В мае 1981 года к власти пришли социалисты, но Эме-Блан, матерый волк, сохранив копии документов по делу, заслужил такое же их расположение, каким пользовался при правых.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ОКРУГ

Глава 45

Улица Орденер, 148 «Банда Бонно» (1911)

Нападение на инкассаторов банка «Сосьете женераль» у дома номер 148, дебют «банды Бонно», — самое громкое событие в истории улицы Орденер, даже громче, чем взрыв в 1882 году пиротехнической мастерской Руджерц к счастью располагавшейся на пустыре.

21 декабря 1911 года в 8.45 инкассатор Каби вышел из трамвая и направился в банк. Единственная мера безопасности заключалась в том, что на остановке его встречал напарник. Метрах в десяти от дверей грабитель двумя пулями в упор искалечил Каби и овладел его сумками. Напарник бежал, оглашая округу жалобными воплями. Стрелка звали Октав Гарнье, он был булочником и мясником. Через четыре дня ему исполнялось двадцать два года, но в тюрьме он уже давно чувствовал себя как дома.

Банде досталось всего ничего — пять тысяч франков и ценные бумаги на триста тысяч, которые было невозможно реализовать. Но с первых полос газет это происшествие не сходило целых полгода, затмив гибель «Титаника», и вовсе не из-за жестокой бессмысленности нападения.

Бандиты скрылись на угнанном неделей ранее чернозеленом «делоне-бельвиль»: белые шторы, обивка — цвета кофе с молоком. Будь это не шикарный лимузин в шестнадцать лошадиных сил, разгонявшийся до семидесяти пяти километров в час, а гнилая колымага, побег на авто все равно стал бы сенсацией. Столь эффективного и эксцентричного

использования достижений прогресса мир еще не видел. Имя Жюля Бонно полиция узнала не скоро — банду прозвали бандой на автомобиле. Ее опыт используют Аль Капоне в 1920-х, марсельские «борсалино» (50) в 1930-х, Безумный Пьеро (39) в 1940-х годах.

В моторизации были свои издержки. Пока банда поджидала инкассаторов, авто обступили зеваки, гадавшие, кто это приехал: президент или Николай II, и правда любивший «делоне-бельвиль». Кроме того, не просто шоферить, но уходить от погони, исполняя почти цирковые номера, мог только такой гениальный механик-водитель, как тридцатипятилетний Бонно «с мотором в животе».

Авто часто глохли, но у «фликов» были только лошади и велосипеды: велопатрульных на арго снисходительно называли ласточками. Самые находчивые из них не бросались в погоню, а ждали авто, водитель которого, быть может, согласится помочь. Да, еще: между полицейскими участками тогда не было телефонной связи. 1 марта 1912 года префект Лепин предписал подчиненным дырывать шины бандитских авто саблями.

У полиции появилась и новая головная боль: спасти от самосудов буржуа, имевших несчастье владеть авто любимых марок Бонно.

Он выслеживал и похищал модные авто, которые бросал, а то и сжигал после поломки или налета. Его парни вели себя как «дикая банда» из Техаса. Не жалея патронов — они разграбили не одну оружейную лавку — разгоняли зевак, палили по повозкам и трамваям, преграждавшим путь. Грабя банк, ставили у входа стрелка с карабином, поливавшего улицу свинцом. Редкая акция обходилась без крови.

Угоняя авто в Генте, в ночь на 1 февраля 1912 года Бонно и Гарнье убили сторожа. Решив 27 февраля полихачить на свежеугнанном «делоне-бельвиль», промчались на предельной скорости через Париж, на чопорной улице Риволи сбили тележку торговца овощами, едва не врезались в трамвай. Героический постовой Франсуа Гарнье вскочил на подножку и получил три пули в упор.

По иронии судьбы его не только застрелил однофамилец — он еще и рухнул на мостовую перед рестораном «Гарнье».

Рано утром 25 марта банда напала под Парижем на желто-голубой лимузин «де дион-бутон», который перегоняли в Ниццу. Шофер Матийе дернулся — его изрешетили пулями. Раненый механик притворился мертвым и слышал крики Бонно: «Прекратите! Вы с ума сошли!» Не вымыв залитый кровью автомобиль, убийцы ворвались в городок Шантийи и атаковали банк. Крикнув — из чистой вежливости — «Руки вверх!», они, по своему обыкновению, расстреляли двух кассиров, тяжело ранили третьего и впервые ушли с реальной добычей в сорок четыре тысячи франков. Газеты стонали: «Самая ужасная страница в истории преступлений!»

Неуловимые и неуязвимые, однако, постоянно несли потери. Полиция выхватывала их по одному: 16 января — Мариуса Меджа, 28 февраля — Эжена Дьедонне, 1 апреля — Андре Суди, 4 апреля — Эдуарда Каруи. 7 апреля — Реймона Каллемена, которого выдала любовница, ветренная Луиза по прозвищу Красная Венера, не слишком скучавшая по своему мужу Дьедонне. Если ее следы затерялись, то человека, выдавшего Каруи, убьют неизвестные мстители. На самого Бонно вице-шеф полиции Жуен натолкнулся 24 апреля во время обыска у некоего Гази. Бонно бежал через окно, сильно поранился, но застрелил Жуена и ранил инспектора Кольмара, которого спасла трехчасовая операция. Только тогда «фликов», ходивших на задержания с тростями и дубинками, вооружили, а вскоре даже пересадили на автомобили.

* * *

Отчаянные «ковбои» не всегда искушены в конспирации. Налетчики постоянно перекрашивали волосы, но презирали дактилоскопию, оставляя, на радость месье Бертильону, шикарные отпечатки где ни попадя. Но причина серийных провалов была в том,

что полиция отлично знала, где искать бандитов, — в анархистских кругах, кишевших стукачами.

Бандиты попадали в частый бредень, раскинутый полицией, в числе сотен анархистов, часто не связанных с криминалом: у каждого из них находилось что-то — уклонение от армии, публичное восхваление Бонно, — что позволяло упечь их за решетку. Нередко арестованные пытались покончить с собой. Отныне в глазах общества «анархист» означало: «преступник». 25 марта арестовали двадцатидвухлетнего редактора журнала «Анархия» Виктора Львовича Кибальчича: будучи противником уголовщины, он все-таки не выдал ночевавших у него, встречавшихся или работавших в редакции товарищей-налетчиков. Отсидев пять лет, он был снова арестован, в январе 1919 года его обменяли на французского офицера, арестованного ВЧК. В Советской России он дрался с Юденичем, работал в Коминтерне, ушел в троцкистское подполье, прославился как писатель под именем Виктора Сержа. Ромен Роллан чудом выцарапал его из очередной ссылки в 1936 году: еще немного — расстреляли бы.

В анархистской братии интеллектуалы, трезвенники, антиклерикалы, противники брака, вегетарианцы, пацифисты, синдикалисты соседствовали с иллегалистами. Теми, кто считал, что преступление против буржуа приближает революцию, и практиковал «реприз индивидуээль» — «индивидуальное возвращение» чего-то, проще говоря, кражи, восстанавливающие социальную справедливость. Самым знаменитый из них, Александр Мариус Жакоб (по другой версии, его сообщник Франсуа Вестерманн), — прототип джентльмена-грабителя Арсена Люпена из романов Мориса Леблана. Такими — не партийными, не учеными — иллегалистами были и Бонно со товарищи, вращавшиеся в анархистских кругах, где помочь, обогреть, спрятать, не задавая лишних вопросов, было святым принципом солидарности.

Бонно к семнадцати годам приобрел репутацию смутьяна, несколько приводов за кражи, браконьерство, драки на танцульках и богатый опыт увольнений: ни с одним хозяином правдолюб не уживался. После очередного увольнения умерла его маленькая дочь. Работая в гаражах, он породнился с автомобилями и угонял их ради удовольствия покататься пару часов. Судьба заносила Бонно в Женеву и Лондон. Создатель первой в мире полицейской лаборатории Эдмон Локар вспоминал, как посетивший ее Конан Дойл остановился перед фото Бонно: «Да это ведь Жюль, мой бывший шофер!»

Всесторонне одаренный, он, если бы не стал анархистом, вошел бы в «рабочую аристократию»: у Бонно вообще было лицо положительного пролетария. В армии он считался лучшим стрелком роты. Когда за участие в забастовке его выкинули на улицу, а жена ушла к секретарю профсоюза, стал виртуозным медвежатником. Несмотря на престиж профессии, он так и не слился с уголовным миром: Бонно грабил, чтобы изменить мир к лучшему. В постели его утешала прекрасная Жюдит Толлон, вдова кладбищенского сторожа-анархиста, у которого Бонно в Лионе снимал комнату.

Идиллия рухнула, когда полиция вышла на след Бонно, обчистившего нотариуса, и ему пришлось 27 ноября 1911 года среди ночи удирать на украденном «бюире». Сообщник Платано повез его в фаланстер в Роменвилле под Парижем, где располагалась редакция «Анархии». Что произошло в пути, известно со слов Бонно, и это — самый неприятный эпизод его биографии. В пути мотор заглох. Бонно копается в моторе, его друг играет с браунингом. Ссора. Платано угрожает, Бонно пытается его обезоружить. Случайный выстрел. Раненый друг кричит так жалобно, что приходится его добить. Обыскивая труп, Бонно находит тридцать тысяч франков, наследство, которое Платано получил в Италии и о котором, возможно, 416 рассказал товарищу.

Деньги не пошли впрок. Бонно отослал двадцать пять тысяч Жюдит, но полиция, как только Платано опознали, задержала Толлонов. Бонно же как ни в чем не бывало доехал до друзей Платано; они поверили его рассказу — этого требовала этика анархистов — и помогли, чем могли. Юные коммунары из Роменвиля давно промышляли идейным воровством, но Бонно открыл перед ними сияющие перспективы идейного бандитизма.

Двадцатидвухлетнего Каллемена звали Наукой: за круглые очки и жажду знаний. Он жил среди книг и каждую фразу начинал: «Наука доказала», «Наука запрещает». Скромный, чувствительный юноша, девственник и вегетарианец, с тринадцати лет работал по шестнадцать часов в день, не выносил вина, табака и кофе. Анархизм был для него религией. Он обосновал использование достижений прогресса, чтобы «разобраться с обществом», дарил друзьям таблетки цианистого калия и кричал: «Да здравствует смерть!»

Двадцатилетнего Суды, «мертвенно-бледного, с заостренным профилем, добрыми серыми глазами»²³, прозвали Невезучим. Во время одной из четырех отсидок за профсоюзную деятельность он подцепил туберкулез и знал, что обречен, но не отчаивался: по его словам, он словно родился заново, когда к нему впервые обратились «товарищ». Он был столь сентиментален, что плакал, слушая уличных певцов; «не знал, как подойти к женщине, чтобы не показаться смешным»; щедро отвечивал покупателям в лавочке на улице Муффтар, где работал, в два раза больше крупы, чем они просили.

Презиравший интеллигенцию психопат Гарнье, «смуглый, немногословный красавчик с удивительно пронзительными черными глазами», театрал и спортсмен, мастерски стрелявший с обеих рук, 19 марта 1912 года отправил письмо на жаргоне апашей (49) шефу полиции Гишару, назначившему десять тысяч франков за его голову. Поиздевавшись над скупостью полиции, Гарнье утверждал невиновность Дъедонне и провозглашал: «Я знаю, что буду побежден, что окажусь самым слабым, но надеюсь заставить вас дорого заплатить за победу». Чтобы не было сомнений в авторстве, он приложил к письму листок с отпечатками своих пальцев.

Серж писал: «Из него бы вышел прекрасный полярник, хороший солдат для колониальной войны в джунглях, а в иное время — отважный повстанец, командир нацистского штурмового отряда или унтер-офицер в армии Роммеля»²⁴.

Добрый колосс, двадцативосьмилетний токарь и виртуозный вор Каруи познакомился с Бонно еще в Женеве в 1908 году. Он был так влюблен в свободу, что покупал птиц в клетках и отпускал их на волю, мечтал о тихой жизни с подругой в домике в деревне. 9 января 1912 года на пару с двадцатилетним поваром Меджем он зверски убил в парижском пригороде девяностооднолетнего рантье и его служанку. Его самодеятельность на суде припишут к общему счету, предъявленному анархизму. При аресте Каруи не воспользовался имевшимися у него двумя браунингами, «слишком уважая человеческую жизнь».

* * *

После убийства Жуена арест Бонно был делом считанных часов. Кто-то стукнул: Бонно скрывается в «Красном гнезде», доме миллионера-анархиста Альфреда Пьера Фромантена в Шуази-ле-Руа. Миллионер, за десять лет застроивший этот тихий деревенский пригород, пребывал в Бразилии, а Бонно приютил механик-анархист Дюбуа, арендовавший здесь гараж. Узнав о случившемся в его владениях, Фромантен предпочел не возвращаться во Францию и умер в 1917 году в Женеве, кажется в нищете и при странных обстоятельствах.

Франция навсегда запомнила 28 апреля 1912 года.

Бонно несколько часов отстреливался из пяти револьверов от целой армии, включавшей колониальных стрелков — зуавов — с пулеметом «гочкисс». Пули не брали его: он выскакивал на крыльцо с хохотом, осыпая «фликов» оскорблениями. Из Парижа прикатили и расположились, как на пикнике, обыватели с чадами и домочадцами, наблюдавшие за агонией анархиста. В минуты затишья Бонно написал завещание, в котором радовался тому, что сделал, гордился своей славой, в последний раз прокричал о своей ненависти к обществу

23 Перевод Ю. Гусевой и В. Бабинцева. Цит. по: Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М.: Праксис; Оренбург: Оренбургская книга, 2001. С. 45.

24 Серж В. Указ. соч. С. 43.

и любви к Жюдит. «Я знаменит. Меня должны ревновать те, кто из кожи вон лезет, но никак не добьется того, чтоб о них говорили <...> Я отлично обошелся бы без такой славы <...> возможно, я испытываю сожаления, но, если бы надо было продолжать, я продолжал бы. Я хочу жить своей жизнью, я имею право жить. Каждый имеет право жить. Если ваше идиотское и преступное общество смеет отказывать мне в этом, тем хуже для него, тем хуже для всех вас. Я не понят обществом!»

Он был настолько поглощен письмом, что не заметил, как к дому подогнали тележку с динамитом. Между вторым и третьим взрывами Бонно еще крикнул в окно: «Сволочи!», еще приписал кровью строку о невинности Толлонов, Гоzi и Дьедонне. Не забыл упомянуть, что сокрушается о гибели шофера Матийе, такого же пролетария, как и он сам. За это благородство ему многое простилось в глазах современников. От третьего взрыва его спасли матрасы, в которые он завернулся. Бонно еще трижды выстрелил по вошедшим в горящее «Гнездо» «фликам». Изодранный пулями, пытался застрелиться, но барабан револьвера опустел. Он прожил еще полчаса и умер по прибытии в госпиталь, хотя, по мнению экспертов, уже давно получил раны, несовместимые с жизнью.

С полицией дрался «живой мертвец», чьи ненависть и энергия позволили, по словам писателя Альфонса Будара, «раздвинуть границы жизни». 14 мая 1912 года столь же ожесточенно дрались в Ножан-сюр-Марн Гарнье и двадцатидвухлетний Андре «Рыжик» Вале, также уцелевшие после первой динамитной атаки. Целых восемь часов их не могли одолеть пятьдесят офицеров полиции, двести пятьдесят рядовых «фликов», республиканская гвардия и четыреста зуавов. Среди осаждавших были раненые, причем многие «флики» попали под пули зуавов, то ли из-за бездарной организации штурма, то ли из-за неизбывной ненависти солдат к шпиикам.

Выходя вечером из театров и узнав о сражении под Парижем, чистая публика хватала такси и мчалась смотреть новый спектакль. На этот раз зеваки не только любовались, но и участвовали в штурме, а потом буквально разорвали трупы на части, как растерзали в Шуазиле-Руа труп Дюбуа, и растащили чуть ли не весь дом на сувениры.

Двадцать человек, так или иначе причастных к банде, судили с 3 по 28 февраля 1913 года. Четверых оправдали, десятеро получили от одного года до десяти лет тюрьмы. Каруи и Медж — пожизненное. После приговора Каруи в камере отравился цианидом, спрятанным в полом каблуке. Он уже пытался покончить с собой после ареста, но вместо цианида в тайнике тогда оказалось почему-то слабительное. На этот раз — удалось. Дьедонне смертную казнь заменили пожизненной каторгой. Из гвианского ада он бежал в 1927 году — с третьей попытки, проблуждав месяц по Амазонии. Великий журналист Альбер Лондр добился его реабилитации. Бежит из Гвианы и Ян де Бое, тщетно пытавшийся сбыть похищенные на улице Орденер ценные бумаги: он будет сражаться с фашизмом 420 в Испании и бельгийском подполье.

Каллемена, Суди — хотя он никого не убивал — и двадцатидвухлетнего флориста Антуана Монье казнили 22 апреля. Каждый из них попрощался с жизнью по-своему. Каллемен пробормотал, глядя на толпу: «Да, агония человека — это красиво». Монье крикнул: «До свидания, общество!» «В добрый путь», — просто сказал Суди. По версии Сержа, перед казнью он попросил кофе со сливками и рогалик. Но в столь ранний час, когда кафе еще закрыты, ему смогли раздобыть лишь чашку черного кофе. «Если не везет, то до конца, — вздохнул Суди, уточнил, что дрожит от холода, а не от страха, и запел: — Привет тебе, последний мой рассвет».

* * *

Если существует ген бандитизма, то в семье Бонно он точно бесчинствовал. В 1944 году по Парижу славно погулял с автоматом «стэн» двадцатипятилетний Жюль Деме, племянник Жюля Бонно. В сумятице антифашистского восстания 20 августа он с утра застрелил консьержку — вдову Фор — при ограблении немецкого склада, а вечером прикончил

сообщников Розе и Вавассера, чтобы не делиться. Следующей жертвой стала 5 ноября его собственная сестра Женевьева, хозяйка бара, посмевавшая читать Деме мораль. Столь длительный перерыв между убийствами объясним лишь тем, что за это время Деме трижды попадался и трижды бежал из-под стражи.

Очередной побег он обмывал 24 декабря в баре «Микки» на улице Круа-Нивер. Бреан, сосед по стойке бара, имел несчастье упомянуть свою профессию — инспектор полиции. Деме не медля ни секунды пристрелил собеседника, а затем отхлестал труп по щекам, приговаривая: «Курочек (еще одно жаргонное обозначение полицейских. — М. Т.) я люблю только жареными». Тут-то его и взяли.

13 июня 1950 года Деме приговорили к смерти, но в ноябре помиловали. Выйдя на свободу в 1968 году, он прожил еще два года и, наверное, радовался, что его дядя стал легендой великого бунта, студенты присвоили имя Бонно одному из амфитеатров захваченной ими Сорбонны, а Джо Дассен посвятил «трагическому бандиту» одну из лучших своих песен.

P. S. Снятые в 1912 году фильмы Викторьена Жассе о «банде Бонно» — «Серый автомобиль» («Бандиты на автомобиле») и «Вне закона» — первые фильмы, запрещенные французской цензурой. В фильме Филиппа Фурастье «Банда Бонно» (1968) Бонно играл Бруно Кремер, Науку — Жак Брель, Гарнье — Жан Пьер Кальфон, Каруа — Франсуа Дирек, Суди — Доминик Морен, Кибальчича — Мишель Витоль, Дьедонне — Паскаль Обье, Красную Венеру — Анн Вяземски. В «Бригадах Тигра» (2006) Жерома Корнюо, основанных на телесериале (1974) Виктора Викаса, у Бонно лицо Жака Гамблена. В 2011 году к съемкам телефильма о Бонно «Анархист» приступил Флоран Эмилио Сири. Существует документальный фильм Будара Костеля «Банда Бонно». Неотразимый экспроприатор экспроприаторов, похожий на всех анархистских джентльменов-грабителей сразу, — герой Бельмондо в «Воре» (1967) Луи Маля.

Глава 46

Улица Жозефа де Местра, 15

Большой Жо (1969)

В 1969 году в бар «Гаврош», принадлежавший пятидесятитрехлетнему Жозефу Брахиму Аттия, вломился мелкий налетчик Кристиан Жюбен, считавшийся среди коллег буйным сумасшедшим. Он убил барменшу и бармена, под дулом револьвера отвез Николь, дочь хозяина, в отель на улице Бланш, где, хотя и был гомосексуалистом, изнасиловал.

Подонки осквернили любимый уголок друзей Аттия: столь же великого, сколь и уродливого, актера Мишеля Симона, писателя-медвежатника Альфонса Будара, юмориста Фернана Рейно, певца Даниеля Гишара. Аттия владел за свою жизнь многими заведениями. Шансонье-интеллектуалка Моника Морелли продала ему кабаре «Папаша Убю» на улице Шевалье де ля Барра. А знаменитую Барбару он ошеломил рыцарской галантностью в Абиджане, столице Берега Слоновой Кости, где она выступала в 1961 году в его клубе «Рефюж». Первым делом Жозеф невзначай выяснил, что ее любимый цвет — красный. Назавтра, к началу репетиции, все, буквально все в клубе было красным.

Но чем могли люди искусства помочь Аттия в его унижении и горе? Спеть в утешение? Разве что посочувствовать.

Дружил он и с государственными мужами. Их свели трагические обстоятельства: два года жизни отняли у Аттия нацисты — пять месяцев в камере смертников тюрьмы Френ, потом Маутхаузен. Очень сильный и безмерно бесстрашный, он спас в лагере многих из тех, кто впоследствии возглавит Францию: министра юстиции Эдмона Мишле, военного дипломата и разведчика Пьера де Фромана, короля авиапрома Марселя Дассо. Они, наверное, могли помочь: мобилизовать, что ли, на поиски убийцы авиацию и флот?

Но Аттия не нуждался ни в их, ни в чьей-либо еще помощи.

Свои проблемы он решал сам: даже подхватив где-то пулю на склоне лет, к врачам не обращался — как-то справлялся сам. Однажды молодому музыканту, выступавшему в «Рефюж», мешал, осыпая оскорблениями, пьяный клиент. Аттиа — костюм с бабочкой, идеальный пробор — вывел буяна из кабаре под дулом револьвера: с улицы донеслись два выстрела. В воздух или в клиента, никто не поинтересовался. Вернувшись в зал, он лишь сделал певцу отмашку ладонью, дескать, все в порядке: «Мое почтение, дружище».

Комиссар Роже Ле Тайантер вспоминал: наутро после преступления в «Гавроше» «Париж кишел наемными убийцами, оплаченными Аттиа». Жюбен должен был быть счастлив, когда его арестовали: смерть в тюрьме — а он умрет в тюрьме — казалась блаженством по сравнению с перспективой попасть в руки «горилл» Аттиа. Надо было совсем не дружить с головой, чтобы оскорбить Жозефа...

Да какого, к черту, Жозефа! «Большого Жо» Аттиа.

* * *

«Гаврош» и «Рефюж» — а еще «Лидо» в Ля-Рошели, записанное на жену директора тюрьмы, из которой Жо как-то бежал — были штабами, где планировались перевороты, шампанским отмечали удачные ликвидации, а виски — поминали друзей, которым не повезло. Заговорщиков не смущало, что «весь Париж» приходил в заведения Жо поглазеть на них, как в зоопарке. Жо мог гордиться не только орденом Почетного легиона, которым генерал де Голль собственноручно украсил его грудь летом 1945 года, но и славой первого в истории бандита, ставшего секретным агентом мирового уровня.

Сын тунисеца (возможно, туниского еврея), в 1914 году мобилизованного на сельскохозяйственные работы во Франции, Жо не смирился с тем, что, сделав ребенка гладильщице-бретонке, папа исчез из ее жизни, и до самой смерти рассказывал о героической гибели отца: пуля попала ему в лоб, когда он бежал в атаку под Верденом. Тюрьма стала для Жо домом уже в четырнадцать лет, когда в легендарном «Чреве Парижа» он обчищал пьяных и воровал лотки с овощами.

Говорят, он мог бы стать великим боксером, но продажные менеджеры отлучили его от большого спорта за отказ лечь в купленном поединке. Пришлось идти в большой бандитизм. В каторжных «африканских батальонах», где отбывали воинскую повинность уголовники, он сдружился с Пьером Лутрелем, будущим «врагом общества номер один» «безумным Пьеро» (39). Товарищи по несчастью звали Аттиа «Жо ле Моко» — по ассоциации с Пепе ле Моко, романтическим гангстером, которого сыграл Жан Габен в модном фильме Жюльена Дювивье (1936).

Вернувшись во Францию, Жо не вписался в оккупационные правила игры. Дважды его арестовывали за хранение оружия в начале 1941-го, но он отделался легко — девятью месяцами тюрьмы. Однако начались покушения на немцев, ответные репрессии — теперь третий арест означал расстрел. Многие кореша уже числились во французском гестапо, «банде Бонни-Лафона» (37). Лутрель оказал протекцию и Жо, но у него с гестапо как-то не заладилось: так что напрасно послевоенная пресса обзывала его — играя на обывательском расизме — «гестаповским палачом Тунисцем Брахимом».

Что именно не заладилось, не очень понятно. Интересничая, что ли, перед новым начальством, Жо что-то наговорил об известных ему террористах. Это «что-то» оказалось липой: пятнадцать человек как схватили, так и отпустили, а Жо пришлось сделать ноги из гестапо и — куда еще деться — уйти в подполье Соппротивления, но 16 марта 1943 года он попался. Лафон отдал его на пытки «Красноносому» Шаве, любителю отрезать головы, и ненавидящему весь белый свет экс-полицейскому Майебюо. «Мамонт» Данос и, возможно, Пьеро спасли его от казни прямо в логове гестапо: Лафон передал Жо немцам.

Его героизм в лагерях бесспорен. Заключенный № 34983 не только выжил в Маутхаузене, откуда был освобожден 5 мая 1945 года, но и крал для других узников лекарства и еду, защищал их от охранников: помог каторжный опыт «африканских

батальонов». Многие из обязанных Жо жизнью были судьями и адвокатами, что определило счастливую судьбу чемпиона по количеству дел, закрытых в связи с отсутствием состава преступления. А как иначе, если показания в его пользу давал сам министр юстиции, а при аресте Жо советовал следователям позвонить по телефону NOR 009 °Службы внешней документации и контр-шпионажа (SDECE).

Но пока что, в августе 1945 года, новая встреча с Лутрелем — и снова на Пигаль — привела Жо в его банду. Между налетами Жо, руководивший парижским подразделением банды, нежно подружился с кинозвездой Мартин Кароль, которую спас от изнасилования Лутрелем: еще один полезный контакт. Жо участвовал с Лутрелем в злосчастном ограблении, при котором пьяный Пьеро смертельно ранил себя. Злые языки поговаривали, что он сам и пристрелил невменяемого друга.

Его соратники, разобщенные, затравленные, мечущиеся, один за другим погибали или надолго садились в тюрьму. Когда в июле 1947 года арестовали и Аттия, ему улыбалось пожизненное заключение. Но обвинения в убийствах как-то сами по себе отпали, и в 1949-м Жо получил всего четыре года за хранение оружия и препятствование правосудию, выразившееся в участии в тайных похоронах Пьеро. Его спас и завербовал в SDECE шеф спецслужбы Рене Бертран, он же — Жак Бомон, обязанный Жо жизнью: на «марше смерти» узников Маутхаузена весной 1945 года Аттия несколько десятков километров нес обессилевшего полковника на спине.

Жо и еще два налетчика из банды Пьеро — Бушезейш и Ле Ни — стали «барбузами». Это слово — «борода» на аргосе — намек на накладные бороды шпионов. Проще всего объяснить его так: знакомые всем герои Лино Вентуры или Бельмондо, все эти «хищники», «профессионалы», «частные детективы», и есть «барбузы». Бесстрашные, беспощадные, безнаказанные исполнители грязной работы, действующие, когда государство не хочет марать 426 руки. Сегодня — телохранители африканского тирана, завтра — его же палачи. Всегда — люди «с прошлым»: уголовным, партизанским, полицейским — неважно.

На новой работе Жо делал все то же, что и в бытность гангстером. Менялись только его прикрытия. Это мог быть невинный «Центр кооперации», под вывеской которого триста «бородачей» — а среди них Жо и киллеры-вьетнамцы, расправлявшиеся с врагами голыми руками, прямо на улице, среди бела дня — пролили в Алжире, куда они десантировались в ноябре 1961 года, немало крови: и своей, и террористов из OAS. А могла быть солидная «Служба гражданского действия» (SAC), созданная в 1959 году для «защиты и распространения мыслей и дел генерала де Голля». Чуть ли не треть «горилл» из этой голлистской «параллельной полиции» имела уголовное прошлое. Только в 1982 году социалисты разогнали организацию, да и то лишь после того, как в Ориоле, что под Марселем, уголовники из SAC заподозрили своего шефа, полицейского инспектора, в левых симпатиях. Итог — шесть трупов, включая семилетнего сына инспектора.

Дебютировал Жо на пару с марсельским паханом Джо Ренуччи в Марокко от имени «Красной руки». Этот мифический «эскадрон смерти» истреблял по всему свету борцов за независимость французских колоний и дельцов, снабжавших их оружием. На самом деле это была зондеркоманда SDECE, только в 1960 году убившая сто тридцать пять человек.

Об удачных акциях Жо — Тунис, Конго, Берег Слоновой Кости, — как и любого секретного агента, мы мало знаем, зато хорошо известны его провалы. В 1956 году Жо не успел убить в Танжере марокканского лидера Алаля эль-Фассаи: стоило ему вырубить свет в отеле, где тот жил, как его схватили. Жо с ходу признался в убийстве двух французских торговцев оружием, благодаря чему Франция получила основание требовать его выдачи. На родине после быстротечной пародии на правосудие его оправдали.

25 февраля 1963 года в Мюнхене похитили полковника Антуана Аргу, одного из основателей OAS. По мнению спецслужб, единственно реально опасный из ее уцелевших вождей заикнулся на идее убить де Голля и действительно был на это способен, да еще активно агитировал солдат и офицеров французских оккупационных войск в Германии. Мнимые полицейские, в одном из которых Аргу позже опознал Бушезейша, заманили его в

ловушку, меняя автомобили, доставили в Париж и на рассвете выбросили, связанного по рукам и ногам, около Дворца правосудия. Де Голль ворчал: что за манера — вязать какого-никакого, но французского офицера, как сосиску. Агтия в этот момент оказался ненадолго в тюрьме: развел клиента на два с половиной миллиона — половину гонорара за убийство его зятя, которого Жо совершенно не собирался убивать. У заказчика хватило наглости подать на Агтия в суд за мошенничество.

Пребывание в тюрьме никогда не мешало «барбузам» работать на государство: в случае необходимости они свободно перемещались из камер на волю и обратно. Спецслужбы ожидали убийц, исподволь отпущенных на свободу, чтобы посвятить их в детали предстоящей миссии, прямо напротив выхода из тюрьмы Сантэ, в легендарном (32) кафе «А ла бонн сантэ!». Но Агтия якобы отказался похитить Аргу в обмен на свободу, поскольку симпатизировал ОАС. Но, опасаясь, что Аргу без затей убьют, доверил акцию Бушезейшу. Сосед Аргу по тюремной камере рассказал ему, как в «Гавроше» праздновали удачное похищение.

По словам нескольких друзей Ромэна Гари, к похищению Аргу был причастен этот писатель-авантюрист.

Подозревался Агтия и в причастности к похищению в 1965 году марокканского оппозиционера Бен-Барки (13). Но, по странному совпадению, у Агтия снова оказалось безупречное алиби: он опять сидел (в феврале 1966 года ему дадут два года за мошенничество), а в похищении участвовал все тот же Бушезейш. Однако еще за два месяца до похищения Агтия доверительно поведал адвокату Марселю Баззоли, что предстоят громкие события, связанные с Марокко. Жо искренне радовался, что будет ни при чем. После похищения он рассказывал, что должен был «снять» Бен-Барку в Женеве из винтовки с оптическим прицелом, но в последний момент ему дали отбой: Уфкир предпочел захватить врага живьем и вывезти в Марокко. Возможно, Агтия сам уклонился от участия в похищении — исключительно из понтов: старый волк привык в любой операции быть номером первым, а тут предстояло работать на подхвате у сязки-болтуна Фигона.

Бушезейш, кстати, также не был чужд миру искусств: эротоман Мишель Симон прикупил у него в «Гавроше» по случаю парочку борделей на улице Сен-Дени.

О каком громком политическом преступлении ни заходит речь, везде мелькает тень Агтия. Его «лейтенант» Франсис Боденан в 1966 году совершил сенсационное похищение конголезского экс-премьера Чомбе. Агтия завербовал в «бородачи» Кристиана Давида — «красавчика Сержа», одного из киллеров, якобы рекрутированных коза ностра в 1963 году для выполнения ответственного заказа в США — убийства президента Кеннеди, и будущего убийцу комиссара Галибера (13).

Считается, что напарником Агтия по вербовке «бородачей» был легендарный Боб Малубье, он же — Абу Шенабах (по-арабски — «Усатый папаша»), классический «барбуз». Герой Сопrotивления, он еще в ноябре 1942 года был завербован в Алжире британской спецслужбой «Спейшел оперейшен экзекьютив», стоял у колыбели SDECE, в 1952 году создал первую во Франции команду боевых пловцов, а затем как бы перешел в частный сектор. Работал, например, в Габоне лесником, но каким-то странным: по заданию Фоккара, «серого кардинала» африканской политики Франции, комплектовал личную охрану президента. Перейдя в «Шелл», получил назначение в Нигерию как раз перед тем, как в 1967 году там вспыхнула истребительная гражданская война.

Несмотря на активный образ жизни, Агтия, выкуривавший в день не менее двух пачек убийственного, «солдатского» «Жигана» без фильтра, умер в своей постели 22 июня 1972 года от рака горла. О вольной молодости он грустил: по словам дочери, готовил перед самой смертью и чуть-чуть не совершил ограбление века, о котором мечтает каждый уважающий себя бандит. Едва он испустил последний вздох, кто-то досконально обыскал и его квартиру, и здание «Гавроша».

Возможно, об Агтия вскоре вновь заговорят. Его мечтает сыграть модный нынче Сами Насери: ну как же, ведь Жо был единственным североафриканцем среди звезд французского

бандитизма, иначе говоря, пионером мультикультурализма. Но произойдет это не скоро: пока суд да дело, сам Насери в очередной раз попал в тюрьму.

P. S. Словечко «барбуз» придумал Доминик Поншардье (1917–1986): этот (еще один, о господи) герой Сопrotивления (впрочем, американский исследователь Ральф Скулрэфт называет его «штатным палачом Сопrotивления») и друг Ромэна Гари руководил в Алжире «тремястами убийцами». Сделал же его достоянием гласности журналист Люсьен Будар, подслушавший в самолете разговор между руководителями алжирской операции: 2 декабря 1961 года во «Франс суар» прогремела его статья «„Барбузы“ идут». Но обессмертил этот жаргонизм Жорж Лотнер, снявший «Барбузы» («Секретные агенты», 1964) с участием Лино Вентуры. В фильме прозвучала легендарная реплика: «Один бородач — это просто бородач, а два бородача — это уже „барбузы“». Слово мгновенно вошло в моду. Среди фильмов той эпохи встречаются и «Дорогая „барбуза“» (1966) Хозе Мария Форке, и «Карнавал „барбуз“» (1966) Альберто Кардоны, Роберта Линка, Шелдона Рейнольдса и Луиса Суланеса.

Сам же Поншардье под псевдонимом Антуан Доминик опубликовал множество романов о похождениях секретных агентов. По его сценариям сняты «Подозреваемые» (1957) Жака Древиля, «Горилла приветствует вас» (1958) и «Вальс гориллы» (1959) Бернара Бордери, «Казнь» (1961) Мориса Казнева, «Горилла укусила архиепископа» (1962) Мориса Лабро и телесериал «Горилла» (1990). В конце своей карьеры он занимал дипломатические посты и, представляя интересы Франции в Боливии, в 1967 году немало помог философу Режису Дебре, участнику отряда Че Гевары, избежать бессудной расправы.

Более или менее реалистическое описание борьбы «барбуз» с OAS содержит «Заговор» (1973) Рене Генвиля. Колоритный усач Робер «Боб» Малубье сыграл эпизодическую роль в фильме Жана Люка Годара «Фильм-социализм» (2010). Создание «Красной руки» изобразил — в нелепом, гран-гиньольном духе — Рашид Бушарб во «Вне закона» (2010).

Глава 47

Ворота Клиньянкур

Враг общества (1979)

2 ноября 1979 года на бульваре Орнано, перед самым выездом из Парижа — «воротами Клиньянкур» (Порт-де-Клиньянкур), около 15.15, коричневый БМВ, в котором сидела счастливая парочка, любезно пропустил голубой грузовичок, поворачивавший налево. Шофер благодарно помахал мужчине за рулем, но повел себя возмутительно — затормозил, перекрыв дорогу, а в кузове встали в полный рост четверо с карабинами наперевес. А мамаша с коляской, чудак, болтающий с газетчиком, гарсон, подметающий мостовую, хиппи с самокруткой, парень на мопеде, девушка, с которой парень кокетничал, — полсотни прохожих — выхватили табельные стволы.

Комиссар Бруссар (8) был горд актерским даром своих «ковбоев» и их отменной реакцией на жест мужчины, потянувшегося к сумке в ногах. Хотя, возможно, им лишь показалось, что он потянулся. Приняли желаемое за действительное: очень уж им хотелось, чтобы потянулся. Четыре снайпера одновременно всадили девятнадцать пуль в сорокадвухлетнего Жака Месрина по прозвищу Гранд. С головы трупа съехал бесполезный парик. Вместе с Грандом погиб его абрикосовый пудель по прозвищу Фри-пуй — «Прохвост».

Как бы хотел Бруссар, чтоб рядом были только ряженые «ковбои». Но в Париже, увы, живут еще и парижане. Двое из них заставили полицию записать показания о том, что они видели. Точнее, что слышали. Точнее, чего не слышали. Хозяин бара «Ле Терминюс» и студентка, болтавшая по телефону-автомату, поклялись: крики «Не двигаться! Тебе конец!» раздались после залпа.

Париж зашумел о бессудной казни, но Сильви Жанжако, чудом выжившую, потерявшую глаз в собственный день рождения, подругу Месрина, не допросили. Дело

уместилось в папку толщиной два миллиметра с копией рапорта Бруссара. Злополучный БМВ двадцать восемь лет продремал в гараже угрозыска и был уничтожен.

«Флики» были свято уверены в своей правоте, утверждая, что защищались. Не только потому, что в сумке Месрина лежали чешские осколочные гранаты и пистолет: он вообще не расставался с оружием никогда — даже в туалете. И не потому, что президент Жискард д'Эстен бросил в сердцах министру внутренних дел: «С ним надо кончать». Месрин был ходячей бомбой огромной разрушительной силы. Его и не собирались брать живым, да 432 и он предупредил Бруссара: «Я тебя люблю и уважаю, но в следующий раз нам придется стреляться. Подумай сам, мы не сможем поступить иначе. Фраер этого не поймет, но прав будет тот, кто выстрелит первым».

Ходили слухи, что Бруссар, хвастаясь, как удачливый охотник на крупную дичь, приподнял ногу трупа. Шестнадцатилетняя Сабрина, дочь Месрина, рассказывает, что Бруссар у себя в кабинете предложил ей шампанское в честь своего успеха. Комиссар все отрицал, а пойманную фотографом гримасу дикой радости объяснил тем, что представил на кровавых носилках не Месрина, а себя.

Что ж, Гранд был очень крупной дичью.

* * *

Сын торговца текстилем еще в школе шлялся к девкам на Пигаль и угонял автомобили. В восемнадцать лет женился на беременной — не от него — сенегалке Лидии де Суза. Но судьбу его решил призыв на алжирскую войну.

В апреле 1959 года дембель привез в Париж Крест воинской доблести, пистолет сорок пятого калибра, с которым не он уже расстанется, пьянящее знание власти, которую дает оружие, и отвращение к легитимации насилия. Государство преступно — он будет говорить с ним на его языке. «Я собирался превратить преступление в свое ремесло. Я собирался стать убийцей. Одним из тех диких зверей, которые хладнокровно уничтожают существа из плоти и крови, не испытывая ни малейшего чувства вины», — напишет он в мемуарах «Инстинкт смерти».

Начало его карьеры не впечатляет: рэкет, разборки, грабежи. Отсидев полтора года, Месрин честно устроился в студию дизайнера, но попал под сокращение. Грядущий артистизм проявился в манере проникать в особняки с букетом цветов, а-ля Арсен Люпен. Если хозяйка дома, можно представиться посыльным, если нет — оставить букет в знак признательности.

Месрин живописал расправу с сутенером Ахмедом, избившим его подругу. Несмотря на детали — хруст костей, предсмертная икота, похороны в загородном доме родителей, — ему не веришь. Даже те, кто не читал «Инстинкт», знают: автор утверждал, что убил тридцать девять человек. Один криминолог прозорливо отмечал: «В Месрине живет мелкий убийца, мечтающий стать великим». Полиция, надо полагать, проверила его рассказы и махнула рукой. На самом деле, в книге говорится иное. По Месрину, в марте 1973 года арестовавший его комиссар Тур попытался повесить на него труп какого-то сутенера, найденного с пулей в голове под Версалем: «Слушай, Месрин, с тех пор как ты вернулся, смертность среди братвы заметно повысилась. <...> Сколько людей ты убил за свою карьеру? Я знаю, что все они — птицы твоего полета, но, все же, сколько? Десять? Двадцать?» На что Месрин якобы и ответил глумливо: «А почему бы не тридцать девять?»

Гораздо больше шокирует рассказ Месрина о том, как он избил и проволоч за волосы по лестнице вторую жену, мать троих его детей, испанку Марию де ла Соледад: такой уж он порывистый и нервный, что не в силах сдержаться, когда любимая не отпускает его с другом на дело.

Интригует его арест 2 декабря 1965 года на вилле военного губернатора Майорки. Некий старый вор Гвидо, для которого Месрин уже исполнял «заказ» в Милане, поручил ему переписать номера из телефонной книжки генерала. Возможно, спецслужбы наняли Месрина в рамках борьбы с боевиками OAS, скрывавшимися в Испании. По фантазмагорической

версии самого Месрина, и французский посол в Испании, и местные шишки ошибочно приняли его за спецаргента, чем объясняются и его быстрое освобождение под подписку о невыезде, и вполне карнавальнй побег.

6 февраля 1968 года Месрин бежал в Квебек с Жанной Шнейдер, девушкой по вызову, чьих сутенеров он якобы с особым цинизмом утопил в пруду. Жанна — первая подруга Жака под стать ему: ходила с ним на дело, и палец ее на спусковом крючке не дрожал. В Канаде-то Месрин и станет «врагом общества номер один».

* * *

Они устроились слугами к жившему под Монреалем ин-валиду-миллиардеру Жоржу Деслорье, а когда их уволили, они, вымогая двести тысяч долларов «компенсации», 12 января 1969 года похитили его, но инвалид сбежал. До 26 июня злоумышленники скрывались в мотеле с хорошим названием «Три сестры». После того как там 30 июня нашли труп задушенной хозяйки Эвелин Ле Бутилье, на преступную парочку объявили охоту. Суд, состоявшийся в январе 1971 года, не доказал их вину: да, судя по всему, они были ни при чем, а даму прикончили родственники. Но Жака и Жанну поймали в Арканзасе и выдали канадцам.

Тогда-то Месрин впервые попал на первые полосы. В аэропорту Монреала он поднял закованные в кандалы руки с криком: «Да здравствует свободный Квебек!» Бандит. Смущая умы намеком на то, что его дело — политическое, он повторил фразу, которой де Голль 24 июля 1967 года завершил свою речь перед толпой монреальцев, вызвав международный конфликт: даже визит президента пришлось прервать.

В первый же вечер, 17 августа, Жак и Жанна бежали, но идти было некуда. Месрину дали десять лет, Жанне — пять с половиной. Новая попытка побега стоила ему перевода в тюрьму строгого режима Сен-Венсен-де-Поль, где смутьянов истязали при помощи сенсорной изоляции, как — позже — боевиков «Фракции Красной армии» в ФРГ и джихадистов в Гуантанамо.

21 августа 1972 года Месрин виртуозно бежал с пятью товарищами. Канадские коллеги приготовили им хазы: жратва, сигареты, выпивка, бабы — живи не хочю.

Месрин не хотел. У него были другие планы: он заставит общество поплясать, он покажет ему рок-н-ролл.

26 августа Месрин ограбил банк в Дорчестере и уже через десять минут брал банк в Лотбиньере. Возвращаясь восвояси, еще и подвез юную путешественницу, прочитав ей попутно мораль: разве ты не знаешь, как опасен автостоп. 28 августа ломанул «Доминьон бэнк» в Монреале, а через три дня вернулся: «Кто вам сказал, что снаряд дважды в одну воронку не падает? Будете плохо себя вести — наведаюсь в третий раз». Обнес банк, на который выходили окна его лежбища. Это был уже не бандитизм, а «искусство ради искусства».

Он обещал тюремным товарищам вернуться и вернулся. 3 сентября Месрин с товарищем по побегу Жаном Полем Мерсье, вооруженные до зубов, атаковали тюрьму. Жест, бессмысленный с прагматической точки зрения, но прекрасный. В перестрелке они тяжело ранили двух «фликов», но и Мерсье был дважды ранен, пришлось отступить. А это было уже не «искусство ради искусства», а натуральная городская герилья. Впрочем, не такая уж и бессмысленная: Квебеку пришлось гуманизировать свои тюрьмы.

Рыцарскую репутацию Месрина омрачил нехороший инцидент: 10 сентября они с Мерсье, занимаясь в лесу огневой подготовкой, застрелили двух егерей, которых могли бы просто связать. Месрин утверждал: «Это была необходимая самооборона. Мы находились в состоянии войны, все полиции мира охотились за нашей шкурой после атаки на тюрьму. Мы только дали им ответ. Никакой жалости, никаких угрызений совести».

* * *

Правозащитную деятельность Месрин продолжил на родине. 11 ноября 1978 года он захватил семью Шарля 436 Пети, в 1977-м осудившего его, чтобы оставить послание: «Мы хотим, чтобы были уничтожены камеры строгого режима. С нас хватит!»

Но сперва он наверстывал упущенное: в 1972–1973 годах на пару с тридцатилетним Мишелем Ардуэном ограбил восемьдесят банков. Мишеля он звал Авианосцем за габариты (185 см, 130 кг мускулов) и количество оружия, с которым тот шел на дело. Ардуэн, сын крупного промышленника и звезды оперетты, «двойника Мишель Морган», воровал с восьми лет все, что плохо лежало. Сутенер и киллер наркомафии, он был живой легендой с тех пор, как в Буэнос-Айресе попал в засаду. Его жена тогда погибла, а он получил девять пуль и семидесятидвухсантиметровую рану на животе. Оправившись, методично уничтожил убийц. Сейчас он на пенсии, пишет мемуары («Жизнь бандита», 2005; «Месрин, мой компаньон», 2008) и клянется, что, доведись ему начать жизнь заново, он повторил бы все, что делал, включая шестнадцать лет, проведенных в тюрьме. Ну, пенсионер он, конечно, особый: в марте 2003 года Ардуэна снова арестовали за подпольный игорный бизнес.

5 марта 1973 года Месрин заявился средь бела дня в «бар с девочками» — свести старые счета с хозяином-стукачом. Того на месте не оказалось: Гранд выплеснул стакан виски в лицо кассирше, перебил все бутылки в баре, размахался револьвером и тяжело ранил «флика».

8 марта его взяли, а в мае приговорили к двадцати годам. Но Месрин с юности усвоил: надо иметь в заглавнике правонарушение, совершенное не в Париже. Залетев по полной, признаешься в нем, получишь новые слушания в провинциальном суде, откуда проще бежать. Так оно и вышло.

6 июня Жак, которого судили в Компьене за всплывшее дело о фальшивых чеках, приставил пистолет к голове судьи. Авианосец спрятал оружие в туалете для адвокатов, а из других туалетов украл бумагу. Сославшись на понос, Месрин попросился в туалет, возмутился отсутствием бумаги: пришлось отвести его в адвокатский сортир.

Он умел красиво не только бежать, но и сдаваться.

27 сентября он ограбил сразу два банка на бульваре Барбес, а на завтра к нему постучал Бруссар. Жак валял дурака, отвечая с немецким акцентом: «Моя сейчас трахать точка посла. Моя требовать звонить ф посольство». Притворялся участником «банды Баадера-Майнхоф», грозился взорвать дом, к чертовой матери, а для начала — пристрелить пару жильцов напротив. Но комиссар знал, что Месрин гордится: на его руках «кровь только „фликов“ и бандитов».

Сначала Месрин третировал собеседника, как «жалкого околоточного», затем разговор пошел всерьез. Бруссара он знал — по газетам — как храброго, правильного «флика», уважающего воровские законы, своего ровесника, воевавшего в Алжире. Но потребовал подтверждения его личности. Подсунутое под дверь удостоверение вернулось с запиской: «Это и впрямь ты, поздравляю. Месрин». Гангстер добился, чтобы его девушку по кличке Мордашка не мурьжили в полиции, а Бруссар вошел в квартиру без оружия и бронежилета. Раскуривая сигару, он благодушно угостил охотника шампанским. Тогда-то и прозвучали слова о том, кто выстрелит первым.

На суде Месрин разглагольствовал о коррупции, а потом эффектным жестом вытащил из узла галстука и бросил на стол копию ключей от наручников: «Это стоит всего лишь три тысячи, господи!» 19 мая 1977 года его приговорили к двадцати годам.

В спецкорпусе Сантэ он сдружился с левыми радикалами: не то чтобы поставил свой ствол на службу революции, но фразеологию городской герильи освоил. Записал в своем исполнении «Врата тюрьмы» Вийона, но, самое главное, в феврале 1977 года опубликовал мемуары «Инстинкт смерти». Этот самовлюбленный плутовской роман кажется на первый взгляд вульгарным банальным блатным шансоном. Ну что за стиль! «Ночь укутала своим покрывалом страдания обитателей тюрьмы». «Мои глаза метали молнии ненависти». «Кровь

смывает кровь. Порой убиваешь того, кто мог бы стать твоим другом, не окажись он на другой стороне». Фи.

Но постепенно понимаешь: Месрин — стилист-социопат. Он мастерски меняет интонацию, каждый раз нацеливаясь на иную аудиторию — интеллектуалов или потребителей нуара — и манипулируя ею. Так, завлекая на свою сторону интеллигенцию, он описал зверства парашютистов в Алжире, то, как его сердце не вынесло полного слез взгляда мальчика, отца которого уводили каратели. Месрин, само собой, вспомнил, как молил эсэсовца отпустить своего папу, почувствовал себя нацистом и освободил феллаха, пригрозив сержанту автоматом. Этот эпизод подозрительно напоминал знаменитую книгу «Пустыня на рассвете» (1960) Ноэля Фаврельера, дезертировавшего в Алжире вместе с пленным, которого охранял.

Книгу вскоре запретили, но она вызвала шквал полемики. Мишель Фуко обозвал ее «редактурой ширпотреба», но писатель Мишель Перро заметил: Месрин «был всего лишь убийцей, теперь он стал личностью. Нельзя гильотинировать человека, о котором размышляет Мишель Фуко».

Гильотинировать, возможно, и нельзя, а вот всадить девятнадцать пуль из засады не помешает никакой Фуко. Свой смертный приговор Месрин подписал 8 мая 1978 года.

* * *

В тот день, около десяти утра, он встречался с одним из своих шестнадцати адвокатов. В коридоре раздался шум потасовки, конвоир бросился туда. Месрин вскочил на стол, выломал вентиляционную решетку и достал три пистолета, гранату и резак для колючей проволоки. Бросив адвокату: «Надо бы тебя связать, да некогда», — он выскочил в коридор, где бушевал его сообщник Франсуа Бесс, чемпион Франции, если не мира, по количеству побегов. Втроем они обезоружили, раздели, связали и заперли в камерах четырнадцать охранников, в чью форму переоделись. Чтобы преодолеть две пятнадцатиметровые стены Сантэ, они использовали лестницу — как раз пятнадцатиметровую — «забытую» рабочими, и еще одну, веревочную. Некого Кармена Рива, на свою беду присоединившегося к беглецам, застрелили: Месрин рассказывал Шарли Бауэру, что «флики» изрешетили бедолагу, когда тот беспомощно болтался на внешней стене тюрьмы, зацепившись курткой за что-то, а потом добились контрольным выстрелом. Месрин с Бессом скрылись, захватив автомобиль.

С того дня Бруссар твердил, как молитву: «Прав тот, кто выстрелит первым... тот, кто выстрелит первым...»

Даже у президента Жискара д'Эстена были личные причины желать смерти Месрина. «Гранд» угрожал похитить его сына: двадцатилетнему Анри приходилось ездить в университет в кольце телохранителей.

Неточно было бы сказать: вся мощь государства была брошена против одного человека. Неточно, поскольку у этого «одного» была «тысяча лиц». Грим, очки, накладные бороды преобразали его, как актера. Изготовив ксиву старшего комиссара — с личным адресом «набережная Ювелиров», где и находится резиденция уголовной полиции, — он явился с инспекцией в знаменитое казино в Довиле. Это была рекогносцировка перед налетом: 26 мая 1978 года Месрин и Бесс вернулись и потребовали аудиенции у директора. Оставив за собой двоих раненых туристов, они ускользнули от сотен «фликов», вернувшись в Париж в багажнике автомобиля взятой в заложники 440 фермерской семьи. 18 июня — опять-таки с «инспекцией» — он посетил комиссариат в Эвиане, откуда неудачно пытался похитить полицейскую униформу.

21 июня 1979 года Месрин в дуэте с Мишелем «Викингом» Шаевским украл и двадцать восемь дней удерживал восьмидесятидвухлетнего миллиардера Анри Лельевра, откупившегося шестью миллионами франков (два миллиона евро). Выкуп он шикарно потратил на дорогие часы и БМВ, точь-в-точь как у Бруссара.

Но и этого было недостаточно, чтобы создать в августе 1979 года спецподразделение «анти-Месрин». Он нарушил все правила игры в полицейских и воров, перешел на язык войны, вел себя как целая террористическая организация, овладев неотразимым оружием — массмедиа — и зачаровав интеллектуалов: когда Месрина убьют, в его честь предложат назвать улицу и лицей. Он не просто достал полицейскую машину: он выставил ее нелепой и беспомощной.

Его вторая книга «Виновен в том, что невиновен» выйдет уже посмертно. Гонорар за первую — по словам Месрина, двести тридцать тысяч — был арестован, и писатель припугнул издателя Жана Клода Латтеса: «Снайперка бьет на двести метров. Никто не может похвастаться, что задолжал мне». Но за полтора года он много чего успел сказать Франции. А прочитав в газете гневно-язвительную отповедь Латтеса, Месрин закрыл тему, сообразив, что может нанести катастрофический урон своей репутации в глазах интеллектуалов, уже объявивших его иконой бунта.

Много времени отнимала переписка с Бруссаром: в частности, Месрин интересовался его мнением относительно качества купленных им чешских гранат. 4 августа 1978 года «Пари мач» опубликовал интервью с Месрином. На снимках он позировал с автоматами наперевес не как гангстер, а политический боевик. «Я не знаю границ — я безжалостен. Если надо прикончить „флика“, я прикончу»; «Я развяжу насилие, какого Франция еще не видела». Он грозил смертью министру юстиции, вновь требовал отмены спецрежима в тюрьмах и высмеивал государство. Журналистка Изабель де Ванжен, оказавшаяся подругой адвоката Месрина, пошла под суд за укрывательство. В январе 1979 года последовало интервью «Либерасьон», назвавшей Жака медийной персоной года. Авторы обоих интервью сообщали детали, никак не вязавшиеся с агрессивной бравадой Месрина: о его кулинарных талантах и виртуозности, с которой он показывал им карточные фокусы.

Из этих деталей явствовало: Месрин — вовсе не загнанная в грязный подвал бешеная крыса. Он наслаждается жизнью и чувствует себя в полной безопасности.

Шеф одного из двух подразделений по борьбе с бандитизмом, комиссар Эме-Блан (8), резонно решил бить Месрина его же оружием, но замысел провалился из-за «войны полиций» с конкурентом Бруссаром.

Эме-Блан заказал Тийе, экс-полицейскому, сотруднику крайне правой газеты «Минют», статью, увидевшую свет 8 августа. Она не могла не разъярить Месрина, более всего озабоченного своим имиджем Робин Гуда. Статья гласила: пора покончить с клише, Месрин выдает себя за борца за справедливость, но предаёт друзей, пытается женщин, насилует малолеток. Эме-Блан не ошибся, рассчитывая, что Месрин пожелает лично разобраться с Тийе. Жак забил журналисту стрелку 10 сентября, но, опасаясь ловушки, послал за ним в условленное место сообщника Шарли Бауэра (30). Надо было бы проследить за ними, но своих сил у Эме-Блана не хватило, а за подмогой к Бруссару он не обратился бы и под дулом пистолета. Как и следовало ожидать, посланник Месрина увез Тийе в неизвестность.

В лесу, в сорока двух километрах от Парижа, Месрин 442 завел Тийе в грот, раздел, прострелил щеку, чтоб глупостей не болтал, и ногу — просто ради удовольствия, фотографировал процесс истязания. Тийе, брошенный умирать, сумел вылезти на шоссе.

Шеф полиции, вызвав Бруссара и Эме-Блана, грохнул кулаком по столу. «Войну полиций» на время остановили. Месрина вычислили. Предчувствуя неладное, он записал кассету для Сильви, с которой прожил около года: «Если ты слушаешь эту кассету, это означает, что я в камере, откуда не убежать».

* * *

2 ноября, на бульваре Орнано, около 15.15, коричневый БМВ, в котором сидела счастливая парочка, любезно пропустил голубой грузовичок...

Р. С. Первым сыграл пародию на Месрина Жерар Депардьё в «Инспекторе-разине» (1980) Клода Зиди. Ему также посвящены три документальных фильма («Жак Месрин: профессия — враг общества» Эрве Палю, 1984; «Месрин, фрагменты мифа» Филиппа Руазеса, 2008; «Жак Месрин: беглец общества № 1» Давида Куафье и Лорана Юберсона, 2011) и три игровых. В «Месрине» (1984) Андре Женовеса героя сыграл Николя Сильберг, Жанжако — Каролин Агилар, Бесса — Жерар Серг. В телевизионном фильме «Охота на человека» (2006) Арно Селиньяка образ Месрина создал Серж Рябукин. В дилогии «Месрин» (2008) Жана Франсуа Рише роль Месрина сыграл Венсен Кассель, Жанжако — Людвин Санье, Бесса — Матье Амальрик, Авианосца — Самюэль Ле Бьян, Мерсье — Руа Дюпюи.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ОКРУГ

Глава 48

Пантен

Дети осени (1994)

Строго говоря, Пантен, где в 1994 году разыгрался первый акт трагедии, завершившейся через несколько часов в Венсенском лесу, — не округ, а северо-восточный пригород Парижа, примыкающий к Девятнадцатому округу. По иронии судьбы единственная часть Пантена, относящаяся к Парижу, — это кладбище, где покоятся «проклятый поэт» Лотреамон (1846–1870), воспевший преступление в «Песнях Мальдорора», шансонье Фреэль (19), актриса Жинетт Леклерк — любовница Безумного Пьеро (39) и режиссер Мельвиль (29).

Городок, чье население недавно перевалило за двадцать пять тысяч, ассоциируется с двумя уголовными делами. В 1869 году некто Тропман убил здесь жену и шестерых детей промышленника Кинка, с которым до того расправился в Эльзасе: при его казни присутствовал и описал ее Тургенев. А 4 октября 1994 года, около 21.15, через ограду полицейского поста, недалеко от кладбища, перелезли двое в лыжных шлемах, закрывающих лица, и с помповыми ружьями: девятнадцатилетняя Флоранс Рей и двадцатидвухлетний Одри Мопен.

На ограде остался пуловвер девушки. Слепив двух «фликов» слезоточивым газом из баллончика, они забрали их револьверы и оборвали телефонные провода. Злоумышленники планировали сковать жертвы их же наручниками, неторопливо дойти до метро и уехать домой. Наручников, как на грех, не оказалось. Не беда: немолодые «флики» — отнюдь не самоубийцы — гнаться за нервной парочкой не собирались. Парочка об этом, увы, не догадывалась. Когда один из «фликов» выбежал на 444 улицу — отдышаться, Флоранс и Одри запаниковали.

Бросились, размахивая оружием, наперерез такси и приказали шоферу, степенному, семейному пятидесятилетнему гвинейцу Амаду Диалло, гнать на площадь Насьон. Монье, пассажир-врач, пытался разрядить атмосферу, но услышал: «Никакой психологии, доктор».

На город спустилась самая кровавая за многие годы ночь иррациональных и почти величественных в своей беспощадности событий. Франция терялась в догадках: кто эти двое, пронесшиеся по Парижу кровавым смерчем? Анархисты? Уцелевшие боевики левацкого «Прямого действия»? «Прирожденные убийцы»? Эту версию подтверждало фото их комнаты с плакатом фильма Оливера Стоуна на стене, но выяснилось, что плакат — эффекта ради — принес и прилепил сам репортер. Выжившая Флоранс не могла дать ответ: назвав свое имя на десятом часу допроса, она замолчала на три месяца. Франция вглядывалась в фото, сделанное в участке сразу после ареста. «Со шрамом на правой скуле, грязным, словно черным от пороха, лицом <...>, нечеловеческим взглядом, в котором еще сверкает убийственное возбуждение, Флоранс Рей предстала на первых полосах <...> кровавадной

стервой, террористкой, замкнувшейся в молчании и ненависти», — писал Франсуа Кавальони в «Нуфель обсерватор».

Между тем все объяснялось просто. Пять человек погибли, а десять были ранены, поскольку полицию снабжали из рук вон плохо, — будь у «фликов» в Пантене наручники, никто бы не умер. А еще стояла очень холодная осень, и столько народу Флоранс и Одри убили именно потому, что ни в коем случае не были прирожденными убийцами.

* * *

Они познакомились за полтора года до бойни. Отличницу Флоранс, добрую, скромную, любившую природу и книги, воспитала в строгости мать, учительница-католичка. Флоранс мечтала стать психиатром: возможно, из-за отца, водопроводчика-шизофреника. Его преследовали голоса, особенно невыносимые, когда он лежал или сидел, поэтому бедняга старался не садиться и не ложиться: «Будь проклят твой род, твой народ, твоя семья! Сдохни, ублюдок, сдохни!» Он не удивился, узнав, что дочь арестована, ему было все понятно: «„Они“ ее достали. Меня-то не смогли».

Одри был старшим братом подруги Флоранс и фанатиком скалолазания. Он ненавидел насилие, армию, войны, из-за чего ссорился с дядей-охотником. Участвовал в антирасистских акциях и грезил новым маем 1968 года. Изучал философию в университете: его библией было «Общество зрелищ» Ги Дебора (41).

Его добросердечные родители — рабочие, закаленные в профсоюзных боях, фактически удочерили Флоранс. Вместе с ним она ходила на демонстрации и, вопреки страху высоты, карабкалась в горы в одной связке. Оба они одновременно бросили учебу, предпочтя самообразование: к тому времени Флоранс уже перешла с медицинского факультета, не выдержав зрелища страданий, на филфак. Летом 1994 года они с Одри обустроились в пустом трехэтажном доме в Нантерре. Все было как в сказке. Флоранс украсила комнату гирляндами, прихваченными с чьей-то свадьбы. В сквоте не переводились друзья — маргиналы и левые активисты. Ночи проходили за спорами, как сделать мир справедливым и счастливым. Возможно, это кто-то из гостей оставил манифест неведомой «Организации революционной пропаганды», на который сделала стойку полиция: «Свобода тотальна, или ее нет вообще. Этот мир и те, кто им правят, лгут нам. Быть свободным означает быть своей собственной властью».

Одри постоянно напевал песенку группы «Рита Мицуко»: «Les histoires d'amour finissent mal en general» — «Любовь, как правило, плохо кончается». Вот и сглазил. С наступлением холодов жизнь без электричества и воды утратила романтичность. Флоранс страшно мерзла, мечтала о пальто. Одри говорил, что деньги — это свобода, но денег не было. Оставалось ограбить банк, а для этого следовало добыть оружие. Флоранс очень боялась, но поехала в Пантен с Одри, чтобы он не рисковал в одиночку. Молодые люди и сами не помнили, как захваченное ими такси около 21.40 въехало на Насьон.

У Амаду сдали нервы: с криком: «Они нас всех убьют!» он таранил встречный полицейский автомобиль. «Флики» и Флоранс с Одри выскочили из автомобилей одновременно. Пацифист Одри стрелял быстрее, чем думал: выстрелами в упор он убил на месте двух «фликов» и бедолагу Амаду. Другие «флики» — на оживленной площади их всегда хватает — открыли ответный огонь, вопя прохожим: «Лежать! Лежать!» Насьон обезумела. Люди падали на землю, прятались за деревья, случайные пули — не все ли равно чьи — рубили ветки, рикошетили в людей, залетали на террасы и в окна ресторанов, зацепили женщину в пиццерии.

Профессиональные преступники с Насьон бы не ушли, но эти двое, увы, не были профессионалами. Захватив второй автомобиль, они велели шоферу гнать за город. Выезды на кольцевую уже перекрыли патрули. Флоранс стыдила шофера: «Ты что, не умеешь разворачиваться, как в кино?» Теперь они мчались в Венсенский лес, отстреливаясь от преследующих их мотоциклистов. Последний бой они приняли, обложенные со всех сторон,

в лесу, около ипподрома. Убили еще одного «флика», ранили шофера. Перед тем как сдать, Флоранс целовала умирающего Одри. Потом она скажет, что ее любимый очень боялся тюрьмы. Вернее, «боится»: еще очень долго Флоранс говорила об Одри как о живом.

Убитых «фликов» посмертно наградили орденами Почетного легиона. Правые завели привычную песню: министр внутренних дел Шарль Паска, «как частное лицо», требовал смерти убийцам «фликов». Премьер Эдуард Балладюр, покрасовавшись на похоронах, протолкнул суровый закон о «безопасности». Левые столь же привычно обличили пиар на крови.

Следствие не верило в случайность вакханалии, развязанной безобидной парочкой, и упорно искало если не заговор, то хотя бы сообщника — пресловутого «третьего человека». Ведь кто-то должен был стоять на стреме. Абдельхаким «Туми» Декхар, завсегда с квота, охотно рассказал, что алжирская разведка внедрила его в группу «автономистов», опасных радикалов. Эксперты доказали, что Туми — мифоман и никакой группы не существовало, но свои четыре года за соучастие — покупку помповых ружей — он получил.

19 января 1996 года арестовали Стефана Виоле, еще одного Друга преступной парочки, поспешно съехавшего из дому на следующий день после убийств. Он был объявлен в международный розыск, но он вдруг сам явился к следователю. 23 февраля Виоле освободили за отсутствием состава преступления, его подругу Селин отпустили еще раньше.

* * *

Тем временем Флоранс перестала принадлежать самой себе: икона контркультуры, символ то ли восстания, то ли отчаяния молодежи, не видящей будущего и идеалов. Ее фото замелькали на футболках. Ей посвящали рэп, романы, комиксы, сонеты, поэмы, пьесы, инсталляции, короткометражки. Клод Шаброль вложил ее фото в руки убийц из фильма «Церемония». Сама же Флоранс обожала Люка Бессона. Каково же было ее разочарование, когда кумир сказал в телепередаче, что ничего о Рей не слышал. Флоранс написала ему из тюрьмы: «Твое солнышко тебя целует и посылает на хуй». Письмо она подписала, как записки подружкам, — нарисовала цветочек. Правда, почти сразу попросила администрацию не отсылать его.

На суде 17 сентября 1998 года Флоранс снова впала в прострацию: взбешенные аутизмом подзащитной адвокаты позволяли себе публичные упреки в ее адрес. Но у Рей оказалось много защитников. Администрация тюрьмы не могла нахвалиться ее активностью в тюремных театре и библиотеке. Баллисты подтвердили, что ее пули никого не убили. Психологи назвали Флоранс жертвой всепоглощающей любви, ранимым подростком, выросшим в патогенном семейном коконе и травмированным безумием отца. Приговор — двадцать лет и выплата компенсации на сумму два миллиона триста пятьдесят тысяч франков — донельзя возмутил семьи жертв.

Заключение протекало тяжело: попытки самоубийства, в общей сложности — год в изоляции — ради ее безопасности и после того, как в носке Флоранс нашли нарисованный ею план тюрьмы. 14 февраля 1999 года в прогулочном дворике ее избил малолетки: охрана не вмешивалась, пока Флоранс не потеряла сознание. Она игнорировала прессу, навязала молчание близким, запретила отцу Одри навещать ее. Она хотела одного: чтоб о ней забыли.

Потом, кажется, дело пошло на лад: появился друг, Флоранс занялась историей и географией, получила диплом бухгалтера-делопроизводителя. Ее даже включили в жюри литературной премии Веплер, созданной в 1998 году: по уставу премии, наряду с профессиональными литераторами в жюри ежегодно входит «профессиональный читатель» из числа заключенных. Ее освобождение 2 мая 2009 года вызвало новую — точь-в-точь как в 1994-м — истерику по поводу «безнаказанности» убийц «фликов», требования отмены условно-досрочного освобождения. Теперь Флоранс воплощала новый страх общества — страх перед «антиглобалистами». Ведь, не попади она в тюрьму, они с Одри наверняка бы продолжали борьбу за справедливый и счастливый мир.

Р. С. Помимо упоминания Рей в «Церемонии» (1995), ее эпопея навеяла Алену Раусту «Клетку» (2002) с Каролин Дюсе, а Тзабель Кзажке — фильм «Любви и холодной воды» (2010) с Анаис Дюмустье. Ален Рауст также посвятил ей короткометражный фильм «Нем флюгер» (1995), жанр которого режиссер определил как «письмо к Флоранс», а Люк Вутерс в короткометражке «Затравленные» (2000) увидел ночную трагедию взглядом субъективной камеры.

ДВАДЦАТЫЙ ОКРУГ

Глава 49

Улица Де-ля-Шен, 4 Танец апашей (1902)

9 января 1902 года шестеро молодых людей бережно вывели из госпиталя Тенон (улица де ля Шен, 4) — на границе «зоны», бедняцких пригородов Бельвиля и Шарона, — и усадили в фиакр едва державшегося на ногах человека в бинтах. Зеленоватая бледность приглушала корсиканскую жгучесть черт его лица. Раненого сопровождала молодая женщина с золотыми волосами, собранными в причудливую прическу. Прохожие шарахались: апашам — парням в характерно заломленных каскетках — не стоило переходить дорогу.

Едва фиакр двинулся с места, из-за угла выскочили и бросились вдогонку несколько очень похожих на свиту раненого молодцов. На углу улиц Баньоле и Пиреней проезд загородили тележки зеленщиков. Воспользовавшись этим, один из преследователей вскочил на подножку, рукой выбил стекло и почти наугад дважды ударил раненого ножом. Фиакр рванул, нападавший в акробатическом прыжке сумел приземлиться на ноги. Его компаньон, едва замахнувшись топором, слетел от толчка со второй подножки. Последовал молниеносный обмен выстрелами.

Раненый остановил фиакр: «Делайте ноги! Беги, Золотая каска! На этот раз мне конец. „Человек“ выиграл». Телохранители и златовласка не заставили себя дважды просить.

Как ни странно, двадцатисемилетний сутенер Франсуа Доминик Лека выжил. На вопросы следствия, где он получил первые две пулевые раны, отвечал, что никого не трогал, шел себе домой с работы, а из темноты две пули прилетели, «и ага!» Однако на месте первого покушения на него нашли не только пробитую пулями каскетку, но и два револьвера, два ножа, топор. Ничего не помнил и «Человек», он же — Манда, он же — двадцатичетырехлетний Жозеф Пленьер, щеголь в английском стиле, дважды покушавшийся на Лека.

Амнезия поразила в суде и их многочисленных друзей. Но, едва покинув Дворец правосудия, они среди бела дня схлестнулись на площади Бастилии. Прохожие с визгом разбегались, прятались под столики открытых кафе; лошади, опрокидывая фиакры и омнибусы, ржали и вставали на дыбы. Некто Кох получил пулю в живот: пока полицейские вязали стрелка, он приподнялся на мостовой и всадил ему нож в спину.

В иллюстрированных еженедельниках изображение побоища заняло первые полосы. Подпись под картинкой с раненым Кохом гласила: «Нравы апашей. Месть умирающего».

* * *

Апаши... Страх и трепет Парижа «Прекрасной эпохи». С обложки «Ле популер» (22 мая 1903 года) дегенерат с перекошенным лицом целился в читателей из револьвера, в другой руке сжимая нож. Подпись страшила: «Как бы вы ни смотрели на рисунок, апаш всегда целится в вас».

По одной версии, апашами, то есть индейцами-апачами, сама назвала себя пролетарская шпана Бельвиля, Менильмонтана, Монмартра. Подростки зачитывались Фенимором Купером и Густавом Эмаром, валом валили на «Шоу Дикого Запада Буффало Билла», разыгрывавшее битву между индейцами и американской кавалерией у подножия Эйфелевой башни, и, присваивая имена своим «бригадам», доигрывали в индейцев. На «Черных одеждах» и «Стальных сердцах из Сент-Овена», выкальвывавших на левом запястье сердечко, лежал отблеск будораживших детское воображение слов — «черноногие», «семинолы», «сиу».

По другой версии, словечко запустил то ли Артюр Дюпен, заведомом информации в газете «Ле журнал», то ли Виктор Моррис, его коллега из «Ле матэн», еще в 1900 году писавшей: «Нам повезло заполучить в Париже племя апачей, чьи скалистые горы — высоты Менильмонтана».

По третьей, однажды некий комиссар из Бельвиля, коротая ночь в участке, расспрашивал арестантов о воровских хитростях. Выслушав красочные байки, как они выслеживают жертвы, путают следы и уходят от погони, он — тоже, видать, поклонник Майн Рида — воскликнул: «Да это же уловки апачей!»

Впрочем, еще Александр Дюма сочинил «Могикан Парижа» (1854–1855), а писатель Альфред Дельво в «Изнанке Парижа» (1860) вел друга на площадь Мобер — «посмотреть на краснокожих».

Апашами становились в десять-одиннадцать лет. Основному контингенту было от четырнадцати до девятнадцати: такие парни составляли две трети от тридцатитысячной армии апашей. Пятнадцатилетние сутенеры посылали на панель двадцатилетних девиц, что не мешало 452 девушкам пользоваться огромным влиянием в бандах.

Внедриться к ним полицейским агентам было практически невозможно.

Апашей было легко распознать по акцентированной, пугающей элегантности, смеси люмпенского шика и памяти о пролетарских корнях. Неизменные каскетки. Холщовые блузы рабочих под короткими приталенными куртками, широкие брюки — «слоновьи лапы», яркие шейные платки, золотые пуговицы, широкие красные пояса землекопов, рубашки без воротников, те самые, что войдут в моду как рубашки «апаш». Фетиш апашей — начищенные до зеркального блеска остроносые ботинки. Умощенные пачулями волосы, локоны на висках, прямая линия «стрижки под гильотину» на шее. Некоторые вытатуировали черточки в уголках глаз — так называемые глаза ланей. На их арго — а говорили они не по-французски, а на «верлан, жаванэ, лушбем» — названия улиц обрели экзотическую отрывистость: Моб — площадь Мобер, Муфф — улица Муффтар, Монпарно — Монпарнас, Ля-Бастош — площадь Бастилии.

Впрочем, за несколько лет апаша переросли рамки чисто парижского феномена. Вскоре апашами именовала себя шпана во всех концах Франции, за исключением хулиганов Лиона, носивших гордое прозвище «кенгуру», и нервных «нерви» из Марселя. Парижанам оставалось утешаться тем, что, по авторитетным словам Эжена Виллуа, автора труда «Как нас грабят, как нас убивают» (1912), по сравнению с Марселем в столице царили тишь и благодать. Во «французской Одессе» «нерви» среди бела дня грабили пассажиров трамвая, «на слабо» убивали первого встречного, а во время нередких забастовок улица вообще переходила под их контроль.

Апаша мечтали совершать налеты на автомобилях, но даже револьверы были для них предметом роскоши. За невозможностью обладать ими апаша считали их оружием слабаков: мужчины сходятся в дуэлях на ножах (которые, по словам Виллуа, из бандитского шика никогда не вытирали от крови), орудуя шилами из бараньих костей, тростями, залитыми свинцом. Их сфера интересов была почти невинна — в основном сутенерство, мелкие кражи и грабежи, вымогательство. Один полицейский расстался с жизнью 31 марта 1907 года, пытаясь помешать особенно циничному негодяю украсть — вы не поверите — велосипед.

Критик-анархист Феликс Фенеон (1) скрупулезно подсчитал, что средняя выручка апаша от ограбления составляла четыре франка семьдесят пять сантимов, в то время как «Панама», афера со строительством Панамского канала, стоила Франции миллиарда.

Типичный случай — дело Шарля Милара, одного из одиннадцати человек, поименованных в текстах приговоров апашами, приговоренных в 1900–1907 годам к смерти (за это же время к смерти приговорили двенадцать «нерви»). 4 января 1906 года двадцатичетырехлетний вожак шайки «Грязные ноги» задушил носовым платком шестидесятилетнюю кабатчицу Жозефину Пуйод. Разбогатев на шестнадцать франков, он рано радовался: одна пятифранковая монета оказалась фальшивой. А за целых двадцать франков апаша были готовы раскрыть Виллуа свои самые гнусные тайны.

И вот две шайки апашей, вырвавшись из пролетарских гетто, ввергли Париж почти в гражданскую войну. Из-за бабы, марухи! Из-за женщины! Из-за Золотой Каски!

* * *

Золотой Каской прозывали двадцатидвухлетнюю Амели Эли из Орлеана. В тринадцать лет она сошлась с Морьяком, пятнадцатилетним рабочим. Отец призвал полицию, любовников разлучили. Он канул в исправительных заведениях. Она уже через год работала на парижской панели на свою любовницу Элен де Куртий.

От ревнивой Элен Амели ушла к Бушону, встреченному в кабачке апашей «Ла помм о лар» в Шароне, и завоевала статус уличного секс-символа. Девчонка была незаурядной личностью, рвалась на свободу, сражалась с судьбой и, предваряя порнофеминисток, отстаивающих социально-терапевтическую роль проституции, сочинила свои «заповеди», где именovala себя в третьем лице.

Амели бравировала тем, что никому не причиняет зла, а работает на благо людей — дарит мужчинам мечту, которой так не хватает в жизни, утешает вдовцов, спасает семьи от распада, дает «высокое представление о благотворительности через свое возвышенную покорность... или терпимость, если вам так угодно». Не претендуя на добродетельность, чеканила формулу своего социального статуса: «Она была гусятиной для бедняка, раз уж богач ревниво берег для себя индюшатину... что, впрочем, не мешало ему порой попробовать гусятину бедняка».

В 1898 году Амели снова бежала — от рукоприкладства Бушона и работы, превратившейся его стараниями в конвейер. Остров Гранд-Жатт на Сене известен, благодаря картине Жоржа Сера, как место воскресного отдыха буржуа. Но там проходили и самые известные танцуйки апашей. Светская публика собиралась поглазеть на «дикарей», наслаждаясь собственным страхом. Апаша старались не смотреть на их драгоценности, от обилия которых их подташнивало, как иронизировал Жак Беккер в фильме «Золотая каска» (1952). Там-то Амели и встретила Манда.

Манда был — во всяком случае, когда-то — честным слесарем. Амели короновала своего фаворита, сделав его вожаком шайки апашей, а он незатейливо решил ее проблемы — воткнул нож в спину Балла, подручного Бушона.

С шайкой «Лека из Шаронна» «пехота» Манда держала нейтралитет. Вожаки по вечерам играли в карты, пока Амели, которой секс был не в радость, если не сопровождался грозвыми разрядами, не соблазнила Лека. Лека сопротивлялся до последнего: увести подругу у апаша — запахло. Но Амели доказала, что его подруга Жермен «Пантера» Ван Маели изменила ему с Манда.

Тут-то и грянула самая романтическая гангстерская война в истории, мыслимая лишь в Париже. Для мафии или боевиков Аль Капоне женщина не значила ничего: «Крутые парни не танцуют». Судьи никак не могли понять, что война возможна из-за любви, считала рыцарские понятия апашей дешевыми понтами. Манда сначала показал, что Амели участвовала вместе с ним в ограблении, но на очной ставке отказался от своих слов, и Амели отпустили. Он всего лишь хотел, хотя бы на допросе, хоть на минуту, увидеть ее снова. На суде он крикнет прокурору: «Вы что, не знаете, что такое — любить женщину?»

Ошалевшие от любви Манда и Лека, в тюрьме женившийся на Пантере, отбыли на гвианскую каторгу. Манда, приговоренный 31 мая 1902 года к пожизненной каторге,

выучится на санитаря и, освобожденный за примерное поведение, останется в Гвиане, запомнившись сидельцам как ангел милосердия. Лека, осужденный 20 октября 1902 года на восемь лет, будет тщетно искать в Гвиане своего соперника — он даже кидал понты, что специально загремел на каторгу, чтобы прикончить Манда. Через пять лет он сбежит: в джунглях его, очевидно, убьют золотоискатели. А на улицах Парижа еще долго будут сводить счеты верные им «пехотинцы».

* * *

Бульварная пресса, переживавшая золотой век, выдоила тему апашей до капли. Благодаря ей парижане не просто чувствовали себя по ночам неуютно — в городе воцарился психоз. На знаменитой обложке «Пти журнал иллустрэ» (далее — ПЖИ) 30 октября 1907 года полицейский-лилипуд трепыхался у ног апаша-Гулливера, вызывающего невольные ассоциации с «призраком коммунизма», бродящим по Европе.

Обложки «Ле гранд иллустрэ де ла депеш», «Лэ фэ-дивэр иллустрэ» и «ПЖИ» украшали бесчинства апашей самого фантастического свойства. «Кровавая казнь в центре Парижа»: апаша закалывают седобородого странника с котомкой. «Бедные апаша. Месть Геркулеса»: гигант в сомбреро тащит за уши на расправу двух жалких уроков. «Неосторожные апаша»: лбы воришек трещат в лапах ражего грузчика из «Чрева Парижа». «Апаша развлекаются»: раздели негра и — под гогот трех девок — красят его в белый цвет. «Борьба с апашами: два героических ребенка защищают отчий дом»: крупные подростки отбиваются всем, что подвернулось под руку, от апашей с «розочками», ворвавшихся в отчий бар. «Подвиги апашей»: пожарные, прибывшие тушить пожар на фабрике, попадают в засаду апашей, дырявящих шланги.

Париж Фантомаса в романах Марселя Аллена и Пьера Сувестра — тоже Париж апашей. Он скрывается в их вотчине, куда не рискует соваться полиция, на бойнях Монмартра встречается с сообщниками, носящими «индейские» клички Бычий Глаз и Красная Пчела. В одном из романов цикла упоминается, что журналист Фандор, напарник комиссара Жюва, исхитрился взять в тюремной камере интервью у Амели Эли. Сам Аллен хвастался, что это интервью взял он, для чего ему якобы пришлось украсть пропуск со стола директора тюрьмы. Однако редактор не поверил в подвиг молодого репортера и интервью не опубликовал. Может быть, и правильно сделал, что не поверил?

Реальность иногда превосходила бульварные фантазии. Так, 14 июня 1910 года трое апашей — четырнадцати, пятнадцати и семнадцати лет — попытались отобрать понтовые «котлы» у сорокапятилетнего и одноногого Эдуарда Дюфалья, неспешно гулявшего по эспланаде Инвалидов. Инвалид отличался адской силищей: использовав свою деревянную ногу как дубинку, он раздробил ее в щепы о головы двух нападавших, прежде чем третий оглушил его кастетом. Ухарей повязали, Дюфалью вытачали новую ногу за счет государства. Выходя из больницы, он довольно произнес: «Будут знать, как обижать инвалидов».

Униформа, жаргон, татуировки апашей — прообраз всех молодежных субкультур XX века. Они первыми кристаллизовали страх общества перед молодежью. Луи Лазарюс в «Ревю де Пари» заклинал: при виде уснувшего на лавочке хулигана утройте бдительность. Апаша не спят, а притворяются, чтобы исподтишка изучить место преступления.

Правительство талдычило о профилактике. Пресса — о «сильной руке», «кризисе репрессий» и необходимости «войны с апашами». «Ле матэн» жаловалась на бездействие гильотины, прозванной вдовой и воспетой знаменитым судебным медиком Александром Лакассанем как орудие «хирургической операции превентивной гигиены»: «Вдова спит глубоким, летаргическим сном. Проснись! Это вопль всех судов Франции». «ПЖИ» — «тюрьма не пугает апашей, а гильотина приводит в ужас» — отметилсся кровожадным рисунком «Как поступают с апашами в Англии и во Франции». Если во Франции они прохлаждаются в тюремных библиотеках, то по ту сторону Ла-Манша с них спускают шкуру девятихвостками. Буржуазия выразила свои сокровенные, садистские грезы. Некий доктор

Лежен издал (1910) брошюру «Надо ли бичевать апашей», в которой восклицал: «Как можно отменять смертную казнь, с такой-то молодежью!»

Монархист Морис Баррес назвал апашей «дегенератами, пораженными отвратительными пороками и отпавшими от рода человеческого». Статус апашей как дикарей-вырожденцев, столь же опасных, как анархисты или забастовщики, оправдывал дикарские репрессии, тотальные облавы. В участки свозили всех, у кого на лице имелись родинки: тату-родинки были отличительным знаком одной из «бригад». Бросая вызов «коровам», родинки стали накалывать бойцы конкурирующих группировок.

Первую полосу газеты «Ла птит републик» (1907) венчал заголовок: «Небезопасность в моде, это факт». Слово «небезопасность» в 2000-х годах станет предвыборным козырем Николя Саркози. Вспомним, что «зону» начали воспринимать как центр Парижа недавно. В 1900-х Монмартр и Бельвиль были для жителей центра такой же враждебной планетой, как сейчас безликие, населенные потомками иммигрантов пригороды — «ситэ», — откуда вырываются поджигатели автомобилей. Современные французы жалуются, что к мирным манифестациям чистеньких лицеистов часто примыкают приехавшие на электричках из «ситэ» громилы. Никто не вспоминает, как 16 октября 1909 года вторая линия метро выплеснула в центре города сотни апашей из Бельвиля. Закрыв лицо шейными платками, они смешались с манифестантами, протестовавшими против казни испанского анархиста Феррера (6), и показали Парижу, как в умелых руках любой предмет становится страшным оружием погрома.

Карательная истерия усиливалась, когда от пуль и ножей апашей погибал очередной страж порядка. Громче всего аукнулась смерть Жозефа Бесса 4 июля 1905 года: двадцатилетний сутенер Феликс Буле сдуру застрелил полицейского, разнимавшего пьяную потасовку. Для двадцатипятилетнего Бесса, вчера еще — армейского капрала-горниста, последним стало его первое дежурство. Газета Двадцатого округа «Монитор» пугала гопоту мстостью однополчан: «Представляете хотя бы полсотни молодых людей, обезумевших от гнева, мстящих со штыками в руках за своего товарища и одновременно за все общество?»

Статистика меж тем суха: в 1880–1913 годах при исполнении погибли тридцать четыре полицейских — «жертвы долга», как называли их. Только четырнадцать из них пали от рук апашей. Но читатели газет могли вообразить, что полиция буквально истекает кровью.

На этом фоне парламент, конечно же, отверг 8 декабря 1908 года законопроект об отмене смертной казни, внесенный ее убежденным противником, премьером Жоржем Клемансо. Закон лишь закрепил бы де-юре отмену высшей меры де-факто еще в 1899 году. 6 августа 1909 года изголодавшаяся «вдова» заработала вновь. Один лишь Жорес (4) тщетно взывал видеть в апашах «человеческих братьев». Тот же Клемансо, прозванный Тигром за резкий нрав, создал 30 декабря 1907 года «Бригады Тигра» — мобильные полицейские отряды численностью в пятьсот человек.

Век апашей был недолог. Те, кто не угодил на каторгу, полегли в траншеях мировой войны: «мясо для гильотины» сгодилось как серое «пушечное мясо». А после 1920 года само слово исчезло из лексикона. Война — отменное средство социальной гигиены.

Гибель опасной фауны парижских предместий описана в антивоенном романе-манифесте Анри Барбюса «Огонь» (1916): автору встречаются в окопах Тюлан и Пепен. Тюлан «держал кабачок у заставы». «Что же касается подозрительного Пепена, то у него, вероятно, совсем не было ремесла. Все, что мы знаем о нем, — это то, что три месяца тому назад в лазарете, после выздоровления, он женился, чтобы... получать пособие за жену»²⁵. Между ними вспыхивает ссора без видимых причин: «— Апаш, бандит, негодяй!» «Тюлак сжимает свой доисторический топор, и глаза его мечут искры. Другой, бледный, зеленоглазый, с лицом хулигана, по-видимому, подумывает о ноже»²⁶.

25 Перевод И. Спивака. Цит. по: Барбюс А. В огне. Л.; М.: Academia, 1935. С. 43.

26 Там же. С. 55.

Ножом Пепен действительно владеет мастерски, но война нового типа — это не рыцарская поножовщина на Бельвиле, а индустрия анонимной смерти. «Пепен лежит, вытянувшись во весь рост, с напряженно сведенными руками и ногами и с опухшим серым лицом, по которому струится дождь <...> Он вошел в прикрытие, куда спрятались боши. Но товарищи об этом не знали и стали прокуривать нору, чтобы опростать ее. Ну и вот... После этого мы нашли его мертвым и закопченным, точно колбаса, среди бошевской говядины, из которой он успел выпустить кровь. Чисто работал! Молодец! А я уж по этой части специалист. Недаром я мясник в парижском предместье»²⁷.

Типичное для апашей словечко «зигуйе» — «зарезать, заколоть» — органично вошло в аргю траншей.

* * *

Тем временем Амели наслаждалась славой: еще Манда ждал каторжного парохода в Гвиану, еще Лека скрывался от полиции в Бельгии, а 5 июня прославленный литературный жупнал «Фен де сьекле» начал публикацию ее мемуаров. За год в Париже сыграли целых шесть пьес о ней. За сорок франков в неделю — недавно ее ночь стоила пять франков — она выступала в кабаре «Александр» и «Буфф-дю-Нор», гастролировала в Бельгии. Оглушала публику потоками аргю, задорно исполняла уличные песенки и провоцировала в зале драки между неугомонными бойцами Лека и Манда, привлекавшие новую публику. В балагане, где она бесстрашно входила в клетку со львами, ее ударил ножом один из адъютантов Манда, но Амели выжила.

Возмущенная общественность тщетно засыпала префекта Лепина петициями. В марте 1902 года «группа модисток» умоляла «запретить пресловутой Золотой Каске появляться на сцене театра, заплатив за билет в который люди, утомленные после трудового дня, мечтают услышать актеров, а не женщину, связанную с отпетыми бандитами». Разъяренный Лепин изъял из Салона ее портрет кисти живописца Альбера Дюпре. Но портреты расходились на открытках; журналисты, интересничая, щеголяли арготизмами в своих — еще вчера бонтонных — репортажах и расписывали триста пятьдесят апашеских способов смертоубийства. Шансонье распевали о «Девчонке в золотой каске». Дамы копировали наряды, в которых Амели посещала суды над своими любовниками. Появились конкуренты, оспаривавшие у нее статус звезды подполья, например Медерик Шаню — «татуировщик апашей».

На процессе Манда она бросила; «Апаши! Золотая Каска! Все это — журналистские выдумки! Мы называли себя не апашами, а корешами». 27 января 1917 года Амели вышла замуж за Андре Александра Нардена, лакировщика — на пятнадцать лет младше ее. По словам Нардена, она была для него, «как мать». Золотая Каска умерла от туберкулеза 16 апреля 1933 года.

В 1952 году Нарден подал на Беккера в суд за «вмешательство в личную жизнь покойной жены», но проиграл. Мэтр Морис Гарсон (14) доказал суду: «Похождения покойной являются общественным достоянием».

Сад в Двадцатом округе Парижа назван в честь Золотой каски.

P. S. В «Золотой Каске» Жака Беккера (1952) Амели — Симона Синьоре, Манда — Серж Реджани, Лека — Клод Дофен. Их историю Беккер переписал с точностью до наоборот: честного слесаря Манда гильотинируют за убийство подлого сутенера Лека. Но расцвет фильмов об апашах пришелся на 1910-е годы: «Невезучие апашаи» Алис Ги (1903), «Апаши» Жоржа Мельеса и «Танец апашей» 462 Гастона Веля (1904), «Парижские апашаи» Фердинанда Зекка (1905), «Забастовка апашей» Ромео Бозотти (1908), «Танец апашей» Фрэнка Дэнвера Йетса (1909), «Детектив Анри и парижские апашаи» Тео Франкеля (1911),

«Танец апашей» (1912) Андре Валдуара, «Апаши» Жерара Буржуа (1913), «Парижские апаше» Роберта Эллиса (1915). Голливуд продолжал эксплуатировать модную тему, даже когда самих апашей не осталось в природе: «Апаш-танцор» (1923) Чарлза Силинга, «Апаши» (1928) Филиппа Розена. В 1927 году в Германии Николай Малахов снял «Парижских апашей». Забавный эпизод с участием апашей есть в фильме Этторе Скола «Бал» (1983). Апашам посвящен документальный фильм Никола Леви-Бейфа «Плохие парни прекрасной эпохи» (2009).

Глава 50 **Пер-Лашез** **Аве, мафия! (1943)**

В мире нет другого кладбища, так пропитанного культурной памятью, как Пер-Лашез. Последний приют Гийома Аполлинера, Оноре де Бальзака, Жана Луи Давида, Эжена Делакруа, Айседоры Дункан, Теодора Жерико, Марии Каллас, Камиля Коро, Лафонтена, Марселя Марсо, Амедео Модильяни, Мольера, Ива Монтана, Джима Моррисона, Альфреда де Мюссе, Надара, Эдит Пиаф, Роже Планшона, Эжена Потье, Марселя Пруста, Джоаккино Россини, Жоржа Сера, Симоны Синьоре, Гертруды Стайн, Тальма, Оскара Уайльда, Фредерика Шопена, Поля Элюара. Куплетисты и маршалы, президенты и танцовщицы, расстрелянные коммунары и карибские тираны, любовница Наполеона, вдова Антуана де Сент-Экзюпери и дочь Карла Маркса, генсеки компартии и оккультист Папюс, сталинский секретарь-невозвращенец Бажанов и герои этой книги: Анри Кюриэль (9), Филипп Додэ (23), Ставиский (24), Пьер Гольдман (20), Виктор Нуар (35).

Но никто из них не удостоился таких почестей, как Поль Бонаventura Карбоне в декабре 1943 года. Старожилы уверяли, что его похороны, которым предшествовала месса в церкви Сент-Мари-де-Батиньоль, затмили даже прощание с театральной дивой Сарой Бернар. Три тысячи скорбящих. Триста семьдесят венков из орхидей, хор безутешных плакальщиц, пусть и смахивавших на марсельских шлюх. Едва оправившийся от последствий автомобильной аварии Тино Росси — корсиканец, как и Карбоне — пел над могилой «Аве Мария» и «Девушку из Аяччо». Ночь накануне он провел в бдениях над гробом в апартаментах на бульваре Перейр вместе с неудержимо рыдающей шансонье Мистингетт.

В октябре 1944 года актриса Арлетти, арестованная за связь с немецким офицером, услышит знакомый голос, выводящий «Аве Мария», в тюрьме Френ. Росси, не успевшему разгримироваться, когда его арестовали на выходе из монмартского кабаре, припомнили те самые похороны.

Но к искусству Карбоне отношения не имел.

Не был он и политиком, хотя за гробом шли немецкий посол Абец, группенфюрер СС Карл Оберг, генералы, министры, Поль Марион — шеф пропаганды и информации режима Виши, экс-коминтерновец, ставший нацистом, мечтавший, «как скульптор, как творец, вылепить нового француза».

Хотя покойный не был и военным, умер он, как солдат. 16 декабря поезд с немецкими отпускниками, на котором он ехал, под Лионом пустили под откос партизаны. Карбоне оторвало ноги: «Мне конец, займитесь теми, кого можно спасти». Он умер, не докурив сигарету, с меланхолическим «С'э ла ви» на устах. Тело бросили в братскую могилу. Назавтра корсиканцы, поигрывая револьверами, втолковали местным властям, какое кощунство те совершили, заставили эксгумировать Карбоне и увезли в Париж его тело.

* * *

Опознать изувеченный труп было несложно. Жермэна «Мануш» Жермэн, легендарная гетера 1930-х, вспоминала, как ошеломила ее ночь с Карбоне. На его теле не было

сантиметра, свободного от пестрых наколок: змеи, цветы, женщины, ошейник из красных точек — «цепь гильотины». На волосатой груди — эмблема Корсики, голова мавра. Витиеватые надписи: «Да здравствует Наполеон», «Фарт», «Честь и Родина», «Аустерлиц» и «Дерьмо!» — легендарный ответ генерала наполеоновской гвардии на предложение англичан сдаться в битве при Ватерлоо.

Хотя Карбоне и взбрело в голову задать Мануш хорошенькую порку, та ночь стала для них «началом прекрасной дружбы». У них родился сын. Карбоне собирался — на коммиссионные, полученные от Менделя Школьникова (39), — подарить Мануш отель «Елиза-Палас», но не успел: сел не на тот поезд.

Он стеснялся наколок — памяти о службе во время Первой мировой в каторжных «африканских батальонах». Драчун Карбоне родился в 1894 году на Корсике, в Проприано: в школу не ходил, с десяти лет работал, чтобы прокормить вдовую мать и братьев. Торговал газетами, был матросом. На войне заслужил несколько медалей, спас под Верденом командира. С тех пор государству он больше не служил.

После войны уехал с женой в Египет, где промышлял сутенерством и встретил названного брата и компаньона, марсельского итальянца Франсуа Поля («Большого Поля») Спирито. По легенде, египетские конкуренты закопали как-то раз Карбоне в песок, намазав ему голову медом, на радость муравьям. Выручил случайно проходивший мимо по пустыне Спирито. Они могли порой стрелять друг в друга, что-то не поделив, но потом всегда искренне раскаивались. Легендарная парочка. Достаточно сказать, что впервые Делон и Бельмондо встретятся на съемочной площадке, чтобы сыграть именно Карбоне и Спирито, названных Франсуа Капелла и Рошем Сиффреди, в «Борсалино» (1970) Жака Дерэ.

Друзья не придерживались узкой специализации. Раскинули по миру сеть борделей, самый гигантский из которых открыли в 1929 году на вилле в Каире. Еще десяток прикупили в Париже — пять минут там стоили пять франков, — не говоря уж о Марселе. Их жены трудились на аргентинской панели: французская колония в Буэнос-Айресе почти целиком состояла из шлюх и «котов». В конце 1930-х секс-рынком пришлось поделиться — во избежание войны' — с набравшими силу братьями Герини.

Друзей интересовали рэкет, шулерство, фальшивые деньги, «подкрученные» игровые автоматы. В своем баре «Амикаль» Спирито как третейский судья разрешал конфликты между «коллегами». Их коньком были и договорные боксерские матчи, один из которых завершился массовыми беспорядками. 10 июля 1932 года Франсис «Кид Франсис» Буоногюра, кузен Спирито и чемпион Франции в весе петуха, встречался на ринге с американским чемпионом мира Элом Брауном. После пятнадцати раундов оба соперника еще держались на ногах, но по очкам выигрывал янки. Французский рефери, испугавшись за свою жизнь, отказался объявить очевидный результат. На это самонадеянно решился его американский коллега. Наглеца избили не отходя от ринга и заставили съесть листок с его вердиктом. Под аккомпанемент выстрелов в воздух чужестранцы еле убежали от настроившейся на линчевание толпы. Кид был объявлен победителем, и даже отмена на следующий же день Французской федерацией бокса этого бандитского решения не омрачила марсельцам атмосферу праздника.

Но криминальными звездами Карбоне и Спирито сделал героин. Это они заложили основу глобальной сети транспортировки героина в США, известной по фильму «Французский связной» (правильнее переводить его название как «Французская сеть»).

Первый опыт импорта-экспорта наркотиков Карбоне и Спирито приобрели в китайских морях и Южной Америке. Но зачем ходить за три моря, если родной Марсель так удачно геополитически расположен. Через Италию друзья сначала переправляли морфин в содружестве с легендарным греческим торговцем наркотиками Астрасом. Первым делом друзья помогли греку избавиться от конкурента-соотечественника Элиаса Элиопулоса. Как-то так удачно сложилось, что в мае 1931 года его выслали из Франции. А затем при решающем объяснении на стамбульском вокзале Карбоне без лишних слов проломил ему

голову рукояткой револьвера. Звезда Элиаса окончательно закатилась, когда в 1932 году он сел в тюрьму. Его связи, а затем и связи Астраса перешли к Карбоне и Спирито.

На руку им оказались даже санкции, введенные против Муссолини за нападение на Эфиопию в 1935 году, во исполнение которых в 1938 году таможня задержала сто десять ящиков с тридцатью четырьмя тоннами пармезана. Как велел закон, конфискат в срочном порядке (пармезан не может долго храниться) продали на торгах. Все покупатели были людьми Карбоне. В каждом ящике было спрятано по пятьсот граммов морфина. Кстати, единственный раз Карбоне приговорили к пятидесяти франкам штрафа именно за контрабанду сыра.

Из Турции и Вьетнама — через Александрию — шел отменный опиум. Упаковки, сброшенные за борт многочисленных суденышек флотилии Карбоне и Спирито, вылавливали в условленном месте в виду Марселя. К 1934 году Марсель стал мировой столицей опиума. Вскоре предприятие приобрело вертикально интегрированный характер: зачем возить в США опиум, если можно изготавливать героин самим. Первая лаборатория появилась на юге Франции, потом — еще и еще: крупнейшая — под Парижем. Товар получался на славу. Еще бы: кадры для лабораторий готовил выловленный марсельцами в притонах Пигаль гениальный химик Шарль Фортен, создатель оригинальной методики рафинирования, в результате которой получался чистейший в мире героин.

Полная безнаказанность объяснялась просто: без друзей была как без рук мэрия Марселя, которой в 1929–1935 годах фактически руководил вице-мэр, теневой хозяин города Симон Сабани. Корсиканец Сабани — фигура по-своему замечательная. На Первой мировой войне пали три из четырех его братьев, а сам он был осыпан наградами за мужество, граничащее с безумием. Прозванный Львом Аргонского Леса (там шли особенно жестокие бои) и Корсиканским Баярдом, он летом 1915 года шесть раз за шесть часов поднимал свой полк в контратаки, в последней из которых лишился глаза. Побывав членом и социалистической, и коммунистической партий, он основал собственную Социал-коммунистическую партию, несмотря на название, почти фашистского толка.

По просьбе Сабани в 1929 году бригады Карбоне и Спирито зачистили от «красных» старый порт; 12 февраля 1934-го обстреляли пятидесятитысячный антифашистский митинг, ранив сорок человек, в августе — без церемоний расстреляли бастующих докеров, а в 1936-м — переправляли оружие франкистам. После того как их подручный Луи Раджио (в будущем — герой Сопrotивления) попался за рулем грузовика с двенадцатью тысячами контрабандных автоматов, компаньоны изменили схему доставки оружия в Испанию: теперь оно переправлялось морским путем через Антверпен. Одновременно их боевики находили и взрывали в марсельском порту тайники с оружием, также контрабандным, только предназначенным для испанских республиканцев.

В ответ на возмущение левых Сабани заклеил город афишами — «Карбоне и Спирито — мои друзья и останутся ими. Я не позволю даже волоску упасть с их голов». В своих публичных выступлениях герой войны достигал невиданных патетических высот: «Мне редко доводилось в жизни встречать людей с таким благородным сердцем, как Карбоне». Для Жанно, брата Карбоне, он учредил должность инспектора муниципальных стадионов. Полиция даже не попыталась побеспокоить господина инспектора, когда в 1936 году он прострелил ногу помощнику одного из политических соперников Сабани. Франсуа, другого брата Карбоне, вице-мэр выцарапывал в июле 1930 года, давя на судей, из-под ареста, куда тот угодил за убийство сутенера.

Однажды приятелям все-таки пришлось отсидеть два месяца: весной 1934 года инспектор Бонни (37) обвинил их в том, что они сбросили под поезд судебного чиновника Пренса, расследовавшего связи афериста Ставиского. Паханы в наручниках усердно закрывали лица газетами от фотографов. Через два месяца их с извинениями освободили, объяснив, что убийцы, да, действительно корсиканцы, но совсем-совсем другие. Сабани приготовил друзьям королевскую встречу. Две тысячи человек ждали их на перроне вокзала.

Едва ли не половина населения Марселя выстроилась вдоль улиц, по которым проезжал кортеж Карбоне и Спирито, приветствуя его бурными, продолжительными аплодисментами.

Справедливости ради отметим, что использование наемных бандитов не было ноу-хау правых. В то время как «гориллы» Карбоне и Спирито обслуживали Сабиани, братья Герини создали штурмовые отряды для социалистов, а клан Ренуччи — для радикальной партии.

Вторая мировая вывела бизнес друзей на новый уровень. Никакое гестапо не могло контролировать акваторию Марселя, проходной двор шпионов, беглецов, диверсантов. Никакой вермахт — перекрыть ходы и выходы из Старого города, найти старые, проверенные укрытия контрабандистов и налетчиков, используемые англо-американской агентурой и Соппротивлением. Никакой абвер — вычислить чужака, растворившегося в рабочих кварталах. Это было под силу только мафии. Немцы — еще до оккупации Марселя в ноябре 1942 года — пришли на поклон к Карбоне и Спирито: уже в июле гестапо получило полный список участников антинацистских протестов. На яхте Карбоне «Розлин» перебивали все нацистские шишки, все звезды коллаборационизма, навещавшие Марсель.

Отныне Карбоне и Спирито делили свое время между Марселем и Парижем, где на улице Вильжюст, 48 (ныне — улица Поля Валери), летом 1942 года они открыли свое «представительство», одно из многочисленных французских гестапо (37). Специализировались марсельцы на заказных похищениях и убийствах. За «простую» жертву они довольствовались десятью тысячами франков, за похищение политической «шишки» брали уже тридцать тысяч. Когда же шла речь о ликвидации ну очень заметной персоны, вроде лидера «кагуляров» Делонкля (36), гонорар киллеров мог достигать и трехсот тысяч.

В столице Карбоне предпочитал вести деловые переговоры в борделях. Его видели с экс-премьером Альбером Сарро, актером Рэмю, Жозефиной Бейкер. Как любой «крестный отец», он тянулся к прекрасному, устраивал для звезд кабаре и кино в своем марсельском ресторане «Ле Бовю» королевские вечеринки. Звезды отвечали взаимностью и впоследствии рыдали на его похоронах.

Карбоне не успел узнать, что поставил не на ту карту, в отличие от братьев Герини, получивших после войны в награду за помощь Соппротивлению полную безнаказанность и столь же добросовестно, как «борсалино», разгонявших коммунистические митинги. Спирито дожил до

1967 года, но ему пришлось бежать в США, отсидеть в тюрьме за торговлю наркотиками, а перед смертью опуститься до организации договорных соревнований по петанку — провансальской игре в шары. Сабиани в 1936 году перешел в фашистскую Народную французскую партию, был заочно приговорен к смерти за коллаборационизм и умер в Испании в 1956 году под именем Педро Мульта-до. Его двадцатилетний сын Франсуа вступил в Легион французских добровольцев против большевизма и погиб под Смоленском 2 июня 1942 года.

P. S. Транзит опиума через Марсель стал сюжетом фильма Мориса Турнера «Жюстен из Марселя» уже в 1935 году. Песню в фильме, что примечательно, исполнил Тино Росси. Дерэ снял продолжение «Борсалино» (1970) — «Борсалино и компания» (1974), а Тьерри Агила — документальную короткометражку «Карбоне и Спирито» (2007). Мануш играла в фильме Жоржа Клера «Бомж» (1970) и вспоминала былое в «Поем под оккупацией» (1976) Андре Алим.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Если, работая над книгой, я открыл у себя «комплекс Шерлока Холмса», то, завершив ее, ощущаю себя доктором Ватсоном. Помните, как он дразнил читателей перечислением хранящихся у него в архиве дел великого сыщика, до рассказа о которых у него когда-нибудь, дай бог, дойдут руки. Вот один лишь пример: начало рассказа «Пенсне в золотой оправе».

«Записки о нашей деятельности за 1894 год составляют три увесистых тома. Должен признаться, что мне трудно выбрать из этой огромной массы материала случаи, которые были бы наиболее интересны сами по себе и в то же время наиболее ярко отражали своеобразный талант моего друга. В нерешительности листаю я страницы своих записок. Вот ужасный, вызывающий дрожь отвращения случай про красную пиявку, а вот страшная смерть банкира Кросби. К этому году относится и трагедия в Эдлтоне, и необычная находка в старинном кургане. Знаменитое дело о наследстве Смит-Мортимера тоже произошло в это время, и тогда же был выслежен и задержан Юрэ, убийца на Бульварах, за что Холмс получил благодарственное письмо от французского президента и орден Почетного легиона»²⁸.

Вот и в моем архиве парижских преступлений немало сюжетов, оставленных (с болью в сердце) за пределами книги только потому, что необъятное не объять.

В книге нашлось место для адвоката Гарсона, то ли сатаниста, то ли сатанолога, но не для его коллеги Жака Вержеса. Между тем вряд ли сам Холмс раскрыл бы тайну и ныне здравствующего мэтра Вержеса, который в 1970 году бесследно исчез, а через восемь лет невозмутимо вернулся, никому и ничего не объяснив, в свою контору, словно выскакивал в бистро на углу за пачкой сигарет.

Безумный Пьеро заслужил посвященную ему главу. Но разве не заслужили рассказа о себе его коллеги, с которыми он не раз сталкивался в тюремных коридорах или гестаповских борделях? Такие, как Рене «Трость» Жирье, семнадцать раз бежавший из тюрьмы любовник-шофер монахской принцессы Шарлотты: это он сидел за рулем автомобиля, в котором Шарлотта ехала на свадьбу своего сына Ренье с кинозвездой Грейс Келли. А чем хуже него психопат Эмиль «Мимиль» Бюиссон, бежавший в конце 1940-х из тюремной психушки, чтобы учинить «Варфоломеевскую ночь» полицейским осведомителям?

За пределами книги осталась сага о самом знаменитом парижском борделе «One, Two, Two». Читатели не узнали, почему два года назад муниципалитет квартала Ла Шапель, присвоив одной из улиц имя Альбера Симонена, отца французского нуара, столкнулся с яростными протестами против прославления «этого убийцы».

Ради истории душиателя Полена пришлось пожертвовать историей Ги Жоржа, «душиателя с площади Бастилии». Между тем я помню, как парижские друзья, у которых я жил в начале 1990-х, просили меня, уезжая на каникулы, закрывать на ночь ставни: не дай бог, душиатель наведается. И коли речь зашла о душиателях, то в книге явно не хватает главы о последнем великом философе-марксисте XX века Луи Альтюссере, в приступе безумия задушившем свою обожаемую жену.

А массовые драки, которые в 1920-х устраивали сюрреалисты на идеологически чуждых им культурных и светских мероприятиях? А странные смерти отца Французской республики Леона Гамбетта, случайно ранившего себя револьверным выстрелом, и Эмиля Золя, якобы убитого угарным газом? А сомнительное самоубийство затравленной ФБР звезды «На последнем дыхании» Джин Сиберг? А ограбление Ага-хана, богатейшего человека планеты?

Стоп: слишком уж я вошел в образ доктора Ватсона. Но вот чего бы мне очень не хотелось, так это оказаться на месте самого сэра Артура Конан-Дойля, который обещал-обещал, да так и не раскрыл читателям все тайны, хранившиеся в записных книжках Ватсона.

Тем более что верные своей криминально-культурной традиции французы едва ли не каждый месяц дают поводы для того, чтобы этот путеводитель по «бульвару Преступлений» все расширялся и расширялся.